

№ 1(47). 2022

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Февраль 2022 № 1 (47)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 15 февраля 2022 года. Тираж: 80 экз. Заказ № 171

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега дискуссий

Александр Тор. Сможет ли современное общество предотвратить экологическую катастрофу? ..	5
Валерий Скрипко. Вспомним себя, настоящих! О нравственности в жизни и творчестве	8

Проза

Сергей Пылёв. Обком звонит в колокол. <i>Рассказ</i>	14
Василий Киляков. «...А люди – те же...» <i>Рассказ</i>	19
Валерий Шелегов. Чифирок. <i>Повесть</i>	28
Наталья Баранова. Ведро. <i>Рассказ</i>	39
Юрий Хоба. Проклятие Половецкого идола. <i>Рассказ</i>	42
Геннадий Гусаченко. Слуги Люцифера. <i>Роман. Продолжение. Начало в №4 (46)-2021.</i> Вступительная беседа главного редактора журнала «Берега» Л. Довыденко с прозаиком Г. Гусаченко	52

Поэзия

Елена Крюкова. Знаменный распев. <i>Отрывок из поэмы</i>	87
Владимир Шугля. Заворожён матушкой-зимой... <i>Стихи</i>	96
Илья Виноградов. <i>Стихи</i>	98
Максим Замшев. <i>Стихи</i>	100
Валерий Мухин. Через ветер судьбы. <i>Стихи</i>	102
Валентин Васичкин. На земле своей древней живу я по-русски. <i>Стихи</i>	104

Берега юбилеев

Олег Мраморнов беседует с Татьяной Глушковой. «За великое дело любви». О творчестве Николая Алексеевича Некрасова. <i>К 200-летию поэта</i>	106
Александр Субетто. Русская Победа в гибридной войне «Запада» против России в XXI веке – Ноосферный Прорыв человечества из России. <i>К 85-летию учёного</i>	114
Людмила Менаже. Дарующая мечту. <i>100 лет Анн Голон</i>	122
Владимир Корнилов. Кузнец Корнила. <i>Стихи. К 75-летию поэта</i>	128

Поэтическая Седмица

Александр Орлов. Торжество добра и правды. <i>О новой рубрике журнала</i>	130
Александр Казинцев. Перед рассветом. <i>Стихи</i>	131
Олеся Николаева. Прощёное воскресенье. <i>Стихи</i>	133
Константин Скворцов. Матушка пела. <i>Стихи</i>	135
Священник Дмитрий Трибушный. Как чудно: смотрит в мир Господь... <i>Стихи</i>	137

Берега Памяти

Георгий Ермолов. Памяти Николая Коняева	139
--	-----

Берега Кубани

Александр Ралот. Кирзачи. <i>Рассказ</i>	142
Светлана Гончаренко. Хроники Коронодурья. <i>Записки из дневника</i>	145

Берега истории

Владислав Краснов. Образ Перми в истории. <i>К 300-летию города</i>	148
Валерий Латынин. Генерал Вейсман – Ахилл русской армии	154

Берега Новороссии

Елена Заславская. NEMO. <i>Поэма</i>	160
Иван Нечипорук. <i>Стихи</i>	163

Берега прочтения

Лидия Довыденко. «Где смиренность, любовь и печаль»... <i>О книге Василия Килякова «От истока к устью»</i>	165
Ирина Ушакова. <i>Пассионарность и самоорганизация – наш единственный путь. О книге Лины Мкртчян «Три жизни Артемьева». М., 2020</i>	168
Наталья Советная. «Моя тихая, славная, нежная»... <i>О поэзии Татьяны Грибановой</i>	171

Русский мир без границ

Берега Болгарии

Розалина Евдокимова. Презентация книги Сергея Галани «Удавшийся побег» в Болгарии	177
Интервью Лидии Довыденко с Сергеем Галани о книге «Удавшийся побег»	182

Берега мира

Берега Колумбии и Китая

Вадим Терёхин. Поэтический международный проект «Мир без стен» (World Poetry Movement) WPM	185
Рубен Дарио Флорез Арчила. Бесконечная Фрида. <i>Стихи</i>	187

Бережок

Абдуллох Абдумоминов. Похитители времени. <i>Рассказ</i>	188
---	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	189
---	-----

Берега дискуссий

Александр Тор

Александр Тор (Александр Борисович Торгушин) – родился в 1949 году в посёлке Янтарном Калининградской области. Летал на истребителях, работал главным инспектором города по охране окружающей среды, преподавателем по экологическому и земельному праву, градостроительной экологии. Много лет является членом общественной экологической организации. Публицистика и проза печатались в журналах «СВЕТ – Природа и человек» и «Нева».

Сможет ли современное общество предотвратить экологическую катастрофу?

Прембула

В 2018 году шведская девочка Грета Тунберг, умело направляемая эоактивистами и парламентариями, стала организатором самой массовой акции школьников в защиту Парижского соглашения по климату («Школьная забастовка за климат»). Она получила весьма ощутимую поддержку среди европейских политиков и даже представителей органов власти, что обеспечило большое информационное содействие и вывело акцию на международный уровень.

Правда, в среде экологических общественников «начинание Греты Тунберг» получило неоднозначную оценку, вплоть до мнения, что оно дискредитирует «зелёное» движение.

Мне всё это напомнило фразу одного знакомого: «Хочешь стать известным заслуженным экологом России, займись проблемой лесов Амазонки или спасением африканских слонов. Но ни в коем случае не лезь спасать речку или зелёные объекты своего города, ибо там тебя ждут только неприятности и забвение». И действительно, странно, как у школьницы вдруг выпали из поля зрения шведские экологические проблемы, которые, несмотря на всё скандинавское благополучие, существуют и более ощутимы для экологического сознания в таком возрасте.

К сожалению, уже давно известно, что в современных политических и правовых условиях легче спасти всё человечество, весь мир и гораздо сложнее бороться с частными нарушениями требований природоохранного законодательства. Вот только борьба с глобальными экологическими проблемами приобрела постоянный характер. Это как бой с тенью, без конкретных противников и невидимой концовкой поединка, ну разве что из-за собственной усталости. В этой связи возникает вопрос: а сможет ли мировое сообщество решить глобальные задачи без защиты природных объектов в своих селениях и экологических прав их жителей?

Когда мы боремся против загрязнения конкретной реки, вырубке конкретного леса, против нарушения прав жителей микрорайона или дома при застройке города, мы всегда наталкиваемся на сопротивление тех, кто намерен получить прибыль от данной экологически противоправной деятельности. Это владельцы различных компаний и фирм, которые продавливают решение власти при помощи полученных депутатских мандатов и подкупа чиновников. Это люди, которые живут ради личной выгоды, и главным их жизненным приоритетом является прибыль. Добывая всеми правдами и неправдами места в представительных органах власти, они меняют законодательство и местную нормативную базу с целью облегчить деятельность своих бизнес-структур. Им гораздо удобнее, чтобы «зелёные» всего мира решали глобальные проблемы, в которых виновны крупные корпорации, правительства стран и никто конкретно. А те в свою очередь будут годами проводить международные конференции по климату, разрабатывать программы «по снижению антропогенного воздействия на биосферу, озоновый слой Земли» и т. п. Главное, что всё это не препятствует

получению выгоды конкретным бизнесменам в конкретном городе или регионе за счёт природы и экологического благополучия населения. Эти «джентльмены удачи» одной рукой будут сами способствовать международному экологическому движению, только бы оно было направлено на борьбу со всемирными бедами, а другой – создавать различными способами условия для своего обогащения, игнорируя экологические требования. При этом они «найдут» себе союзников и среди экологообщественников, и среди известных политиков, и среди учёных... Они будут действовать (и уже давно действуют) на всех фронтах, в том числе и путём научного обоснования абсолютно абсурдных экологических, экономических и социально-политических концепций развития общества. Только вот развития ли? А может, деградации? Ведь пока человечество призвано только вечно бороться с пороками реализации этих концепций.

О причинах и последствиях

Уже для многих в мире стало очевидным, что процессы решения локальных и глобальных экологических проблем натолкнулись на непреодолимую преграду вечных атрибутов капитализма. В бесконечной погоне за прибылью в нём всегда будут «процветать» беспощадная эксплуатация природных ресурсов и негативное воздействие на природную среду в местах, где не живут «состоятельные люди».

Любому грамотному человеку должно быть понятно, что основные принципы отношения человечества с природой требуют строгого планирования любой хозяйственной деятельности. Это продиктовано ограниченностью природных ресурсов, предельными способностями природной среды к самоочищению и саморегулированию, необходимостью обеспечения общей экологической безопасности. Естественно, что такое планирование можно осуществить только на государственном уровне. Однако «сильные мира сего» – владельцы частного бизнеса – всячески препятствуют этому, так как такой уклад экономики противоречит их интересам. Чтобы не допустить смены социально-экономической системы, они разработали множество механизмов борьбы с инакомыслием, начиная от откровенно лженаучных теорий, беспочвенно утверждающих превосходство рыночной экономики над государственно-плановой, заканчивая насаждением в обществе идеологии, воспитывающей и развивающей самые низменные черты человеческого характера. Большая часть общества, к сожалению, поддаётся на эти тривиальные уловки и продолжает оценивать жизнь «объёмом похлёбки в своей миске». Так же легко другая часть общества, считающая себя более продвинутыми сторонниками «зелёной» политики, продолжает бороться с последствиями, а не с причинами экологических бед. Ярким примером тому является очередной виток борьбы с климатическим кризисом – самой глобальной экологической проблемой, решаемой без особых успехов уже более 25 лет.

Напрашивается естественный вопрос: сможем ли мы, провозгласив главенствующими ориентирами общества постоянный рост благосостояния в условиях свободного предпринимательства, а значит, увеличения производства и потребления, справиться с угрозами экологической опасности? Ведь деградация природной среды в результате негативного воздействия на неё ничем не ограниченного процесса добычи благ – это такой же стабильный атрибут капитализма, как и безработица, неравенство, нищета, с которыми безуспешно борются всё время его существования. Не является ли такая политика хитрой уловкой построения рая для сильных мира сего, с одновременным созданием резерваций для наибольшего количества населения, обрекаемого на жизнь в экологически ущербных условиях и постепенное вымирание?

Экологический комфорт жизни человека нельзя обеспечивать частично, это уже будет дискомфорт. Рассуждая о путях развития общества, необходимо уяснить, что двигаться можно или в сторону разумного отношения к природе, обеспечивая благоприятную среду обитания для всех, или в обратную сторону – к экологическому дискомфорту, оттягивая всеобщий кризис путём обеспечения благоденствия только для немногих богатых. То есть у человечества, по сути, одна дорога с двумя направлениями: или к Пророку, или к Дьяволу. Все остальные пути и политические воззрения, определяющие их, лежат параллельно.

Когда ценность человека в обществе устанавливают по уровню его материального состояния, по умению разбогатеть, сделать карьеру – это среда взращивания людских пороков. Когда в обществе

не пресекаются материальные излишества в виде личных яхт, самолётов, дворцов, золотых унитазов, а уж тем более если эти излишества поощряются, то это общество процветающего цинизма. Во-первых, такое изобилие для нормальной жизни абсолютно не нужно. Во-вторых, чем больше в стране таких купающихся в роскоши людей, тем больше обездоленных, нищих, несчастных. Если же положение неравенства ещё и узаконено, то в этом обществе никогда не будет справедливости, в нём всегда будут противоречия между богатыми и бедными, в нём всегда будет плохая власть и плохие законы, в нём всегда будет царствовать жадность. А как сказал один мудрец: время, пространство и жадность безграничны. Поэтому я не верю, что общество, в котором провозглашены прочные цели и насаждается идеология почитания пороков, способно предотвратить экологическую катастрофу. В нём вообще невозможно решить ни одной социальной проблемы, что доказывает постоянная, на протяжении всего существования капитализма, борьба с безработицей, неравенством, нищетой...

Бороться с этими негативными явлениями в условиях главенства капитала – это всё равно, что бороться за целомудрие в публичном доме.

* * *

Р. С. Указывая на беспочвенность утверждения превосходства рыночной экономики над государственно-плановой, я предвижу целый шквал возражений и критики, поэтому далее, в доказательство своей позиции, приведу аргументы. Я специально так построил этот материал, чтобы не загружать читателя многочисленными, очевидными подтверждениями своих выводов, а предоставить желающим возможность прочесть их позже. Но ещё раз акцентирую внимание на том, что это не сравнительный анализ состоятельности двух социально-экономических систем – капитализма и социализма, такая тема очень обширна и выходит за рамки только экологических отношений.

В этой статье приведены лишь примеры того, как абсолютно недоказанные и умышленно искажённые показатели применяются для того, чтобы «развернуть» общество в обратную сторону от государственного устройства, законодательно обеспечивающего социальное равенство. Эти примеры связаны:

- с отсутствием ответов на естественные вопросы в части ограниченности факторов производства в экономической теории;
- с подменой понятий основных принципов взаимодействия общества с природой;
- с некорректным применением примера дефицита товаров в СССР в качестве обоснования превосходства рыночной экономики (без учёта требований обязательного сохранения цен и социальных гарантий, в том числе недопущения безработицы);
- с необоснованным утверждением, что управление экономикой при частном предпринимательстве более эффективно (без учёта снятия с него всех обязательств за обеспечение жизненно важных потребностей людей);
- с ложным утверждением превосходства правовой системы в условиях материального неравенства в обществе при капитализме.

Это всё вопросы, достойные очень серьёзного анализа и широкого обсуждения. Причём, когда начинаешь проверять их на практике, защищая права и интересы рядовых граждан, вырисовывается явный приоритет социально ориентированной системы государственного устройства. Об этом, кстати, говорили многие авторитетные учёные, в том числе и Альберт Эйнштейн в своём эссе «Почему социализм?» (1949). И тут встаёт другой важный для общества вопрос: почему эти мысли и выводы учёных – сторонников социализма так и не получили широкой огласки, в то время как откровенно сомнительные и часто даже нелепые обоснования приверженцев капитализма насаждаются в обществе, по сути, насильно?

Берега дискуссий

Валерий Скрипко

Валерий Иванович Скрипко – родился в 1948 году. Окончил юридический факультет Иркутского государственного университета. Юрист по гражданским делам.

Статьи публиковались в журналах: «Наш современник», «Москва», «Сибирь» (Иркутск), «День и ночь» (Красноярск), «Берега», «Бийский вестник», «Природа и человек. XXI век»; в газетах: «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель».

Член Союза писателей России. Лауреат Международной премии «Русский позитив» Российского фонда мира и журнала «Москва» за статью о творчестве В. П. Астафьева (2013), лауреат литературной премии в разделе критики и литературоведения издания «День литературы» Союза писателей РФ (Москва, 2018).

Проживает в городе Минусинске Красноярского края.

Вспомним себя, настоящих!

О нравственности в жизни и творчестве

1.

Я решился на освещение данной темы с целью – понять подлинные нравственные основания, которыми руководствуются творческие люди при создании своих произведений. Эта потребность возникла у меня от многолетнего опыта чтения самых разных текстов. Профессор богословия А. И. Осипов в своих лекциях часто указывает на существование законов духовной жизни, которые действуют так же неумолимо, как и законы физической природы. И за их нарушение следует такое же неизбежное наказание. В душе каждого человека они установлены с рождения.

Чем на самом деле ценно то или иное произведение? Главное – нравственная основа, на которой автор создаёт своё представление о мире. От этого зависит, какие «знания» он будет использовать в своём произведении и какие «истины» доказывать, пользуясь всем арсеналом литературного мастерства.

Творение автора не спасёт ни волшебное мастерство слова, ни предельная искренность самовыражения, если оно не попадёт в «такт» нравственному настрою читателя и не вызовет в нём ответный душевный подъём. От настройки «камертона» зависит и наше восприятие мира.

Объединение нации во имя высших духовных целей представителями российского бизнеса чаще всего воспринимается лишь как необходимость делиться или жертвовать частью своей прибыли. Создание общественных организаций, объектов культуры требует больших усилий и больших инвестиций. Усилий государства здесь явно недостаточно. Но наш «рыночник» часто не понимает выгоды от вложений в воспитание нравственного здорового человека. Настоящего успеха здесь обычно приходится ждать годами, а наш «рыночник» по природе своей индивидуалист и хочет жить обеспеченно здесь и сейчас!

Известный русский критик В. В. Кожин писал: *«надо различать реальное содержание эпох и нравственное отношение к ним, этическую оценку их».*

Нравственное содержание эпохи имеет огромное влияние на будущую судьбу любой нации. В. Кожин приводит в своей книге убедительные примеры духовной деградации цивилизации европейского типа: *«Папа Григорий XIII выбил медаль в честь Варфоломеевской ночи, направил поздравление Карлу Пятому и его матери Екатерине Медичи».* Это была «награда» за убийство трёх десятков тысяч граждан по всей Франции.

В это же историческое время митрополит Московский Филипп отказался благословить Иоанна Грозного за казни четырёх тысяч человек.

Почему так по-разному оценивают массовые убийства представители двух церквей – католической и православной?

Русский философ Николай Ульянов приводит в своей книге такое мнение: *«Ибо есть два мира, нигде не пересекающиеся: мир “истины” и мир “символов”, мир личной абсолютности духа и мир стихий природы. В одном достигается “вечная жизнь”, в другом накапливаются “ценности культуры”. В одном осуществляется любовь, в другом – справедливость и разум!»*

2.

Наблюдая за литературным процессом в течение последних двадцати лет, пытливый читатель может убедиться в одной тревожной закономерности: чем больше сфера влияния идеологии всемирного общества потребления, тем меньше говорят об общих правилах нравственности.

За многие годы чтения либеральных толстых журналов я только один раз встречал внятное суждение о том, что нам *«нужны общеобязательные нормы в жизни и в искусстве»*.

На тему «внутреннего духовного состояния человека» в западных странах сегодня наложено табу. Этот негласный запрет практикуется и у нас, в России, в выборе тем для романов и повестей, пьес и сценариев художественных фильмов. Образно говоря, произведение, созданное эгоцентристом, есть обращение одной автономной личности к другой автономной личности на тему каких-то личных переживаний.

Священномученик Илларион (Троицкий) писал, что *«истина оценивается по соображениям нравственности»*. Но он имел в виду истину «свыше сходящую», которая нужна людям; *«без неё они прожить не могут, как бы ни зарывались в суету земную»*.

В статье «Марина Цветаева: этика и категории либеральной культуры» Г. Колбасов и Н. Поздняков сформулировали нравственное правило для литераторов: *«В жизни мало быть поэтом, надо быть, прежде всего, воспитателем самого себя и находить, и создавать для себя и для близких оздоравливающую дух и душу среду обитания»*.

Ах, как хочется, чтобы так и было! Но для оздоровления души и среды обитания надо так проникновенно писать, чтобы читатель по-настоящему увлёкся, усвоил оздоравливающие истины. Но чтобы так писать, надо глубоко верить в своё дело, чувствовать ответственность за него и за людей, души которых он очень хочет оздоровить!

3.

Вспомнился случай, взятый из мемуаров Екатерининских времён. Княгиня Екатерина Дашкова в своих «Записках» рассказывает о посещении гостиницы «Россия» в Данциге. Там часто останавливались все русские, в том числе знатные путешественники. До приезда Дашковой – будущего президента первой Российской академии наук, никто не возмутился содержанием картины в зале для гостей. Там *«висели две картины, изображающие битвы, проигранные русскими войсками; раненые и умирающие русские на коленях просили пощады у победоносных прусаков»*.

Нравственное чувство русской княгини не выдержало оскорбления. Сколько раз прусаки были биты на поле боя – не счесть! И русские как победители пощады просить не научились. Княгиня сама взялась за дело, и за ночь обе картины были «отреставрированы» масляными красками. Молить пощады стали поверженные воины в прусских мундирах!

Настоящему гражданину своей страны надо всегда чувствовать ту грань, за которой начинается попрание самых важных истин, высшей человеческой правды духа, правды сердца! В упомянутой выше злополучной гостинице «Россия» останавливался и князь Алексей Орлов. Но он не почувствовал «вызова» прусаков, их вопиющей демонстрации исторической лжи! Княгиня Дашкова посетовала, что сей государственный деятель не выкупил картины и не сжёг их.

Очевидно, не прозвучал в нём «внутренний голос», поэтому не ощутил он, что прусаки послали знак, символ, на который нельзя было не реагировать! Целью прусаков было нанести ущерб нашему

нравственному чувству, оскорбить его, унижить. Это мог осознать только тот гость из России, у которого есть духовная связь с коллективной душой своего народа, не раз спасавшей нас от губительного раздора и приносившей победы в больших сражениях.

В мирное время у нас возобновлялась обычная «грызня» за власть, сферы влияния. Ещё в 1649 году в России было принято первое Соборное уложение. В работе комиссии принимало участие 550 депутатов от дворянства, государственных учреждений, горожан, государственных крестьян, однодворцев, казачества и духовенства.

Попытки создать новое Уложение не увенчались успехом. Была глубинная причина, как одно из главных препятствий к процветанию нашей державы. *«Новое уложение не было составлено прежде всего из-за различий интересов сословий»* – констатирует Православная энциклопедия.

Чем богаче становились сословия, чем больше был производимый национальный продукт, тем больше было вражды и несправедливости между людьми. Это особенность жизни «на выживание среди суровой природы и враждебного окружения. Мы в России жили всегда как на поле боя. Нас превращала в единый народ только православная вера. Но образованная элита уповала на «Просвещение». Как следует из размышлений всё той же Екатерины Дашковой: *«просвещение ведёт к свободе; свобода же без просвещения породила бы только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, то они будут достойны свободы, так как они тогда только сумеют воспользоваться ею без ущерба для своих сограждан и не нарушая порядка и отношений, неизбежных при всяком образе правления».*

Опыт последующего столетия показал, что просвещение без таких же усилий по нравственному воспитанию только еще больше повредило нравственный облик людей. Не имея сильного морального стержня, новые поколения использовали полученные знания в основном для личного самоутверждения. Русский человек, отдалившись от своей веры, не осознавал, как силен в нём языческий заряд, как много в нём проявлений языческой наследственности!

Наши «западники» с тех, стародавних, времён так и не поняли, что Просвещение – это только инструмент, которым можно пользоваться как в благородных, так и в корыстных целях.

В жителях стран Западной Европы языческой наследственности было не меньше. Но они прошли католическую и протестантскую «выучку», прежде чем научиться исполнять все утвердившиеся в обществе правила и обычаи.

После такого «обучения» от самой веры в Западной Европе ничего не осталось, зато выработалось почтение к дисциплине! Непонятно, по какой причине наши российские сторонники идей Просвещения этого обстоятельства словно не заметили.

А ведь к православному Ближнему и подход должен быть другой. Не всё из европейских идей Просвещения он может принять в качестве жизненных правил. Непонимание этой истины ярко продемонстрировали авторы книги «Умом Россию понимать». Наше духовное своеобразие они воспринимают как что-то экзотическое.

Наш предприимчивый русский ум развивался под воздействием научно-технического процесса, роста промышленности и торговли.

Но при этом православная душа не получает от этих всемирных процессов никакой подпитки для своего раскрытия в новых реалиях.

Почему русские купцы начала девятнадцатого века были намного интересней тех потомков, которые пришли им на смену? Мудрый историк литературы Святополк-Мирский заметил это по тому признаку, что о купечестве перестал писать подлинный знаток данного сословия драматург А. Н. Островский. Историк литературы объясняет это тем, что купечество превратилось в безликий средний класс. Его представители перестали интересовать великого русского драматурга. В купеческой натуре не стало лирического настроения верующих людей, своеобразной русской человечности, благородства! Многие из купцов вышли из семей староверов при поддержке всего братства и коллективного капитала.

Как память о лучших днях нашего предпринимательства по-русски, в Москве до двадцатого века просуществовала церковь, где столичные купцы заключали коммерческие сделки, сопровождая юридическое оформление церковными обрядами. Православный русский предприниматель считал их надёжней печати и гарантий коммерческих банков. Этим он существенно отличался от представителей западноевропейского купечества. Философ Пётр Струве сетовал, что

«... в России была религия и религиозность, но в ежедневную жизнь как дисциплинирующее начало не проникла».

Жаль, что Струве и многим другим нашим учёным не дано было представить себе Россию в исторической перспективе вплоть до наших дней. Иначе бы они поняли, что особенность русского народа состояла в том, что он мог проявлять себя подлинным героем или, во всяком случае, самым дисциплинированным гражданином, самым преданным другом только в тех случаях, когда с ним обращались по-христиански, если цель предлагали Богу угодную и дружили с открытой душой! И власть для него авторитетна только та, которая правит в согласии с его понятиями о справедливости и общей пользе!

Европейцу из благодатных западных стран достаточно одного внешнего порядка и дисциплины, потому что он живёт для себя любимого и протестантство с католичеством придумал сам под себя. Он свой мир обустроил для материальных утех, и там не было места угрызениям совести и покаянию! Там были расценки стоимости индульгенции: сколько монет надо отдать священнику за убийство, сколько за кражу. Заплатил церкви – и получил прощение!

Авторы книги «Умом Россию понимать» так и не смогли опровергнуть стих Фёдора Тютчева о том, что это безнадежное дело: понимать умом то, что в полной мере даётся только верующему человеку. Они или притворялись, что не понимают поэта, или, по наитию, в самом деле смотрели на Древнюю Русь глазами современного туриста из какой-нибудь продвинутой по части «демократии» европейской страны и удивлялись, что в Новгородской республике отсутствовали *«свобода личности, права меньшинств, политическая конкуренция»*. Они критиковали «идеал единодушия», который был в почёте в новгородском обществе. Но ведь это не каприз жителей, а необходимость, обусловленная особыми свойствами их менталитета, их духовной потребностью. В общественной жизни, в быту внутри каждого человека шла борьба с могучим ещё язычеством!

Истина не даётся одному, она соборна, как наша православная церковь. Оттуда, из храмов и маленьких сельских церквей, идёт призыв жить в любви к ближнему своему.

Хочется сказать всем нашим поклонникам Запада: не пытайтесь «примирить» европейский рациональный взгляд на мир с русской духовной стихией. Она возникает на совсем других основаниях.

Сформированная из самых разных проживающих здесь народов, нация с особым менталитетом сможет творить любые чудеса, если вдохновить её большими целями и задачами! Но при одном условии, они должны соответствовать принятой им системой ценностей. Большинство должно их понимать и принимать!

4.

Девяностые годы двадцатого века в России лучше не вспоминать! Постепенно духовный хаос, как мутный раствор, стал медленно оседать на дно. В начале двухтысячных годов можно уже было разглядеть некие контуры общей картины жизни в новых условиях. А она не внушала особого оптимизма. Как констатировал профессор Андрей Фурсов: *«...мы живём в атмосфере самовоспроизводящегося разложения, где поздние советские элементы подрывают и разлагают западные и наоборот»*.

В отличие от комиссаров в 1917 году, выступивших с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», их потомки-космополиты все эти годы фактически самоустранились от важнейшей работы по сплочению нации, оставшейся без общей идеологии, общих нравственных правил!

Первые десятилетия двадцать первого столетия не покидало ощущение, что процветающее рыночное общество у нас уже давно построено и осталось заниматься только собой и своими фантазиями: писать занимательные истории, ставить экспериментальные спектакли, делить премии и гранты. Так уверенно и безмятежно вели себя либералы-«победители»!

О русской нации опять забыли, как и в советское время. Но тогда из-за идеологии интернационализма, а теперь нашлась другая очень «уважительная причина» молчания – многонациональный состав Российской Федерации.

Три десятилетия обслуживающая наше рыночное общество интеллигенция изворачивалась и манипулировала нравственными понятиями с одной целью: всячески оттянуть начало выработки общей

идеологии созидания, которую бы приняло большинство граждан России. На сей решительный шаг не хватало ни смелости, ни элементарной доброжелательности к народу, среди которого жила и живёт эта горделивая и себялюбивая публика.

Везде – в культуре, в искусстве – в сложившейся «рыночной» действительности практиковалось и практикуется до сих пор обращение к человеку *внешнему* – потребителю материальных благ! Поэтому был очень слаб мобилизационный посыл. Он не затрагивает человека *внутреннего*, который всегда имел большое влияние на наши души!

Очевидно, это обстоятельство имел в виду наш замечательный писатель Владимир Крупин, когда писал:

«НЕ УМЕЕМ МЫ, русские, объединяться. И всё-таки русское дело движется туда, куда надо. То есть к Богу. Это Божия милость. И даже лучше не кричать про объединение. Усилия партий, фондов, союзов, ассоциаций только тормозят. На них же начинают надеяться, и собственные усилия ослабляют. Не царское это дело – объединяться вкруг идей».

Но есть еще одна, редко упоминаемая причина наших постоянных неудач в деле объединения. Давно замечено, что русский человек может быть общительным, и человечным, и религиозным, и способным на объединение только когда, мягко говоря, имеет скромный достаток. Но доставшееся ему от предков православие, все обычаи и привычки, с ним связанные, очень быстро «выветриваются» из его сознания с ростом благосостояния. И по мере роста банковского счёта – беднеет душа! И это неизбежно, потому что, Максималистка по натуре, русская душа бросается в омут материального благополучия с той же страстью, с какой прежде пытались объединяться ради достижения благородных духовных целей!

Идёт война самолюбий всех со всеми! Не ограниченных в своих поступках искренним религиозным чувством и страхом Божиим потребителей объединяет только «шведский стол» за завтраком и ужином в местах отдыха!

Правящий класс России сегодня по-прежнему уверен, что сильное государство можно будет создать только с помощью развитой системы законодательства. Но далеко не все общественные отношения регулируются правом. Обычаи и традиции имеют не менее важное значение как регулятор общественной жизни. И создать их можно только с помощью целенаправленного идеологического воздействия. Но статьёй 13 Конституции РФ запрещено иметь государственную идеологию. В итоге мы не имеем никакой.

Достижения научно-технической революции за последние десятилетия сблизили многие сословия: их образ жизни, досуг, потребности и увлечения превратились в общий стандартный набор благ и услуг! Каждый кандидат на звание «успешного» подстраивается под бытующие в потребительской среде взгляды, вкусы и привычки, чтобы выжить, преуспеть! Мои друзья – бывшие филологи, которых я знал как одухотворённых людей, воспитанных на классической русской литературе, устроившись на работу в коммерческие фирмы, на моих глазах удивительным образом преобразались в деловых рациональных менеджеров!

Но теплится у меня в сердце надежда, что должно наступить пресыщение внешней стороной такого бездуховного, где-то даже примитивного бытия. По крайней мере, такое возможно среди наших соотечественников, которые имеют духовные потребности, свойственные русскому менталитету. В нынешних условиях удовлетворить их они не могут!

Похоже, с нашими соотечественниками сегодня происходит то же самое, что в своё время распознал в А. Герцене философ и священник С. Булгаков: *«несоответствие мировоззрения внутренним запросам личности»*.

Часто приходится слышать мнение, что у нас в России было когда-то *русское традиционное общество, в основе которого лежал коллективизм, взаимовыручка и социальная справедливость*.

Это был, скорее, идеал, больше мечта, чем реальность. Всегда носителями всех перечисленных качеств было меньшинство, которое и определяло истинное лицо нации. Истинно верующих православных тоже было мало, но они дисциплинировали (если так можно выразиться) остальных сограждан. Они не давали забыться православным традициям, праздникам и обрядам, доставшимся нам от Древней Руси. В русском обществе такой духовный настрой заставлял жить по-христиански даже самых отчаянных индивидуалистов и язычников по натуре. На благочинных – равнялись!

Но это счастливое состояние единства, или, говоря высоким слогом, соборности, было очень хрупким. Стоило одному или двум сословиям отойти от него, поставить свои интересы превыше всего, как начиналось пренебрежение традициями и моральными правилами.

Вспомним девятнадцатый век. И факт из истории Енисейской губернии. Когда там нашли большие запасы золота, многие купцы бросили традиционные ремёсла, закрыли мастерские и подались в тайгу за быстрым обогащением. В крае стало проблемой купить скобяные изделия, косу или топор.

О «социальной ответственности» за общественное благополучие никто из купцов не думал. Зато самые удачливые из них, золотоискатели, вскоре стали строить большие роскошные дома (прообраз нынешних дворцов в пригородах мегаполисов).

Совсем чужим для России постепенно становилось дворянство. К началу революций 1917 года более 500 тысяч русских помещиков жило за границей, в Западной Европе. В поместьях хозяйничали управляющие, своей корыстью возмущавшие крестьян.

И сегодня у самой активной части населения только одна забота: по уровню доходов соответствовать «стандартам» всемирного общества потребления.

Но пора перестать верить в «сказки» о «европейском пути» развития.

Нам придётся опираться на свой генотип, на свой менталитет.

Вся надежда на новых политиков, писателей, художников, любящих своё отечество как родной дом. Они должны снова вернуть доверие к себе большинства соотечественников. Решающее значение коллективных символов и высоких идеалов для духовного здоровья нации хорошо понимали советские пропагандисты, собирая агитбригады на стройки объектов индустрии. Упор был сделан на романтику созидания, на воспевание красоты общего труда во имя процветания любимой Родины. На строительстве Байкало-Амурской магистрали звенели гитары вокально-инструментальных ансамблей. Палаточный Братск воспели лучшие композиторы и поэты!

Наш соотечественник преодолеет самые большие препятствия, если перед ним поставлена благая цель и душа принимает и увлечена ею, а совесть соглашается принять её как благую!

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв – родился в 1948 году на Украине, в городе Коростыне. Окончил филфак Воронежского государственного университета. Работал заместителем председателя правления Воронежского отделения Союза писателей СССР, главным редактором журнала «Воронеж: время, события, люди», редактором газеты ВГАУ «За кадры». Сегодня работает заведующим отделом прозы воронежского литературно-художественного журнала «Подъём». Автор 10 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве. Публиковался в журналах «Москва», «Подъём», «Дон», «Берега», «Север», «Волга – XXI век», «Сура», «Гостиный дворь»,

альманахе «Литературная Россия». Член Союза писателей СССР (ныне – России) с 1984 года. Лауреат премии «Кольцовский край», дипломант журналов «Берега» и «Сура», а также VII Всероссийского конкурса русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба»; по итогам Международного конкурса «Национальная литературная премия “Золотое перо Руси – 2021”» награждён медалью «М. В. Ломоносов. За заслуги. Слава русскому народу», дипломант XII Международного литературного конкурса «Золотой Витязь» в номинации «Дорога к храму», Центральным советом Всероссийского союза общественных объединений ветеранов десантных войск «Союз десантников России» Сергею Прокофьевичу вручена медаль «За верность долгу и Отечеству», награждён медалью имени Василия Шукшина.

Обком звонит в колокол

Рассказ

Прогуливаясь сентябрьским озорно-солнечным пандемическим утром, пенсионер Виталий Семёнович Лепендин неожиданно-негаданно заметил впереди достаточно знакомое лицо. Да мало ли ему приходилось видеть таковые день ото дня? Однако особенность этого лица состояла в том, что оно явно было из далёкого социалистического прошлого Виталия Семёновича.

Итак, по Берёзовой аллее навстречу Лепендину подвигался его когдатошний однополчанин Володька Соловьёв. Полвека назад они были ещё тот тандем: рядовой Виталий Лепендин служил начальником библиотеки полка, Володька там же – полковым фотографом.

Не узнать его было невозможно и сейчас – по особенному Володькиному взгляду на окружающий мир: он всегда смотрел на тот снисходительно-вальжно, словно бы поверх приспущенных очков, которых на нём на самом деле отродясь не было. Так обычно смотрят на публику завзятые рассказчики анекдотов и диссиденты. Володька был и тем и другим. Виталий Семёнович до сих пор радостно помнил выдающийся перл соловьёвского репертуара: зарубежный журналист берёт интервью у Генсека КПСС Леонида Ильича Брежнева и спрашивает по ходу разговора, какой иностранный писатель тому больше всех нравится. Генсек строго задумывается. Помощник из-за спины шепчет: «Хемингуэй...» – «Хэ-мин-гу-эй...» – прокашлявшись, отвечает Леонид Ильич. – «А какое произведение Хемингуэя вам особенно запомнилось?» Помощник и тут не оплошал: «По ком звонит колокол». Брежнев оживился, шевельнул густым чернобровьем: «Обком звонит в колокол!»

Виталий Семёнович этот анекдот впервые услышал от Володьки на учениях в Подмоскowie. Когда они, солдатики, на опушке среди тамошних рослых елей, солидно растолстевших от январских снегов, собрались у большого, раскидистого костра на политическую информацию. Донести её до солдатских

масс Лепендину поручил взводный прапорщик Василий Криворучко – дядька солидного тогда для них сорокалетнего возраста: рослый, грузный и насмешливый, как полагается истинному украинцу.

В общем, взвод по поводу «по ком – обком» грохнул, всколыхнувшись, таким зычным гоготом, полным свежих армейских сил, что костёр, возле которого должна была состояться послеобеденная политинформация, надулся тугим огненным парусом.

Когда хохот иссяк, Виталий взял бразды в свои руки и более чем скучно доложил, что к 1980 году Советский Союз по объёмам промышленного производства и сельского хозяйства должен занять 1-е место в Европе и 2-е место в мире, уступая лишь США. И так далее и тому подобное. А завершил он политинформацию по настоянию прапорщика Криворучко широко известными тогда словами Леонида Ильича Брежнева – «Экономика должна быть экономной!».

Кстати, они эти слова генсека видели у себя в части каждый день по несколько раз. Цитата Брежнева «Экономика должна быть экономной» красовалась на масштабном плакате, украшавшем полковой плац, на котором бойцы регулярно отрабатывали строевой и парадный шаг.

Правда, Лепендин и Соловьёв никогда не били подошвами своих кирзовых сапог наждачный асфальт плаца: у них от подъёма и до отбоя было достаточно других дел – один с утра до вечера щёлкал фотоаппаратом то в части, то на офицерских свадьбах или пикниках, второй в полковой библиотеке с утра до вечера выдавал книги офицерам и солдатам, проводил литературные патриотические вечера, скажем, посвящённые отмеченным Ленинской премией выдающимся произведениям товарища Леонида Ильича Брежнева «Малая Земля», «Целина» и «Возрождение». Ко всему, в довесок к обязанностям начальника библиотеки Виталик был полковым почтальоном. Вечером относил в чемоданчике солдатские письма на почту для чтения их бдительными особистами, а потом после ужина в подвале библиотеки до вечерней поверки раздавал присланные бойцам из дому ароматные продуктовые посылки. При этом в его обязанности входило предварительно посылку вскрыть и убедиться насчёт отсутствия в ней запрещённых винно-водочных изделий. Все это не так просто, без помощника не управиться. По распоряжению Криворучко, помощником у него стал Володька Соловьёв.

Само собой, явившиеся за мамкиными подарками солдатики щедро делились с ними обеими гостинцами из дома: дефицитные конфеты «Чио-Чио-Сан», «Воронежские», «Песни Кольцова», копчёная и «Краковская» колбасы, апельсины-мандарины и прочие аппетитности, которые можно было добыть в СССР только по благу.

– Отныне переходим сугубо на духовную пищу... – однажды, забежав в библиотеку, заговорщицки объявил Володька и выложил на стол добытый им невесть как и невесть у кого «Раковый корпус» Солженицына, отпечатанный мелким шрифтом на тонкой, чуть ли не папиросной бумаге.

– Ты опупел?! – напрягся Виталик.

– Читай, политинформатор, может, ещё диссидентом станешь, как мой тёзка Буковский!.. – Володька тогда впервые вальяжно-насмешливо поглядел на друга как бы поверх приспущенных очков.

Виталик читал Солженицына настороженно и почти ничего не понимал. Володька глотал страницу за страницей «Ракового корпуса», листая их горячечно, рывками. Иногда вдруг резко вставал и глухим нервным голосом вдохновенно цитировал: «Мы изголодались по свободе», «Угождение большинству означает: равнение на посредственность, равнение по низшему уровню, отсечение самых тонких высоких стеблей», «Говорят: целый народ нельзя подавлять без конца. Ложь! Можно! Мы же видим, как наш народ опустошился, одичал, и снизошло на него равнодушие уже не только к судьбам страны, уже не только к судьбе соседа, но даже к собственной судьбе и судьбе детей».

Именно эту цитату Володька Соловьёв потом чаще всего повторял всем тем, кого считал достойным её слышать. Он даже мог произнести её сквозь зубы, себе под нос, поглощая в столовой жаркий пунцовый солдатский борщ или матёрую дробь разваренной перловки с душистой говяжьей тушёной. Мог с трудом, с задыхом выдавить из себя эту кодовую фразу во время марш-броска в полном боевом снаряжении. Однажды Виталий со своего кроватного второго яруса слышал, как Соловьёв, лежавший внизу, произнёс её во сне. Очень даже отчётливо, будто со страницы прочитал.

Как бы там ни было, это чтение запрещённой литературы их ещё более сдружило. Володька даже придумал для себя говорить им при встрече вроде духовного кода известную фразу Александра Дубчека из лозунгов недавней Пражской весны – «Да здравствует социализм с человеческим лицом!». И ещё у них устроилось что-то вроде забавной игры по мотивам популярного тогда анекдота от па-

мятного «Армянского радио». Кто-то первым при встрече говорил: «Куда идёт Америка? К своему загниванию». Второй же в унисон отвечал: «А что делает СССР? Стремится её догнать и перегнать».

Именно тогда у Володьки и выработался, заматерел тот его «фирменный» печально-диссидентский взгляд на «советскую действительность». Сколько Виталий ни старался усвоить и себе эту манеру, ничего не получалось, кроме неловкой застенчивой улыбки.

В общем, хотя Лепендин и анекдоты политические рассказывал, и Солженицына читал, был в курсе, что объявленная в СССР двадцатилетняя программа построения коммунизма идёт ко дну, однако ни это, ни введённые недавно продуктовые карточки, отсутствие гласности и прочее никак не могли заставить его захотеть жить при свободном капитализме. Витальку со школы радовала мечта стать журналистом, пусть даже в заводской газете и с зарплатой в сто сорок рублей.

– Ты неизлечимый совок. И когда-нибудь настучишь на меня нашему особисту... – однажды за игрой в шахматы тихо заметил ему Володька.

– Ерунду не городи... – вздохнул Виталий. – Ты мой друг. Мне интересно с тобой. Я учусь у тебя понимать этот мир. Но у меня почему-то не получается понимать его так, как тебе хотелось бы.

– Декабристы разбудили Герцена, а я, может быть, в конце концов разбуджу тебя... – хмыкнул Соловьёв.

В тот день, как нарочно, полковой особист несколько раз встретился Виталику и даже в библиотеку зашёл, кстати, в первый раз, и долго бродил вдоль книжных полок, выглядывая неизвестно что. Виталий почувствовал себя неуютно, более чем. Как-то он видел, что сам «батя» разговаривает с этим человеком другим голосом, точно простуженным, притихшим. Даже случайная встреча с особистом кому угодно могла испортить настроение. Да и как иначе, если этот майор, проходя мимо и безразлично глядя от тебя в сторону, всё равно производил впечатление человека, который каким-то загадочным образом бесцеремонно лезет тебе в душу и там пристально, оценивающе оглядывается. Но почему-то особенно не по себе становилось Виталию, когда особист улыбался ему. Хорошо так, почти сердечно улыбался, но при всём при том потаённо-покровительственно, с некоей загадочной хитринкой.

– Как ты думаешь, что предпримет наш особист, если я ему откроюсь, как в прошлом месяце в самоволке расклеивал ночью в самом центре Воронежа листовки?.. Против политики Брежнева и КПСС. С призывом бороться за социализм с человеческим лицом! – вдруг однажды с ленцой проговорил Володька, когда они с Виталиком вновь играли в шахматы. На этот раз в Ленинской комнате, окружённые портретами членов Политбюро. От таких слов Володьки массивный лакированный бюст Владимира Ильича будто бы чуть покачнулся, хотя Воронеж никогда не входил в зону землетрясений.

– Извини, листовки я изготовил под копирку на твоей библиотечной пишущей машинке... – вдруг весело добавил Володька. – Когда ты относил на почту мамкам и девкам письма от их пацанов. Только ты не дрейфь. Никому и в голову не придёт искать у тебя. И даже если мы с тобой как-нибудь ночью на плакате про экономную экономику напишем лозунг «Да здравствует социализм с человеческим лицом!», никакого шухера тоже не будет. Батя и наш улыбочивый особист сами от греха подальше этот факт наглого диссидентства поспешно скроют. Чтобы не утратить переходящее Красное знамя лучшего полка в СССР.

Володька дерзко-брезгливо, своим уже оформившимся вальяжным взглядом будто бы поверх припущенных очков испытующе посмотрел на Лепендина.

Лепендин мужественно улыбнулся. Ему было не по себе, но он смог.

Через месяц они демобилизовались.

Виталий устроился редактором многотиражки в секретный НИИ, о котором, тем не менее, весь город знал, что там проектируют ракетные двигатели, а Володька стал оператором на местном телевидении, а через несколько лет так и вовсе собкором Первого канала.

Лишь мимолётно они как-то увиделись. Уже через много лет. В демократической толкучке на митинге против строительства Воронежской атомной станции теплоснабжения. Лично Виталий Семёнович считал, что затея с ВАСТ дело хорошее, стоящее. Надоели от зимы к зиме едва тёплые батареи в квартире. Так что Лепендин на том митинге случайно оказался. Толпа его захлестнула и сотворила из него ещё одну свою элементарную частицу. Словно по чьей-то хорошо отработанной методике. Он даже почувствовал в себе нарастающую готовность протестовать вместе со всеми. А ещё минутой назад Виталий Семёнович вальяжно шёл на обед из своей Центральной городской библиотеки, в которой трудился в должности учёного секретаря, в знаменитое молодёжное кафе «Россиянка»

на проспекте Революции. Правда, непонятно, какой революции. Но уж точно не сексуальной. Кстати, потом, уже после гибели СССР, та модная «Россиянка» на западный манер переименовалась в «Ювенту», далее стала «Баскин Робинсом», а ныне она есть некое загадочное аббревиатурное КФС. Так вот, Виталий Семёнович тогда ещё уловил загадочный эффект толпы: любой протест, если его подкинуть в массы в нужную минуту, тотчас, как вирус, начинает в людях стремительно размножаться и набирать силу. И пусть ты в этой оголтелой толпе случайно оказался, у тебя вдруг тоже сами собой начинают шарики за ролики заскакивать – и ты тютелька в тютельку подстраиваешься к общему настроению, а то и надрывно перехлёстываешь его. Баста! Рубикон перейден. Или как там: коготок увяз, всей птичке пропасть?! Ты как одним целым с толпой становишься. Или с её вождём? Одним словом, восторженно забываешь про всё на свете и, «здрав штаны», вприпрыжку спешишь за опьянённо-счастливыми, дерзко-восторженными протестантами.

Тогда по пути к месту митинга у кинотеатра «Пролетарий» в руках у Виталия Семёновича даже невесть каким образом оказался самодельный лозунг с наспех обструганной деревянной ручкой – «Демократы против ядерного произвола власти коммуняк!». Рядом немолодая и очень нервная, но всё ещё красивая женщина в длинном светлом пальто и широкой алой фетровой шляпе гордо, самозабвенно несла плакат: «Воронежцы, демократы не пустят чернобыльский атом в ваши дома! Они думают о вас!!!»

То шагом, то трусцой, а иногда по чьей-то зычной команде так и вовсе бегом они добрались до «Пролетария», напротив которого бронзовый поэт Иван Саввич Никитин, болезненно мерцая на солнце зеленовато-голубыми бликами патины, сидел на постаменте с печально склонённой головой и отрешённо вперив горестно-задумчивый взгляд на поставленную кем-то возле него початую бутылку водки «Столичная».

Некий обильно розовощёкий юноша с филологическим романтизмом в женственно-синих глазах с трудом взобрался на постамент к бронзовому классику и тонким, сбившимся голосом восторженно прокричал знаменитые строки Ивана Саввича: «Уж и есть за что, Русь могучая, полюбить тебя, назвать матерью, стать за честь твою против недруга, за тебя в нужде сложить голову!»

Каким-то двум суетливым демократам, бдительно окормлявшим митинг, не приглянулись эти националистические строки классика, и они резво стащили мальчика, кажется, надорвав ему одну брючину. Тем не менее парень ряды протестантов не покинул и, всё ещё тяжело дыша, выше всех поднял свой плакатик с коряво написанным лозунгом: «Мы готовы бороться за демократию в СССР до последней капли крови!»

Тут к этому пылающе раскрасневшемуся юноше вдруг подскочил невесть откуда объявившийся фотограф и, сделав профессиональную стойку, несколько раз щёлкнул своим навороченным японским аппаратом. Виталий Семёнович узнал Володьку. По его ироничному, вальяжно-печальному взгляду как бы поверх приспущенных очков.

Тем не менее Виталий Семёнович в тот раз почему-то не окликнул его. Возможно, демократический накал толпы полностью лишил его собственного «я». Ко всему, Володька был при исполнении своих, так сказать, обязанностей. И исполнял он их виртуозно, с акробатической гибкостью. Володька отщёлкал несколько нужных снимков под разными ракурсами и исчез. Выскользнул из толпы, словно раскрученный волчок.

С тех пор всякий раз Виталий Семёнович, когда видел репортажи Соловьёва в газетах или по телевизору, с гордостью говорил: «Это мой однополчанин! Далек пойдёт!» И тот действительно пошёл далеко. Всё чаще на его маститых снимках стали появляться исключительно члены «семьи» Ельцина и сам Борис Николаевич.

Надо сказать, что Виталий Семёнович без каких-либо признаков зависти наблюдал за таким, можно сказать, звёздным восхождением армейского друга. Его же самого вполне устраивала собственная жизнь – спокойная, средняя, с умиротворённым семейным пространством и чётко прописанными служебными обязанностями учёного секретаря библиотеки. Более того, Виталию Семёновичу нравилось, что люди незаметно перестали ходить друг к другу в гости и рассказывать на кухне за бутылочкой политические анекдоты, а молодёжь понятия не имела, кто такие из себя диссиденты.

...Недоуменно остановившись возле Виталия Семёновича, Соловьёв, как и прежде, вальяжно, но уже с заметным отягощением, тяжело посмотрел на него сверху вниз могущественным фирменным взглядом.

Лепендин было протянул руки аккуратно обнять армейского друга, но тот, густо, запашисто прокуранный, неуклюже отпрянул.

– Никаких телячьих нежностей, старина... Пандемия на дворе. Но рад. Рад видеть тебя. Правда, ты что-то несколько сдал... Оно и понятно. В этой стране невозможно свободно дышать. Даже при капитализме.

Владимир Игоревич сосредоточенно вздохнул:

– Приходи завтра на площадь Ленина. У нас там митинг. Я партию создал – «Партия перемен». Надеюсь, Гудков нас поддержит. И Навальный, говорят, обещал помочь.

– Ты теперь за капитализм с человеческим лицом?.. – смутился Лепендин.

– Это вчерашний день... – брезгливо прищурился Соловьёв. – Сегодня нужны кардинальные меры. Россия должна исчезнуть с лица земли. Нет на земном шаре более агрессивной и опасной страны.

Владимир Игоревич строго, властно пригляделся к Лепендину:

– Не вдохновил я тебя? Прощай, господин обыватель. Прощай, немытая Россия!

Виталий Семёнович сдавленно вздохнул:

– Извини, старик.

Соловьёв сумрачно покивал и, наконец, словно навсегда потеряв интерес к Лепендину, многозначительно двинулся по пандемически безлюдной, сиротливой аллее.

На днях беззаботные, весёлые волонтеры принесли Виталию Семёновичу «передачу»: бесплатный пакет овсяной крупы, две банки тушёной фасоли, пачку зелёного чая, лимон и копчёные румяные куриные грудки вместе с изданной на плохой серой бумаге газетой без выходных данных – «Партия перемен». С одной единственной статьёй, исполненной тесным, плохо читаемым шрифтом: «Нынешняя власть как отработанный материал». Далее стоял некролог с низкого качества фотографией. И всё равно не узнать на ней Володьку было невозможно. Прежде всего, по его взгляду. Он смотрел перед собой так, словно и в Царствии Небесном с первых же минут был намерен подвергнуть критике тамошние порядки и взять курс на скорейшее проведение либеральных реформ на просторах Божьего мира.

Когда волонтеры убежали на другой этаж, Лепендин торопливо спустился в магазин. В спешке он забыл маску и перчатки. Охранники в форменных чёрных костюмах с воющими на луну волками никак не хотели его пускать в столь незащищённом виде, но когда он едва ли не со слезами объяснил, что «чекушка» нужна ему помянуть друга, они уважительно расступились. Даже как бы прикрыли его своими телами от возможных проверяющих, рыскающих в поисках лиц без средств индивидуальной защиты.

Проза

Василий Киляков

Василий Васильевич Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах: «День и ночь», «Гостинный Двор», «Литературная учёба», «Наши современники», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», «Роман-газета – 21», в газете «Литературная Россия» и других изданиях. Лауреат Всероссийских литературных премий: «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий: «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2019). Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ (2019), Международной премии «Югра» (2020). Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

«...А люди – те же...»

Рассказ

Ясный полдень над деревней, если можно назвать деревней овраг с облепившими его избами, именно избами, а не домами, полуразрушенными, брошенными пятистенками. Дома мало-помалу пораспродали, хозяева разъехались по городам. Иные, годные для проживания, – купили дома. Разобрали на части и перевезли в город, в Центральную усадьбу. Те, что купили и не перевезли, – прохудились здесь, на месте. Крыши, потекли, пропустили внутрь себя мох и плесень. Так и сгорели – истлели изнутри от влаги. Так сгорает мало-помалу заболевший хронически, неизлечимо человек... Остались стоять лишь убогие избы, которые не продать. Но в них жили и латали крышу, хотя бы изредка, – наезжали на лето на родину сельские жители.

Да и нет на них покупателя. Приедут хозяева этих изб, покосят от крыльца и через сад напропалую вымахавшие травы, порубят борщевик отравленный, подремонтируют пол, кровлю. Половят рыбку, поковыряются в огороде, – да и зальются опять в города, только их и видели. – Опять в города, ближе к теплу и удобствам, к скопищу людскому. Этим теперь только и выживешь. Время такое: как овцы в буран жмутся в одну большую отару. Непогода над страной, непогода.

Умудрись-ка прожить, проживи один или малой своей семейкой. Оно и в отаре так: не сена да клевера – тоже не даровые. А что до нервов, до «стрессов», то и в отаре так: наступают на ноги, толкаются, шарахаются овцы – от угроз, скорбей да болезней. От незнакомых звуков, поветрий инфекций, мора. А ветра в многоэтажных домах-башнях, новостройках, вверху – ещё круче, чем в раздольных полях. Только скопом всё-таки надёжней.

Все в этом «лучшем из миров» сбиваются в стаи и стада, чтобы выжить. Все выживают. Вот и хозяева брошенного села подались по скопищам городским, в поисках безопасности. Тянет, конечно, тянет вернуться домой, босиком пройти по земле извилистой тропкой, намочить по пояс в росе. Поваляться в стогу сена. Ностальгия по молодости – едва ли не самая крепкая из всех тягот на этой земле. Самая крепкая связь – с молодостью. Когда всё порушено – остаётся только память. Говорят: «надежда умирает последней». Нет, не так. Даже и тогда, когда надежд уже нет, не осталось, – память всегда с нами. Так, на память, как во тьме на костерок, вернулся военный человек к тому, что осталось в деревне, и к зятю своему. Ходил по селу, как по погосту. Молчал угрюмо. Мать ушла, и сестра ушла. Не выдержала непогод и нищеты. Да разве только она. Того нет уже, этого – тоже. Молодые же были, – ку-уда... Весёлые. И вроде вчера это было. Какой ветер унёс? Вот что обидно... Эх-ма, на большой земле, как на острове. До помощи не докричишься.

На многие и многие вёрсты голые поля здесь поросли самым глухим березняком да лещиной, осинником. Развалины овинов, пунек, скотных дворов. Стропила с обрешетником, как рёбра дохлых кляч. От всего остались лишь следы да остовы. Редко – стены. Чаще всего бетонные эти стены бывшего коровника совхоза-миллионера – сами по себе. Свидетельство того, что и здесь кипела жизнь. Самая бойкая и трудовая.

Бревенчатые же избы и скотные дворы здесь давным-давно истлели. Прясла и заборы догнили так, что уже и не понять, где и чьё было.

Не прошло и двадцати лет, когда в этой самой деревне соседи хватались за вилы из-за межи, из-за пробившейся в огород козы или свиньи. Брались за топоры и ссорились из-за делянки на порубку дров. Из-за охапки цветочника в лесу, что нашмыгали серпом, «украдкой». Теперь всё брошено, запущено, оскудело...

... Два мужика в подпитии бредут на рыбалку с бреднем. Передислокация долгая, в несколько километров: от реки к озеру...

Двое подростков и девчонка – за ними следом, то отставая, то обгоняя в своих непонятных взрослому детских непоседливых играх. И вот идут, – мотня от бредня тянется и подпрыгивает, то по траве, то по дороге. Змеёй зелёной выётся под ногами, поигрывает, блестя грузилами новыми. Подхватывать эту мотню надоело. Как бабью юбку или шлейф царицы. А не подхватишь – бредень поврёшь. Зацепишь за колючку или кустарник, потом дратву сучи, зашивай.

– Мотня у бредня – первое дело, береги её, – наставительно говорит военному сутулый чернявый плешивый мужик. Он выглядит старше своих лет и идёт труднее, запинаясь. – Держи мотню!

– А то я не знаю, – отвечает военный. – Поучи меня.

– И поучу. Мне же латать-то. Ты сейчас придёшь, рыбки нажаришь. Шапку в охапку – и в город. А нам тут век вековать.

– Что, обидно?

– Обидно. Одна Москва и жирует. Остальные копаются, как жуки в навозе.

– Уж это точно, так и есть. Ну какая тут жизнь? Прозябание. Неделю-полторы пожил – и хоть волком вой.

Поплавки из пенопласта, древние, тоже прыгают в траве, играют и желтеют костяной мертвенной белизной, лёгкие, невесомые. И клячи бредня так захватаны до глянца, тоже голые, липовые, костяные.

Тащат тяжкий мокрый бредень рыбаки по очереди, в ногу идут – точно гроб несут. По очереди – то мужики, то двое мальчишек. Все изъедены слепнями, издёрганы, устали и злы. Босоногая девочка семенит следом за ребятами, и кажется – только её одну и радует этот ясный полдень, это недалёкое уже и ослепительно открывшееся широкое озеро с тёмно- и чернильно-синим отражённым в нём берегом и широкими ветлами по ту сторону.

Впятером сбегают они под крутизну оврага. Дальше идти по камням, по дну неширокой протоки, по холодному устью родникового распадка.

Каменистые берега поросли мать-и-мачехой, дно – водорослями. Они трепещут и двигаются под водой, как бы на сквозняке, подчиняясь подводным течениям.

– ...А всё он виноват, – словно продолжая прерванный диалог, гудит один из мужиков, деревенский.

– Кто это – «он»?

– Беспалый. Вот кто. От него такой упадок пошёл...

– «Беспалый»... А ты-то где был?

– Кто, я? Там же, где и ты. Ещё спроси, где я при Хозяине был. Я на ту пору только в чертежах собирался. Я из тех же ворот, что и весь народ.

– Пустой это спор, давай закончим. Сто лет в обед как Беспалого нет, а он всё помнит, чуть что: «это Беспалый виноват!» Это он, что ли, Беспалый, деревню разогнал, хребет сломал крестьянству?..

– Да где тебе понять суть. Ты же армейский, из войск в деревню носа не казал.

– Какой там «хребет». Становой хребет, понятно, кто крестьянину и до Беспалого сломали. Ус, «Хозяин», как ты говоришь, и сломал.

– Ещё чего не скажи! После Хозяина Хрущ был. Этот участки-то порезал, не кто-нибудь. Всех обмерял... А Ус – всё правильно вперёд вёл. Давным-давно доказано уже, что так и надо было. Только в коллективе и выжила Рассея. Налоги – это да, вот тут перебор был, конечно. И явно перебор. С другой стороны – и город работал не жалея себя. Все пахали на... «индустриализация», слышал про такое слово? За пять минут опоздания на работу посадить могли, ты понимаешь? Опоздал на пять минут три раза – срок! Вот как страну-то эту поднимали. А эти пришли – растащили по карманам живо, в несколько месяцев! Крестьянин кормил рабочего. Рабочий создавал плуг и ракету. А без этой ракеты нас давно растоптали бы. Уже планы были готовы. Уничтожения. От американцев. Не продрозвёрстку же было каждый год учинять, вот – и налоги. А результат: как весна, так понижения цен ждали, как весна – так понижение, а теперь что? Не мне тебе говорить, сам знаешь... Вот он и выдернул вас всех – это он, это Ус – в города! А в деревне-то кто остался, излом да вывих? Ко времени нынешнему кто остался из мужиков? Ни-ко-го. Я да Миша Охремкин. Крышка.

– Кто хотел уехать, тот уехал. Кто не хотел уехать – оправдания искал.

– До Хруща-то не очень уезжали. Не уехать было. И правильно. За калитку без справочки-то не выйдешь, вот оно как было. За справочку красивые бабы начальству давали. Крепостное право, вот так было-то! Паспорт получить мудрено было. Да и Бровастый ещё держал вот как! В деревне клубы строили, дороги, а теперь что? И вовсе – швах. Каюк. Капут. Молчи, могила... А до пятьдесят третьего жили строго... Не забалуешь. Это тебе не нефть да газ налево спускать... Да ещё и закон придумали этакий – «неприкосновенность частной собственности». Не добавляют, что собственности – награбленной ими же самими у народа. Значит, у нас – грабь, а что у них – не трогай. Перемотра не будет.

– Это чтобы не очнулся народ и не пересажал их, не перестрелял и не отнял переписанное на родственников, наворованное, народное. Это в какой ещё стране есть такой закон, чтобы жулик узаконил воровство? Или вот это: «материнский капитал», четыреста с чем-то там тыщ за рождение второго и третьего. «Плодитесь да размножайтесь». Ну, четыреста, и то не наличными, и когда-то в будущем. А ты ребёнка из роддома принёс, а дальше как? Работы нет, заводы все скупили под аренду. Сельское хозяйство на боку, и четыреста хрен возьмёшь...

– Купить хотят. Опять купить. Опять ваучеры придумали, только теперь – на детей, в расрочку...

– А украдено сколько? Триллионы по госзакупкам. Этот, твой генерал – «Табуретка», бабы его – по восемь с гаком... миллиардов. Миллиардов ведь, не миллионов! Вон куда! Воры!

– А когда Хозяин умер в пятьдесят третьем – ни рубля, ты слышишь, на счету у него не было. Ни у него, ни у детей. Только китель да рваные сапоги. Дырки он прорезал на суставах большого пальца. Страдал подагрой, и вот, чтобы не тёрли ноги сапоги-то. Он сам прорезал. Шишки были на ногах, как у моей жены. Сестры твоей. Он мог золотые себе заказать, а он дырки вырезал. И не воевали с союзными республиками, заметь, никогда не воевали. И мысли не возникало. К двадцать четвёртому всё покончили, всю рознь.

– Да ты ещё скажи, что на него молиться должны.

– Нет, не скажу так. Молиться, пожалуй, не должны.

– Я приехал из города к тебе. И ты – жив, и рыбу с детьми ловить идёшь. И сыт, и пьян. И идёшь ты только потому, что нас ни разу не отбомбили янки. Ни разу, заметь.

– А почему? Просто потому, что Хозяин был. А теперь нет Хозяина. Сказано: «Принял Рассею-мать в лаптях, с сохой, а оставил с атомным оружием...» Вот голову задурили вам, военным... «Я жизнь за Россию отдам», и прочее всё в том же роде...

– «Задурили». Слово-то какое! Ты лучше скажи, назови, сколько стран отбомбили за эти года, та же Америка. Много? Вот именно. А нас, однако, не тронули. Почему? Потому – ядерные ракеты есть. И «С-400», и гиперзвук...

– А спасибо кому? Уж не оплёванным ли «шарашкам»? Не Усу ли?

– ...Он опять за своё!

...Но вот уже и широкое озеро с отражёнными в нём берегами. Высоко пролетает самолёт. Бахнул где-то далеко, преодолевая сверхзвуковой барьер, и всё трянуло, вздрогнуло всё, – и пошёл ещё стремительнее, превратился уже в яркую, блистающую в синеве точку.

Наметился обоюдоострый след в виде белоснежных линий, похожих на вытянутые перистые облака-борозды... Стали редеть и расплываться, расплылись белые воздушные борозды. Словно там, в небе, идёт посевная: космическим плугом на бренную землю сеют нечто божественное, светлое, чистое. Но земля не принимает эти посевы. Брошенная всеми, она обижена на людей. Заснула земля – обморочно, глухо. Поля и посевные поля взялись мусорным лесом. Осинником непролазным, березняком.

– Вон он, вот где уже – над нами, смотрите! – ребята в восхищении замерли, глядя вверх. Девочка тоже очарованно – долго, до слепоты – глядит на самолёт из-под руки. В синее и сияющее пространство, провожает взглядом. Там, вверху, – светло, радостно и ослепительно. Там – праздничная глубь и голубень, а здесь, на земле, уже хмурится, уже ярится от низкой, только что навернувшейся тучи, похожей на огромную гору с налипшим гигантским пером-облаком.

Туча грозит дождём деревне со всеми её стоящими на пригорке, – точно с остатками разбитой армии, брошенной после боя техники, – нерабочими тракторами, сеялками прицепной тяги, плугами – полуразобранными, давно уже нерабочим динамо и всяким хламом в бурьяне.

Туча всё наплывает, грозит дождём: и вишневым садам, и кустарнику облепихи в малиннике, вблизи с водонапорной ржавой башней. Башня, как вознесённая вверх граната, грозит и самим рыбакам, им не укрыться.

Раскинули бредень, забрели два раза, – и вот уже девочка сидит на берегу с ведёрком, доверху наполненным рыбой, мелюзгой, скребущими по дну ведра раками и плавающими сверху, налипающими на всё, и на руки, и на деревянную ручку ведра-подойника, рыбьей чешуёй, водорослями. Живое рыбье движение в отяжелевшем ведре, скрежет раков по дну.

Берега озера как бы прогнулись под тяжестью воды, сплошь заросли кугой, кузьминником, травой и тиной. Глинистые берега в гусином пуху – точно обтёсаны топором, одновременно напоминая и сруб дома, и зачерствелую краюху хлеба. Берег на другой стороне песчан, испещрён норками стрижей; они летают и звенят над головой. На середине – озеро ослепительно сверкает ветровой рябью, морщится и чуть плещет, а здесь, у берега, где лишь подводные заросли куги да водоросли – гладь зеркальна, как чистый лёд.

На отлогом травяном склоне, на лысом месте, мужики, взрослые рыбаки, уже выкупавшись и потеряв всякий интерес к рыбалке, приканчивают остатки снеди. Тушат костёр старым проверенным способом: попеременно мочась на него и отворачиваясь от вонючего едкого пара.

– Ишь, шипит, как в бане на каменке, – тряся ширинкой и плюя на пальцы, туго увязывая ремнём штаны, говорит малорослый и кричит: – Эй, заканчивай, робя, не будет рыбалки, ветер пошёл.

Второй – высокий, образованный, пожилой военный, молча и пьяно, с блуждающим счастливым взором, заедает чарку зелёным луком. Двое мальчишек, сыновья малорослого, не переставая, с охоткой таскают и таскают бредень, процеживают воду, закидывая мотню возможно дальше и обредая кусты поближе, там, где явно ходят щуки. Изредка выпрыгивают они и ударяют под кусты над водой. Щурки играют до обидного рядом – рукой схватить.

Бредень становится всё тяжелее: с каждым забродом набирает он, выщеживает тину. Тяжелее не от улова, а от жидкой и вонючей осоки, вездесущей мелкой ряски пополам с пиявками и воняющей густо-лежалой гнилой тыквой – подводной травой. Оба месят ногами тину и глину, – так заправские горшевники или виноделы топтали бы лозу и гроздь.

Увязают, и, с трудом выдирая ноги, выбиваясь из сил, борются, и тянут, тянут за клячи – за две деревянные палки, накрепко притороченные к сети. Низко-низко они выводят мотню на сушу, – так низко, что, запинаясь и сами, валятся. Но бойко вскакивают, с перепачканными ногами, подхватывают сеть так низко, как драгоценную фату невесты, и выводят её на берег. На ногах у них по одному осталось ботинку, остальные потеряны в тине навсегда. Высокий костистый парнишка, один из них, особенно деловой, сразу видно, что деревенский, здешний – добытчик. Умело освобождает зацепы, вытряхивает грязь. Второй путается в крыльях бредня и отступает, – с каким-то особым удовольствием достаёт то рыбу, то рака и швыряет через родниковую протоку девочке. Раки, один за другим пролетая над ней, так бьют хвостами на лету, что она жмурится и замирает от страха.

– Любаня, лови! – и хохот озорников...

И опять заходят, отступают и падают среди осоки.

– Вань, – заговорщицки говорит старший меньшому, – ты давай круче заводи, распугиваем зря...

– Больно хитрый, сам заводи, здесь глыбко, поди что – и с ручками будет. – Он осторожно оступает, измеряя глубину. И действительно, исчезает под водой с головой и с поднятыми вверх руками. – Давай ты заводи, вишь, тут что... – тоже заговорщицки, чтобы не спугнуть рыбу, отвечает Ваня.

– А ты саженками.

– Сам саженками...

Дождевая туча сходит, сошла на дальние пригорки – и посветлело... А девочка всё сидит и смотрит на серебриющиеся от порывов ветра ивы, на горизонт с побитой техникой, на кучерявые причудливо расплзающиеся облака.

Они мало двигаются, как замороженные или околдованные. Небесная непорочная их белизна – юна, как эта девочка. Она же сама, девочка, – жалко-стройна и хрупка под ними и беззащитна. Худа, бледна и как-то особенно мала и беспомощна, как бывают светлы изнутри только безнадежно больные, уже сросшиеся душой со своей болезнью дети, – редкой и странной, необъяснимой доброты.

...В ведре подле неё время от времени всплскивает шука, и тогда девочка хватает ведро, чтобы оно не опрокинулось. Расставив врозь острые коленки, упершись руками и прижав ведро, она сидит и, кажется, не замечает ни ветра, ни холодного сырого платья, туго обтянувшего её голени. Она бережёт улов.

Неподалёку – стая глупых домашних уток наплывает прямо на бредень, на жёлтые поплавки его, но она даже и не пытается отогнать их, словно обессилела.

– Эй, – кричит ей один из ребят и грозит кулаком: – Ну, ты получишь...

– За что ты ей? – спрашивает второй.

– А чего она, отогнать не может или не видит уток, мартышка?! И всегда вот так, пока не задашь ей взбучку, ходит-спит... Мартага, мартышка незадугая. Утки от неё – и прямо к нам, чего тут теперь поймаешь?! Всю рыбу распугали.

...Там и здесь сохнут кочки водорослей, давным-давно разными рыбаками вытряхнутые из бредней. Кочки эти так подсохли, что стали рыже-серыми, похожими на дохлых ежей. Видно, что рыбачат здесь часто и что «рыбачат» бреднями приезжие, по причине скуки да их привязанности к водочке.

Нелюдимо, пусто, слышен крик петуха за гумнами, за холмом стрекочет лесопилка – единственная мечта и единственная надежда рабочего люда, всей здешней безработной округи, тех редких мужиков, которые не спились ещё окончательно.

Двое взрослых доели припасы, выставили высоко пустую бутылку, на кромку полуямы-костровища, как выставили бы бутылку на бруствер окопа солдаты, для того чтобы подразнить противника. Потухший было костёр вновь стал оживать, начал поигрывать огоньком. Один из мужиков принялся собирать облупленным яйцом остатки крупной крупитчатой соли с промокшей газеты, другой заворачивает в целлофан и прячет в кошель солёный огурец, озубки сала, пачку сигарет и, жуя, с колен, ведёт разговор:

– Не-ет, говорю я ему, слышь-ка, сват, это я-то ему баю: ты вернёшь мне сошник?!

– Ну, ну...

– Вернёшь! – повторяет он с угрозой, пристукивая по спичечному коробку толстым пальцем.

Он угрюмо, пьяно и зло дурашлив. Малорослый – по пьяным причудам своим, по неловкости своей – кажется чем-то схожим с насекомым, с жуком-рогачом. И кличка прилипла к нему: Жук.

– Вернё-ёшь, ядрёна-матрёна...

– Это ты-то ему?

– Я!

– Ну, ну... – опять произносит высокий и статный военный.

Он всё ещё полулежит на боку, жуя лук с зелёными перьями. Он слегка, едва заметно, сутул, той сутуlostью, которая легко скрадывается привычной выправкой военного чина. Ему, как это видно, давно уже надоели эти пустые разговоры, про деревню, про политику, про хомуты и про то, как «надо взять на конном дворе лошадь, если она нужна, но её не дают». Видно, что Жук ему давно не интересен – не его масштаба человек. Но из укоренённой в характере черты: не обострять отношения, особенно с людьми мелкими, он притворяется заинтересованным.

– Ты ешь, ешь, доедай, силу-то не оставляй, а то спьянеешь опять, будешь фортеля выкидывать. Ешь, потом доскажешь, – перебивает он Жука, начавшего ерепениться. Лоб у него крутой, волос светлый и кучерявый. Вид этот немалого чина, приехавшего на день-другой отдохнуть «на родину», весь вид его – и жизнь, удачно сложившаяся, и взгляд, и сам нерв отношений – говорит о том, что он презирает зятя.

Но тут вдруг какая-то внезапная догадка встряхивает Жука, с новой яростью несправедливо обиженного рассказчика он взрывается, свирепеет:

– Иди ты! «Ешь, ешь...» – сам ешь! – с внезапной озлобленностью пьяного вспыхивает Жук. Глаза его начинают косить – это верный признак того, что он опять спьянел и теперь он «не в себе», непредсказуем. – Я тебя перебивал, когда ты всё про полк свой да про политику нёс? Теперь послушай ты – про хомуты!

– А-а-а?

– На! Вот с тем и возьмите! Меня за столычник, за бутылку не возьмёшь, двести потребую.

– Ишь, ты...

– С тем и возьмите...

– Это что, наезд?

– Да, наезд!

– Отъезжаю... Закусывай, закусывай, давай, давай.

– «Давай» этим, как его... подавился.

Жук и впрямь жалок. С ним можно лишь улыбаться да шутить, и то осторожно.

Весь он какой-то сморщенный, худой и вертлявый. Досталось ему, по всему видно, не в пример больше, чем военному. Потрепало его. Скулы с жёлтым пригаром, щёки побиты оспой. Весь он – наглядный пример того, до чего доводит тяжёлый ежедневный изнурительный физический труд, вечно свежий воздух и самогон. Рассказывая о давних спорах, он имеет привычку заводиться сам собой. Снова и снова, что называется, «с пол-оборота».

– Что я, жрать сюда пришёл? Я пришёл с тобой поговорить, как-никак однокашники. Ты слушай, не перебивай, я кому говорю-то, столбу или дереву? Живот, он старого добра не помнит, не об жратве же речь...

– Ага, да. Ну, про лошадь-то?

– Прихожу к нему на конный двор. Уж на другой день, заметь, на другой. А сено не вывезено, сгниёт...

– Ага...

– Прихожу. «Лошадь дай». – «Нету». – «Как так нету, а эта?..» – «Отправил в разъезд...» – «А та?» – «Послал за почтой». – «А ещё – та?..» – «Поена, вот-вот только напоил». А сам глазами зырк-зырк. Я глядь, а он – вот он, стоит стригун да хвостом машет... – «Ну, давай этого! Оно и любо!» – «Не дам: сосун». А на том сосуне – хоть воду вози. «Ну, иди, – говорит, – иди, поймай. Поймаешь – возьмёшь». – «Ты выведи, я поймаю». – «В загон?» – «В загон». – «На-ка узду, ты и иди». – «Не хочу, – отвечает, – я только что выгонял... Еле-еле на место в стойло определил. Сам иди». – А молодые, они брыкучие, убьёт чужого. Сразу. Запряги его попробуй, если чужой, если он тебя не признал.

– Вот стервец! – подыгрывает военный. – Даже так?!

– А я про что? Сел он передо мной, шило, дратва, хомут чинит...

– По горбу ему этим хомутом...

– Да. Я ему: давай-ка, знаешь что? Давай-ка вертай-ка в зад мою электропилу, и пропади ты пропадом. И чтоб ты ко мне больше ни ногой.

– Правильно, без пилы – пусть почухается. Это ты верно. Это не у Пронькиных, за столом не того... Так сломал он пилу-то? Ты же уже рассказывал. А сам починить он не сможет...

– Сам, только сам. Я, друг ты мой, весь в делах, света белого не вижу.

Жук закуривает и тотчас становится и вовсе пьяным, его развозит от табака так, что он удивляет своей переменной настроением даже видавшего виды военного.

– Рыбалка – она теперь у меня одно утешение. Но кормить перестала и она. Всю рыбу процедили, сволочи. Всю рыбу. Во! Было рыбы завались. Сомы водились, веришь, нет? А теперь не рыбалка, а пу-сто-е-вре-мя-про-во-жде-ни-е...

– Да, «щуку с руку и линия с меня», помню, помню ещё, не забыл... Поди-ка, ещё и охота хороша зимой? Охота, поди-ка, здесь важная. Места глухие, немые, – оглядывая окрестности из-под руки, мечтательно произносит военный. – А? Места-то глухие, немые. Нагряться сюда по зиме, а? Любодорого.

– Да... не охотник я. Трах-бабах, не люблю. Баловство это. Одна достоинства у меня – вот он, парень мой. Парень – моя кровь. Вот охотник-то. Без зайца или петуха никогда не приходил. Люблю я его, чёрта, уж вот как люблю... А уж озорной, жуть.

– Зато и охотник!

– О-о! Охотник! Иногда притащит, заяц ещё пищит, как ребёнок в зыбке. А он нарочно его не добывает. Потому добыёшь, остынет. Разделявать тяжело, шкуру мездрить и всё такое – опыт!

И он, глядя на мальчишку, такого же чернявого, как и сам, подумал, икнул и закашлялся от дыма. Мальчишка шумно плескал, кидал пригоршнями воду, пугал рыбу из куста.

– А... Колюху?

– И-и-и, как Колюху люблю!

– Толковый...

– Ванятка! – крикнул Жук, вставая, а что, бота уже нет, сломали боту? Постучать-то по кустам?

– Утопили боту, она кленовая оказалась.

Военный смотрел на всё и явно скучал...

В это время как раз выволокли мотню на берег. Серебряная рыбёшка, мелкая, как монеты, посыпалась, трепыхаясь, сквозь крупную ячею сети. Стали вылезать и падать медлительные раки, козьявки. Кувшинки желтели, ползли жуки чёрные, плавунцы. Девчонка кинулась к ребятам и с интересом принялась разбирать улов. Грязная ряска, листья мать-и-мачехи, водоросли... Она возбуждённо и радостно закричала что-то, – верно, увидела что-то в шевелящейся, в забитой и загаженной ряской мотне. Дужка звякнула о ведро, ведро опрокинулось, и, потирая ушибленное колено, она упала с размаху в траву. И тут же, поспешно, с оглядкой, принялась собирать улов обратно в ведро.

Колька, походя, вдруг с силой вытянул её по спине мокрой, как жгут, рубахой.

– Колюха, я т-те дам! – заорал, угрожая отец.

– А чего она, раззява, у-у, мартышка!

Оба кинулись собирать улов в пустое ведро. Рыба билась и плескалась в луже пролитой воды.

Девчонка, всхлипывая, продолжала собирать рыбу. Ерши, колючие и скользкие, точно испачканные пенной слюной, никак не хотели попадать в ведро, она уронила одного. И Колька пристально, со злобным презрением и с затаённой радостью мести следил за ней искоса. «Смотри же, я задам тебе нынче», – читалось в его взгляде.

– Чего ты её? – спросил из-за спины Иван.

– А пусть не лезет. Путается под ногами... Богат улов-то...

И в ведро издалека, один за другим, полетели окуни, краснопёрки.

– Чтой-то рано он у тебя волю взял, – степенно заметил Жуку лобастый военный, с силой растирая затёкшую от долгого сидения ногу. – Вольный казак, пятки назад! Она тоже мне не кое-кто, племянница!

– А и девка – яд, – с мрачной серьёзностью ответил чернявый. С тоской глядя на пустую бутылку в кошеле. – Пла-ачет, сват, всё-то плачет... Горе с ней горькое.

– Плачет?

– И-и, ручьём разливается...

– А чего плачет-то?

– Да вот возьми её, не говорит. Ай по матери? То и дело, то и дело. Она её пло-охонькую родила, Марья-то. Я брал её с дитём, думал: не жилица девка-то будет. Он мне, чужой довесок-то, ни к чему уже и тогда был. А она, Марья-то, вперёд её убралась на тот свет. Вот и возьми, судьба... Да и эта – не жилица, по всему видать, тоже уберётся. А всё корми, следи за ней. Наряды – опять-таки. А при сегодняшнем времени оно, ох, как накладно.

– Да ты что, или объела, пожалел?

– Что ты, «пожалел». Не об этом же толкую, а – хворая, недолга... Напрасная же обуза. Марья и сама, упокойница, намекала, мол, Бог-то её приберёт, руки развяжет.

– Так и говорила?

– Ну, не прямо так, конечно... Нежеланная была, надрывалась от крика... Синела аж. После уж грыжу у неё нашли, от ору-то. Она ведь выгоняла её, девку, из живота, Марья-то, выгоняла, а не выгнала – и родила вот, всё равно. Нагуляла.

– А эта живёт, вот и молодец девка! Помощница тебе будет.

– Пусть живёт, живёт – не жалко...

– А всё – не своя.

– Именно. Чужая кровь.

– А жалко бывает, совесть не заедает?

Жук всхлипнул:

– И-и, ещё как жалко-то другой раз бывает, ведь ребёнок, ангельская душка. Чем она виновата, виновата не она же, сват... А тут за ними догляди, попробуй... Оне теперь молодые да ранние...

– Акселераты.

– Во!

– А вчера мой-то, Колюха-то, что удумал. Залез на перемёт во дворе. На перемёт, ведь вон куда! Залез в гнездо, достаёт и бьёт ласточек, птенцов-то, об землю. Вынет птенца и – хряп, вынет и – оп-па... Я увидел и обмер, сват, ведь это – к пожару. Она, ласточка, старики ещё сказывали, как будто в клюве приносит огонь-то. Никто не знает как, – чистой или нечистой силой, но она это делает, это точно. Много раз убеждались: разорить ласточкино гнездо – к пожару. То ли находит где-то огонь, то ли беспричинно двор загорается, ни с того ни с сего. И чудно и страшно.

– Мстит, значит. Язычество какое. Заскорузлое...

– Девка увидала, охнула, сердешная... (А он нарочно при ней). Она побледнела – и в обморок... Я его схватил, мало-мало не придушил... Девке-то проходу ведь вовсе не даёт. Что он к ней прилип... Другой раз, думаю, до смерти ведь защепплет...

– А ты б его гужой поучил маленько. Привязал к телеге – и гужой. Помнишь, как нас-то учили. Вот и вышли людьми. Есть гужа-то?

– Сёк. Чем только не пробовал. Аж цепью от ведра колодезного. Он смотрит волком и молчит. Спрашиваю, мол, будешь ещё? – «Буду!» Волчонок ещё тот...

– Да, сложный характер у твоего охотника. Уши-то, глянть, торчком, и впрямь того, волчьи...

Оба захохотали. Жук потрогал и свои уши.

– В меня! Уж как, сват, сёк его, до рвоты. Рвёт его, а мне жаль, ведь родной.

– Своё не пахнет, дело известное. А эта, говоришь, всё плачет?

– Плачет, горе горькое. – Жук даже всхлипнул. Дыхание затыкал пьяный насморк. – Хоть померла бы, – сказал он шёпотом, – а то – бяда будет... Забьёт, будет грех. Ведь дыху не даёт, проходу нет ей от Кольки-то.

– Ну, не забьёт, подрастёт, будет она и тебе за хозяйку. Штаны вам всем перестирала, мужикам... А то это, воняет, поди, от вас, как от козлов, а?

– Ты брось эти шутки. Кой хрен, помощница. От неё и от Марьи-то, не обижайся, толку мало было. Нет и нет, от неё нормальное дитё и не могло получиться. Ты ж не глядел за ней, не навещал, не писал, она сама, без тебя, без старшего догляда выростала. Межедворка, плут, индерша. Не баба, а конь с яйцами. С кем она только не полежала, ой, не пересчитать! Не знала сама, с кем и нажила дитё, ведь это – что? Породы не та.

– Ты мне это брось!

– Не та порода...

– Ну, считай, уязвил ты меня... А девчонку я не заберу. Некуда. Не-ку-да... Деньги дам, а в город не возьму. На то причины есть, говорить не хочу. Деньги дам. А вот он, Колюха-то твой, неделю будет из шкуры занозы таскать, если не бросит свои выходки.

– А не уступит, спуску не даст... Доймёт ведь девку-то... Дожмёт озорник. Гиблое дело! Не вяжись и ты, пожалеешь.

– Даже так? «Пожалеешь!» Покается. Глуп ещё. А чего же он от неё хочет? Или добивается чего, ты не вникал?

– Покается, сват, да, видать, поздно будет. Озорник, на днях у соседки из сушил и гнезда несущки все яйца на болтуны поменял и самогон на яйца выменял. А где – не говорит. Так напоил старшего, что тот облевался. Соседка рассказала. Я за уши его. Так он соседке дрожжей в нужник: зачем

сказала, не говори отцу, что яйца все под чистоган выгреб! Так и поплыл, нужник-то. Даже завозня в дерьме потонула.

– Значит, много.

– Что много?

– Много сушил обошёл, не у одной соседки побывал...

– Тебе всё шутки, твои уже взрослые, на свои яйца сели уже. В гнёздах своих. А эти? На моих сидят яйцах, вот так. И ведь трое их! Забери её в город, прошу...

– Опять двадцать пять! Ты – со своим, а он со своим!

...Собрав остатки ужина и тщательно уложив в кошель пакет, пустую бутылку зелёного стекла, остатки снеди, мужики не спеша помылись с мылом в озере, ныряя и оставляя пенистые белые следы, пугая пиявок в чистой воде. Потом переоделись в сухое и потянулись наверх по склону, туда, где едва приметно виднелись верхушки тополей и огромная тарелка для приёма телепередач – словно инопланетный корабль, упавший с небес, ужаснувшись всей этой нищетой и разрухой. Белая тарелка на фоне аспидной крыши и тёмного неба. Упала инопланетная тарелка, пропали астронавты. Не разбились, а растворились, пропали, исчезли в этой разрухе, погибли в этом раздразе покинутой всеми сельской жизни. Зависть, ненависть или равнодушие.

Звонит телефон. Звонит и звонит. Но военный, глядя на телетарелку, задумался.

– О, вас вызывает Таймыр, – кричит ему Жук.

Военный спохватывается. Лезет в запасной карман, достает мерцающий мобильник. Заговаривает.

– Да-а, – тянет Жук загадочно, глядя на высокого, шедшего обочь и заговорившего по мобильному телефону. – Да-а... Техника меняется, семимильными шагает шагами, техника-то. Гляну, вон, по деревне идёт и разговаривает-звонит по телефону, вот оно как, а раньше? С самой Москвой разговариваешь? Техника вперёд ушла, да-алеко ушла. Без проводов разговаривает. И у нас тут с телефоном ходит. Ньюша простая. Простая – это сумасшедшая.

– ...А люди те же, – убирая телефон в карман, угрюмо отвечал военный. – Что и сто лет назад. Даже и ещё хуже стали. Люди-то.

– Ты про меня, что ль? – осклабился Жук.

– Ну-у, нет, а так, вообще... Про сына твоего.

– Сына не тронь!

– Ну, ну, успокойся.

Не отставая, ловят шаг ребята, чтобы в ногу попасть, так легче идти. Легче было нести промокший тяжёлый бредень. Чтобы он не раскачивался и не томил тяжестью толчков. Младший уклонялся от болтающихся и угрожающих ударить всей своей блестящей тяжестью новых грузил. Девочка с ведром далеко и безнадежно отстала, задыхаясь, не попевала за ними.

Она всё оглядывалась на грозу, уже прошедшую стороной и всё-то угрожавшую дальними раскатами, всполохами молний – зарницами. То беззвучно, то с опозданиями погромыхивало ещё – и здесь и там. И неожиданно стал налетать сырой ветер, толкать в спину.

...Девочка шла одна, молча, и так, как если бы не на земле уже была. Шла еле-еле, как плыла по холму, одна в целом мире. Ветер менял направление, обдувал и прижимал к телу её мокрое синее платье, повторяя все изгибы её детского тельца. След от самолёта совсем растаял в вышине. Она подняла голову и с изумлённой радостью, остановившись, увидела, что за тучами, ещё выше туч – стало опять и светло, и чисто. Как-то особенно засияло лазоревое небо. И даже низкие тяжёлые грозовые тучи не застыт эту солнечную райскую высоту, высокий простор, в который тянутся, прорастая вверх, тополя.

Она пристально смотрела с какой-то отчаянной тоской, долго-долго, из-под руки. И столпы света установились-встали так крепко, так широко и прочно, как на старых писаных иконах. Столпами светлыми, точно в храме ярким днём, ударили вниз струи света, опять заиграли в озере. Она стояла и смотрела как зачарованная в это светлое пространство между тучами и солнцем.

Грохнул-погромыхал вдали гром, но уже не грозно, а лениво, протяжно раскатилось кругом эхо, словно отъезжал с грохотом пустой грузовой вагон по железной дороге...

– ...Как святая! – прищурившись, то ли в шутку, то ли всерьёз сказал военный. – Святая, девчонка-то...

Из ведра торчал щучий хвост.

Валерий Шелегов

Валерий Николаевич Шелегов – родился в 1953 году в городе Канске. После окончания средней школы поступил в Томский геологоразведочный техникум. В 1972 году улетел работать в Магадан. На Крайнем Севере прошла вся жизнь. В 1996 году вернулся на родину, в Канск. Прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького в Москве. Первый рассказ «Санька – добрая душа» был опубликован в 1984 году в журнале «Дальний Восток» № 4. Автор книг: «Ленские подснежники», «Зелёный иней», «Пока горит костёр Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский Меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» в 2008 году отмечена Союзом писателей России национальной премией «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Член Союза писателей СССР. Живёт и работает в городе Канске Красноярского края.

ЧИФИРОК

Повесть

... история эта – о людях,
для которых работа стала религией.
Со всеми вытекающими отсюда последствиями:
кодексом порядочности, жестокостью,
максимализмом и божьим светом в душе.

Олег Куваев

Гнедой всхрапнул, попятился и, не слушая узды, потянул всю связку лошадей по горному склону. – Кобель гнедой, – шамкая беззубым ртом, ругнулся Чифирик. – Куда тебя понесло? По ручью ведь легче идти...

Однако ругань и нахлёстывания не помогли. Жеребец остановился, широко вздувая ноздри, замер прислушиваясь и загнанно задыхался. Привязанные друг за другом лошади беспокоились, сгучились, в беспорядке сбились, резко подрагивая впереди стоявшего вожака гнедого.

Чифирик пустил повод, стянул меховую рукавицу, застывшими вялыми пальцами нащупал пуговицу на тулупе. Рванул верхнюю костяшку, подёрнутую тонким ледком от дыхания. От овчины пахло кислинкой, широкий отворот отвалился, мягко погладив щеку и мочку уха. Отупление от однообразного покачивания в седле проходило. Чифирик достал из нагрудного кармана пачку папирос, нащупал смятый мундштук беломорины. Ворохнулся, удобней пристраиваясь в седле. В занемевшие ноги, иглами пронзая мышцы, хлынула дремавшая в теле кровь.

Чифирик курил, отсутствующим взглядом взирал в густо падающий крупными хлопьями мокрый снег. Дальше лошадиной морды видимость пропадала. Тёмным комом сбились за спиной и лошади, успокоились, застыли, изредка нарушая дружным тяжёлым вздохом тишину.

Весь день тропа с водораздела была сносной: без особо крупной щебёнки, временами крутовата, извилиста, скользкая от сырого снега и мерзлоты подо мхом на северных склонах, но в основном проходима. И Чифирик спешил. Нервно понукал жеребца, хрипло покрякивал на лошадей, измотанных многодневным переходом по горным тропам. Под вечер, сейчас, и сам еле шевелился. До изнеможения устал и вымерз без движения в седле, кружилась голова от бесконечных подъёмов и спусков, болели глаза, набитые сентухой на перевалах, отупел от одиночества. Но что делать? Жизнь такая...

Кондрат Фомич Фролов, по прозвищу Чифирок, работал многие годы каюром в геологических партиях. Круглолицый, с выступающей вперёд беззубой челюстью. Морщинистый лицом, маленький росточком. Чифирок гляделся рядом с лохматыми полудикими якутскими лошадьми порою мальчишкой-подпаском. Зато руки да седой короткий ёжик на голове говорили, что лет ему немало. А уж если кому доводилось заглянуть в его пронзительные, близко поставленные глаза, тому казалось, что не только голова, но и душа у Чифирка седая, по-житейски мудрая, большая душа.

«Чифирок». Ну и ладно. Чифирок так Чифирок. Не обижался он.

За любовь к чаю его так прозвали: любил круто заваренный по-колымски. На Севере, бог знает, с каких пор. Ушла уже старая колымская рать. Только в образе Чифирка и жила. Ушло и время, будто обвалом небесным его унесло. И несколько лет уже Чифирок возвращался в людские поселения с тревогой и необъятной тоской. И не только ему, многим казалось, что привычная жизнь, какой-то вечный житейский уклад, как прелая залежалая тряпка, неудержимо расплозся. Будто в один день и час исчезли старые понятия о дружбе и совести. Пьянки не спасали: пили мужики молчком, остервенело, угрюмо. Пили самогон. И полевого расчёта теперь на два дня хватало. В былое время работы собирались в балках экспедиции и по очереди пропивали расчёт. За месяц. Закупали ящиками и мешками. По нынешним ценам в магазин опасно ходить. Лишь дети прежние...

Любят Чифирка в посёлке дети. Грешат на него геологи, всерьёз за человека не принимают. Дело ли это, «эскадрон» ребятишек на экспедиционных лошадях собирает. Да с шашками, по полю. Кто быстрее и ловчее?! А того понять не могут взрослые, что жаркая детская рука не палку сжимает, а самую настоящую саблю. Не лоза впереди, а противник. Вечером в конюховской сидят дети, вокруг железной печи. Начнёт он говорить, притихнут. Папа геолог о тайге так не расскажет... Это на словах красиво в тайге живётся. Вот и сочиняет он. Жалеют его дети. Подростки всё понимают. Иной раз просят: «Не пил бы ты, Фомич». Усмехнётся он. Дети: «...дядя Кондрат, Фомич». Мужики да студенты с геологами – «Чифирок».

Чифирок зябко передёрнул плечами: пока сидел, замёрз. Раскурил затухшую папиросу, нехотя выпростался из тулупа, подвязал его ремешком сзади к седлу. Сполз с коня и потянул лошадей к ручью. Жеребец заупрямился, оскалил ряд жёлтых кукурузных зубов, мотнул резко в сторону.

– Я тебе. Кого боишься? Пустой ручей. Глушь, паря.

Жеребец драл голову, приседая на задние ноги.

– Не дури. Пошли, паря...

Мелко переступая, жеребец пошёл следом за человеком.

На заснеженном ручье Чифирок обнаружил крупные волчьи следы. Остановил лошадей, вынул из бокового выюка ружьё. Холодная сталь стволов придала Чифирку уверенности.

– Мог бы и раньше догадаться, – упрекнул себя вслух, выводя связку на террасу. – Ружьё есть, пули есть. Не пропадём, паря, – обернулся он к гнедому.

Рослый гнедой жеребец умно косил сторожким взглядом по сторонам. Похрапывал, нервно подёргивая ноздрями, но зашагал без подхлестывания.

Начался лес. Корявые, но цепкие до жизни лиственницы редко разбежались по долине, жили каждая своей обречённой на хилое существование жизнью. В одиночку переносили жгучие морозы, злобные ветры. И только весной, измученные холодным и неудобным сном, они дружно, с некоторой спешкой за одну ночь принаряжались в зелёную хвою, прощали все обиды зиме и веселились в своих зелёных нарядах на весеннем солнышке, шепча ласковые слова шаловливому ветерку.

Пришедшая не ко времени сентиментальность отвлекла, успокоила Чифирка. Впереди открылась излучина ручья. Там сопки сближались и дальше резко, будто повздорив, стремительно вытягивались в хребты, опоясавшие широкую долину, лежавшую в лесах далеко внизу.

Порывы ветра ослабли. Снег падал медленнее и реже, нагруженнее. Низкий вал землистых облаков протаскивало стороной. Часов на руке у Чифирка нет, но всё вокруг подсказывало: скоро накроет ночь. У излучины он решил переночевать. Силы покидали, ноги не держали. В молодости за тридцать километров на прииск за спиртом бегал, хоть бы хны. Сегодня и пяти километров не прошёл, а вымотался так, будто всю свою жизнь от рождения и до этого дня шёл...

Из-под телогрейки, перепоясанной куском подпруги, шло сонное тепло давно немытого тела. Шерстяной подшлемник, какие выдают на шурфовке, отсырел по краям от жаркого дыхания. Верх

запорошило снегом, сгладились изгибы и морщины закатанного вовнутрь материала, отчего шапка стала похожа на «боярку».

На излучине ручья ягель примят, лежит клочками. Дикие олени копытили. Следы лап. Следом прошли волки.

Чифирик выбрал место для палатки, привязал гнедого, снял вьюки и принялся за устройство жилья.

Через полчаса лошади остыли, стёгна их закуржавели. Чифирик стянул вьюки. Пустил лошадей, гнедого же отвязывать не стал: от жоака далеко не уйдут. Груз и сёдла накрыл брезентом.

Малиновый бок жестяной печки упруго отжимал холод в углы палатки. Закипел, заприплясывал крышкой чайник. От доброй жмени «индийского» прошёл банный дух. Суета по хозяйству, благоустройство, грядущая ночёвка мало напоминали Чифирику о том, что он один у чёрта на куличках. Привычка. Но когда он прилёг на спальный мешок, когда пристроил кружку с чаем рядом со свечкой, он остро ощутил пустоту и тоску. И если раньше существовал мир тайги, где привычно жилось, сейчас он понимал, что и в тайге не спрятаться от себя. В минуты покоя одиночество как бы подчёркивало всю безысходность его жизни: так жил вчера, живёшь пока в этой палатке, но всё это исчезнет завтра. Годы...

Желание хлебнуть крутого напитка он всегда сдерживал долго, наслаждался своим нелепым порывом, терпением, тщательно водил чайной ложечкой. И когда желание переходило в горьковатый сухой привкус на губах, делал первый маленький глоток. В этот вечер он сделал так же, как и прежде. «А ведь и точно, – Чифирик. Чудишь, паря? Нет бы напиться, жадно, по-человечески, когда мучает жажда. Нет, даже здесь, наедине...» Чифирик всегда был терпеливый до жизни. Всегда. Даже наедине. Прикуренная от свечи папираса дурно, как его мысли, отравила привкусом парафина.

Курево у Чифирка на исходе. Без хлеба он мог обойтись, без воды, но без табачного дыма тошно. Куда хочешь за табаком побежит.

Осень застала геофизиков на гольцах. На табак издержались. Ждали вертолёт. Чифирик повскрывал в старых палатках полы, насобирав окурков, чем и перебивался до прихода вертолёта. Но и с приходом вертолёта жизнь веселее не стала: папирос не прислали. У механика и выпросил две пачки. И вот они кончились. Топограф Сормин, оставленный начальством для перегона лошадей, улетел с тем же вертолётном, сославшись на болезнь. Сказал: жди замену, с ней и курево. А куда ждать? Снег вот-вот ляжет, и лёг. А он: «жди». Сам не захотел ждать, трястись в седле на лошадях двести вёрст, морозиться, болезнь себе придумал. Сбежал топограф Сормин. Бросил Чифирка в тайге.

Чифирик встрепенулся: оказывается, задремал. Как-то там лошади? Натянул валенки, телогрейку, выполз из палатки. Пустил в крошечную темноту ракету. Лошади не шелохнулись. Едва заметно головами покачивали, вздохам в такт. Снег прекратился. Похолодало. И Чифирику стало ясно: осень повстречалась с зимой именно в эту якутскую ночь, хотя по календарю кончался октябрь.

В спальный мешок Чифирик залезать не стал. Нужно посматривать за лошадьми, подкармливать печурку дровишками. Но усталость взяла, и он, двигаясь во сне к остывающей печурке, проспал около часа. Но что-то страшное, далёкое, из детства, ворвалось в сон. Минутой назад он видел себя идущим по заснеженному полю, среди которого одиноко стоит старая высохшая берёза. Видел себя мальчишкой, идущим в школу с пещуром на холщёвой лямке через плечо. Мать положила в холщовый мешочек, к книжкам, краюшку ржаного хлебушка и малюсенькую дольку сала, которые обычно по приходу в школу требовал на высокую кафедру учитель. Требовал не для себя, а для того, чтобы урок был усвоен. Даст задание, выполнишь, ответишь, тогда и получай назад свою пайку. Видел себя идущим по полю из школы, по которому ни разу в жизни не ходил наяву. Видел себя. И серую стаю. Волки в поле. Бегут стремительно от далёкого колка. Временами исчезая в весенних зажоринах. И он убегает от этой стаи. Стремится к дереву, задыхается во сне. Вожак настигает и бьёт хвостом по ногам. Но он устоял, только бы успеть к дереву, только бы не упасть... Стая промчалась мимо жертвы. Проснулся Чифирик от страшной слабости в коленях, от дрожи, от холода, от... волчьего воя! За палаткой храп, треск ломающегося сухого дерева, к которому привязан гнедой жеребец. Не соображая, что делает, Чифирик выстрелил из ружья на звук прямо через брезент. Нашупал ракетницу и выполз из палатки. Пружинисто встал. Затрещала, рассыпая искры, яркая зелёная ракета, высветилась полянка. Лошадей нет! Оборванный конец верёвки насмешливо мелькнул и исчез в ночи. От

бессилья Чифирик заплакал. Заплакал тихо, по-стариковски. Давшие слабины ноги не держали, и он, на четвереньках, ползком забрался в палатку.

Печурка вновь задышала жаром и высушила слёзы. Дырку от выстрела он прикрыл войлоком, присел на корточки подле печурки и старался унять дрожь в руках, поминутно потирая их. Задымилась засаленная телогреечка, ватные тонкие штаны, а он всё не мог согреться, унять дрожь. Казалось, что не кровь, а спирт, принесённый с мороза, застыл у него в жилах, холодом и ужасом во всём теле.

На рассвете лошади вернулись. Не было одного старого меринка. Несмотря на утрату, Чифирик радовался, как ребёнок:

– Паря. Гнедой мой. Паря, друг мой, – дышал он горячим лошадиным потом и шептал ласково. – Товарищ мой верный. Пришёл, привёл лошадок. Не бросил старика погибать в тайге.

Чифирик никогда не бил лошадей. Не водилось такого за ним. И лошади верили этому маленькому человеку. У другого каюра совхозные лошади, привыкшие к вольному выпасу, иногда в начале лета разбегались. Гнедой принадлежал экспедиции. Могучий жеребец умел подчинить себе и приручаемых каждое лето Чифириком вольных якутских лошадок. От него они не отходили ни на шаг. Приходила осень, и Чифирик сдавал лошадей на центральную усадьбу совхоза. Лошади из-под его руки были настолько хорошо обучены и приручены, что якуты-коневоды оставляли их при себе для нужд в хозяйстве. А приходила весна, он опять приезжал в Оймякон за молодняком. Объезженную лошадь, как задранного волками меринка, редко удавалось заполучить. Да он и не просил. Сила гнедого жеребца да его, Чифирка, ласковое обхождение быстро ставили вольных лошадок в рабочую связку.

2.

Около двух часов Чифирик двигался по долине большой реки. Впереди лежала ещё добрая сотня километров до жилья. Он не спешил. День с утра выдался морозный, с белёсым синеватым небом. Первородный снег слепил глаза, терпко пахло гниющим листом, корой древесины. Звериная тропа, набитая на переходах, едва приметная под снегом, петляя, тянулась по краю обрывистой полки над рекой. Синеватая дымка хоронилась среди лесов. Молодой снег всполохами играл под солнцем сквозь морозную дымку. Щедрое тепло октябрьского светила быстро разогнало утренние туманы и парное тепло. Каюра начало морить в сон. Чифирик не сразу обратил внимание на гул пролетающего где-то за сопками вертолёт. Сообразив, что может разжиться куревом, он поспешно выхватил из вьюка ракетницу и выстрелил. Красную искру в голубом небе с вертолётки заметили: зов на помощь по таёжным законам. Гул и хлопанье винтов стали раскатистее, громче. Вертолёт шёл низко над долиной, высматривая человека, который позвал, бедствуя в такой глуши, вдали от посёлков и дорог. Сверху были хорошо различимы лошади и с ними человек в тулупе. Сделав круг, вертолёт завис над речной косой. Чифирик подбежал к выскочившему механику.

– Дай закурить! Закурить дай! – заорал он что есть силы.

– Чего тебе?! – изумился механик.

– Закурить! – орал ему на ухо Чифирик. – Курево кончилось. Волки лошадку съели!

– Какую лошадку?! Я тебе дам сейчас закурить! – сгрёб механик Чифирка за ворот телогрейки. – Вертолёт идёт по санзаданию, а он его сажает! Закурить взять!

Чифирик вывернулся из цепких рук механика и отскочил к лошадям. Механик откричался в открытый боковой фонарь командиру о причинах посадки. И тот, смеясь, подал пачку сигарет.

– Под лесину положи, а то унесёт! Под валежину сунь... – не поверил в удачу Чифирик.

Механик догадался. Сунул пачку под сухой плавник на косе, показал беззлобно кулак Чифирку и нырнул в вертолёт.

Вертолёт снялся и исчез за кромкой леса.

– Теперь живём, паря! – Закурил сигарету Чифирик. – Теперь дойдём шутя до базы.

Пять суток радист с базы партии следил в эфире за Чифириком. Но тот на связь не выходил. К концу шестых суток, уже в сумерках, раздались знакомые матерки. Каюр костерил и гнедого, и начальство за то, что до него нет никому дела и никто не встречает. Накинув бушлат, радист Савелий вышел из домика. Чифирик подобрел при виде живой души, поздоровался. Савелий помог ему развьючить лошадей, снести имущество под навес, где лежали мешки с овсом.

- Где народ-то? Чо, база пуста? Геологи наши где, бичи?
- Все в посёлке. Ликвидируют партию... На связь почему не выходил?

Вопроса Савелия Чифирик будто и не услышал. Сообщение о ликвидации партии сквознячком обдало душу. Тоска, от которой он устал в одиночестве среди тайги, вновь охватила своей беспокойной завистью о мечте побыть среди нормальных людей. Спешил к людям душу отогреть. Представлял, что вот он придет – событие целое! Мужики будут радостно похлопывать его по плечу, тискать ладонь, потянут с разговорами к столу. С устатку не грех будет и спиртом погреться. А потом – всю ноченьку разговоры, планы на будущее, мечты об отпуске, воспоминания минувшего. И так до утра. Выспится. В тепле, в нижнем белье в простынях, на нарах. Ах, хорошо-то как жить! За лошадьми не надо смотреть. Овса и без него дадут. База пустая?! Один полусонный радист. «На связь почему не выходил?» Смешно. Больно он, Чифирик, кумекает в обращении с радиостанцией. Топограф сбежал...

Пока Савелий соображал на стол, Чифирик разделся до байкового белья. Натянул сухие валенки радиста и подсел к столу. Осмотрел свои замурзанные руки, чёрное от палаточной копоти лицо в осколок зеркала. Вздохнул и пошёл к умывальнику. В избушке для него душновато без привычки. Крепкие стены, нагромождение аппаратуры, позвякивание капель в таз, тихая музыка из приёмника, стол, заваленный Савелием свежими огурцами, холодной варёной олениной, чесноком, луком и мягким хлебом, – всё это умиротворяло и как бы отодвигало в далёкое прошлое пять морозных суток в седле, проведённых в одиночестве среди снегов и гор. И вспомнилась весна, когда на базе жило полно народу. Когда ждали с нетерпением вертолёт для выброски. И прощались в спешке до осени. А осень пришла, и «здравствуй» сказать некому.

– Иди к столу. Хватит тебе там плескаться, – позвал Савелий. Сам вышел в сени, принёс оттуда бутылку, заткнутую капроновой пробкой. Самогонка. Водки-то сейчас ни за какие деньги на прииске не достать: на золотодобыче – сухой закон!

Чифирик без спешки вытерся тряпицей, что висела для рук рядом с чистым полотенцем. Повесил её аккуратно на гвоздь. Рядом с печкой заметил прикрытую войлочной попоной флягу. «Самогоночку, значит, гоним для старателей, – подумал про Савелия. – Зачем гнущься за рубли возле костра или на шурфах? Прижился...» Самогонку гнал Савелий и весной, сахар списывал на отрядный котёл. Начальство гоняло за спаивание своих рабочих, продавал старателям. Тех же начальников поил задарма.

– Ты, Савелий, Чифириком меня кличешь. Иль я скотина какая, имени у меня нет? – Чифирик захмелел. В душе возникли болезненные обиды, солью разъедающие всю его оставшуюся жизнь. Он и сам понимал, что не так прожил, не к тому стремился, не о том мечтал. И при случае досаждал собеседника. – Может, я бичара какой? Ха-ха! На таких бичах вся геология держится. Север подымали. Ты ещё не родился, когда я уже здесь стране валюту добывал. От цинги пухли. Как звери по склонам ползали весной, жрали от цинги бруснику. Вишь? – раззявил беззубую пасть. – Нет зубов! Думаешь, годы Чифирка подпёрли? Какие мои годы?!

– Что мне твои зубы? – огрызнулся Савелий. – Напился, падай и спи. По радиации сообщу, что пришёл. Машины завтра придут за лошадьми. Давно ждут. Везти надо. Сдавать в Оймякон. Встретил я тебя по-людски: напоил, накормил. Что тебе ещё?..

Савелий пьющих людей не любил. Брезговал пьяными работягами. Чифирка Савелий уважал. Старикан, не в пример другим, был всегда человеком, из-за лишней банки тушёнки никогда не спорил. А сахару со склада много уплыло. Надо же на кого-то и расписывать под личный забор.

Чифирик понял мысли Савелия. Криво усмехнулся: «А кто от неё, водки-то, умнее делался?» Вспомнил себя молодым. Горло спиртом лудил, ноги и руки обмораживал на шурфах до слёз, а жизнь и людей любил. Да и другая жизнь среди людей проходила: осмысленная, последовательная и прочновечная, казалось. Сейчас скверное время. Всё цену потеряло и перепуталось. Таким вот, как Савелий, только и живётся. Ведомость завтра обязательно подсунет...

От Савелия мысли перебрались к другим делам. О жизни своей опять вспомнил. Зачем она, жизнь? Турлычиху примерил рядом с собой. Баба одинокая, в возрасте, как и он. Северянка? Уже и сын у Турлычихи погиб в Афганистане. Мужика похоронила. Столько бед пережила, а скрипит старым деревом. Собираются у неё в доме полевые работяги, привальные отмечают. Своя она, горемычная. Много лет поварила у геологов в полевых партиях. Сейчас в столовой работает уборщицей. Спустят с себя мужики копейки после расчёта, Турлычиха пропасть не даёт. И подкормит, и похмелит, и от

пьянства отведёт. Мужики в долгу не остаются: деньжатами, когда богаты, делятся, дров, угля на зиму ей полный двор наготовят.

Уважают Турлычиху мужики: молодая была – по рукам не ходила. Теперь и подавно единой судьбой все связаны. Какие могут быть счёты? Выжить бы, зиму протянуть до весенних полевых работ в тайге, не спиться, не замёрзнуть по пьяному делу.

Душа разбередилась, а бутылка на столе пустая. Унижаться, клянчить самогон у Савелия, Чифирок решил, не будет. Рядом прииск. Хошь и сухой там закон, да только не для Чифирка. Савелий сидел спиной и крутил настройку рации. Натянув поверх байкового белья телогрейку, Чифирок тихо вышел из домика.

3.

Чифирок вышел и не вернулся. Исчез из тамбура и тулуп. Но ни до Чифирка, ни до тулупа Савелию дела не было. Ушёл – придёт. Куда в одном белье бежать? Радист сонно ковырялся в реденькой бородёнке, скрёб прыщавые, нечистые щёки. Прикидывал: на какое время отвалил каюр?

На прииск, Савелий не сомневался. Брага подошла. Савелий спешил сегодня её «выгнать» в соседнем доме-складе. Старатели на прииске не сегодня завтра закончат промывку, заказали десять литров первача. Барыгам дороги на участок нет. Строгости. Савелий подплавил горных мастеров и шныря артельского. Пили, конечно, у кого деньжата за голяшкой водились.

Поразмыслив, Савелий натянул полушубок и вышел под звёздное небо. Из лениости далеко отходить не стал, побзыкал, как пёс, на угол тамбура.

Савелием овладел зуд. После ликвидации партии он решил уехать с Севера навсегда. Деньги «сделал» на самогоне, прикупил и трюхи самородков, мелких и тонких, как тыквенные зёрна: в спичечном коробке пятьдесят граммов поместилось. Хорошие деньги дадут за золото в Одессе... Хаос в стране, неразбериха с властью. Все «митингуют». Машинами выберется к железной дороге, а там его лови с этим золотом. «Зимник» в декабре – это через пару месяцев. Золото и все «сбережения» Савелий прятал в избе-складе, где и гнал самогон. Отбросив сомнения, Савелий подпёр ломом дверь домика и отправился в тёплый склад.

В рубленом доме, в отличие от времянок-вагончиков, печь из кирпича и добротная чугунная плита. «Производство» для перегонки браги в самогонку отлажено: молочный вакуумный бидон – змеевик через столитровую бочку со снегом пропущен, краник залужен. Днём всё подготовил, осталось бражник залить да угля подложить для ровного жара.

И часу не прошло, синюха потекла в трёхлитровую банку. Самогонку в банках Савелий «подкрашивал» растворимым кофе, закатывая крышками. С виду обычный «виноградный сок», какой в ящиках доставляется на Север.

«Чифирок возвращается?!»

Песня шагающего к базе Чифирка слышалась издалека. Савелий примкнул склад и пошёл в вагончик.

Здесь под ногами топкие болота,
С ветрами нам приходится дружить.
И хорошо, что сам я, а не кто-то,
Сумел здесь руки к делу приложить!

Живи не наугад, дорогу выбирай.
И я, пожалуй, рад, что выбрал этот край!
Здесь жизнь идёт не зря. Здесь рубль не даровой.
И светится заря над вышкой буровой...

«Романтик хренов», – злорадно усмехнулся Савелий о Чифирке.

Чифирок ввалился в дверь и ухнул о порожек.

– Тут рубль не даровой... – промычал, поднимаясь.

Савелий валялся на нарах и страдал, что склад оставлен без присмотра.

– Где это ты шлялся? Волнуйся тут за тебя: вышел человек посясть и пропал...

– Ты, Савелий, не гундось. Понял, да? Лошади Чифирка уважают, не то что некоторые. Давай лучше выпьем, – выставил Чифирик из пазухи початую бутылку спирта.

– Ладно, чёрт с тобой, глуши. Но пока живой, в ведомостях распишись. А то завтра машины за лошадьми приедут – не до бухгалтерии будет, – протянул он Чифирку подготовленные заранее «заборные ведомости» на «котловое питание».

– Здесь, и вот здесь, – ткнул пальцем и отошёл от стола.

Чифирик равнодушно, не вникая в сумму, поставил в ведомостях коряво, но разборчиво: «Я Чифирик».

Довольный, Савелий не глянул на подпись, тут же смахнул листочки в папочку. Повеселел.

– Жратвы полно. Закусывай. Беда с вами, бичами. В тайге вас только и держать, – кружил рядом Савелий, примериваясь к спирту.

– Лей, чо мнёшься? Не жалко, – разрешил Чифирик.

– А таких, как ты, где держать? – огрызнулся.

Пришла озорная мысль Чифирку, наказать Савелия. Чифирик – азартный и опытный картёжник, в «храп» ему равных нет. Савелий поигрывал в карты «на интерес», но понятия не имел, что Чифирик «игрок». Весной все были безденежные, перекидывались всё больше в «тыщу».

– Выпей, выпей, – подначил он Савелия. – Спать рано, напиться от души не с кем. Может, в карты перекинемся?

Савелий разбавил спирт и выпил полстакана.

– На деньги? В храп? – вскружил бес Савелия, да и говорил он в шутку, в тон Чифирку.

– Можно и в «храп», можно и на деньги... – горел картёжным азартом уже и Чифирик по настоящему. Савелий тоже не мальчик, давно за тридцать живёт. Чифирик «засветил» деньги из кармана телогрейки, в которой вернулся с прииска. Где он их взял на прииске вместе со спиртом, Савелию и в голову не пришло поинтересоваться.

– Давай! – согласился Савелий. Порылся в своих вещах и на глазах Чифирка вскрыл «нулевую колоду». О складе, с бражником на плите, впервые Савелий забыл, из памяти вышибло. За пятнадцать минут «прохрапел» пять сотен, так и не поняв, как это у Чифирка получается. А Чифирик не унимался.

– Ладно, выпьешь со мной, прощу проигрыш, – забавлялся Чифирик.

Савелия закусило: махом опрокинул стакан. Чифирик сдержал слово – ладошкой подвинул деньги Савелию. Сказано – сделано.

И они «захрапели». Спирт уже не разбавляли. Савелий раз за разом проигрывал. Чифирик больше деньги Савелию не предлагал в обмен на «выпить» с ним. Не заметили, как и спирт приговорили. Савелий осоловел, старому Чифирку хоть бы хны. Чифирик только теперь ощутил всю усталость полевого сезона. Непомерной тяжестью она сковала всё тело. И выпил много, и привычного хмеля нет. Будто родниковую воду, а не самогон и спирт лакает весь вечер. Закуска, правда, добрая, да не для его беззубой пасти. Чифирик резал на мелкие кусочки оленьё мясо, и горстями глотал с хлебным мякишем. Савелий вытащил заначку, свой «фирменный сок». Ножом пробил в крышке две дырки, налил в стаканы.

– Вот это я люблю, – сказал, двигая деньги Савелию. – Играем дальше.

Что-то изменилось на улице. Чифирик отвлёкся от игры в карты. Отсветы красного зарева привлекли на стекле.

«Пожар?!» – сообразил Чифирик.

– Савелий, склад горит, – отобрал он у Савелия стакан.

– Какой пожар? Где пожар?

Сухая старая изба пластала огненным реактором, с гулом и выбросами огненных хвостов. Казалось, всё зло мира сосредоточено в горящем доме. Изба удалена от базы на бережок болотистой гати, лежащей снежной равниной к сопкам.

– Моё золото! Мои деньги! – упал в грязь Савелий. Понял и Чифирик, Савелий остался в одних «портках». Понял и не жалел. В спешке Савелий не подпёр чугунную дверку печи кочергой. Угля положил много. Тяга на мороз разогрела домну печи. Куски горящего угля выдавили дверку. Огненный комок докатился до банки, в которую натекло порядочно первача. Банка лопнула. Сгорело дотла всё.

Одна зола осталась. «Кирпичная печь военных лет» не рухнула, тянулась трубой к небу, освещаемая жаром углей вокруг.

4.

Рано утром на базе загудели машины. Приехал начальник партии Корчагин. В чёрном полушубке навис теперь бегемотом над пожарищем. Оно ещё дымилось и парило мокрым паром. Военным лихолетьем смотрелась стойкая кирпичная печь. Расплавленные остатки самогонного аппарата подсказывали причину случившегося. Чифирик наблюдал за начальством из загона с лошадьми. Всех коней он переловил и привязал к изгороди арканами. Не мог поймать пока гнедого. Гнедой не давался в руки. Конь не выносил запаха спиртного. Чифирик однажды поплатился по этой причине. Подпил в соседнем отряде и возвращался к себе на базу. Тайга. Захотелось в пути помочиться. Чифирик слез с седла, упустил уздечку. Гнедой будто ждал: прыг – и в сторону. Чифирик – к нему, жеребец – от него. Далеко не уходит, но в руки не даётся. Так и пришлось Чифирику десяток вёрст тащиться за гнедым пешком. Эту особенность жеребца Чифирик знал давно. Забывал или махал рукой: попадись мне. Смеялся беззлобно: ох и умный, паря!

Начальник партии подвинулся от пожарища к загону. Скользнул хмуро взглядом по привязанным лошадям, нашёл взглядом гнедого. После чего поздоровался с Чифириком.

– Натворили же вы дел, – усмехнулся Корчагин.

Жук он тёртый, тоже всю жизнь на северах. Не такое приходилось видеть и пережить. Партия ликвидируется – всё спишется.

– Лошади, смотрю, у тебя не все. А, Кондрат Фомич?

– Так, волчишки в пути прижали. Совхозного мерина и пустили в расход. Сам едва жив выбрался. Хорошо, вот гнедой, паря верный; остальных утром привёл. А так хоть ложись было и помирай в тайге.

– Коня не спишешь – не наш: платить совхозу придётся, – многозначительно подвёл итог разговору начальник партии и пошёл в вагончик, где в дымину пьяный валялся Савелий.

– Я, што ли, за коня платить стану – не расписывался за него?! – крикнул ему в спину Чифирик. Подумал, нырнул под жердь и подался следом за начальством в вагончик.

Корчагин задумчиво навис над столом и прокручивал горлышко банки: «продукция» знакомая. Оставил банку в покое. Повертел бутылку с этикеткой питьевого спирта.

– И где ж вы его достали? Последний раз такой спирт лет пятнадцать назад в руках держал, – хмыкнул Корчагин.

– На прииске добыл, – нагло хвастанул Чифирик. – Тулуп загнал!

– Тулуп? Какой тулуп? Ну и наглец же ты, Чифирик. Вот заставлю тебя платить и за тулуп тройную цену, будешь знать, как нагнать со мной.

По годам и северному стажу начальник партии и каюр ровня. Оба жизнь северную не понаслышке знают. Обоим известно, и десять тулупов не заменят дружбу. Старые приятели Чифирик с Корчагиным. Жизнь прожита рядом в работе! Страны советской и той теперь уже нет, в которой родились в послевоенную пятилетку. Не менять же им дружбу на проданный Чифириком тулуп?

Корчагин нацедил из банки полстакана самогона и выпил, горлом гукнув с поджёвом губ: первач хозяйский.

– Запьёшь тут с вами от такой жизни.

Корчагин пил редко, но запойно. В посёлке в течение года его с запахом не услышишь – жена в железных и нежных объятьях держит. Но весной, как выберется на полевую базу, первую неделю пьёт беспробудно, до безобразия и одурения.

– Всё, кончилась жизнь. Всё прахом. И страна, и работа. Хорошо хоть, есть куда на материк выехать. Все теперь голые. Сбережения «сгорели». Я не копил. А у людей и по триста тысяч лежало на книжке в госбанке: честно заработанных! Годами отказывали себе, копили на старость. Накопили... козлов в огороде.

Чифирик, как и большинство людей, жил далёким от мирских смут человеком. Время не переформишь, жить надо. Лошадей пора грузить на машины для перевозки в Оймякон.

Первая машина уже приткнулась задним открытым бортом к эстакаде. Чифирик вёл из загона гнедого. Конь шёл спокойно, чуть приплясывая, зло пофыркивая на чад пожарища, косил недобрым взглядом на автомобили. От машины прозвучал воздушный сигнал «фа-фа!»: шофёр звал приятеля в кабину.

Гнедой шархнулся, опрокинул Чифирка и поскакал вдоль изгороди загона. Следом за ним заскользил на животе каюр, не отпустивший конец аркана. На месте базы стоял когда-то лес, и низеньких пеньков много. Чифирик удачно не ушибся головой о пенёк. Вовремя остановился конь. Прихрамывая, Чифирик привёл гнедого до грузовика.

– Не любит он машин, – буркнул досадливо на боль в колене. – Первым не пойдёт. Придётся кобылу заводить, – привязал гнедого к бревну эстакады.

Кобыла тоже не желала заходить на кузов машины. Мелко подрагивая пепельно-серой шкурой, упёрлась копытами в накатник эстакады, храпела и брыкалась, приседая на хвост.

– Ну, погоди, одноглазая сука! Я научу тебя Чифирка уважать! – Каюр тоже приложился к остаткам в банке в вагончике и был заметно «на взводе». Кобыла каурой масти действительно была и старой, и видела только одним глазом. Ходила она в паре с гнедым около десятка лет. Пробовали разлучать коня и кобылу на полевых работах. Толку никакого: сбегают животные в поисках друг друга. Чифирик сразу это понял, и коня с кобылой больше не разлучал никогда: эти лошади не совхозные, экспедиционные. Нынче придётся вместо утерянного мерина сдать кобылу.

Чифирик сходил под навес за тонкой суконной попоной.

– Может, мешок? – засомневался Корчагин. Подобный «фокус» с кобылой Чифирик не единожды проделывал.

– Сто раз тебе говорено: мешка пугается она, – замотал сукном кобыле глаза Чифирик. Поводил её вслепую и без труда завёл в кузов. Привязал коротко арканом к переднему, нарощенному из досок для этой цели борту.

– Теперь и остальные без проблем пойдут к одноглазой кобыле.

– Ну, пошли, што ли, паря, – отвязал он гнедого. – Вот так... – ласково почёсывая, тихонько-тихонько Чифирик завёл к кобыле и жеребца.

5.

Поздно вечером Чифирик прибрёл на край посёлка к дому Турлычихи. Гнедого он отпустил на агробазе, других лошадей оставил на машинах до утра в тёплом гараже. В общежитие полевиков Чифирик не заглянул. Знал наверняка, что не удержится от соблазна, выпьет. А утром дел много: подготовить машины для перевозки лошадей за семьсот километров – это нарастить борта досками. Овёс получить на складе, сходить в бухгалтерию – подхарчиться на аванс. В Томторе дружок, с пустыми руками не поедешь. Да и не в этом дело – традиция такая много лет: получают для экспедиции лошадей – «купчую» обмывают. Сдаёт Чифирик лошадей – за здоровье и дружбу пьют с якутом Степаном. Степан в молодости тоже в Индигирской экспедиции работал каюром.

Думы о делах незаметно и путь сократили. Дом Турлычихи в ряду улицы крайний. За огородом пустошь, до поселкового старого кладбища.

Под козырьком сеней над дверью светила лампочка, мерклым светом освещая двор и постройки. Забор, обычно сжигаемый за зиму, из-за нехватки топлива, зашит ныне свежим горбылём. Во дворе поленница кругляка, в сараюшке полно угля. Запаслась нынче Турлычиха топливом на зиму. А может? Чифирик даже остановился от такой мысли. Может, нынче кого приняла? «Совсем забыл, старый дурак, о своём и Зинкином возрасте», – выругал себя Чифирик. И он забарабанил негромко в дверь. Случайно ткнул её носком валенка. Дверь сеней отворилась. В холодной пристройке тоже горит лампочка. И как-то до жути тихо за стеной на кухне, окно которой гляделось тёмным ликом в пристройку, откуда звуки обычно слышны входящему. Чифирик дёрнул входную дверь в дом, которая легко поддалась. На кухне тепло, чисто, лампочка притушена. Свет в прихожей.

– Кто там? Ты, Свиридовна? – подала из маленькой комнатухи голос Зинаида. – Что молчишь? Проходи сюда. Занемогла я совсем... Господи, и когда Господь к рукам приберёт от таких мук... Кто там?

– Это я, Зинаида. Фролов.

- Вот радость-то какая. Кондрат, ты погоди, я сейчас поднимусь с постели.
- Да лежи ты.

Чифирок прошёл к Турлычихе в комнатку, царапнул ногтем по выключателю. На табуретке возле кровати пузырьки с лекарствами, в стакане брусничный морс. Зинаида Турлычёва, исхудавшая от болезни, слабо улыбаясь, говорила:

– И то думаю: где Кондрат пропал? Обычно в первый же день приезда приходил. А он лёгок на помине. Только что-то плохая совсем я стала.

– Чего это ты хворать вздумала? Баба была – на кобыле не объедешь за день, – нарочито грубовато неудачно пошутил Чифирок. Принёс из кухни стул.

– Надорвалась я, Кондрат, нынче. Одна по хозяйству. Угля пять тонн на руках во двор переволохола. Большие куски разбить не могла, перекатала их. Оставить на улице – растащат. Ныне всяк сам себе стал жить без стыда и совести. Вот, видно, и надорвалась. Теперь сохну. – Турлычиха замолчала, отдыхая. Угрюмо сидел и Чифирок. Что он здесь? Зачем? Проклятущая старость подкралась, и заметить не успели. Кто они друг другу?

– Соседка недавно приходила, – продолжила свою горькую исповедь Турлычиха. – В печь угля подложила, посидела немного. Обещала зайти... Ты-то как? А то я всё о себе да о себе. Тяжело в твои годы за лошадьми ходить?

– А куда деваться? Ни кола, ни двора. В общежитии жить?

– А ты ко мне перебирайся.

– Забор сама городила, или наши бичи спомогли?

– Сама... Кому я нужна, господи. Мужики, кто приехал, нынче и носа не кажут. Кому больной человек нужен? Экспедиция вагончики-балки на пустыре поставила для сезонников. Там гудят. Это раньше шли к Турлычихе: она и приветит, и накормит... Разделся бы хоть с дороги. Есть, наверное, хочешь. У меня и чекушечка припасена. В холодильнике найдёшь.

– Не за тем шёл. Переночую у тебя. Дел завтра много. Лошадей в Оймякон повезу. А в общаге загудишь. На базе по-пьянке склад спалили. Не дай бог...

– И не надоело тебе гудеть-то? Седой уже весь.

Чифирок промолчал. Состояние после «пожарной» ночи и суетного дня неважное. Мысль о чекушечке для случая подходящая. К тому же сильно захотелось Чифирку перекусить.

– Ты, Кондрат, располагайся. В холодильнике суп найдёшь. Небось, с чекушки ничего с тобой не случится.

Чифирку стало досадно. Да что он, «пьяница горькая»? Даже Зинка туда же. Не того она Чифирка знает. А «чекушка» к месту. О деле веселее говорить. Сама предложила перейти к ней...

Турлычиха всё же поднялась с постели. В халате вышла на кухню и присела к столу. Чифирок чекушечку уже приговорил и сидел со слезливыми глазами: жалел себя, Турлычиху, жалел прожитые годы.

– Ты давеча сказала, что примаешь меня, Зинаида. Я, может, согласный, но смелости мало. Привык один. Сам по себе. Годы не те, чтобы вот так просто, раз – и женился, – Чифирок сглотнул остаток говора. Слово «женился» никогда не случалось молвить. – Поживу у тебя, пока оклемаешься. А там видно станет.

Турлычиха виновато улыбулась.

«Эх ты, горе горькое, по свету шлялось. И на нас невзначай набрело, – думал про Зинаиду Чифирок. – да чего же ты, горяшко, к хорошим людям пристаёшь?! А может, они сами его притягивают? И надо было ей этот уголь катать...»

Вот и он, не злой человек, а доброта не кормила и не кормит. Зинка с добром: знает, что в тайгу он не ходок, а дальше – хоть в петлю. Как жить, Чифирок не знает. Пенсия есть, можно и в сторожа уйти. А нет, так и пенсии хватит, Зинаида зарабатывает. Им двоим много не надо. Дворцов не строить, на материк тоже ехать некуда. Север – родина. Здесь и помирать.

Два дня, пока Чифирок находился в посёлке и всем на удивление ходил трезвый, начальник партии про размолвку и о тулупе помалкивал. Чифирок подписал акт расследования о пожаре на базе: «неосторожное обращение с огнём». Шума не случилось, всё шло прахом под ликвидацию партии. Правда, чтобы получить Чифирку расчёт, бухгалтерия потребовала от Савелия платёжные ведомости. Тот, не подозревая о «подписи» Чифирка, отдал их в расчётную группу.

– Что это ещё тут за роспись: «Я Чифирок»?

Савелий поморковел: – Так это ж Чифирик. Каюр нашей партии.

В экспедиции хорошо знали прозвище Фролова и потешались над Савелием.

– Каюр Фролов, что за троих питался, что ли? – подивились сумме за котловое питание.

Не стал Чифирик сутяжничать с Савелием. Получил деньги, да и стал готовиться к отъезду в Оймякон.

– Гнедого грузи, – приказал Корчагин. – Решение принято ликвидировать экспедиционных коней. Сдашь в совхоз на мясо. На колбасу сойдёт.

Больно было Чифирику расставаться с любимым конём, верным товарищем. Но кто он, Чифирик, такой, чтобы перечить. Державу разгромили, его, Чифирка, не спросили. Ощущение жизни, будто Земля с орбиты сошла и летит с ускорением в бездну. А он о каком-то жеребце будет людям голову морочить. Не стал Чифирик напрасно спорить, повёз и своего любимца к якутам в совхоз.

Лошадей Чифирик сдал без осложнений. Степан обещал сберечь Гнедого от сдачи на мясо, это в его бригадирской власти решать, какой конь нужнее хозяйству. Душа Чифирка спокойнее стала. Отдохнул Кондрат Фомич у старого друга и на четвёртые сутки прилетел самолётом в посёлок. Привёз с собой он и новёхонький тулуп, который купил через Степана в совхозе.

Корчагин как-то особенно встретил своего каюра с тулупом на руках. Он смирился с выходкой Чифирка: всё рушится вокруг – до тулупа ли? Но Чифирик, верный своему «кодексу чести северянина», – взял, верни на прежнее место. Вряд ли и подозревал о том, что ждёт его родину, имя которой – «рай милосердный». Человек прочен до тех пор, пока прочен в самом себе без скидок и поблажек, без дрожи в коленках. Север учит человека последовательно и неумолимо. Слабому человеку места там нет. Ни в первый северный год, ни через двадцать лет, прожитых там: Север – величина постоянная. Человек – существо временное.

– Надёжный ты мужик, Фомич, – хмуро подвёл итог сезона Корчагин. – Друга своего, коня, и того спас от колбасы. Страну – от кучки мерзавцев всем миром не спасли. Легче коня сберечь.

Без забот, Чифирик, радостный, семенил криволапо по проулку к дому Турлычихи. Беззаботен, потому что и дело сделано по-людски с гнедым, и с начальством мир и дружба. Что ещё простому рабочему человеку надо? Когда мир да лад в делах. А радость Чифирка уже неделю не покидает. После «сходин» с Зинаидой вроде и свет белый приоткрылся.

Он вышел в нужный проулок и остановился. Октябрьский молодой снег крупными хлопьями кружил редко и медленно. Заботливо выстилал белым покрывалом проулок, крыши домов, роился на ветле углового – Зинкиного дома. Там люди. Соседи, ребяшня настороженная. И даже собака, чёрная, под одеяльцем мокрого снега, сидела смирно. Умно рассматривала людей, отводила голову от ручонки мальчишки, трясла ушами: не время для игр.

Не веря в беду, медленно и одиноко посередине улицы Чифирик шёл к людям. Свиридовна не ведала о помолвке, поэтому шёпотом, в сердцах и выдала по-бабьи:

– Рак у Зинки был. Всё не верила, что помрёт. Хворь надсадную придумала. За полгода истаяла свечой...

Не заходя в дом, Чифирик медленно побрёл дальше. Миновал кладбище, перебрёл сухую протоку. Ноги сами вывели на агробазу в конюховскую. От старых поленьев он нащипал ножом лучины, растопил железную печь. За незастеклёнными окнами густо роился снегопад: на подоконнике снежинки таяли от идущего из помещения печного жара. Обнаружил Чифирик с собой и рюкзак, в котором привёз он из Томтора десяток солёных харюзов и пару замороженных для строганины увесистых чиров, купил он в Томторе для притирик и спирта бутылку. Степан помог, со склада, где в ящиках хранилась и «Московская», бутылки в толстой плотной пыли от времени.

На старом ящике Чифирик разостлал полотенце, которое дала Зинаида в дорогу. В конюховке стакан всегда на столе. Стакан он чисто протёр снегом, краем полотенца высветлил стекло.

Снег прекратился только под утро, и ударил крепкий мороз.

Жизнь на земле продолжалась. Днём светило солнце, ночами лошади ходили в посёлок подальше от обезлюдевшей агробазы. Жизнь на земле продолжалась. Только не было в этой жизни Чифирка – Кондрата Фомича Фролова.

Проза

Наталья Баранова

Наталья Ивановна Баранова – родилась в Тамбове. Окончила Московский государственный институт культуры. По образованию библиотечный работник-библиограф. Четырнадцать лет проработала заведующей библиотекой № 9 им. И. А. Крылова. С 2018 года публикуется в журналах, газетах и литературных сборниках в Тамбове, Москве. Автор рассказов и сказок в литературных сборниках «Радуга над Цной». Член Тамбовского фотографического общества. Выставки её фотографий проходили в Волгодонске, Москве, Звёздном городке, Мичуринске, Тамбове, а также в Израиле. Член литактива Союза писателей России (Тамбовское отделение). Живёт в Тамбове.

Ведро

Рассказ

О таких, как Василиса, раньше говорили: сто лет в обед будет. Сто не сто, но много... А что делать? Живой в могилу не ляжешь. Жить долго хорошо, но не к чему. Из родных одна внучка осталась, и та в деревню пятый год глаз не кажет. Остальные давно померли, только её Господь никак не приберёт. На всю деревню три древних реликта. Да и деревни, почитай, нет. На дальнем конце улицы Манька свой век дотягивает. Вместе в школу ходили, потом на заработки в большой город ездили, но не прижились там... вот и доживают в деревне, которой нет. Третий – дед Тимофей. Один жених на двоих, как он сам смеётся, ходит навещать – Маньку по чётным, Василису по нечётным дням. То лампочку вкрутит, то воды натаскает, а иной раз просто так, поболтать. Заодно и столуется у них. Самому-то лень готовить. Мужики – они такие: будут сидеть на сухомятке, но шей себе не сварят.

Василиса посмотрела в отрывной календарик, что висел на стенке, – число было шестнадцатое, Тимофея можно не ждать, придётся самой лезть в погреб, картошка закончилась. Она надела телогрейку, сапоги – обувь на все случаи жизни, повязала платок и вышла во двор. Коротко гавкнула собака. Это Мохнатка показала, что сторожит никому не нужный сарай.

– Ты чего это, Мохнатка? Не признала хозяйку? – Василиса погладила собаку и открыла дверь в сарай. Света здесь не было. А кому светить? Когда-то жили большой семьёй, чего только не бегало по двору и не мычало в сарае: корова, кролики, куры, гуси. В колхозном стаде овечки ходили. Теперь нет ни семьи, ни живности, ни сил держать хозяйство. Ей одной много ли надо? Мешок картошки, ну огурчиков солёных, капусты квашеной. К разносолам за всю жизнь не привыкла, а теперь и подавно, не укусить. Не по зубам, и не по деньгам.

Василиса шагнула в сарай, осветила себе фонариком и, не глядя под ноги, пошла в темноту, к люку в погреб. За долгие годы, что жила одна, она научилась экономить силы и рассчитывать каждое движение, когда доставала из погреба картошку, солонья. Чуть зазеваешься и останешься в погребе. Жди, когда Тимофей придёт или Манька-подружка хватится. Сначала она привязывала толстую верёвку к ручке двери, потом спускалась в погреб, тянула за собой верёвку, на конце которой болталось ведро. Затем набирала картошку в ведро, вылезала из погреба и тянула верёвку наверх. Сегодня она проделала это ловко, но захотела ещё баночку с грибами достать, да и огурчиков не мешало бы... Второй раз спустилась вниз, наполнила ведро банками, вылезла и потянула верёвку. Тут-то ведро, которое служило ей десятки лет, оплошало – не выдержало нагрузки, дно вывалилось. Банки рухнули вниз в погреб, хорошо хоть Василиса удержалась. Она пнула ведро и расплакалась от бессилия.

– Господи! За что ты меня наказываешь? – причитала она. – Все нормальные люди давно уже с тобой разговаривают, отчёт дают, а я всё по погребам скачу.

Мохнатка подошла к ней и облизала мокрое от слёз лицо, пожалела.

Она поплакала, вроде легче стало. У женщин всегда так – боль и обида слезами исходит. Решила, что на сегодня приключений хватит.

– Вот придёт завтра Тимофей и натаскает банок из погреба, – сказала Василиса собаке. – И тебе будку подправит. Крыша давно течёт. Хватит под порогом скитаться, если собственный дом есть.

У неё от одиночества появилась новая привычка. Она теперь со всеми разговаривала: с мышами, которые грызут что ни попадя; с «ходиками» – эти вечно отстают; сама с собой, если что-то вспоминалось, а рассказать некому. Иной раз и кошке приходилось выслушивать хозяйку. Всегда в доме жили только коты, с ними проблем меньше, но со временем Василиса поняла, что кошки лучше слушают. Вот и сейчас пришла домой, сварила картошку, но в тишине невкусно кушать. Она посадила перед собой кошку, налила молока в мисочку и начала жаловаться: на одиночество, на старость, на ревматизм – последнее время совсем одолел. Вспомнила о ведре, которое подвело.

– Думала, этому ведру сноса не будет. Видать, у всего есть предел, что у человека, что у железяки. Жила, росла, старилась, а оно всё при мне было. Помню, мать корову подоит, а часть молока надо в колхоз сдавать. Детей-то нас пятеро, чем кормить, если молока не будет. Голодно жили, только молоком и спасались. Вот и разбавляли его водой, чтобы себе побольше осталось. Несла, бывалыча, в ведре разбавленное молоко, тряслась как осиновый лист. Вдруг поймают, срам-то какой! Они ж там мерили жирность и на бумажке писали, чьё молоко какой жирности. Бумажка потом на стене в правлении висела. Вот однажды мать разбавила молоко, я отнесла в колхоз, а на бумажке потом написали, что молоко у Коржовых жирное. Домой неслась, от радости ног под собой не чуяла, ведром махала, а домой прибежала, кричу матери: «Лей ещё воды, наше молоко самое жирное». Вот так вот и жили...

Кошка пила молоко, наверное, внимательно слушала, но по ней было не видно.

Василиса продолжала:

– А потом, ещё помню, с мужем Ванечкой, ещё когда женихались, встречались у колодца. Конспирация такая. Отец детей в строгости держал, гулять вечерами не пускал, а днём некогда, вот и придумали, что встречаться будем у колодца. Собираюсь за водой, а мать и говорит: «Что это ты, Васька, так часто за водой бегаешь. Эту ещё не испили». А как только Ванечка сватов прислал, так я о воде и забыла, теперь это была братова обязанность.

Василиса рассмеялась, вспомнила, как брат Андрей бегал за ней с коромыслом, кричал, что не мужское это дело – за водой ходить. О чём с девками у колодца разговаривать?

– В деревне ведро наиглавнейшая ценность: и корову подоить, и воды испить, а состарится, так картошку копали, опять же, вёдрами ссыпали в мешок и считали, сколько вёдер накопили. Больше или меньше, чем в прошлом годе. Мешки-то у всех разные, а вёдра одинаковые. Вот и мерялись с соседями, у кого урожай лучше. А если уж совсем никуда негожее становилось, так не выбрасывали. Спросишь, почему? А жаль было. Никогда не знаешь, как и что в хозяйстве пригодится. Вот и сегодня, думаешь, я его выбросила? Так нет, на колышек, на ограду повесила. Пушай висит, авось пригодится. Опять же, жаль, столько всего с ним было. Помню, в войну наши быстро отступали, мы и опомниться не успели, как враги уже по деревне шли. Кто пешком, а кто на лошадях. Мадыры – нация такая. Мы о таких и не слыхали. Это тебе не немцы. Те всё больше на мотоциклетах. А лошадей-то поить надо. Вот один мадыр заскочил во двор, схватил ведро, что сушилось на ограде, и побежал по улице. Мать так и ахнула, где теперь ведро взять – разруха кругом? А вечером пошла к колодцу, а там вёдра со всего села валяются. Мать своё-то и взяла, приметное было: бок чуток вмятый.

Кошка закончила с молоком и сидела, гостей намывала.

– Чего это ты, Мура? Гостей нынче не будет, не старайся, не наш день.

Только проговорила, как стукнула дверь, в тёмных сенцах зашебуршало и на пороге появился Тимофей.

– Привет, Вася. Знаю, знаю, не твой день – Манькин, но у тебя щи вкуснее, да и дело есть.

– За щами завтра приходи. Сегодня картошка в «мундире».

– А с чем картошка?

– С языком. Остальное на дне погреба. Я тут маленько «управилась». Не стала тебя ждать до завтра, сама в погреб полезла. Ведро с банками тянула, а дно не выдержало, вывалилось. Огурцов не жалко, а вот ведро теперь только выбросить, да больно жаль. Как память.

– Зачем выбрасывать? Для моего дела как раз сгодится. Сейчас его приспособим, ещё послужит.

– Что за дело?

– Ты ж знаешь, я праздники люблю. Каждый день листаю календарик. Сегодня, глядь, а там твои именины. Вот, принёс яблоньку – росточек тоненький. Давай посадим возле дома, а чтобы ненароком не сломила, наденем на него ведро, пусть охраняет. Урожая, может, и не дождёмся, но деревце будет расти и мир радовать.

Яблоньку сажали с радостью. Потом долго сидели на порожке, смотрели на новую жизнь, и каждый думал о своём.

Василиса: «Приедет внучка, а яблонька её встретит. Если весной, то цветами, если летом – красными яблочками. Это как привет от меня. Она догадается».

Тимофей: «Может, к Маньке пойти? Щи они везде щи...»

Он поднялся:

– Так ты меня завтра жди. Прямо с утра. Дел много: в погребе порядок навести, дверь в сарай перекосило, подправлю. И щи... по расписанию. Он засмеялся и пошёл со двора, а Васька осталась сидеть на крылечке. Рядом примостилась Мохнатка, на коленях мурлыкала Мура. Всякая животинка любит ласку. У неё как раз две руки: левой гладила собаку, а правой почёсывала за ушком у кошки.

– Ну что, родненькие... Не зря говорят – есть жизнь после смерти, что у человека, что у железки. Будем жить, ждать весны... и Тимофея.

Проза

Юрий Хоба

Место обитания – Донбасс, полтора километра от линии фронта. Автор семи сборников прозы, Золотое перо Донбасса. В прошлом – помощник капитана судов заграничного Азовского морского пароходства.

Проклятие Половецкого идола

Рассказ

Они столкнулись нос к носу, беглый солдат и дремавший на карнизе утёса двухметровый полоз. Вызванное неожиданной встречей оцепенение длилось секунду или чуть поболее того. Однако даже малого промежутка времени хватило для того, чтобы Иван вспомнил слова школьного учителя биологии Захара Родионовича:

– Знайте, дети, у гадюки зрачки вроде палочек, а у неядовитых пресмыкающихся – овалы. Но я бы советовал держаться подальше от полозов. Нраву они крайне злобного.

При этом учитель коснулся щеки, где бугрилось обрамлённое белесоватыми отметинами родимое пятно величиной с полевую мышь. Отметины – следы зубов желтобрюхого полоза, который подстерёг школьную экскурсию на льнущей к столам каменной бабы тропинке.

– Дети, – вполголоса предупредил Захар Родионович, – замрите. Сей зверь подслеповат и, если не двигаться, может принять нас за половецких идолов.

Наверное, школьная экскурсия и страж степного заповедника разошлись бы миром, не оброни пролетающий шмель крупцу цветочной пыльцы. На беду, эта крупца была втянута в нос школьного учителя и устроила там сильное беспокойство.

Захар Родионович чихнул, и тут же в воздухе мелькнуло похожее на распрямившуюся пружину двухметровое тело.

На крики примчался егерь, худой, словно стебель горького полынка. Правда, пахло от него почему-то не степным разнотравьем, а бражкой. Но, слава богу, егерь сохранил способность соображать и за полторы минуты отцепил полоза от учительской щеки.

– Дуйте на кордон заповедника, – велел он. – Моя супружеская вам ранки зелёной замажет. Да не вздумайте выдёргивать обломки зубов. Сами выйдут.

Егерь оказался добрым человеком. Чтобы успокоить ребят, рассказал, как прошлым летом нашёл забытую туристами бутылку водки и как попытался закусить недозрелой ягодкой земляники:

– А под кустиком, – хохотнул егерь, – гадюка таилась. Да как тяпнет за палец. Но всё обошлось. Доктор сказал, что алкоголь нейтрализует гадючий яд... Я к чему веду – на природе смотрите в оба глаза. И если в носу засвербит, вначале оглянитесь, а потом чихайте на здоровье.

К сожалению, не всякий совет применим в отдельно взятом случае. И хотя над утёсом вместо шмеля кружился вран, который, как известно, цветочной пыльцой не питается, Иван почувствовал в носу раздражение. Собственно, чихать начал ещё позавчера, когда лежал в придорожной канаве рядом со своей БМП. Вообще-то Ивану следовало обогнуть горевший впереди танк, однако справа дорогу преграждала сбитая башня и что-то бесформенное, скорее всего останки солдат, которые ещё минуту назад лепились к этой самой башне.

Оказывается, броня не самая надёжная защита. Летевшие с маковки противотанковые ракеты с убийной точностью вскрывали коробки боевых машин пехоты и капоты грузовиков, треть из которых ещё раньше растеряла изодранные осколками шины и теперь бороздила ребордами асфальт дороги второстепенного назначения.

Поэтому Иван не стал дожидаться, когда очередная противотанковая стрела вонзится в бок БМП.

– Всё – долой! – заорал он и, отпихивая шпротно набившихся в десантный отсек солдат, вывалился наружу.

Вопль сражённого броней снарядом ужасен. Примерно такой звук, только во сто крат слабее, издают рёбра дикого кабана, сквозь которые проламывается пуля Бреннеке двенадцатого калибра.

На какое-то мгновение Иван утратил способность воспринимать происходящее. Но оглушили его не взрывы, второй прогремел несколько секунд спустя позади боевой машины пехоты, где на буксире тащился рябенький «уазик» командира взвода.

Нечто увесистое хлестнуло его по загривку, отчего с головы слетел и невесть куда подевался испачканный мазутом ребристый шлем. Малость оклемавшись, Иван ощупал вскочившую у основания черепа здоровенную гематому, но крови, к счастью, не обнаружил.

Тем временем взрывы переместились в хвост колонны, а на смену им пришёл треск рвущихся малокалиберных унитаров, урчанье пожирающего остатки дизельного топлива пламени, да кто-то невидимый надрывно звал санитаров.

Этот вопль штопором ввинчивался в потерявшие чувствительность барабанные перепонки, однако никто не поспешил на помощь. Когда Иван поднялся на ноги, то первым делом увидел в поле санитарную «буханку», которая исходила таким чёрным дымом, словно под завязку была заполнена крепом, из которого шьют траурные нарукавные повязки.

Вторым оказавшимся в поле зрения объектом была оторванная по плечо правая рука. И хотя обрубок выглядел так, словно его пропустили через барабан молотилки, Иван узнал его.

Эту руку невозможно спутать ни с какой другой. Безымянный палец обвивала наковка в виде перстня с черепом. Точно такой же череп размером поболее скалился и на внешней стороне кисти.

На татуировки Иван обратил внимание, когда взводный осматривал мобилизованных новобранцев. Он был на голову выше любого из них и чем-то напоминал половецкого идола из степного заповедника. Лицо подобно грубо сработанной маске из песчаника, кожа цвета придорожной пыли.

– Слушайте сюда, мрази, – прорычал Половецкий идол. – Вам выпала великая честь служить в подразделении, основу которого составляют те, кто пришёл защищать нэньку по велению совести, а не по повестке. Вы обязаны во всём походить на них и тогда, возможно, удостоитесь шеврона с изображением знака великих воинов – «Волчьего крюка». А если кто, – взводный потряс похожим на пушечное ядро среднего калибра кулаком, – вздумает лепить мостырку или, что ещё хуже, дезертировать, того я прокляну страшным проклятием! Он до глубокой старости будет жалеть, что мамка не выписала его в сухую крапиву... Вот этим самым кулаком я вышиб полтора десятка зубов, а парочку гниловатых мразей комиссовал вчистую...

И вот Половецкий идол сделал то, что не успел при жизни. Наверное, осерчал на подчинённого механика-водителя БМП, который покинул боевой пост и тем самым подставил под ракету волочившийся следом «уазик».

Но на этом, если не считать продолжавшего висеть над головой проклятия, власть взводного закончилась. И вселявший ужас кулак с двумя черепами теперь не больше чем обрубок, который, похоже, уже заприметил пролетевший над растерзанной колонной падальщик из семейства врановых.

Чихнув несколько раз кряду, отчего в голове наступило некоторое прояснение, Иван обогнул сбитую башню и, перепрыгивая через останки человеческих тел, помчался туда, где солнце термитным шаром скатывалось в наполненную золотой пылью степь.

Догоравшая колонна осталась далеко позади, однако невыносимый зуд продолжал терзать носоглотку. Казалось, в ней навечно поселился смрад горячей резины и вонь смешивающихся на асфальте лужиц. Серебристых – от расплавленных аккумуляторных пластин и почти чёрных – от человеческой крови.

Вообще-то Ивану следовало держать курс на юго-восток, в сторону родительского дома, который насквозь пропах солью черноморских лиманов. Но если он будет безостановочно двигаться со средней скоростью пять километров в час, то доберётся лишь к исходу месяца.

Зато до хутора родимой тётки, которую все, включая соседей, называют бабушкой Любой, во сто крат ближе. Надо лишь сторониться перекрёстков, где есть опасность нарваться на защитников нэньки и вооружённых чем попало, но таких же обзлённых шахтёров.

Если попадётся, мигом поставят к стенке, а за неимением таковой – к мохнатым от пыли кустикам полезающей полосы. Первые – за дезертирство, вторые – за принадлежность к нацикам. Забьют,

как влезшего в овечий катух вора. А потом сволокут в ближайший овраг. И спасибо, если прикроют землицей, не оставят на съедение падальщику из семейства врановых, который ждёт не дожждётся, когда можно будет отобедать конечностью Половецкого идола.

И только прижившийся у опушки старой дубравы хуторок бабушки Любы видится Ивану спасительным островком. Ну не могут же злоба и ненависть заползти в домишко под греческой черепицей, где всегда пахнет пресными лепёшками и где в углу на тусклом окладе иконы Николы Мирликийского дремлет отражение горящей лампадки.

Он очень гостеприимен, этот огонёк. Всяк вошедшего встречает приветливыми поклонами, и от этого в облике заступника бродяг разглаживаются морщины.

Точно так же, приветливо, встретит и сама хозяйка. Маленькая, с глазами цвета степных криниц, на дне которых застыла вселенская скорбь. И тут же примется накрывать на стол, таково правило в домишке под греческой черепицей – первым делом накормить гостя.

– Как же ты похож на своего покойного дедушку, – вздохнёт тётка, и в унисон её словам всхлипнут добытые из пузатого комода чарки старинного литья.

Печальное настроение, конечно, передастся Ивану, и он предложит первым делом помянуть тех, о ком скорбят глаза хозяйки. Только до хутора на опушке дубравы топать и топать. Поэтому и торопится Иван, шагает по сжатому полю, словно землемер с растопыренным сажнем в руке. Брызжут во все стороны сиреневокрылые кузнечики, хрустит под подошвами берцев непокорная, как колючки ёжика, стерня.

Назад ни разу не посмотрел. Пресытился за полтора месяца зрелищем разорванных в клочья тел и вывернутых наизнанку боевых машин пехоты. Его сейчас больше интересует рассыпанная золотистая пыль, которая вблизи оказалась и не миражом вовсе, а цветущим подсолнечником. Повернув, хранящие юную гибкость корзины будто указывают Ивану дорогу – на запад, где термитным шаром скатывается солнце и где у иконы Николы Мирликийского теплится приветливый огонёк.

– В поросячий голос тебя посеяли, – сказал Иван подсолнечнику. – Сентябрь, но ты по-летнему праздничный. А я по твоей милости, ровно пчела, весь в золотой пыльце.

Зато кукуруза на соседнем поле – копия молодящейся дамочки. Ещё всю кокетничает, но в голосе уже проскальзывает старческая шепелявость. Иван шагает споро, червем ввинчиваясь в кукурузные листья. И так увлёкся, что вылетел на полевую дорогу.

К счастью, та оказалась пустынной. Если, конечно, не считать припавшего на закопчённые реборды трёхосного грузовика в окружении разбросанных консервных банок. Тоже закопчённых.

Правда, разбросанные взрывом консервы никого не интересовали. Ивана подташнивало при малейшей мысли о еде, а водитель грузовика едва ли уцелел после попадания в кабину противотанковой ракеты.

Подобная участь ожидала и самого Ивана. Но он, видя, как снайперским огнём расстреливали колонну, вовремя покинул коробку БМП, которая долю секунды спустя стала бронированным гробом для других, тоже бежавших с поля боя.

А как не бежать, когда после сшибки под Мариновкой даже Половецкий идол закатил истерику, после которой его пришлось отпаивать конфискованной самогонкой.

– Сука буду, – орал взводный и так колотил себя в размалёванную татушками грудь, что возникла угроза обрушения церковных куполов, – если поверю, что нас утложили вчерашние шахтёры и трактористы. Только в блиндаж комбата, земля ему пухом, восемь прямых попаданий сто двадцать второго калибра!

С той же ювелирной точностью ополченцы отработали и по колонне, которая жирной гусеницей пыталась уползти в тыл. Да и подбитый грузовик с консервами – тоже дело их рук. Видно, всерьёз осерчали шахтёры и трактористы на непрошенных гостей.

Правда, одинокий солдат не та цель, на которую следует тратить пулю, тем более – противотанковую ракету. Даже если доберётся до своих, он уже не воин. Кто однажды дезертировал с поля боя, побежит и во второй раз.

И всё-таки он колеблется. Кукурузное поле закончилось, а дальше – заставленная кустиками шиповника разлога балка и высотка, откуда, скорее всего, и был подбит трёхосный грузовик.

– Чему быть, того не миновать, – говорит Иван и берёт курс на переброшенный через заболоченный участок балки каменный мост.

Мост очень древний, кажется, он тут же рухнет, если убрать подпирающие его своды метёлки камышей.

От моста, в обход высотки, тянется помнящая колёсный скрип телег первых поселенцев брусчатка, которая вскоре привела Ивана в закут, образованный двумя сходящимися под острым углом полезащитными полосами.

Судя по штабелям ящиков от боеприпасов установок залпового огня, в закуте базировался дивизион «Градов». И уходил отсюда в великой спешке, бросив бензовоз с поднятым капотом, зенитную установку на колёсиках и стоящий к ней впритык зелёный мотоцикл, в коляске которого высилась целая копна пакетов с сухпайками и крупой.

Впрочем, последний уж никак не выглядел покинутым, и поэтому Иван спрятался за кустами серебристого лоха. Со своего НП он вначале уловил какое-то шевеление, а погода разглядел хозяина мотоцикла. Массивный, под стать взводному, мужик цеплял «зушку».

«Запасливый чёрт, – восхитился Иван. – Только на кой хрен ему в хозяйстве зенитка? На диких уток охотиться?..»

А мужик тем временем выудил из-под пакетов бутылку воды. Пил долго, с наслаждением, как и всякий изрядно потрудившийся добытчик.

Наконец, мужик завёл мотоцикл. Проехал рядом, даже не удостоив взглядом куртинку серебристого лоха, за которой хоронился Иван, и «зушка» собачонкой поскакала к новому месту жительства.

Ивану следовало бы расспросить дорогу в хутор, где у образа покровителя путников теплится лампадка. Однако с таким же успехом мог подгрестись на утлой лодчонке к выбирающему сети браконьеру и поинтересоваться уловом, заранее зная, каким будет ответ. И вообще, нет более мерзкого существа, нежели браконьер, который с одинаковым усердием обирает море, землю и выворачивает карманы павших на поле боя.

Поэтому Иван и поостерёгся лезть с расспросами. Хватит, схлопотал по заливку мёртвой, но карающей десницей. К тому же у него имелась путеводная звезда – солнце. Надо держать строго на неё, и тогда обязательно повезёт.

Ну, пока ещё светло, следует позаботиться о ночлеге. Термитный шар греет вполне, ещё чуток, и в низинах потекут прохладные реки тумана. Единственное укрытие от них – крыша под греческой черепицей или сеновал, где даже в лютый мороз пахнет так, как на Троицын день. Только в окрест не видать ни того, ни другого. Лишь бесприютные балки да кособокие горюшки.

Но не напрасно же теплится огонёк у иконы Николая Мирликийского, покровителя ищущих пристанище. Уже в загустевших сумерках заметил серпантин речушки, оконтуренной вялыми, как медведи перед зимней спячкой, ивами и копёшкой сена.

В другой раз при виде покинутого стожка Иван бы укоризненно качнул головой: «Такое добро пропадает». Но сейчас испытал что-то вроде благодарности тому, кто подарил чудесный ночлег.

Закапываясь в стожок на остатке сил и сознания. Восемь прямых попаданий в блиндаж комбата, оставленная на заливке мёртвым кулаком шишка и многочасовая погоня за небесным светилом доконали беглого солдата.

Он даже не слышал, как ниже по течению перекликаются железные перепела войны и как тревожно реагируют на канонаду приречные ивы, в голосе которых ощущалась всё та же старческая шепелявость.

Однако спал беспокойно. В черепной коробке продолжало биться эхо рвущихся малокалиберных унитаров да всё так же исходила траурным чадом валяющаяся на боку медицинская «буханка». А потом привиделся падальщик-вран. Не обращая внимания на катящиеся из глазниц черепа багровые слёзы, он теребил жёстким клювом руку Половецкого идола.

«Как ты смеешь жрать то, что смердит на всю округу?– кричал Иван во сне. – Поди прочь!»

Снился ему и грузовик в окружении консервных банок, из которых выползали опарыши. Точно так же, тошнотворно, пахло и всё остальное. Закут, где добычливый мужик цеплял к зелёному мотоциклу зенитку, ветхозаветный мост и даже цветущие корзинки подсолнечника.

«А ты напаяль на харю противогаз», – ехидно посоветовал пролетающий над стожком вран и выронил из лап чьи-то кишки.

«Да пошёл ты!» – заорал Иван и, выкарабкавшись из стожка, чуть не наступил на дохлого волка.

Теперь ему, наконец, стало понятно, почему стожок оказался не востребовавшимся. Чуть поодаль в траве валялся окровавленный, как и волк, заяц, а прибрежный луг в шахматном порядке усыпали квадратики жухлой травы.

– Грубая работа, – пробормотал Иван. – Ставили мины, а не подумали, что через день-другой брак вылезет наружу... Жаль волка, устроил охоту на минном поле и поплатился. И зайца зазря сгубила. А мне по их милости дохлятина всю ночь мерещилась...

Ивану не составляло труда ещё раз, теперь уже днём, пропетлять между квадратами. Однако решил свести риск к минимуму. Если повезло однажды, то это вовсе не означает, что повезёт и во второй раз.

Справедливо рассудив, что здравомыслящему сапёру не придёт в голову заминировать речное дно, снял берцы, стянул носки с прорезами на пятках и закатал штанины. Добравшись до середины речушки, плеснул в лицо горсть воды и старательно промыл ноздри, в которых, как ему продолжало казаться, навечно поселился смрад падали.

И хотя теперь солнце грело продолжавшую саднить шишку на загривке, оно не перестало быть путеводной звездой. Правда, идти пришлось полями, а это отнимало много сил. Лишь иногда, если полевая дорога вела на запад, позволял себе некоторое послабление. Однако, услышав далёкий гул автомобильного мотора, куропаткой упархивал в полезащитную полосу.

Без малого полдня потратил, чтобы обогнуть расползшееся перезревшим тестом село. Обходил по холмам, где вперемешку со сгоревшими соснами-крымчанками торчали сигары реактивных снарядов.

Холмы были облиты кладбищенской немотой. И только шустрые сквозняки водили на выгоревших дотла земляничных полянках хороводы да шлёпались в остывший пепел умерщвлённые шишки.

Выбравшись из горельника, Иван вновь почувствовал в носоглотке сильнейшее раздражение. Что бы там ни говорили, а человеческий организм – вещь мало приспособленная для войны, которая контузит барабанные перепонки и приводит в замешательство обоняние. Сплюнув под ноги чёрный сгусток и отряхнув с рукавов оставленные ветками сосен траурные мазки, беглый солдат огляделся.

Начинавшаяся за горельником слева полезащитная полоса вела в нужном направлении, однако в дальнем конце её виднелось какое-то корявое сооружение. Скорее всего, один из блокпостов, которые бородавками обсели донецкую землю.

– Придётся опять нарезать круги, – вздохнул Иван и, придерживаясь горельника, пошёл к полезащитной полосе справа.

Война, похоже, стороной обошла эту зелёную полоску, чем незамедлительно воспользовались ткачи-арахны. Они развесили свои снасти так густо, что всякий, случайно забрёрший сюда комарик, находил здесь погибель.

Впрочем, беглый солдат тоже не обрадовался паутине. Она липла к лицу и тянулась за берцами пыльными лохмотьями. Пришлось прокладывать дорогу при помощи пучка дикорастущей конопли.

Передышка в сражении с арахнами вышла недолгой. Стоило только пересечь дорогу и углубиться в дремотное безмолвие островка байрачного леса. Правда, здесь было посвежее. Наверное, сказалось присутствие ещё одной безымянной речушки, которые во множестве зарождались среди отрогов горного кряжа.

Речушку пересёк по топлякам. Упавшие в воду деревья образовали запруды, по которой ветерок водил флотилию опавших листьев. Под кронами ясеней пахло иначе, чем в горельнике или на заминированном лугу, однако, оказывается, перенасыщенный кислородом воздух тоже способен вызвать раздражение в носу.

Иван так оглушительно чихнул, что за малым не сверзлся в воду, а в ответ на это из кустов бересклета раздалось насмешливо-благожелательное:

– Будь здоров! Сто долларов тебе на мелкие расходы...

– Спасибо, – ответил солдат, на всякий случай готовя путь к бегству.

Однако вышагнувший на берег человек был явно не из тех, кого следует опасаться. Пузырящиеся на коленках штаны, распахнутая безрукавка обнажила перекрещенный чудовищными шрамами впалый живот, а главное – глаза. Добрые, словно погожий денёк, окончательно успокоили Ивана.

– Да, – молвил незнакомец, окидывая взглядом пришельца, – сотня зелёных тебе бы точно пригодилась... Но, за неимением таковых, могу предложить миску ухи и полбатона хлеба недельной давности. Магазин далеко, да и вокруг такое творится... Ладно, проходи к моему шалашу, располагайся. Зови меня Сергеем Александровичем...

– Иван...

– Дальше можешь не продолжать. Сам вижу – беглый солдат. Здорово, наверное, причесали под Мариновкой или Саур-Могилкой?

– Восемь прямых попаданий в блиндаж комбата, взводному по плечо руку оторвало, моя бээмпэшка сгорела.

То, что Сергей Александрович назвал шалашом, оказалось вполне благоустроенной обителью. Сколоченный из горбылей домишко о двух окнах, столик с прилипшей радужной чешуёй, самодельные скамьи по бокам, в стороне деревянное сооружение, без которого немислимо даже самое убогое человеческое жилище.

– У меня, – засмеялся довольный произведённым на гостя впечатлением хозяин лесной избышки, – даже огород имеется. Дикие кабаны, правда, порой навевываются, но ничего, картохи уродило щедро... Уха ещё горячая, перед твоим приходом с огня снял. Только хлебай осторожно, окунь – рыбка костлявая.

– Вы отшельник? – глядя, как Сергей Александрович утверждает на столе алюминиевые миски и банку с молотым перцем, спросил Иван.

– Вроде того. Отшельник на лето. Рыбачу, за огородом присматриваю. Как выперли на пенсию, так и обосновался на байрачном островке. А куда ещё податься отставному шахтёру, в квартире которого полный матриархат?

– Как это – полный матриархат?

– Вот обзаведёшься женой, тещей и выводком дочерей из пяти душ, тогда и узнаешь. Пока ночью доползёшь до унитаза, пятки исколешь о разбросанные бигуди да пару-тройку раз окунёшься мордой в развешенные на верёвках дамские штанишки.

– Что же вы их оставили в такое время? Война ведь...

– Мои бабоньки кому хошь глаза выцарапают. Сам удивляюсь, как до сих пор зрения не лишился... Шучу, конечно. Главе семейства почёт и уважение, да и между собой ладят. А что я здесь, так они и настояли: Езжай, – говорят, – на свой огородно-рыбацкий стан, куда каждое лето ездил, от беды подальше».

– Беды?

– Самой натуральной... Я в членах избирательной комиссии состоял, против киевской шоблы агитировал, не к ночи она будь упомянута. А когда нацики из этого... из «Азова» налетели, начали таких, как я, за шкуру хватать. Припёрлись и к нам. Один, бородастый, еле по-русски лопочет, автоматом мне в зубы: «К стэнкэ! – орёт. – Мачыть надо падлу!» Спасибо, другой, норовом поспокойнее, урезонил: «Охота тебе, Реваз, с полудохлым возиться? Вот оклемается, тогда и порешишь».

– Так и ушли?

– Что им оставалось делать? Я только из больнички, жена с тещей под руки на горшок водят. А всё язвы, не будь они упомянуты на ночь, проклятые. В одну ночь сразу две сдетонировали, перитонит жуткий... Но ты хлебай, не отвлекайся на беседу.

Однако Иван и без напоминаний так орудовал ложкой, что, наверное, дикие кабаны в чаше слюной изошли.

– Ешь, Ваня, ешь. Я ещё пару черпаков добавлю. Не люблю, понимаешь, если рядом кто-то голоден.

– Так и тётка моя говорит... Нет, черпака достаточно. Ещё бы хлебал, да челюсти притомились.

– Башка моя бестолковая, – подхватился хозяин лесной избышки. – У меня же перцы солёные в погребке. Сейчас слетаю.

Поставив миску с прилипшими к перцам веточками укропа, Сергей Александрович вдруг умолк. Наверное, задумался о чём-то своём, бердящем душу и сердце.

Управившись с перцами и добавкой, Иван поднял голову и удивился странному выражению лица Сергея Александровича. Оно как-то враз напряглось, а из глаз исчезло тепло.

– Поел? – сухо поинтересовался хозяин. – Теперь топай, куда шёл.

– Я, наверное, ляпнул что-то не то? – заробел Иван. – Извините, если что не так...

– Всё так. Кроме «Волчьего крюка» на твоём шевроне. Точно такие имелись на рукавах тех двоих, что ко мне приходили... И как это я сразу не заметил? Значит, ты из нациков, поди, к стенке ставил тех, кто не признал киевское шобло?

– Никого я не ставил. Просто в батальоне был некомплект механиков-водителей БМП. Вот и загребли, – вконец разобиделся Иван. – Ладно, спасибо, что подхарчили. Прощевайте, Сергей Александрович...

Ушёл. Даже не обернулся на посланные вдогонку слова примирения. От обиды полыхнули уши, да почему-то сделалось горячо под шевроном. Сорвать бы к чертям собачьим каинову печать, да крепко пришита, без ножа никак. А зубами побрезговал. Казалось, шеврон тоже пропитался падалью.

За байрачным островком раскинулось волнистое плато. На нём под ручку с космами ковыля Лессинга дотлевают жёлтые свечи коровяка. Укрытие слабенькое, но в случае опасности можно прильнуть к скудной земле, как льнёт к ней робкий чабрец. Спустия полтора часа плато привело беглого солдата ещё к одному островку. Растущие веером ясеня ссыпали розовые крыльчатки в овраг, на дне которого пульсировал ручеёк. Наверное, радовался освобождению из подземной темницы.

Опустив колени в траву, Иван припал к отзывчивой, словно губы любящей женщины, воде.

В полусотне метров ниже по течению через овраг переброшен деревянный мосток с отгнившими перилами. Рядом – утонувший в зарослях матёрой крапивы железобетонный столбик. Прикреплённый к нему проволокой дорожный указатель настолько заржавел, что название населённого пункта удалось прочесть не полностью.

– Свистун, – ухмыльнулся Иван. – Хотелось бы знать, что сие означает.

«Свистун» оказался хутором в одну улицу, которую с двух сторон теснили перешагнувшие через заборы вишнёвые деревца. Однако Иван рискнуть побоялся. Вернулся к оврагу и двинулся в обход хутора, придерживаясь распоясавшейся без присмотра бузины.

К сожалению, овраг оказался капризным попутчиком. Он всё время вихлял, а потом и вовсе повернул на северо-запад. Поэтому Ивану пришлось перебраться на косогор, чья каменистая почва могла прокормить лишь вобравший в себя горечь потревоженной войной земли полынок.

Он, конечно, рисковал, высунувшись на открытое место. Однако риск зачастую оказывается самой прямой дорогой к удаче. Придерживаясь своей путеводной звезды, Иван набрёл на сложенную из дикого камня сторожку. И хотя строеньице на отшибе показалось безлюдным, прилёг за кустиком шиповника, таким же тощим, как и пасынок бесплодных косогоров полынок.

И странное дело, чем дальше разглядывал сторожку, тем меньше она казалась неприютной. Окна изнутри до половины зашорены старыми газетами, и никакого намёка на клумбу с загрузившими хризантемами, зато вплотную к сторожке примыкает вызолоченная заходящим солнцем икона озера, которое по периметру обступили выкованные из того же драгметалла осинки.

Правда, от созерцания этой сиятельной прелести у Ивана защемило под сердцем. Наверное, нечто подобное испытывает соскучившийся по человеческому очагу бездомный пёс.

Подождав, когда сумерки окрасят икону озера в серебристые тона, прокрался к сторожке, которая, как и следовало ожидать, оказалась заперта на висячий замок. Однако это не огорчило Ивана. Замки в сельской глубинке существуют исключительно для того, чтобы случайный гость мог узнать – дома хозяин или отлучился. А ключ если и прячут, то от глаз любительницы блестящих вещей сороки.

Ключ на грязноватой верёвочке Иван нашёл под деревянным в одну ступеньку крыльцом. Внутри сторожки пахло табачным перегаром, рыбацким бреднем и пустырником, снопики которого в беспорядке валялись на подоконниках. Да и прочая обстановка оказалась под стать сугубо мужской обители. Койка с полотенцем на одной спинке и спортивным костюмом на другой, пара табуреток, брусок хозяйственного мыла на плите, рядом с потухшим очагом кроссовки и инвалидного вида веник.

Дальний угол, где высилось что-то громоздкое, почти не просматривался. Лишь по запаху рыбы можно предположить, что угол занят сетями и поставленной на попа небольшой лодкой.

– Прости, хозяин, – сказал Иван, – но костюмчик с кроссовками моего размера. Верну как-нибудь при случае. Заодно одолжу на полчаса туалетные принадлежности.

Серебряная икона к тому времени покрылась чернью. Лишь там, где к берегу вплотную подступали осинки, она казалась более светлой. Входил в воду, как входят в тёмную комнату чужого дома. С опаской. Однако песчаное дно оказалось удивительно ровным. Ни булыг, ни бутылочного стекла.

Вернулся в сторожку с одним полотенцем вокруг бёдер. Грязные трусы зашвырнул в кусты войлочной вишни, туда же отправил и то, что прежде именовалось носками.

Жутко хотелось есть, только ничего съедобного в сторожке не обнаружилось. Поэтому поступил по закону волчьей стаи: коль не удалось что-нибудь заполучить на ужин, ложись спать. А грядёт новый день, глядишь, госпожа удача расщедритя на белый сухарик.

Правда, до нового дня ещё надобно дожить. Впереди целая ночь, время нечистой силы и луны. Особенно коварна последняя. И если она способна приливной волной повернуть вспять Луару или какую другую, тоже впадающую в океан реку, то разве трудно ей устроить досрочную побудку человеку с истрёпанной психикой...

Луне, похоже, надоело общество шушукующихся осин. Она приподнялась на цыпочки и заглянула в сторожку поверх зашоренных газетами окон.

Свет небесного отражателя оказался таким ярким, что Иван прикрыл глаза рукой. Однако это не помогло. И вдобавок показалось, что кто-то посторонний забрался в сторожку и теперь внимательно рассматривает незваного гостя.

– Привидится же такое, – пробормотал Иван и убрал от глаз руку. Только лучше бы не делал этого. В дальнем углу стоял человек. Его лицо по самый подбородок находилось в тени капюшона вызолоченного луной плаща.

– Ты кто? – спросил Иван, вдавливаясь лопатками в стену.

Однако пришелец безмолвствовал, и в этом молчании было нечто запредельно жуткое. Казалось, сам дьявол явился в сторожку, чтобы вершить суд над беглым солдатом.

– Послушай, – взмолился Иван, – я, конечно, виноват в смерти ребят и взводного. Следовало бы взять вправо и укрыться за горевшим танком, а не спасать собственную шкуру. Но она ведь у меня одна и другой больше не будет... И потом, разве я мало натерпелся в наказание за свой грех?..

Иван говорил сбивчиво, как всякий, кому последнее слово дадено ради приличия, и что приговор – дело решённое. Поэтому слова его казались сгустками крови, которые вылетают из горла, лежащего на смертном одре чахоточного.

Однако горячая исповедь подействовала на посланца ночи. Суровые черты лица умягчились, исчезла таившаяся под капюшоном могильная пустота.

Беглый солдат хотел ещё что-нибудь добавить к собственному оправданию, однако луна окончательно изгнала мрак из пахнущего рыбацкими снастями угла, и он умолк. То, что вчера принял за поставленную на попу небольшую лодку, а пять минут назад за посланца ночи, ни тем, ни другим не оказалось.

– Да это же каменная баба, – облегчённо выдохнул Иван, для пущей убедительности ощупывая изваяние. – Только огромная, как наш взводный, царствие ему небесное...

Опасаясь пропустить восход солнца, решил скоротать остаток ночи на ворохе сетей, сваленных в промежутке между стеной и половецким идолом. Однако задремал и поэтому с большим опозданием среагировал на шум подъехавшего автомобиля. К счастью, не запаниковал. Хватило ума сообразить, что после дневного света едва ли заметят в тёмном углу спрятавшегося под ворохом сетей человека.

– Странно, – удивился один из вошедших, – я позавчера вроде запер дверь, а она открыта... Склероз чёртов. А какой-то хмырь воспользовался этим. Постель смята, полотенце скомкано... Вот же гад, в качестве благодарности за ночлег напялил мой спортивный, а своё барахло оставил.

– Прочее имущество цело? – полюбопытствовал второй, хриплоголосый, судя по тяжёлым шагам, обутый в берцы.

– У меня из ценностей, командир, сети да каменная баба.

– На кой хрен эту дуру в избушку затащил?

– Чтобы не изнасиловали.

– Ну-ка, разверни куртку левым рукавом к окошку... Да, товарищ егерь, непростой гость у тебя ночевал. Нацик из карательного батальона.

– Как определил?

– На шевроне «Волчий крюк». Их метка. Жаль, что гость слинял до нашего приезда. Уж я бы на нём отыгрался.

– Соли на причинное место насыпали?

– Похуже. Сеструху-малолетку так отхороводили, что в реанимацию попала. Пробовал у неё выяснить приметы тех гадов, сразу плакать начинает. Только однажды попросила: «Братик, если тебе попадётся тот, у которого на кулаке татушка в виде черепа, сразу не убивай. Привези сюда, плюнуть в его харю хочу».

«Ему уже так плюнули, что теперь ворон его рукой закусывает», – чуть не вырвалось у Ивана.

Однако промолчал. Слишком неумная ярость плескалась в хриплом голосе. Такой разбираться не станет. Забьёт солдатскими берцами без суда и следствия.

– Извини, что душу разбередил.

– Моя душа не извинения жаждет, а крови мрази, украсившей себя «Волчьим крюком»!

– А что за крюк такой?..

– Ты – егерь, лучше меня обязан знать, что волк глотает куски мяса целиком. Чем и воспользовались немцы, которые задолго до Гитлера жили. Волчий крюк – это снасть. Один конец крепится к дереву цепью, на другой в форме крюка насаживается мясо. Волк проглотит, но приманке обратной дороги нет. Хоть живым с него шкуру снимай, что некоторые упыри и делали... Надеюсь, интересуешься не для того, чтобы позаимствовать опыт?

– Избави боже. Я что, садист какой.

– Ладно, вечером расскажу, как «Волчий крюк» стал эмблемой гитлеровской дивизии «Райх» и как он перекочевал на шевроны украинских карателей. А теперь к делу... Отложим рыбалку и намеченный моими разведчиками пикничок на природе и займёмся отловом мрази, которая в твоей одежке разгуливает. Как думаешь, куда он может податься?

– Куда и другие, на запад. Только, командир, у охотников дробовики, а нацик наверняка с автоматом и гранатами.

– Патроны с картечью на волка – самое то. Но на усиление, так и быть, подброшу пулемётчика. Давай показывай на карте место, которое следует прочесать в первую очередь...

– Думаю, он будет держаться вот этого массива. Надо одну группу пустить отсюда, а вторую на машинах забросить в лесничество. Да, командир, для подстраховки на холмах слева тоже поставь засаду, лучше – снайперов. Справа скальная гряда, её без альпинистского снаряжения не взять... Только прикажи своим разведчикам, чтобы лишних дырок в моей спортивке не наделали. Перед самой войной купил.

– Замётано. Поехали на базу. Я подниму своих разведчиков, а ты тем временем поднимай охотяр. Чем больше, тем лучше... Да оставь в покое замок, обернёмся в таком темпе, что твою драгоценную бабу не успеют насильничать.

Иван не имел никакого понятия, о каком массиве шла речь. Зато уяснил другое – если не желаешь схлопотать пулю снайпера, стороной обходи холмы.

Бегом обогнул икону озера, затем, утопая по колено в вязком разнотравье, пересёк открытую поляну и наконец оказался на кромке леса. Конечно, сподручнее было бы двигаться вдоль опушки, где виднелась наезженная колея, однако слова егеря о засаде на холмах вынудили свернуть в лес.

Иван даже не предполагал, что долины горного кряжа способны рожать неохватные дубы. В облике патриархов имелось нечто родственное с вставшими на пути чужинцев витязями.

Здесь, в пойме, уже всю хозяйничала осень. Грибы изнемогали под гнётом опавших листьев, плоды боярышника окрасились в рубиновые тона, а развешенные в подлеске паутинки обрели сходство с отслужившими положенный срок рыбацкими неводами.

Иногда глубинную тишину дубравы нарушали увесистые шлепки. Это бродяга-ветер спихивал с насиженных мест созревшие жёлуди, и те подкалиберными снарядами вонзались в броню лесной подстилки.

Однако беглого солдата заставила насторожиться не желудёвая капель. Позади, в сотне метров за спиной, сухо выстрелила сломанная ветка.

Но это был не зверь. Даже десятипудовый кабан способен проскользнуть чрез ломкий терновник бесплотной тенью. Следовательно, там, за спиной, люди. А пришли они именно за ним. И теперь оставалось только одно – бежать, не дожидаясь, когда в спину ударит звучный плевок волчьей картечи.

И он побежал, сшибая кроссовками шляпки зонтика пёстрога, тараня грудью подлесок. Дважды падал, споткнувшись о забытые лесорубами колоды, потом, оступившись, шлёпнулся в кабанью лёж-

ку. Хорошо, что её хозяин временно отсутствовал. А в раскалённом мозгу пульсировало дурацкое: «Москва – Воронеж – хрен догонишь!»

Впрочем, смысл в этой, выплывшей из сопливого детства, фразе имелся. Преследователь и преследуемый – две большие разницы. Первым движет подогреваемый жаждой отмщения охотничий азарт, а у второго на кону всё. И поэтому он способен совершить то, что не под силу преследователю.

В частности, вскарабкаться без альпинистского снаряжения на скальную грядку, которая сейчас тянется по правую руку беглого солдата. По прикидкам, Иван давно оторвался от погони. Преследователи наверняка считают, что он вооружён автоматом и парочкой гранат. Поэтому пойдут крадущимся шагом, готовые пасть ниц при первой же очереди. Однако успокоение не приходило. Пойменный лес сделался совсем узким, слева, в просветах между дубами-патриархами, уже просвечивали пологие холмы, где терпеливые снайперы караулили добычу.

Только Ивана сейчас больше тревожило другое. Как дикий зверь, он нутром чувствовал главную опасность. И даже готов был поклясться, что слышит дыхание притаившихся впереди разведчиков хриплоголового.

Но те, кто охотился на беглого солдата, не учли одного – дичайшего прилива сил, которые появляются у загнанного в угол живого существа. А посему едва ли держали под прицелом неодолимую, по мнению егеря, скальную грядку.

Ивану ещё не приходилось вскарабкиваться на вертикально поставленные утёсы. Самая высокая точка возле хутора бабушки Любы – курган с геодезической вышкой на маковке, который вплоть до потревоженного плугом основания летом облит ягодами земляники. Однако хуторская детвора стороной обходила рукотворную горюшку. В ветреный день ржавая вышка издавала звуки, которые напоминали плач потерявшейся души.

Дома, в селе, где родился Иван, вообще не имелось никаких выдающихся над солончаковой степью мест. Ведь не отнесёшь же к ним горбатую плотину пруда за околицей. Только устроишься в санках, а горюшка уже кончилась. Впрочем, выпавший ночью снежок редко задерживается на горбатой плотине. Ближе к полудню его без остатка съедали напозавшие с лиманов мохнатые туманы.

Обследовав взглядом грядку, остановил выбор на утёсе бурого цвета. Когда-то, миллионы лет назад, он представлял собой звонкий монолит, однако сейчас больше смахивал на лицо старого пьянчужки. Неряшливые складки, разбежавшиеся склеротическими жилками трещины, выпавшие из дёсен и теперь валяющихся внизу булыги.

Первые метры дались легко. Облегчённое голодом тело не мешало брать уступ за уступом. Так помалу добрался до карниза, такого широкого, что можно присесть и оглядеться.

Но главное – от карниза вверх вела цепочка вбитых в скальную породу ржавых штырей с кольцами. И хотя цепочка обрывалась в полутора метрах от вершины, стало тепло от мысли, что этот путь уже пройден другими.

Конечно, тренировавшихся здесь скалолазов страховала продетая сквозь кольца верёвка, и обуты они были не в кроссовки с чужой ноги, а в специальные ботинки. Однако Иван почувствовал что-то вроде превосходства над ними. Альпинисты покоряли утёс ради малой дозы адреналина, а он спасает собственную шкуру.

Только человек не Господь, он способен лишь предполагать. Да и откуда Ивану знать, что на последнем, ведущем к вершине утёса карнизе отдыхает желтобрюхий полоз. Такой же громадный, как и принявший родимое пятно на щеке школьного учителя за мышку его собрат.

У тех, кто сталкивается нос к носу на узкой тропе, всегда есть выбор. Либо уступить дорогу, либо вместе свалиться в пропасть.

– Послушай, дурачок, – как можно ласковее молвил беглый солдат, – зачем тебе кусать то, что не поместится в брюхе? Ползи в свою норку с миром, не дай сбыться проклятию взводного...

Однако полоз лишь слегка приподнял похожую на булыжник голову. То ли собрался ответить человеку, то ли просто ждал, когда тот, наконец, чихнёт.

А над утёсом по ниспадающей кружился вран. Наверное, уже предвкушал трапезу из двух блюд, а может, вёл учёт падали, которой людишки засеяли хлебные нивы и отлоги горного кряжа.

Геннадий Гусаченко

Геннадий Григорьевич Гусаченко – родился в Новосибирске в 1942 году. Образование: филологический факультет Дальневосточного госуниверситета, журналист-востоковед (японский язык). Военно-морскую службу проходил на подводной лодке Тихоокеанского флота, работал оперуполномоченным уголовного розыска во Владивостоке, электриком на китобойных судах, учителем в сельской школе, егерем в уссурийской тайге, корреспондентом в газетах Приморья и Новосибирской области, машинистом электровоза на Западно-Сибирской железной дороге, офицером-воспитателем в кадетском корпусе.

Публиковался в печатных журналах: «Искатель», «Горница», «Охотничьи просторы», «Охота и охотничье хозяйство», «Человек и закон», «Юный натуралист», «Муравейник», «Дальний Восток», «Берега», «Южная звезда», «Сибирский Парнас», «Арина», «Новый енисейский литератор», «Светоч»; в электронных журналах: «Парус», «Золотое руно», «Невечерний свет», «Великороссь», «Литерра» и в других изданиях. Романы: «Жизнь-река», «Рыцари морских глубин», «Китобойная одиссея», «Долгая дорога в Рай», «Слуги сатаны», «Казна империи», сборники повестей и рассказов: «Венок Соломона», «Вещий сон», «Судьбы людские», «О море, о морях», «Тигровый перевал», книга таёжных сказок «Почему Медведь в тайге хозяин?».

Беседа главного редактора журнала «Берега» Лидии Довыденко с прозаиком Геннадием Гусаченко, автором романа «Слуги Люцифера» // Начало в «Берега» 4 (46)-2021

– Геннадий Григорьевич, как возникла идея написать мистический роман?

– Брать за основу мифический сюжет я долго не решался, смущало, как мне казалось, неправдоподобие сказочной чертовщины. Однако к такой форме изложения обращались многие писатели. Вспомним «Божественную комедию» Данте Алигьери, «Вий» и «Ночь перед Рождеством» Н. В. Гоголя, «Межзвёздный скиталец» Джека Лондона и многих других. Откровенно сказать, написать роман «Слуги Люцифера» в столь необычном стиле меня убедил «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. После неоднократного прочтения этого литературного шедевра я и решил испытать силы в этом жанре, благо материала в виде будущих отрицательных персонажей хоть отбавляй. Прототипы бессовестных героев романа выпендриваются перед простыми людьми белоснежными дворцами, золочёными яхтами, умопомрачительными по цене свадьбами и отелями на экзотических островах. Долларовые миллионеры и миллиардеры словно умом тронулись в накопительстве баснословных богатств за счёт народа, грабят беззастенчиво, и всё им мало и мало. Не понимают одной непреложной истины: у гроба нет карманов, с собой на тот свет награбленного не возьмут, а главное, живут красиво, но недолго. Возмездие настигает всякого любителя наживы, польстившегося на посулы дьявола. Именно такой вывод напрашивается при чтении романа «Слуги Люцифера». И если в молитве «Отче наш» молящиеся обращаются к Богу с просьбой спасти их от лукавого, то как при написании мистического романа обойтись без чёрта?

– Расскажите, пожалуйста, о причинах, побудивших вас создать такое объёмное произведение.

– Честно говоря, объёмным я его не считаю. Начиная работу над романом, я совершенно не задумывался о том, на сколько страниц он вытянет. Конечно, хотелось бы следовать чеховскому принципу: «краткость – сестра таланта», да не всегда так получается. Каждая глава, как снежный ком, обрастает всё новыми подробностями, и жаль выбрасывать их, сжимая содержание. Мысли писателя – нити раздумий, тянутся не обрываясь, наматываются в клубок, порой приходят совсем неожиданно, в неподходящую минуту – на работе, за обедом, при разговоре о посторонних делах, ведь голова постоянно занята развитием сюжета. Слушаешь кого-либо, а сам в это время вместе со своим героем пережива-

ешь его проблемы. И тогда раздаётся недовольный голос собеседника: «Геннадий! Ау! Ты опять на своей волне!» Тем более что стремишься охватить как можно больше интересных моментов из жизни героев романа, обрисовать внешне, раскрыть их внутренний мир. Образы бизнесмена Голопузова и егеря Долгушина я преднамеренно показал объёмно, чтобы противопоставить их один другому. Рассказывая о Джордано Бруно, я старался до мельчайших подробностей и правдиво воссоздать его образ, исходя из многих источников о величайшем астрономе, философе, поэте, сатирике. Однако, желая показать события, их участников, важно не перегрузить произведение тяжёлыми длиннотами в описании сцен и характеров персонажей, не забывая при этом, как ни крути, всё же про объём произведения, о причинах которого вы просили рассказать.

– **Образ Савелия Редькина – это потребность зурядного человека верить в Господа, в добрых ангелов и святых апостолов, в лучезарный Рай, в демонов, дьявола и преисподнюю, несмотря на искушение Люцифером-Сатаной?**

– Да, именно так. Савелий смолоду совершил несправедливые деяния, нагрешил, как принято говорить в подобных случаях. Несколько раз он чудесным образом избежал неминуемой гибели. Как тут не поверить в Божью помощь?! Спасённый, по его глубокому убеждению, добрым ангелом-хранителем, он уверовал в существование сверхъестественных сил. Савелий Редькин трепетно относится к православному кресту на своей шее, изгнавшему посланников тьмы. Проникшись истинной верой в Бога, он противостоит проискам владыки тёмных сил – Люцифера-Сатаны, не поддаётся искушению сойти с праведного пути. Вера в Бога, исходящая от сердца, из тайников души, не показушная, надёжно охраняет смиренного человека от соблазнов лукавого дьявола.

– **Какова идея вашей книги?**

– По телевидению и в других российских средствах массовой информации чуть ли не ежедневно сообщается о фактах злоупотребления властью её представителями разного должностного уровня. По сути, ничего придумывать не пришлось. Все эпизоды в романе взяты из окружавшей нас действительности наглого, алчного мздоимства. С ненавистью возмущаются наши граждане, имея в виду долларовых миллионеров и миллиардеров, то и дело взвинчивающих цены на продукты и предметы первой необходимости, взяточников, расхитителей и казнокрадов. Смотреть на вопиющий чиновничий беспредел глазами равнодушного обывателя писатель, художник не имеет морального права. Привлечь внимание общественности к порокам современного уклада жизни, высмеять богатых хапуг, тех, о ком говорят: «из грязи в князи!» – такова идея книги, хотя она не нова: Салтыков-Щедрин, Гоголь, Чехов, Куприн, Зощенко, Ильф и Петров и ещё многие другие создали на подобную тему свои великие произведения.

– **Вам уже писали свои отклики читатели на роман?**

– «Это неординарное, замечательное во всех отношениях произведение – уникальное явление в современной литературе, безусловная удача, – пишет А. Г. Казанцева из Пензы. – Роман, несомненно, встанет в один ряд с лучшими бестселлерами». В. Г. Хлыстунов из Уссурийска в своём письме выражает признательность главному редактору журнала, вам, Лидия Владимировна, за публикацию остросюжетного, увлекательного романа, изобличающего чиновников, работников правоохранительных органов и силовых структур – оборотней в погонах, погрязших во взяточничестве и прочих неблагоприятных деяниях. «Спасибо за смелую публикацию романа, отобразившего нравы нынешней, так называемой, “элиты” общества – зажратых “слуг” народа, грязные деньги которых после обысков исчисляются уже не суммами, а килограммами и тоннами, в то время как нищенствуют пенсионеры», – прислал электронное письмо М. Д. Тарасенко из Новосибирска. Его поддерживает в своём отклике П. П. Молчанов из Иркутска: «Автор вывел на чистую воду чинуш и “блудителей” порядка, с едким сарказмом высмеял подлецов, наделённых должностными полномочиями. Следуя принципу справедливости – зло должно быть наказано, Геннадий Гусаченко не даёт слугам Люцифера ни единого шанса на роскошную жизнь после продажи своей подлой души дьяволу». Т. И. Смирнова в своём отклике из Екатеринбурга отмечает: «Благодаря публикациям высокохудожественных и реалистичных произведений, отображающих мздоимство, казнокрадство, взяточничество, коррупцию, бюрократизм, процветающих ныне махровым отвратительным букетом в управленческих и силовых сферах, журнал “Берега” с каждым выпуском очередного номера становится богаче по содержанию, ширится круг его читателей и подписчиков».

– **Благодарю за ваш рассказ.**

Слуги Люцифера

Роман

Продолжение. Начало в № 4 (46)-2021

ГЛАВА 7

«В гостях у Сатаны»

Оставим Агафонова до следующего утра вместе с его портфелем, набитым деньгами, и вернёмся к необъяснимым происшествиям, всполошившим Козлодоевск, напоминавший в те дни разворошённую муравьиную кучу или потревоженный пчелиный улей. Горожане бегали, словно укушенные или ужаленные этими трудолюбивыми насекомыми. Один гражданин, бывший в то время в городе, иронично заметил:

– Все здесь носятся как угорелые, а точнее – как шилом ткнутые в одно место... И с чего бы у них такой «сыр-бор»?

Гражданина – и тоже с усмешкой – спросили:

– Вы не читали сегодняшнюю газету «Бизнес-Козл»? Нет? Ну, так прочтите в ней фельетон «В гостях у Сатаны». Оборжаться можно... Потому город и сходит с ума...

В то утро разносчики и продавцы газеты кричали поутру, срывая голоса:

– Читайте фельетон Агафонова! Сатанинский шабаш чиновников Козлодоевска в ресторане «Виола»! Покупайте «Бизнес-Козл»! Читайте фельетон Агафонова!

Под сатирической статьёй, загадочным образом появившейся в газете вместо рекламной заметки об открытии ресторана, стояла фамилия редактора Агафонова, ни слухом ни духом не ведавшего о фельетоне. Начиналась она так:

«Праздничное открытие питейно-развлекательного заведения с помпой отмечали элитные гости. Самыми почётными среди всех были мэры города Потапенков, начальники управлений козлодоевской администрации, работники суда и прокуратуры, известные адвокаты, сотрудники полиции, налоговые и пожарные инспекторы, санитарные врачи, воротилы местного бизнеса и прочие... неуважаемые люди...» Дальше следовало такое, что у читателя сначала глаза лезли на лоб, потом он хватался за живот и начинал роготать неудержимым хохотом. Пока ничего не подозревавший Агафонов мял поутру диван, досматривая радужный сон, в его адрес летели проклятия и угрозы. Самыми «безобидными» были выражения типа: «Намылю холку», «Урою», «Закопаю», «Закатаю в бетон», «Размажу по стенке» и пожелание: «Чтоб ты под землю провалился!» Нетрудно догадаться, что ярое недовольство фельетоном проявляли козлодоевские важные персоны, перечисленные в его первых строках.

Можно лишь догадываться, как в ответ на звонки бывших друзей, в одночасье ставших недругами, проснувшийся утром Агафонов клятвенно божился, что не писал ничего подобного. Он уверял их, что в рекламной заметке о банкетном вечере в новом ресторане «Виола» не было ни одного бранного слова, порочащего козлодоевских руководителей... И он сам крайне удивлён, каким образом заурядная, вполне пристойная коротенькая заметка-информация рекламно-хвалебного толка превратилась в откровенно вульгарную сатирическую статью, далёкую от жанра фельетона. Не меньше редактора был потрясён неизвестно каким образом появившейся в газете сатирической статьёй дежурный по номеру литсотрудник Савелий Редькин. Он, как и шеф его, господин Агафонов, отказывался от напечатанного текста фельетона, уверял коллег, что самолично вычитывал заметку «В гостях у “Виолы”» и, как она превратилась в фельетон, понятия не имеет. Редькин бил себя в грудь, доказывал, разве что лишь не рвал на голове волосы.

– Да не было ничего такого в заметке об открытии ресторана «Виола»... Я же сам её вычитывал... Вот, ей-богу!

– Ну, ты даёшь, Редькин! Ещё и божишься... Вместе работаем, а ты скрыл от меня такой материал... Несolidно, коллега, – выговаривал Савелию заведомо «Криминальной хроники» Аристарх Фон-Гумилевич. Само собой, никто из руководящих деятелей, взбешённых нелюбезной для них сатирической статьёй, не поверил оправданиям Агафонова, вскоре бесследно исчезнувшего. Досужие домохозяйки на кухнях поговаривали, что редактора городской газеты «Бизнес-Козл» отправили на «Левый берег», где, как известно, находится дом для сумасшедших. Насколько достоверны кухонные

источники информации, мы не знаем, но дальнейшие следы господина Агафонова на этом теряются... По истечении времени о много нашумевшем фельетоне мало-помалу козлодоевцы начали забывать, но о нём неожиданно напомнил некий пенсионер Аполлинарий Вальдемарович Булкин-Ананьев. Этот благообразный старикан и дотошный читатель местной прессы обратился к мировому судье с жалобой на... «Бизнес-Козл»! К своему заявлению пенсионер приложил пожелтевшую вырезку с вышеуказанным фельетоном. На её верхнем колонтитуле значилось: «... февраля 2013 года». (Число небрежно оборвано.) *«Я не могу спокойно спать... В голову лезут всякие кошмары, – писал Булкин-Ананьев. – Мне видятся черти, бесы, вурдалаки, ведьмы, упыри и прочие отродья сатанинской нечисти... И все эти ужасные сновидения начались у меня после прочтения вредной для здоровья сатирической статьи Агафонова... Прошу, ваша честь, взыскать с борзописца сто тысяч рублей за причинённый мне моральный ущерб. К сему с почтением: Булкин-Ананьев».* Судья Вшивкина, молодая дама в летах, изображённая в фельетоне голой бесстыдницей, танцующей на столе, сочла иск гражданина Булкина-Ананьева необоснованным и порекомендовала истцу обратиться к психиатру.

– Нет в городе такого ресторана... Агафонов выдумал всё, а стало быть, ни чертей, ни бесов тоже не было, – объяснила судья свой отказ. – Потому не могут они вам сниться... Наймите адвоката... Розенберга рекомендую... Ну, вы и сами должны понимать, что необходимо нести определённые расходы, чтобы выиграть это мудрёное дело...

С решением суда Булкин-Ананьев не согласился, пригрозил пойти «куда следует». Разгневанного пенсионера с его возмущённым голосом записывали на видеокамеры столпившиеся у здания суда репортёры.

– Что журналисты себе позволяют? – гремел Булкин-Ананьев. – Пугают честной народ чертями, Сатаной! Барабашки у них стучат... Домовые бродят... Привидения летают... А цены на услуги ЖКХ растут... Продукты дорожают... Статьи о Сатане печатают специально, чтобы отвлечь козлодоевцев от социальных проблем... Судьи взятки берут... – Тут Булкин-Ананьев примолк, словно лбом о стену стукнулся. Понял старый, что брякнул лишнего, но репортёры уже окружили его со всех сторон, суют диктофоны под нос.

– Судья Вшивкина вымогала у вас деньги? Сколько она просила за то, чтобы сорвать куш с газеты? Вы дали взятку? Дача взятки – уголовное преступление...

– Нет! Лично я не давал ей ничего, – поспешно ретировался Булкин-Ананьев, вырываясь из цепких лап репортёров. Отбежал подальше, отдуваясь, пробормотал:

– А и верно... Как я не догадался сразу, старый пень... Судья Вшивкина сделала намёк, что надо сунуть ей на лапу... Пообещать поделиться в случае выигранного дела... Пожадничал... Поскупился... А дал бы – дёрнули бы штраф с этой газетёнки... И дело бы я выиграл... Половину ей, половину мне... Факт моральной травмы, нанесённой мне статьёй, налицо... Она, как трещит башка... И чертики всё пляшут перед глазами... Но ничего... Я покажу этим коррупционерам в мантиях! Подам на пересмотр дела в областной суд... Теперь я учёный... Не прогадаю... Запрошу вдвое больше за ущерб здоровью... А нет – дойду до верховного... Или обращусь в Гаагский... Денежки все любят...

Булкин-Ананьев вдруг вспомнил, что сторяча не забрал у секретаря суда «вещественное доказательство» – вырезку из газеты с фельетоном «В гостях у Сатаны», выдранныю им из библиотечной подшивки. Другой такой не найти: стала раритетом! Пенсионер расстроено махнул рукой, сплюнул с досады и повернул в сторону ближайшей закуской. Там несостоявшийся истец принял двести грамм «Фронтной», доплёлся до квартиры на первом этаже «хрущёвки», не разуваюсь и не раздеваясь, упал на тахту и тотчас захрапел. Булкину-Ананьеву приснилась ведьма: его жена, дородная баба с растрёпанными волосами, с красным от злости лицом, кричала на него, размахивала шваброй...

Откровенно говоря, очень уж любопытно было прочесть вышеупомянутую сатирическую статью, о которой столько разговору в Козлодоевске. Умолчим из понятных читателю соображений, каким образом мы стали обладателями потёртой на сгибах вырезки из «Бизнес-Козл», забытой в суде огорчённым пенсионером. От прочтения её нам стало не по себе. Неудивительно, что у Булкина-Ананьева «крыша поехала»... Первые строки фельетона вы прочли в начале этой главы. И вот как показаны в нём дальнейшие сцены...

«В просторный зал, украшенный феерическими картинами Ада, вошёл долговязый человек в маске змея-искусителя. Серебристая чешуйчатая ткань, обтянувшая его худое тело, напоминала узорчатую кожу питона».

– Уважаемые дамы и господа! – объявил человек-удав. – Сегодня на деньги налогоплательщиков, которые нам, как вы понимаете, тратить не жалко, мы торжественно открываем новый ресторан “Виола”. Наш праздник пройдёт в необычной обстановке. Представим в этот предвесенний вечер, что все мы чудесным образом перенеслись в преисподнюю, в геенну огненную, которой нас пугают церковники. – Посетители дружно аплодировали змею, как видно, исполнявшему обязанности ведущего. Или тамады...

– Итак, уважаемые дамы и господа... Сегодня вы приглашены на бал-маскарад... – Тут змей-тамада сделал выжидательную паузу и с диким визгом выкрикнул: – К его величеству Люциферу-Сатане-е! Ведь вы все – верные его слуги!

Громкие рукоплескания были ему ответом.

– Прошу, дорогие гости, надеть маски мракобесов и коварных ведьм, принять отвратительные образы для нашего весёлого маскарада... Пусть каждый выберет себе личину соответственно своему характеру и положению...

Послышались одобрительные смешки, нетерпеливые выкрики.

– Давай скорее сюда маску козла! Бе-е...

– А мне осла! И-а! И-а!

– Я буду петухом! Ку-ка-ре-ку-у!

– Хочу вон ту, с кудлатым париком ведьмы!

– Мне подойдёт маска жирной, тупорылой свиньи...

– Чур! Маску волка я первый ухватил! Она мне больше к лицу... Не нужно вживаться в образ... У-у... Съем вас сейчас!

Официанты, наряженные баранами, качая закрученными рогами, суетливо разносили на подносах маскарадные костюмы: парики, маски, лохматые шкуры, пристяжные хвосты и копыта. На кухне, интерпретированной под геенну огненную, сверкало пламя газовой плиты. Над раскалёнными докрасна жаровнями висели головы, ноги и другие части разделанных бараньих и телячьих туш, символизируя растерзанных грешников. Повара, ряженные под вампиров, орудовали у печей, размахивая над собой огромными ножами и половниками. На разделочных столах, обильно политых свиной кровью, валялись куски мяса.

Вырядившись в чертей, в чёрных ангелов и прочих прислужников Люцифера-Сатаны, именитые гости расселись за богато накрытые столы, ломившиеся от яств и вин. Тамада-змея хлопнул в ладоши и громко крикнул:

– Его величество Люцифер-Сатана – царь мрака и тьмы, дух теней и с ним очаровательная царица бала!

Включаясь в игру, предложенную распорядителем бала, гости поднялись с кожаных кресел, покрытых алым бархатом, и дружно приветствовали извечного и лютого врага Бога – лукавого дьявола, роль которого искусно играл лысоватый хромоногий владелец ресторана “Виола”. Одетый в чёрный изысканный костюм-тройку с “бабочкой” на белоснежной сорочке, со старинным орденом на груди и с тростью под мышкой, дьявол нёс на голове рогатую маску плешивого козла. Пальцы его прикрывали копыта. Сзади торчал короткий облезлый хвост с кисточкой, перевязанный алой лентой. Он держал под руку полуобнажённую девушку в маске беззубой старухи-ведьмы. На плече её восседала ворона в мантии. Люцифер-Сатана и ведьма уселись на троны, за которыми стояли два лакея, изображавшие чёрных ангелов. Граф Сивопупов-Крымский, а это был, конечно, он, опёрся на трость и, поблёскивая платиновыми зубами, произнёс, ехидно улыбаясь:

– Добрый вечер, дамы и господа! Добро пожаловать в ад кремешный! Ешьте, пейте и веселитесь! Надеюсь, вам понравится в нашей преисподней, ибо все, кто продал душу дьяволу, становятся его приспешниками и верными слугами. Бросайте же в котлы с кипящим маслом боязливых грешников, поджаривайте им пятки! Они совершили гнусные деяния непреднамеренно, сгоряча, по глупости, без веры в Страшный суд. Бог не принял их в Рай, и они вечно будут испытывать мучительные страдания. Вас же, предавших Бога, грешивших умышленно и лукаво, вступивших в сговор со мной, я, Сатана, светоносный Люцифер, принимаю в число своих верноподданных, самых подлых и низких из людей, покинувших белый свет. Вы достойно представляете здесь дружный сонм взяточников, коррупционеров, лжецов, мошенников, воров, грабителей, убийц, клеветников, доносчиков, насильников, предателей, извращенцев, хулителей Бога. Приветствую вас в моём подземном царстве вечной тьмы и мракобесия!

В этот миг в зале погасли люстры, послышались щелчки зажигалок и на столах затрепетали огоньки свечей. Рогатые, хвостатые, длинноухие, клыкастые, свинойрылые маски гостей фантастично качались в чуть мерцавшем свете, отбрасывая зловеющие тени на стены, задрапированные тёмно-малиновым, под цвет крови, шёлком. Если бы в “Виолу” вошёл случайный посетитель, он, без сомнения, сошёл бы с ума, увидев за столами блеющих козлов, горланящих петухов, лающих собак, визжащих свиней, мычащих быков, удава, обвинившего ствол искусственной пальмы. Официанты-бараны в буро-красных жилетах, надетых поверх овечьих шкур, вывернутых мехом наружу, сновали от столика к столику, подавали жаркое с дымящейся кровью и горячительные напитки, громко бляли и мотали свёрнутыми в кольца рогами. Случайного посетителя шокировал бы вид седого швейцара с волчьей головой. Его бы хватил удар от стоящего за стойкой осла-бармена или восседающего на троне козла с бокалом вина в копыте. Однако мордovorоты-охранники, дежурившие у входа в ресторан, закрыли двери “Виолы”, огородив их вывеской: “Ресторан закрыт на банкетное обслуживание”. Хозяин “Виолы” граф Сивопупов-Крымский щедро угощал гостей, сворой голодных псов пожирающих чёрную икру, заморские фрукты, жадно глыкающих многолетней выдержки коньяки. Опустошая бокал за бокалом, рюмка за рюмкой, гости всё больше входили в образы своих масок. Произносили хвалебные тосты дьяволу, били посуду, танцевали под бухающие удары оглушительной музыки, заглушающей визгливый голос певца, наряженного индюком. Неистово прыгая в пьяном угаре, танцоры-плясуны бодались рогами и, поддавшись всеобщему безумию, ржали, бляли, хрюкали, гоготали, крякали, выли по-волчьи.

Сатана-Люцифер, сидя на троне, поигрывал тростью. Блуждая по залу пристальным взглядом, он с презрением наблюдал за умопомрачительным сборищем хамов – вседержителей власти в городе. Хитромудрая улыбка не сходила с лукавого лица царя тьмы. Ещё бы! Все они напрочь отринули заповеди Христа и поддались соблазнам Люцифера. Теперь все они его слуги! Продажные твари, именующие себя господами, считающие себя важными персонами! Ничтожества! Скоро они покинут белый свет, смрадные тела их пожрут черви, а души нечестивцев спустятся в подземное царство теней, примут обличья тех, кого сегодня столь весело изображают. Но прежде лишатся постов, должностей, роскошных дворцов, богатств, денег, плачевно окончат дни свои. Кто-то из них получит длительный тюремный срок, кого-то бросят в болото в бочке с цементом, кому-то наденут петлю на шею, кого-то пристрелят, взорвут, отравят, толкнут под поезд. Разные судьбы ожидают гостей “Виолы”, но нечестивые дорожки каждого из них сойдутся в одном месте – в Аду! Сатана-Люцифер граф Сивопупов-Крымский знал это и снисходительно улыбался гостям-лицедеям, с лживым подбострастием и с притворной лестью провозглашавшим заздравные тосты в его честь. Люцифер с видимым удовольствием наслаждался куражом своих верноподданных слуг, готовых по первому его лукавому соблазну продать не только народ и отечество, но и мать родную. Словно соревнуясь в признаниях, чиновники, силовики, бизнесмены болтливо бахвалились своими гнусными делами. Наперебой, стараясь перекричать друг друга, рассказывали про то, где и что украли, кого обманули, сколько денег вымогали у клиентов, кого убили, кого ограбили. Первым порывался поделиться непристойными делами мэр Потапенков. Растволкал крикунов, вскочил на стол, смахнул на пол тарелки, бокалы, пьяно объявил:

– Все думают, что избрали честного человека... А вот, фиг вам! Квартирку нехилую в Изумрудном дали, в Испанию скатался, “Лексус” мне подогнали и деньжат подбрасывают “братки” Голопузова... Я в долгу не остаюсь... Участки бизнесменам под строительство складов, баз, офисов, ресторанов, кафе, магазинов отвожу... Вот мой благодетель Голопузов может подтвердить, если не верите...

– Да... Подтверждаю... Потапенков – мой карманный мэр... С его помощью я себе такой шикар-досный дворец отгрохал на берегу Средиземного моря! Римским императорам не снился! – хвастал генеральный директор строительной компании “Вектор” Голопузов. – А как сумел? Да очень просто! Проектную стоимость на строительство трассы бобслея в три раза завысил... Потапенков подписал... Навар – триста миллионов! А кому нужен в Козлодоевске бобслей? Сейчас там мой супермаркет... Да что там дворец! Застукал недавно свою молодуху с хахалем – охранником, обоих в бетон закатал под новой высоткой...

– Фи-и... Любовников замуровал! Подумаешь – триста миллионов наварил... Я с каждого призывника, не желающего служить в армии, беру по сто тысяч! – похвалялся военный комиссар полковник Дубов.

– А я на ремонте дорог полмиллиона умыкнул! – нетерпеливо перебил военкома начальник коммунального хозяйства Жабов. – Да ещё миллиончик на замене водопроводных труб... То есть я их и не менял... А по бумагам у меня всё новьё!

– А я на продаже земельных участков, принадлежащих городу, состояние сколотил, – похвалился заместитель главы администрации Абдурахманов. – Эти участки ветеранам войны предназначались, да я сумел их за хорошие взятки местным олигархам сбагрить...

– Кому киллер нужен? Убрать конкурента или богатого собственника – добро пожаловать в моё частное охранное предприятие “Щит и меч”! – распялся начальник полиции полковник Протасов. – Недорого возьму...

– Кстати, деньги, что вы заграбастали на разных махинациях, отмывайте в моём банке “Альфа-Бэта”... – громко предлагал хозяин городского рынка Думбадзе. – Я создал несколько фиктивных фирм-однодневок, через них влёгкую перевожу деньги в офшор за рубеж... И всё шито-крыто!

– Ха-ха-ха... Знаю я про ваши тёмные делишки, – громко рассмеялся прокурор Недоносков. – Делиться со мной надо барышами, мужики... Вот начальник автобусного парка господин Колёсиков продал несколько городских автобусов, украл из бюджета сорок миллионов рублей и только условный срок получил... А мог бы в тюрьму загреметь или строгого режима лет эдак десять получить... А почему не получил? Да потому, что отвалил мне, судье Вишивкиной и адвокату Розенбергу по миллиону рублей! И не парится у параша, а продолжает рулить в своём ПАТП и дальше... Делиться надо, мужики... Вот тогда и будет всё шито-крыто.

Полумрак в зале, какофония звуков, кривлянье скотоподобных гостей “Виолы” и в самом деле больше напоминало преисподнюю, чем зал современного ресторана. Ближе к полуночи в “Виоле” начался беспредел.

Сами по себе задвигались столы и стулья, роняя на пол перебравших гостей. Со звоном разбивались тарелки, бокалы, графины.

Забыв о светских манерах и столовых приборах, пьяные посетители брали дорогие кушанья руками. Возможно, пользоваться ножом и вилок мешали длинные пластмассовые копыта, когти и перепонки, надетые на пальцы. Мэр Козлодоевска господин Потапенков, наряженный верблюдом, взгромоздился на пошатнувшийся под ним стол. Под одобрительный хохот столпившихся возле него дам, разодетых гусынями, курицами, утками, глава администрации сбрасывал с себя одежду, показывая стриптиз.

Потапенкова поддержала начальник управления образования Грызлова – стройная, красивая дама в маске лягушки. Не обращая внимания на окруживших её козлов и петухов, она неторопливо разделась и, к их удовольствию, начала изгибаться и крутиться вокруг бамбукового шеста. Глядя на Грызлову, судья Вишивкина, в маске глупой курицы, чуть от зависти не лопнула. Содрала с себя модное парижское платье, швырнула его под ноги и, кряхтя, полезла на стол. Выпятив большой живот, танцует ламбаду, слуга Фемиды растоптала фрукты и, поскользнувшись на бананах, свалилась на “волка” – адвоката Розенберга. Главу города толкнул со стола пузатый прокурор Недоносков. Ему тоже захотелось обнажиться рядом с голой красавицей-стриптизёршей. Стол едва не рухнул под их ногами, но в тот самый момент, когда с прокурора упали необъёмно-широкие штаны, в красно-мордое лоснящееся лицо блюстителя законности неизвестно откуда прилетела обглоданная ножка индейки и больно ударила последнего в глаз. Недоносков, в маске осла, взревел и вправду по-ослиному, прыгнул со стола и нагишом, переворачивая кресла, двинулся по залу в поисках обидчика. Начальнику полиции, наряженному петухом, припечатался на лысину бифштекс с кровью. Голая судья Вишивкина – “курица”, возмущённая видом своего французского платья, затоптанного на грязном полу, громко кудачтала, выкрикивая нецензурные слова.

“Всё смешалось в доме Облонских...”

Перефразируя великого Л. Н. Толстого, можно сказать: всё смешалось в ресторане “Виола”. Гости пьяно сквернословили, рассказывали похабные анекдоты, не стесняясь, отправляли естественные надобности в зале, блевали, бросали в тарелки окурки, падали в салаты отяжелевшими головами. Многие свечи потухли, свет почему-то не включался, и в полутьме со всех углов и закоулков в бесноватых посетителей летели объедки, кости, огрызки яблок, банановая кожура, ананасовые и апельсиновые корки.

Каким-то образом в зале очутилось кухонное ведро с помоями. Ими тотчас окатили дамочку в собольей накидке на голых плечах и в маске овечки, судя по визгливому голосу – главврача санэпидстанции Агафоновой, жены редактора. Где-то в тёмных и пустых местах слышался громкий стук, раздавалось шарканье ног, обутых в тяжёлые сапоги.

– Это барабашки стучат... К нам на банкет просятся, – прокомментировал генеральный директор строительной компании, владелец сети супермаркетов олигарх Голопузов, с трудом поднимая голову, упавшую в салат “Оливье”. Еле ворочая языком, бизнесмен пробормотал, для убедительности погрозив пальцем: – Чу... Домовые бродят по залу... И привидения в белых одеяниях влетают в зашторенные окна... Скажете – я шизофреник? Нет... Здесь реалити-шоу... Всё в натуре...

После полуночи тех, кто не уткнулся, подобно Голопузову, рогами или клювами в тарелки с виногретами, постигла другая неприятность: их прохватил понос. Со страху ли, от чрезмерного поглощения обильной дармовой закуски или по злему умыслу нечистой силы добраться до туалета у гостей Сатаны не было никаких шансов. Многие не успевали сбросить брюки или задрать платья и обделывались с воплями ужаса. Прокурор Недоносков поскользнулся на жидком дерьме, упал, и на него не замедлил опорожниться начальник полиции полковник Протасов. Поелозили ногами на склизком паркете и кувыркнулись в вонючие лужи судья Вишивкина и адвокат Розенберг. Крики, шум, гам, возня, толчея у дверей... Вдруг вспыхнул свет, и все разом увидели себя в настоящем своём обличье, далёком от человеческого. Сбросив маски чертей, вурдалаков и ведьм, обгаженные гости кинулись к выходу из ресторана. Многие в панике выскочили на улицу нагишом. От большинства гостей Сатаны дурно пахло. Водители такси, зажимая носы, отказывались их везти. В лица обезумевших гуляк дул пронизывающий февральский ветерок. Белая позёмка неслась им навстречу. Больше всех той кошмарной ночью досталось местному олигарху Голопузову. В дорогом костюме оливкового цвета, в маске волка, облитый поносом налогового инспектора Барабулькина, он валялся у стойки бара, бессвязно бормоча какие-то одному ему ведомые ругательства.

К рассвету администратор, бармен, швейцар, официанты, повара, уборщицы и посудомойщицы, приняв свой обычный вид, навели в ресторане порядок. Так побывали в гостях у Люцифера наши именитые граждане, пожелавшие стать его слугами и приспешниками. Они показали лукавому дьяволу свои истинные лица, открыли ему свои подлые души».

Такую вырезку из газеты «Бизнес-Козл» прочли мы и только и могли вымолвить:

– М-да-а... Ни фиги себе! Ну, Агафонов, блин, даёт!

ГЛАВА 8

С мечтой о заводике

Агафонов не захотел расстаться с портфелем, набитым деньгами, и, как вы помните, остался ночевать в кабинете. Он позвонил жене и, сославшись на усталость, недомогание и необходимость поработать допоздна, предупредил, что домой не придёт.

– Знаешь, дорогая... Неважно себя чувствую... Над фельетоном просижу до полуночи, – заплетаясь языком пробормотал редактор. Услышал в трубке ответное сердитое сопение супруги и поспешил порадовать её:

– Скоро, дорогая, мы с тобой будем греться на солнышке в Таиланде... Пальмы, ананасы, обезьяны, крокодилы...

Не стерпел, добавил развязно:

– А твой хахаль Разуваев сейчас видит небо в клеточку... Срок ему корячится... Лесоповал светит...

Разгневанная Эльвира Самуиловна, сожалея, что мужа нет рядом и она не может запустить в него сапогом, не дала договорить, «обласкала»:

– Неудачник! Ну и сиди в своей никчёмной редакции, чтобы глаза мои не видели твою алкашинную морду... Опять назююкался до умопомрачения? Обезьяны, крокодилы... Так выполняешь обещание наклеить обои? Трепло! Задрал несбыточными мечтами... Да кабы моя санэпидстанция не собирала дань за антисанитарию, на какие шиши мы бы строили загородный дом? На твои газетные гроши? Чтоб тебя черти и в самом деле забросили куда-нибудь в джунгли! Чтоб тебя там саламандра ужалила... Чтоб тебя там крокодил проглотил и не подавился!

Агафонов не стал дослушивать нелестные пожелания Эльвиры Самуиловны и отключил телефон. – Дура-баба... Если бы ты знала, как мы... Нет... Как я богат... Миллион! – укладываясь на диван, пробормотал Валентин Григорьевич. Он сбросил с ног зимние ботинки, снял провонявшие носки, подложил под голову толстый портфель с деньгами и с мыслями о собственном коньячном заводике забылся сладким сном...

Его разбудило хлопанье дверей в коридоре редакции. Пришли журналисты, рекламодатели, нештатные авторы. Начинался обычный трудовой день с хлопотами и заботами, с успехами и неудачами, с радостями и горестями. И только для редактора «Бизнес-Козл» этот день был необычным: в это светлое, уже пахнущее весной февральское утро Валентин Григорьевич Агафонов проснулся... миллионером. Он резко вскочил, заглянул в портфель. Убедился, что деньги не приснились. Вот они, красненькие, радуют глаз банковскими обёртками, целёхонькие, не распечатанные...

Весело напевая марш тореадора, Агафонов затолкнул свой миллион в секретер и, не обуваясь, босиком, отправился в умывальник. Тщательно побрился, почистил зубы, умылся, пощипал на лицо розовой туалетной водой и, посвежевший, сел за письменный стол. Полный сил и вдохновений, он был готов творить, создавать, производить... Да, именно, производить... Потому что вчерашнюю страсть к написанию фельетона начисто вытеснили мечты о подпольном производстве самопального спиртного напитка с обманной этикеткой «Коньяк дагестанский».

– Ираида Карловна! Чаю! С лимоном! И покрепче! – крикнул редактор, услышав в приёмной голос секретаря.

– Доброе утро, Валентин Григорьевич! – входя со стаканом горячего чая и с двумя бутербродами, почтительно приветствовала его Ираида Карловна.

Агафонов кивнул в ответ, сухо поблагодарил за чай и бутерброды и стал перелистывать ненужные бумаги, делая вид, что очень занят. Секретарь, обиженно поджав губы, вышла. Агафонов, потеряв ладони, начал действовать. Миллион рублей, лежавший совсем рядом, в нижнем ящике секретера, воплотит в жизнь его мечту о собственном коньячном заводе. Крепко заваренный цейлонский чай бодрит, побуждал к чтению рукописной статейки. Ещё месяц назад, заброшенная в «долгий ящик», она так бы и провалялась в письменном столе, затерявшись среди кипы исписанных бумаг. Разыскать «творение» технолога винодельческого предприятия «Бухвалов и К» редактора подвигла, как мы уже знаем, благостная мысль о собственном подпольном заводике по розливу самопального горячительного напитка, по крепости и цвету отдалённо напоминающего коньяк. О вкусовых качествах нелегального продукта говорить рано... Всё в перспективе... Главное, начать производство... Делов-то! Развести водой две-три бочки спирта-денатурата, закрасить «шило» пережаренной скорлупой кедрового ореха и корой дуба, всыпать в каждую из них по банке дешёвого кофе и настоять недельку-другую... Насобирать на свалке подходящих бутылок, слегка ополоснуть их, наклеить нарядные этикетки с надписями «Дагестанский». Коньяк пять звёздочек! Напиток богов! Фирма! Пейте и наслаждайтесь!

Мысль о возможности легко и быстро разбогатеть, рождённая этикеткой, содранной с бутылки настоящего дагестанского коньяка, заставила Агафопова перевернуть все ящики письменного стола, вытряхнуть из них бумажный хлам в поисках забытой там заметки.

Этикетка, отклеенная с бутылки, – настоящее произведение полиграфического искусства. С позолотой, с тиснёными на ней буквами и рисунками. Такую кустарным способом изготовить очень сложно. Потребуется дорогостоящее оборудование. Затраты на печатание этикеток обойдутся дороже самого «коньяка». Овчинка выделки не будет стоить. Совсем другое дело – штамповать наклейки в типографии. Но там обязательно заинтересуются: куда, зачем?

Настучат в налоговую инспекцию, в отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

Ну а если их изготовление закажет винодельческое предприятие «Бухвалов и К» – никаких подозрений...

Найдя заметку, Агафонов бережно разгладил лист, торопливо пробежал глазами первые строки. Они начинались стихами великого Омара Хайяма:

Чуть ясной синевой взыграет день в окне,
Прозрачного вина желанна влага мне.
Раз принято считать, что истина горька,
Я вывод делаю, что истина – в вине.

Вино не только друг – вино мудрец:
С ним разногласьям, ересям – конец!
Вино – алхимик: превращает разом
В пыль золотую жизненный свинец.

Далее некая А. Разумнова, подписавшаяся под заметкой, прославляла вино «Солнцедар» на примере молодожёнов Ильиных, закупивших на свою свадьбу десять ящиков этого «превосходного, целебного вина». Агафонов вспомнил, что ещё по осени городскую больницу заполнили жертвы «Солнцедара», более известного козлодоевцам как «бормотуха». Выпивохы отравились недоброкачественным вином. Продажа его заметно снизилась. Хозяин винзавода Хмельницкий терпел колоссальные убытки. К тому же санитарные врачи пообещали и вовсе закрыть предприятие, приносящее до сих пор огромные барыши. С санэпидстанцией Хмельницкий легко договорился, ввалив её сотрудникам хорошие взятки, но престиж вина падал и требовалось принять меры к улучшению качества продукции. Сейчас бизнесмену как воздух нужна была срочная реабилитация в виде хвалебной рекламы, что и попыталась сделать технолог А. Разумнова. Попадись заметка на глаза днями раньше, Валентин Григорьевич, не раздумывая, швырнул бы сей рекламный опус в мусорную корзину. «Даже нерадивые ученики пишут школьные сочинения более объёмными и не таким корявым языком», – подумал редактор, но сейчас он мысленно благодарил себя за то, что не выбросил благоговейный труд бездарного автора, дающий шанс заказать на винзаводе тысячу... Да... Пока, на первый раз, тысячу этикеток... А там как масть пойдёт... Он даст в газете хвалебный репортаж о производстве «замечательного» вина, о новых технологических линиях, об импортном оборудовании и научных лабораториях... Правда, там ничего этого нет. И долго ещё не будет... Не такой щедрый господин Хмельницкий, чтобы тратить деньги на реконструкцию и без того доходного предприятия. Ему проще разливать в бутылки дешёвый «Солнцедар». Но кто знает о том, что ничего на винзаводе не переменилось? Любопытных, желающих сунуть нос в чан с вином, понюхать, попробовать, охрана, стоящая на проходной, не пропустит в цехи... Хозяин винодельческого завода Хмельницкий в благодарность отпечатает наклейки для коньяка. Сколь хошь... Баш на баш... Ты – мне, я – тебе! Чувствуя, как с каждым глотком горячего чая из головы выходит хмель после выпитого вчера коньяка, редактор газеты «Бизнес-Козл» с особым прилежанием взялся за чтение заурядной заметки. Тонизирующие свойства натурального индийского чая никто отрицать не станет. Однако к творческой активности Агафонова в большей степени побудил портфель из крокодиловой кожи с миллионом рублей.

Редактор вновь вытащил его и, блаженно жмурясь, погрузил руки в тугие пачки, нюхал и ворошил их. Чтобы чувствовать близость миллиона, он поставил портфель между босых ног, сдавил его пухлятые бока ступнями, испуская вздохи счастья.

– Да... На эти денежки я развернусь... Возьму в аренду какой-нибудь скрытый от посторонних глаз складик... Найму рабочих-гастербайтеров... Они – молчуны, не сдадут... И дело не пойдёт, а покатит! А там, глядишь, сверну башку конкуренту – винзаводу с его вонючим «Солнцедаром»...

Размышляя вслух, Агафонов прихлёбывал чай и уже не так презрительно просматривал содержание рукописного листа, наполовину занятого строфами прославленного поэта Ближнего Востока. Его даже не смущало, что в наш век стремительных технологий А. Разуваева не удосужилась набрать текст на компьютере и распечатать его на принтере. Валентина Григорьевича абсолютно не смущала краткость её безликого пустого содержания, с одной избитой фразой: «Прекрасное вино “Солнцедар” гости на свадьбе пили с удовольствием».

«Ладно... Были бы кости... Мясо наростим», – любил повторять он, получая подобные «сочинения» читателей и нештатных авторов, которые те часто называли «рассказами», «очерками», «новеллами», но участь их была одна: мусорная корзина или, в лучшем случае, «долгий ящик» письменного стола.

С большой охотой редактор Агафонов давал «свет» платным рекламным объявлениям, не обращая внимания на робкие высказывания литературных сотрудников, что львиную долю в газете занимают не городские новости, а сведения о купле-продаже, обмене, услугах и других подобных сделках.

– Наша газета превратилась в рекламный еженедельник, – недовольно ворчали корреспонденты.

– Так у нас и название газеты вполне подходящее для такой цели... Надо же как-то выживать в условиях рыночной экономики, – объяснял Валентин Григорьевич и на деньги, вырученные от газетной рекламы, строил коттедж в Кудряшевском бору...

«Когда я раскручу миллион и стану владельцем огромного коньячного завода, не только коттедж – дворец отгрохаю... В Испании... Или нет... Лучше в Таиланде... Где-нибудь на берегу Сиамского залива... Там круглый год лето... Орхидеи, магнолии... Пальмы и бананы... По утрам – холодный сок манго... Коктейль с ананасом... И чёрт подери, пусть меня крокодил съест, если это будет не так!...»

– Бе-е... Бе-е... Бе-е, – раздалось за креслом.

Валентин Григорьевич крутнулся, но сзади никого не было. «Чертовщина какая-то», – подумал он, снова переносясь мечтами в сказочно-прекрасное королевство Таиланд.

От радужных мыслей Агафонова оторвал резкий телефонный звонок.

Валентин Григорьевич вальяжно, по-купчески взял трубку и в ужасе от неё отшатнулся: казалось, она разорвётся от громких воплей, истеричного крика, нецензурной брани и проклятий. Агафонов узнал голос мэра Потапенкова.

– Идиот! Как ты посмел перейти границу дозволенного?! Я терпел твои закидоны, пока ты не трогал меня и моих людей... Я семь шкур с тебя спущу и голым в Африку пушу! – орал Потапенков. – Да я тебя в пыль, в порошок сотру, с грязью смешаю... Ты на кого замахнулся, борзописец? Пипец тебе, понял? Чтоб тебя чёрт побрал!

Трубка запикала короткими гудками. Агафонов, ошарашенный спозаранку угрозами главы города, ничего не понимая, растерянно положил трубку, но телефон тотчас зазвонил снова. На этот раз трубка разразилась грубой бранью прокурора Недоносова.

– Свинья! Ублюдок! Жрал, пил у меня и такую пакость пишешь в своей парашной газетёнке! Это тебе даром не пройдёт, так и знай! Суши сухари! Или заказывай себе гроб с музыкой! Я покажу тебе, как с прокурора упали штаны!

Агафонов в страхе бросил трубку на рычаг, но телефон сразу зазвонил, и редактор уже не сомневался, что услышит очередную гадость в свой адрес, и не ошибся: звонил налоговый инспектор Барабулькин. Не стесняясь, тот крыл Агафонова отборными матами. Телефон не переставал звонить. Из трубки неслись ругательства, проклятия, угрозы.

– Ты знаешь кто? Конь в пальто! Тебя, недоноска, когда мать рожала, головкой о пол стукнула, да? Это когда я брал взятки с призывников? Ты видал? Доказать можешь? Да я тебя самого в шинель одену, в стройбат отправлю, в трибунал пойдёшь! – ревел в трубку военком Дубов. – Молчать! Смирно!

Напрасно редактор пытался объяснить, что ничего подобного в газету не давал. Ему никто не верил. В редакции оглушительно хлопали двери. Журналисты входили в свои кабинеты с диким хохотом.

– Ну, дал гари Валентин Григорьевич! – донеслось до Агафонова. – Всех на уши поставил! Силён шеф! Это ж надо, так смело пропесочил наших узаконенных жуликов! А на улице что творится! Читатели отрывают газеты у розничных торговцев с руками, уже весь тираж размели...

– Не сдобровать теперь нашим чиновникам-коррупционерам, взяточникам и ворам-бизнесменам... Областная прокуратура возьмётся за них... – сказал один из «литрабов».

Ему возразил другой:

– Взрослый человек, а в сказки веришь... В областной прокуратуре разве не взяточники? Там выше ставки... Каждый день по телевизору показывают жуликов-махинаторов, укравших миллионы и даже миллиарды.

– Эх, Сталина бы поднять... Он бы навёл порядок...

– Молодец Агафонов! Не побоялся...

– Да... В смелости ему не откажешь... Лихо завернул сюжет с рестораном, которого нет в городе...

Чувствуя, что творится что-то неладное, Валентин Григорьевич босиком подбежал к окну, выглянул на улицу и остолбенел: там, где вчера видел здание ресторана из стекла и бетона, по-прежнему уныло смотрел на мир обшарпанный «Хозмаг». И куда-то подевались островерхие зелёные красавицы-ели...

Раздался лёгкий стук в дверь, и в кабинет вошла секретарь Ираида Карловна. В руке она держала свежий номер «Бизнес-Козл».

– Поздравляю, Валентин Григорьевич! В городе только и разговору, что о вашем фельетоне! – сказала секретарь. – Смешно вы обличили наших коррупционеров... Какие гады! А я ещё им пригласительные вчера рассылала на банкет... Тьфу! Крепко вы им задали перцу! И когда только вы успели

увидеть всё это безобразие, написать и дать в номер? Ведь вы оставались ночевать в кабинете... Просто уму непостижимо! Ну, вы – мастер! Я принесу вам горячий чай...

С этими хвалебными словами Ираида Карловна положила на стол редактора свежий номер «Бизнес-Козл». Агафонову сразу бросились в глаза красные буквы заголовка, набранного кеглем семьдесят два на первой полосе: «*В гостях у Сатаны*».

Он бешеным зверем посмотрел на Ираиду Карловну, и секретарь, теряясь в догадках внезапной перемены в настроении шефа, быстро вышла. Агафонова бросило в жар, потом в холод, снова в жар... Бледный, босой, с прерывистым дыханием, он кинулся к секретеру, одним рывком выдвинул нижний ящик. Не в силах унять дрожь, выхватил из него разбухший портфель, задышавшись от волнения, открыл и чуть не лишился чувств: вместо денег он был до отказа набит золотистыми коньячными этикетками марки «Дагестанский». Из серванта исчезли серебряный штопор, хрустальные фужеры и бокальчик со следами губной помады на золотом ободке...

– Чёрт бы меня побрал! – прохрипел Агафонов. – Проклятые иллюзионисты! Развели как последнего лоха... Но как вместо рекламной заметки мог оказаться этот дурацкий фельетон?! Не понимаю...

Ему померещились чёртики, пляшущие на письменном столе. Валентин Григорьевич схватился за сердце, ему нечем стало дышать. Достало сил добраться до окна. Он повернул ручку на пластиковой раме, рывком распахнул окно. Жадно хватая холодный воздух февральского утра, он перевалился через подоконник, не удержался на нём и соскользнул со второго этажа на заледеневшую бетонную отмостку. Падая, Валентин Григорьевич в какой-то миг заметил волосатую не то руку, не то ногу с копытом, закрывшую за ним окно. Обезумевший Агафонов, босой, полураздетый, вскочил, не чувствуя боли от ушиба, бросился бежать с криком: «Этикетки! Этикетки!» Не сознавая, куда бежит, на окраине города он по самую шею провалился в глубокий овраг со снежной кашей и грязной талой водой.

– Помогите! Тону! – захлёбываясь вонючей жижей, хрипел сошедший с ума Агафонов. Он вдруг увидел себя среди раскидистых пальм... Наверно, то были джунгли Таиланда... Огромный, толстый питон спустился с дерева, обвился вокруг тела и начал душить. Агафонов попытался вырваться, но из болота высунулся крокодил и рванул за ноги зубастой челюстью. – О, чёрт! – выругался Агафонов, отчаянно сопротивляясь, но всё больше погружаясь в смрадную пасть. – Спасите! – закричал он, уже наполовину заглоченный.

Худой рыжеватый мужичок в очках, хромоногий, с козлиной бородкой и продолговатыми ушами, с маленькими рожками на лысоватой голове, с ужимками и хихиканьем подскочил к нему. Рядом с мужичком шамкала беззубым ртом сгорбленная старуха. На её плече, распутив крылья, дремала ворона.

– Бе-е... Валентин Григорьевич! Вы мечтали о Таиланде? О кобрах, обезьянах и крокодилах? Экзотика на любой вкус к вашим услугам! Вы много раз поминали чёрта, просили, чтоб я побрал вас... Бе-е... Охотно выполню вашу просьбу, Валентин Григорьевич... Дождусь, как проглотит вас крокодил, и сразу заберу к себе в преисподнюю... Добро пожаловать в моё царство тьмы! Бе-е...

Ворона на плече старухи встрепелась, прокакала:

– Прро-глотит крро-кодил... В прре-исподнюю... Доб-прро! В царр-ство...

Крокодил кланул зубами, закрывая пасть, и темнота поглотила редактора, теперь уже бывшего...

Находчивые жители близлежащих домов превратили овраг в свалку бытовых отходов.

ГЛАВА 9

«Ищут пожарные, ищет милиция...»

Знакомое с детства стихотворение Сергея Михалкова про дядю Стёпу... Применительно к строчкам любимого поэта можно сказать: полиция в Козлодоевске с ног сбилась в поисках редактора «Бизнес-Козл», растворившегося бесследно, как сахар в стакане чая.

Именно так и не иначе можно было объяснить его таинственное исчезновение из кабинета, из которого, как явствовало из показаний сотрудников редакции, Агафонов не выходил. Полицейские, работники следственного комитета и прокуратуры с особым усердием добивались от секретаря в приёмной вразумительного ответа на вопрос: куда и во сколько ушёл Агафонов? Ираида Карловна, шокированная происходящим, отрешённо смотрела в одну точку и упрямо твердила:

– Никуда и ни во сколько он не ушёл... Ночевал здесь, в кабинете... Спал на диване... Сегодня утром я, как всегда, принесла шефу газету с фельетоном... Валентин Григорьевич сидел в кресле за письменным столом и разговаривал по телефону. Был он бледен и очень взволнован... Я вернулась в приёмную, а когда снова вошла в кабинет, его там уже не было... Я подумала, что Валентин Григорьевич в туалете или в умывальнике... Из кабинета редактор не выходил, – монотонно, как заученный школьный урок, повторяла потрясённая Ираида Карловна.

– Что вы нам басни рассказываете? Прозевали, когда он слинял, так и скажите... Не выходил! Не испарился же он, в конце концов! – раздражённо, теряя терпение, вспылит оперативник. – Вы нас что, за лохов держите?! Из кабинета не выходил! А куда делся? В окно вылетел, как дым? Он что, дух святой или обладает способностью невидимо перемещаться в пространстве? А может, вы убили его, расчленили труп, растворили в серной кислоте и смыли в унитазе? Такие случаи, знаете ли, имеют место в криминалистике...

– Да бог с вами! Что вы плетёте? Расчленили... Растворили... Смыли в унитазе... Сегодня утром я, как всегда, принесла шефу свежий номер нашей газеты... – дрогнувшим голосом начала рассказывать Ираида Карловна, но оперуполномоченный грубо оборвал её:

– Хватит нам тюльку гнать! Слышали уже... Разберёмся, будьте уверены... У нас такие опытные специалисты... Определят без труда, каким образом покинул сию обитель ваш многоуважаемый шеф...

Ираида Карловна, утирая слёзы, хлынувшие от незаслуженных упрёков и подозрений, и сама не могла понять, куда подевался редактор. Да... Действительно... Сегодня утром она, по давней привычке, явилась в редакцию раньше всех, заглянула в кабинет шефа. Валентин Григорьевич безмятежно посапывал на диване, по-детски почмокивая губами. Ещё вчера вечером он предупредил, что остаётся работать над фельетоном до позднего часа, домой не пойдёт, ночевать будет в кабинете. Ираида Карловна сходила в типографию, принесла пачку свежих газет для сотрудников редакции. Увидела на первой странице броский ярко-красный, словно кровью написанный, заголовок: «*В гостях у Сатаны*», заглянула в конец материала, увидела фамилию редактора. Ей не терпелось тотчас прочесть фельетон, но вдруг вспомнила о шоколадных конфетах, подаренных ей вчера Агафоновым, и решила продлить удовольствие, насладиться чтением за чашкой чая. Ираида Карловна включила чайник, заварила цейлонский чай, выдвинула ящик компьютерного стола и достала коробку... пластилина для детского творчества. Ираида Карловна не верила своим глазам!

Вот сюда она положила красочную большую коробку московской шоколадной фабрики, съела из неё одну замечательную конфету. А сейчас коробка пропала... Кто-то вместо неё положил детский набор пластилина... Но кто мог это сделать? Она уходила последней... В кабинете оставался Агафонов... Не мог же он пойти на такой мерзкий подлог! В расстроенных чувствах, прихлёбывая горячий чай вприкуску с заваливающейся печенюшкой, Ираида Карловна принялась за чтение фельетона. Увлёкшись смехотворным описанием бесноватого шабаша козлодоевских взяточников-чиновников и воров-бизнесменов, Ираида Карловна даже забыла о подвохе с конфетами. Схватила газету, торопливо постучала в дверь Агафонова и вошла в надежде порадовать шефа лестным отзывом о фельетоне. Часто неприветливый и хмурый, вечно рассерженный семейными неурядицами, скандалами с женой, редактор в это утро был мрачнее грозовой тучи. В ответ на восторженные слова Ираиды Карловны о его смелом фельетоне, шеф смерил её злобным, ненавистным взглядом, под которым ей захотелось сделаться маленькой мышкой и незаметно юркнуть в щель.

– Принесите чаю! – рявкнул шеф, и секретарь заторопилась выйти, однако успела увидеть босые ноги редактора, торчащие из-под стола. Его тупоносые зимние ботинки, привлёкшие внимание Ираиды Карловны, стояли в прихожей. Несколько озадаченная этим обстоятельством, Ираида Карловна вышла из кабинета, чтобы налить шефу чашку только что заваренного чая. Через минуту она вошла в кабинет, но Агафонова там уже не было. Ираида Карловна подумала, что Валентин Григорьевич зашёл в туалет, поставила чашку на стол и направилась к выходу, но задержалась у двери: на этот раз её внимание привлёк раскрытый портфель редактора, валявшийся на полу и набитый до отказа этикетками. Часть бумажек выпала из него, рассыпалась по ковру, поблёскивая золотистым тиснением. Ираида Карловна вышла из кабинета, в недоумении пожимая плечами. «Странно... Только что говорил по телефону... Босой... Этикетки...» – думала секретарь, принимаясь за свою работу.

Приходили сотрудники, нештатные авторы, рекламодатели, спрашивали редактора.

– Валентин Григорьевич занят, – сдерживала Ираида Карловна самых нетерпеливых и настойчивых, заглядывавших через приоткрытую дверь в кабинет.

– Нет его там... Где же он?

– Неужели непонятно? В туалет зашёл...

Прошло десять минут... Пятнадцать... Минуту полчаса, но Агафонов в кабинете не появлялся.

– Он что там весь на дерьмо изошёл? – возмущались газетчики и посетители.

– Ботинки от него остались... Вон, стоят у двери, – съязвил кто-то.

Когда прошёл час, журналисты заволновались.

– Может, Валентину Григорьевичу в туалете плохо стало, а мы тут ржём как кони, – обеспокоенно сказал литсотрудник Савелий Редькин, всё ещё никак не пришедший в себя от фельетона «*В гостях у Сатаны*». Он может дать голову на отсечение, – в тысячах отпечатанного за ночь тиража, уложенного толстыми пачками на стеллажах, фельетона не было и в помине. Савелий просматривал первые оттиски, проверяя качество печати, и воочию, своими глазами видел рекламную заметку под заголовком «*В гостях у "Виолы"*». Как вместо неё оказался фельетон, Савелий не мог понять. Усталые печатники на этот вопрос лишь плечами пожимали и руками разводили, отмахивались:

– Нас это не касается... Нам по барабану... Хоть про Сатану, хоть про Бога пишите... Вы, Савелий Петрович, проверили, дали «добро» печатать... А ещё после вас приходили двое... Мужчина в дорогом костюме с орденом на груди и с тростью... И девица с ним была очень красивая, модно одетая, с кейсом... Ворона у неё была на плече... Они представились чиновниками из областного управления по делам печати. Мужчина просмотрел первые оттиски и сказал: «Хорошо... Печатайте». Пусть Агафонов заплатит нам сверхурочные...

Утром Редькин взял в руки свежий номер «Бизнес-Козл» и вместо рекламной заметки увидел на первой полосе фельетон «*В гостях у Сатаны*». У него отпала челюсть, глаза чуть не вылезли из орбит, а короткие волосы встали дыбом. Не находя объяснения этому невыносимому превращению, Редькин с убитым видом приплёлся в приёмную, где столпились журналисты, горячо обсуждавшие «гвоздь» номера – фельетон Агафопова.

Редькин буркнул что-то нечленораздельное относительно того, что никакого фельетона не было... Он дежурил выпускающим по номеру и сам ставил на первую полосу рекламную заметку о праздничном открытии нового ресторана «Виола». Над ним посмеялись.

– Да ладно шифроваться, Савелий Петрович... До последнего момента в тайне держали фельетон... А здорово шеф придумал такой сюжет о вымышленном ресторане, чтобы вывести на чистую воду наших коррупционеров, взяточников и мошенников... Куда же он делся? В туалете? Но кто же сидит там больше часу? Надо пойти, посмотреть...

Решились. Вошли в кабинет. Никого. Постучали в дверь туалета. В ответ – ни звука. Открыли – и здесь никого. Заглянули в умывальник, в ванную – пусто. «Литрабы» растерянно посмотрели друг на друга, накинулись на секретаря в приёмной.

– Ираида Карловна! Какого рожна мы тут битый час толкаемся? Сказали бы нам сразу: «Ушёл редактор...» И не колготились бы мы здесь, как бедные родственники...

Ираида Карловна, взволнованная странным отсутствием шефа не меньше других, обиженно возражала:

– А я вам говорю: не выходил Валентин Григорьевич из кабинета... Я с самого утра не отлучалась из приёмной... Да вон и ботинки его у двери стоят... И носки валяются... Не ушёл же он босиком... На улице не май, а февраль...

Да... Ботинки и носки были существенным доказательством правоты её слов. Все замолчали, соображая, куда мог подеваться редактор, ведь человек не шариковая ручка, которую каждый норovit прихватить вроде как по забывчивости. В ту минуту, когда все стояли, приставив указательный палец ко лбу, зазвонил телефон. Редькин схватил трубку и услышал разгневанный голос Эльвиры Самуиловны.

– Мерзавец! Домой не явился... Всё пьянствуешь, скотина? Допьёшься до белой горячки! Ну, погоди... Получишь ты у меня сырники со сметаной...

– Валентин Григорьевич отсутствует... С вами говорит корреспондент Редькин... Где Валентин Григорьевич? Сами хотели бы мы знать...

Трубка отрывисто загудела, и Савелий, помедлив, положил её на рычаг аппарата.

– Надо сообщить в полицию... Мало ли что, – предложила Ираида Карловна.

Все многозначительно покивали, соглашаясь с ней. Позвонили в полицию:

– У нас пропал редактор Агафонов...

– Пропасть, то есть протухнуть, может свежая рыба, если её не положить в холодильник, а человек теряется, – ответил дежурный полицейский. – Это не тот ли Агафонов, который написал балдёжный фельетон «В гостях у Сатаны»? Наше управление с утра на карачках ползает... У всех животы уже болят от смеха...

– Да, он самый...

– У него с головой всё в порядке? По-моему, он не дружит с ней... Это же самоубийство – напечатать такое! Ладно... Когда он, говорите, пропал? Сегодня утром? Вы что, издеваетесь? День только начался... Куда он денется? Где-нибудь похмеляется сейчас... Ведь он любитель пропустить за воротник, как нам известно...

– Вся беда в том, что редактор из кабинета не выходил, а только нет его там...

– Я ценю юмор, но в данном случае шутки неуместны... Отвлекаете от работы глупым заявлением...

– Да нет... Правда... Был человек и куда-то исчез...

– Ладно, приедем... Прокурор Недоносов тоже звонил, требовал немедленно доставить к нему редактора Агафопова для объяснения...

Полицейские, прибывшие вскоре на оперативной машине, опросили всех работников редакции. Эксперты взяли пробы с унитаза, с ванны и раковины в умывальнике: а вдруг предполагаемые останки трупа Агафопова и в самом деле спущены в канализацию.

Следователи перевернули всё вверх дном в шкафу, в серванте и секретере, перерыли бумаги в письменном столе. Нашли в мусорной корзине пустую коньячную бутылку без этикетки и, само собой, изъяли её как вещественное доказательство злоупотребления Агафоновым алкоголем. На стекле бутылки обнаружили отпечатки его пальцев и больше ничьих других. «Ясно, – решили следователи, – пил в одиночку!» Они осмотрели окно. Пластиковое окно было изнутри закрыто, и версия о том, что босой Агафонов удрал, спустившись по водосточной трубе или просто выпрыгнул из окна со второго этажа, так же быстро отпала, как и возникла в горячих головах сыщиков. Крайне изумлённые, они подняли с пола потёртый портфель из крокодиловой кожи, раздутый от коньячных этикеток, и предъявили его для опознания плачущей Ираиде Карловне.

– Да, портфель Валентина Григорьевича, – утирая платочком слёзы, подтвердила секретарь. – А этикетки эти до сегодняшнего утра я никогда не видела...

Рвение сыщиков и следователей к поиску редактора подогревали настойчивые звонки прокурора, главы города, начальников силовых структур, местных воротил бизнеса, алчущих расправы над автором фельетона. Первые попытки найти Агафопова не увенчались успехом, а, когда прошло несколько дней и редактора так и не отыскали, полиция объявила его в розыск. Поиск потерявшихся людей – процесс долгий, иногда длится годами. О странном происшествии, случившемся в редакции газеты «Бизнес-Козл», могли скоро забыть напрочь, но в Козлодоевске начали твориться непонятные, фантастические, даже просто абсурдные вещи, и потому история с Агафоновым не сходилась у многих с языка. О таинственном исчезновении редактора газеты «Бизнес-Козл» в Козлодоевске поползли невероятные слухи. Небылицы и легенды, сочинённые домохозяйками на кухнях, обрастали всё новыми «подробностями». Один житель якобы видел Валентина Григорьевича с приклеенными усами из пакли, в чёрных очках и с белой курчавой бородой на резинке, как у Деда Мороза.

Другой добавил, что встретился ему редактор с рюкзаком за плечами и в болотных сапогах. И пошло, и поехало... Предполагали, что Агафонов смотался за границу, в Швейцарию, где у него якобы огромный счёт в банке. Договорились даже до того, что несчастного редактора «Бизнес-Козл» забрали инопланетяне. Следователей, однако, больше устраивала версия о мести оскорблённых чиновников, утопивших Агафопова в каком-нибудь торфяном болоте. Большинство трезво мыслящих граждан склонялись к версии, что Агафонов действительно испугался мести бесславных героев своего разудалого фельетона и просто-напросто сбежал «туда, где Макар телят не пас». Сключники плели сплетни о внебрачных связях редактора с пышногрудой Ираидой Карловной, и где ему сейчас скрываться от угроз козлодоевских воротил власти, как не у неё на даче.

Любители нагнетать страсти распространяли разные ужасающие слухи один страшнее другого, как редактора Агафонова убивали «гости» выдуманного им ресторана «Виола», которого в городе нет и никогда не было. Распространённой была история о заброшенном гараже на окраине Козлодоевска, где Агафонова безжалостно били палками по пяткам, вливали ему в рот серную кислоту, тушили на его лице зажжённые сигареты, подвешивали вниз головой за одну ногу, топили в унитазе. Опозоренные личности, упомянутые в фельетоне, выли волками, клацали зубами, готовые порвать Агафонова в клочья, попадись только он им. Они безуспешно оправдывались, что в тот злополучный вечер ни в каком ресторане диких оргий не устраивали, прожигали жизнь другими способами. Козлодоевцы лишь ухмылялись, смеялись в ответ, не сомневаясь, что городское начальство именно так и ведёт себя, как было написано в фельетоне. Не в придуманной «Виоле», так в другом месте... Какая разница? Находились горожане, объяснявшие суматоху, взбудоражившую город, появлением в Козлодоевске странной парочки: лысоватого джентльмена с орденом и с тростью и его смазливой дамочки с вороной на плече. Ярым сторонником последней версии был следователь по особо важным делам Денис Иванович Надыбайлов, на себе испытывавший происки этих самых проходимцев. Он заявился в кабинет прокурора, разозлённого фельетоном, в резиновых сапогах, в солдатских галифе, в куцой курточке и в спортивной шапочке с помпоном. Прямо от дверей Надыбайлов заявил:

– Гипнотизёры-гастролёры из Челябинска действуют... Один такой старый, с рожками на голове, с козлиной бородкой... Представляется графом Сивопуповым-Крымским... Аферистка с ним молодая... У неё ворона говорящая на плече... Из глаз у них искры сыпятся... Они у меня пять тысяч долларов украли, – выпалил Денис Иванович и самодовольно расхохотался: – Этих челябинских мошенников по моей просьбе Сатана камнями с неба забросал. Слышали про Чебаркульский метеорит, который взорвался над городом?

– Сатана... По вашей просьбе? Суший бред, Денис Иванович... От вас дурно пахнет... Что у вас за бомжовский вид? – недовольно поморщился прокурор Недоносов. – Позвольте... А откуда у вас оказались при себе пять тысяч долларов?

Денису Ивановичу вдруг почудилось, что за спиной у него стоит граф Сивопупов-Крымский с ехидной усмешкой на тонких, плотно сжатых губах.

– Бе-е... А ну, признайся, за что доллары получил! – смрадно дыхнул ему в ухо Люцифер.

– Мне их Тарантулов дал за то, чтобы я его сына-отморозка от тюрьмы отмазал... Того самого, который с дружками-наркоманами избил священника... Из подозреваемого я его свидетелем драки сделал, – неожиданно для самого себя выпалил Надыбайлов, испуганно обернувшись, но сзади никого не увидел.

– Ах, вот как... Так ведь, это... Уголовно наказуемое деяние... Взятка... – округлил глаза прокурор...

– Бе-е... Скажи ему, что он сам берёт взятки в более крупных размерах, – услышал противный шепелявый шёпот Надыбайлов. – Через адвоката Розенберга... Бе-е...

– Ты сам взяточник! Про тебя в газете написали... Бе-е... – приставляя пальцы ко лбу в виде пары торчащих рожек, вдруг заблеял Надыбайлов. – Ты и судья Вшивкина – взяточники! – упрямо, блеющим голосом твердил Денис Иванович. – Хи-хи-хи... Все в прокуратуре, в суде – взяточники! Бе-е... Через адвоката Розенберга берёте... Вроде как по закону получается... Не прикопаешься... Пять тысяч долларов я взял у Тарантулова... Бе-е... Ты без штанов на столе плясал... Я в газете читал...

– Что ты себе позволяешь?! – багровея, стукнул кулаком по столу Недоносов. – Я в бараний рог тебя согну! Я тебя...

Чувствуя, что с ним творится что-то ненормальное, понимая, что выдаёт себя с головой, Денис Иванович, тем не менее, уже не мог остановиться и к собственному ужасу своему продолжал блеять:

– Бе-е... Мы – взяточники... Я взял у Тарантулова пять тысяч долларов... Бе-е... Бе-е... Вы голыми плясали... Бе-е...

С большого портрета, висящего в просторном прокурорском кабинете, за ним пристально наблюдало хитроватое лицо губернатора. Вдруг губернатор подмигнул ему, и вместо него Денис Иванович увидел в золочёной портретной раме знакомую гнусную лысоватую физиономию с козлиной бородкой и короткими рожками. Прищурившись под круглыми очками нагловатыми глазами, мерзкая рожа беззвучно смеялась, оскалив жёлтые клыкастые зубы. С настенного японского календаря следователю

по особо важным делам мило улыбалась очаровательная гейша в розовом, с блёстками, кимоно, с кейсом в руке и с вороной на плече.

– Да вот же они! Хватайте мошенников! Их надо немедленно арестовать! Бе-е... Полиция! – вскричал Надыбайлов, тыча одной рукой в сторону портрета и календаря, другой хватаясь за телефон. – Мы все – взяточники!

– Успокойтесь, Денис Иванович... Сейчас вызовем... – проговорил прокурор Недоносов, вытирая вспотевшее лицо. – Выпейте воды... Сейчас... Минуточку...

Недоносов набрал номер психиатрической лечебницы:

– Санитаров! В прокуратуру! Срочно! У нас тронулся умом работник! Да... Налицо явное помешательство... Заметные симптомы очевидной шизофрении...

Надыбайлов не стал дожидаться санитаров из «психушки». Вскочил, опрокинув стул, бросился на улицу.

– Бе-е... Бе-е... Бе-е, – слышалось ему сзади.

В то время как следователь по особо важным делам, сломя голову, бежал по улице, вздымая побуревший снег огромными резиновыми сапожищами и обращая на себя внимание прохожих солдатскими галифе, баба Дуня с пятилетним внуком вышли из универсама. В отделе игрушек баба Дуня купила внуку обещанный пистолет, стреляющий разноцветными шариками. Заполучив долгожданное «оружие», малыш тотчас передёрнул пластмассовый ствол и нечаянно выстрелил. Красная горошина попала в глаз бегущему навстречу мужчине. Тот вскрикнул от боли и, прикрыв ладонью глаз, очумело бросился с тротуара в сторону, на проезжую часть, и был сбит несущимся мимо автофургоном. Лужа крови растеклась под головой распластанного на дороге человека, одетого в рваньё. Вокруг трупа собралась толпа любопытных зевак.

– Какого-то бомжа машина задавила...

– Сам виноват... Черти понесли его на проезжую часть... – прокомментировал кто-то из толпы.

– Надо вызвать скорую помощь... Может, он ещё жив... – проговорила баба Дуня, отнимая у малыша пистолет и пряча игрушку в хозяйственную сумку.

– Нет... Не жив... Душа его распрощалась с телом... – возразил хромой лысоватый мужчина в спортивном костюме, в очках, со старинным орденом и с тростью под мышкой. – Бе-е... Говорил я ему, что ребёнок станет причиной его смерти... Не верил... Бе-е... Теперь поверит, – странным скрипуче-старческим голосом не то проговорил, не то проблеял инвалид. Он держал под руку миловидную черноволосую девушку в длинном платье и в манто из чернубурой лисы. На её правом плече клевала носом ворона. В левой руке девица держала чемоданчик-«дипломат» – кейс.

– Карр... Не верил... Теперрь... по-веррит... – встрепенулась ворона, сверкнув глазами и опять погружаясь в дрему. Прохожие оставили без внимания слова странного вида старика. И только баба Дуня испуганно заторопилась уйти. Отойдя подальше, пенсионерка выбросила игрушку-пистолет в мусорную урну.

Надыбайлов легко поднялся, увидел себя, распростёртого на асфальте, стоящего рядом с ним на задних ногах хромого козла, держащего под руку бормочущую какие-то проклятья старуху-ведьму с вороной на плече.

– Бе-е, – проблеял козёл. – Добро пожаловать в преисподнюю, Денис Иванович. Белые ангелы, как вы надеялись, не явились за вами... А сейчас, Виола, поторопимся в прокуратуру... Там никак не могут поделить взятку... Поможем им...

Денис Иванович ничего не успел сообразить. Чёрные косматые тени вдруг подхватили его бесчувственную душу и с безумными визгами поволокли в тёмную бездну мрачного царства Люцифера, более известного как Сатана.

ГЛАВА 10

Три «Наполеона» и одна «Жозефина»

В Козлодоевске только и разговоров, что о странных явлениях и необъяснимых происшествиях в городе. На сей раз что-то невообразимое творилось в городской прокуратуре, а именно туда в предутренних сумерках направились лукавые духи нечистой силы. У входа в старое здание с облезлой штукатуркой на обшарпанных стенах сгорбленная старуха с вороной на плече и тощий, плешивый

старик в рванье и с тростью вмиг преобразились в достопочтенных граждан. Несмотря на ранний час, в кабинете прокурора Недоносова уже ярко горел свет, в зашторенном окне колыхался силуэт его тучной фигуры. Недоносов был не один. Напротив его по одну сторону длинного дубового стола сидели судья Вшивкина и адвокат Розенберг. По другую – беспокойно ёрзал на стуле следователь по особо важным делам Замиракин, заменивший в этой должности без времени ушедшего из жизни Надыбайлова. Квартет юристов обсуждал важный вопрос: засадить за решётку гнусного сына влиятельного бизнесмена, гендиректора компании «Нефтегаз» Тарантулова, депутата областной думы, или оправдать? Читателю может показаться, что вышеупомянутых служителей Фемиды волновали судьбы обвиняемого и потерпевшего. Нет, это далеко не так. От громкого скандального дела веяло, а точнее, попросту воняло «зеленью» долларов, и каждый пришёл пораньше, чтобы не упустить свой куш от взятки.

Однако от сделки коррупционеров за версту несло керосином, и, опасаясь пожара общественного мнения, который мог вспыхнуть после вынесения приговора, все четверо ломали голову, как войти в реку воды напиться и ног не замочить. Взять деньги заманчиво, но страшновато, как в поговорке: «И хочется, и колется, и мама не велит». А всё дело в том, что липовые свидетельские показания подлого отпрыска Тарантулова, наркомана-сатаниста, при загадочных обстоятельствах безвозвратно утрачены трагически погибшим Надыбайловым. Вершители человеческих судеб за рамками законности вчетвером держали совет: как «отмазать» отморозка? Они решали этот важный для них в финансовом отношении вопрос по-гамлетовски: судить или не судить?

– Итак, все члены нашего «совета четверых» в сборе, – испытующе оглядывая каждого, сказал прокурор. – Если судить, то сколько дать? Если оправдать, то как замять дело, утрясти проблемы с потерпевшим? Священник всё ещё в реанимации. А ну как отдаст Богу душу! Решить вопрос в пользу Тарантулова, а значит, в нашу, мешает опубликованный в городской газете фельетон «В гостях у Сатаны».

Было над чем задуматься опытным юристам, прожжённым взяточникам. Недоносов нервно барабанил пальцами по столу. Вшивкина курила сигарету «Parlament» и после каждой затяжки, выпустив дым, прихлёбывала из чашечки кофе и разглядывала лакированные, «в крапинку», ногти. Розенберг, смачно чавкая, грыз яблоко.

Замиракин лениво листал «Процессуальный кодекс Российской Федерации», потягивал из рюмки коньяк. Вся четвёрка с нетерпением ждала телефонного звонка. Но вот на столе Недоносова загудел сотовый телефон.

Судья, адвокат и следователь напряглись в предвкушении приятного сообщения. Прокурор спешно схватил смартфон, глянул на высветившийся номер абонента и многозначительно посмотрел на членов «совета четверых».

– Да, Эдуард Харитонович, слушаю вас внимательно...

Недоносов внушительно поднял вверх палец и кинул недвусмысленный взгляд в сторону членов «совета четверых». Вшивкина понимающе кивнула и затушила сигарету в кофейной чашке. Розенберг перестал жевать и замер с открытым ртом. Замиракин осторожно поставил пустую рюмку. Члены «совета» настороженно замолчали, ожидая от разговора прокурора с Тарантуловым нечто существенное для себя лично. Нагло-хамским голосом важный папаня, а звонил конечно же он, в требовательной манере спросил:

– Куда подевались пять тысяч долларов, которые я дал Надыбайлову за то, чтобы моего сына из подозреваемого переквалифицировали в свидетели? Не знаете? Другого ответа я от вас и не ожидал... Ну, теперь концов не сыщешь, как ног у змеи... Ладно... Коли судьба-злодейка так распорядилась жизнью Надыбайлова, я дам ещё пять тысяч...

– Каждому! – невольно вырвалось у Недоносова. – Дело чрезвычайно трудное... Нас здесь четверо...

Члены «совета» одобрительно загудели. Смартфон засопел возле уха Недоносова, выжидательно глядевшего на присутствующих. Их разгорячённые коньяком лица, искажённые плоской крышкой стола, косо отражались в его зеркальной поверхности.

– Без базара... Но чтобы на этот раз всё пучком, без проколов пошло, – отозвался телефон развязным голосом Тарантулова. – А то браткам свистну, они вам холку намнут, мозги вправят... Служители Фемиды хреновы... Ждите... Нарочных курьеров пришлю с башлями...

Недоносков торжествующе посмотрел на единомышленников.

– Ха! – хлопнул он рука об руку. – Двадцать штук даёт этот урод из областной думы! По пятёрке на рыло! Ха! – прищёлкнул пальцами Недоносков. – Мне, как прокурору, по раскладу больше причитается... Я, а не Розенберг, вырвал зелёное бабло у Тарантулова...

За столом зашумели, загалдели, ногами затопали, руками замахали, кулаками затарабанили. Рюмки со звоном запрыгали на столе, яблоки раскатились.

– Ну и что? – возмущённо завопил Розенберг. – Вы один раз с клиента куш срываете, а я с каждого процесса для вас кусок урываю...

– А мне, думаете, легко малый срок назначать за тяжкое преступление? – вскочила судья Вшивкина. – Или, что ещё хуже, оправдательный приговор объявлять? Общественное мнение... Журналисты, чёрт бы их всех побрал... Кассационные жалобы... Легко, знаете ли, кормушки лишиться... Всякий раз рискуешь, когда за взятку смягчаю наказание... Как по лезвию бритвы хожу... Как по краю пропасти... Один неверный шаг – и пиши пропало... Дисквалифицировать могут за профнепригодность... Нет, уважаемый господин Недоносков, всем поровну... Разве что следователю можно меньше...

– В таком случае обойдёмся без суда и без судьи! И без вас тоже! – ткнул пальцем в адвоката следователь Замаракин. – Закон – что дышло! Куда повернёшь, туда и вышло... Вот подготовлю материал о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, а прокурор подпишет... И никакого суда! И адвокат не понадобится... Ха! – на манер Недоноскова ударил в ладоши Замаракин. – На двоих двадцатку «зелёных» поделим!

– Это как же прекратить уголовное дело? Священник на ладан дышит... А что, если боты завернёт, ласты загнёт... Точнее говоря, может дубу дать, а вы – прекратить дело! – запротестовала Вшивкина. – Ничего не выйдет у вас... Суд должен состояться...

– А очень просто! Обвиняемых нет... Свидетелей тоже нет... Сам попик головкой об асфальт тюкнулся...

– А переломы ребра, ключицы, разрыв селезёнки?

– А кто видал эту самую селезёнку? Может, и не порвана она вовсе... Поскользнулся иерей, упал... Закрытый перелом... Очнулся – гипс, – смеясь, ответил Замаракин. – Он же вставал, потом опять падал... И всякий раз неудачно...

– Нет, я не согласна, – категорично заявила Вшивкина. – Настаиваю на судебном процессе...

– Да... Я выступлю на нём с пламенной речью, – поддержал судью адвокат Розенберг. – Моя защита послужит основанием дать подсудимому условный срок наказания...

– А я считаю, что господин Замаракин предлагает самое верное решение. Священник сам набил себе бока... Вероятнее всего, он был в стельку пьян и ничего не помнит...

– О! Это идея! Надо переделать результаты судебно-медицинской экспертизы! – обрадованно воскликнул Замаракин. – Правда, придётся отстегнуть патологоанатому... тысячи три... Нет, две...

– Обойдётся... Хватит с него и одной, – сказал Недоносков.

– Вы только посмотрите на них! Совет полководцев перед сражением на Бородинском поле! Один – Наполеон, другой Мортье, а Розенбергу оставили роль неудачника Бертье! Ещё не было сражения, а они уже решают, кому первому входить в Москву... Давайте без лишних споров раскинем двадцать тысяч поровну и не будем напрасно тратить время, – с негодованием сказала Вшивкина.

– Да... Вот именно... Тоже мне нашлись везучие наполеоновские генералы, – обиженно поддакнул Розенберг, которому не понравилось сравнение с Бертье. Перепалка юристов, деливших шкуру неубитого медведя, неизвестно чем бы закончилась, но в самый напряжённый момент спора, весьма важный для каждой из сторон, в кабинет прокурора вошли двое. Присутствующие, не остывшие от жаркого спора, удивлённо повернули головы к неожиданным посетителям. «Кто их пустил? Как они попали сюда через запертые изнутри двери? И почему молчит охрана? Может, они и есть курьеры Тарантулова?» Эти совершенно одинаковые мысли вихрем пронеслись в потных головах озабоченных блюстителей законности. Вошедшими были элегантная дама с «дипломатом»-кейсом, с вороной на плече и пожилой рыжеватый джентльмен с тростью и с орденом на чёрном фраке. Респектабельный вид незнакомых пришельцев шокировал служителей Фемиды. Блестящая поверхность фарфорового изваяния мифической защитницы справедливости играла бликами хрустальной люстры. В какой-то миг прокурору показалось, что весы в руке фарфоровой Фемиды качнулись, одна чаша опустилась, другая поднялась. Он вперился на скульптурную фигурку пристальный взгляд, и опущенная чаша

весов поднялась, а другая, поднятая, опустилась. «Чёрт возьми, что это со мной? – в страхе подумал Недоносков, протирая глаза и вновь впяливаясь в статуэтку, но чаши весов были на равной высоте. – Померещится же... Пить надо меньше...»

– Верно заметили, господин Недоносков, – снимая шляпу и перчатки, сказал незнакомец. – Пить и в самом деле надо меньше. Вы не будете возражать, если я предложу стул даме? Нет? Очень хорошо... Прошу, Виола, присаживайтесь...

– Я извиняюсь... С кем имею честь? – потеряв свой обычный спесивый вид, упавшим голосом, заикаясь спросил Недоносков, теряясь в догадках относительно того, каким образом эти двое появились в кабинете. Не через стену же они вошли...

– Да... Так и есть, господин Недоносков... Именно через стену, что не составляет для нас никакого труда... Но поговорим о деле... Позвольте представиться: граф Сивопупов-Крымский, нарочный курьер и поверенный в делах господина Тарантулова... Пресс-секретарь компании «Нефтегаз» госпожа Виола Филаретовна Обнорская со своей неизменной вороной Каролиной... Прошу любить и жаловать...

При этих словах дама кивнула с милой улыбкой на красивом лице, а все сидящие привстали, поклонились и снова уселись за стол.

– Итак, господа... Вы не можете разрешить трудный спор о дележе взятки... Господин Тарантулов предвидел это и решил дать вам больше... Виола, откройте ваш кейс...

Дама поставила изящный чемоданчик-«кейс» на стол, щёлкнула замочками, откинула крышку.

– У-у... – разом вырвался у членов «совета» не то вздох изумления, не то жадности: в кейсе зеленели пачки долларов.

– Здесь миллион... Господин Тарантулов человек щедрый... За спасение от тюрьмы своего горячо любимого чада готов отдать хоть всё своё состояние... Берите, господа... Налетайте... Не стесняйтесь... Это всё ваше... Ну, кто вперёд? Кто больше ухватит?

И Сивопупов-Крымский начал без счёта выбрасывать пачки денег на стол. Что тут началось! Цепкие руки жадно выхватывали пачки друг у друга, рвали банковские обёртки. Адвокат Розенберг таскал Вшивкину за волосы. Судья в долгу не осталась, укусила адвоката за нос, отвесила ему звонкую оплеуху, заграбастала пачку. Недоносков и Замаракин мёртвой хваткой держали сразу две пачки, ни одну не желая уступить. Граф продолжал выбрасывать на стол деньги, и свалка недавних компаньонов переросла в драку. Наконец весь миллион перекочевал из кейса в штаны и пиджаки юристов-мужчин. Судья Вшивкина, сожалея, что пришла в короткой юбке, уселась на деньги, как курица-несушка на яйца, придавила их внушительным задом. Сивопупов-Крымский надел шляпу-котелок, взял в руки перчатки и трость. Виола закрыла пустой кейс и встала со стула. Ворона встрепенулась на её плече.

– Прощайте, господа... Продолжайте ваш совет перед сражением на Бородинском поле... Решайте сами, кто из вас Наполеон, а кто генералы Мортье и Бертье...

Чиновники правовой службы ревностно переглянулись: кому кем быть? Никто не желал быть губернатором сожжённой Москвы генералом Мортье и неудачливым начальником наполеоновского штаба генералом Бертье. Каждый из них хотел быть Наполеоном.

– Господин... Простите... Забыла, как вас? – вскинулась с места судья Вшивкина. Пачки денег посыпались на пол из-под её широкой задницы.

– Граф Сивопупов-Крымский, – обернулся джентльмен, сверкнув глазами. – Вы хотели спросить, кем будете на Бородинском поле?

– Да, граф... Ведь я – женщина...

– Логично... Будете красавицей Жозефиной... Любовницей Наполеона Бонапарта...

– Благодарю, ваше сиятельство, – со слезами счастья выпалила Вшивкина, посылая графу воздушный поцелуй. – Я Жозефина! Слышали?! Кто из вас Наполеон?

– Конечно же, я! Кому, как не прокурору, быть Наполеоном! – заявил Недоносков.

– Нет, вы только подумайте! – швырнув в прокурора огрызок яблока, вскричал Розенберг. – Он и в самом деле думает, что он – Наполеон! Но ведь Наполеон – это я!

– Кто? Ты – Наполеон? А вот я покажу тебе сейчас, кто из нас император Бонапарт... Наполеон – я! И никто другой! Иначе позову стражу из моего дворца! Вас всех арестуют и бросят в Бастилию, – стучал себя в грудь Замаракин.

Трое претендентов на «имперский трон» устроили потасовку. В ход пошли стулья, цветочные горшки и тугие пачки открыток с рекламой шампуня «Timotei», оклеенных банковскими лентами.

Превращение денежных купюр в разноцветные глянцевые бумажки дерущиеся не заметили и продолжали дубасить друг друга чем попало. Трещали разрываемые пиджаки, сорочки, слышались хлесткие пощёчины и неистовые выкрики:

- Я – Наполеон!
- Нет – я!
- А я говорю – я!

Между спорщиками, махавшими кулаками, металась Вшивкина-Жозефина. Ей не терпелось стать любовницей Наполеона, но никак не удавалось определить избранника.

Грохот, возня, крики, звон разбиваемых рюмок и оконных стёкол привлекли внимание охранников и ранних прохожих. Они вызвали сотрудников полиции. В кабинет Недоносова ворвались бойцы в бронежилетах и с автоматами, уложили буянов лицом вниз на пол, усыпанный осколками, землёй из горшков, рекламными проспектами, буклетами, открытками и пачками всякой разноцветной мишуры в банковских обёртках. Рыбки из опрокинутого аквариума, издыхая, разевали рты, трепыхались в луже воды. Под тяжёлыми берцами полицейских похрустывали кусочки разбитой скульптуры богини Фемиды.

– Вы не смеете меня арестовать! Я – Наполеон! – вопил, вырываясь, Розенберг, когда ему надевали наручники.

– Он бессовестно лжёт! Заговорщик! Изменник! Не верьте ему! Наполеон – это я! – с хрипотой доказывал Недоносов, пристёгнутый к батарее парового отопления.

– Вам не удастся заточить меня на остров Святой Елены! Гвардия за меня! Битва при Ватерлоо – это ещё не поражение! – кричал Замаракин. – Я, Наполеон Бонапарт, соберу новые войска и двину их на Европу!

– Не разлучайте меня с любимым, – в отчаянии заламывала пухлые руки Вшивкина. – Я – Жозефина, любовница императора Наполеона Бонапарта...

Козлодоевские полицейские, ошарашенные увиденным и услышанным, качали головами, хохотали до упаду. Старший наряда позвонил:

– Алло... Психбольница? Срочно пришлите санитаров... У нас три Наполеона и одна Жозефина... Очень буйные...

Их увезли на грустно-печальный «Левый берег», рассадили по разным палатам.

Дальнейшая судьба козлодоевских «наполеонов» и «жозефины» нам не известна. Если верить людской молве, они так и не поправились, твёрдо уверовав в монаршее величие.

Вместо сошедшего с ума Недоносова прокурором Козлодоевска назначили Разгуляева, человека принципиального и требовательного, ещё не успевшего стать коррупционером и набить руку на взятках. Разгуляев дал ход делу об избиении священника. Суд приговорил преступного сына Тарантулова к девяти годам лишения свободы в колонии строгого режима. Разные сроки лишения свободы получили сообщники преступника Тарантулова. Козлодоевцы говорили, что отморозки легко отделались. В случае смерти молодого священника им грозило более суровое наказание, но иерей, слава богу, остался жив. Автомобиль «Мерседес» бизнесмена-депутата Тарантулова при невыясненных обстоятельствах вспыхнул на бензоколонке и за считанные минуты сгорел дотла. В нём погиб и сам босс компании «Нефтегаз». По версии пожарных, замкнула электропроводка. По свидетельству очевидцев, за минуту до этого трагического происшествия на бензоколонку заезжал роскошный «Бентли». Мягко прошипев шинами, он притормозил рядом с автомобилем Тарантулова. За рулём авто, как показалось рабочим бензоколонки, был бультерьер в морской фуражке с белым чехлом и с якорем на околыше. В зубах бультерьера торчала курительная трубка. В салоне «Бентли» находились молодая экстравагантная дама с вороной на плече и пожилой мужчина в спортивном костюме и с орденом на груди. Кто были эти уважаемые люди, неизвестно.

ГЛАВА 11

«Мечты, мечты! Где ваша сладость?!»

Заведующий отделом «Криминальной хроники» газеты «Бизнес-Козл» Аристарх Фон-Гумилевич страстно мечтал занять место в кожаном кресле главного редактора. Сотрудники промеж себя называли его толстячком, хомячком, хитрячком, добрячком. Краснощёкий, полноватый, с одышкой

и округлившимся брюшком, с хитрецей в зеленоватых глазах, он слыл добропорядочным семьянином и безобидным человеком. К своим неполным тридцати шести годам Фон-Гумилевич, по его собственному мнению, имел богатый журналистский опыт и бедный уровень личной жизни. В последнем определении он исходил из того, что проживал в старом панельном доме, чаще презрительно называемом в народе «хрущёвкой». Завистливо глядя на элитные особняки городской знати, он с тоской думал о том, что его семья из пятерых человек ютится в малогабаритной квартире, состоящей из трёх комнат-клетушек. Помимо него самого, сварливой жены и двоих шаловливых детей-подростков, в «трёшке» занимала угол престарелая тёща, ворчливая, больная, всем и всегда недовольная старуха, присутствие которой делало невыносимым существование Аристарха Фон-Гумилевича. Курить дешёвые отечественные сигареты «Космос» ему позволялось на балконе, а писать статьи представлялось возможным на кухне после полуночи, когда семья, уgomонившись, разбрелась по тесным комнатам. Скучной зарплаты едва хватало на самые необходимые продукты питания, на выплату долгов за дешёвую мебель, взятую в кредит, на бытовую технику, на коммунальные услуги, растущие как на дрожжах. Об этих неприятных фактах Аристарху нудно напоминала скаредная жена, любящая повторять одну и ту же поговорку: «В нашем бюджете финансы поют романсы».

Дачный участок из шести соток с маленьким кирпичным домиком «кума Тыквы» из сказки про Чиполлино, битая развалюха «Лада»-«шестёрка», мокнувшая под дырявой крышей гаража в одном из кривых переулков кооператива «Гигант» – вот и всё достояние Аристарха Фон-Гумилевича. На редакционных планёрках Фон-Гумилевич выступал непримиримым борцом со всякого рода нарушителями законности, принципиальным журналистом при опубликовании фактов противоправных действий в обществе отдельными его несознательными элементами. В сокровенных уголках души Аристарх завидовал беспринципным богачам, сожалея, что сам он со своими принципами до сих пор остаётся бедным. Принимая во внимание вышеперечисленные факты «благополучия» заурядного труженика прессы и его «принципы», легко догадаться, почему Аристарх Фон-Гумилевич, располагая университетским дипломом, больше других в редакции радовался таинственно-загадочному исчезновению главного редактора «Бизнес-Козл». Как гласит народная мудрость, свято место пусто не бывает. И Аристарх, разумно скрывая радость пропажи Агафонова, надеялся, что Валентин Григорьевич никогда не вернётся в редакцию. Лелея в душе возделенную мечту о выгодной должности, он желал, чтобы с Агафоновым, о котором не было ни слуху ни духу, действительно случилось что-нибудь трагическое. «Чёрт меня возьми... Вдруг произойдёт чудо, и меня назначат вместо Агафонова... Хочу быть главным, – думалось Аристарху всякий раз, когда банкомат выдавал ему двадцать тысяч зарплаты. – А ну, как и вправду стану главным редактором... О-о... Тогда бы я...» Что было бы «тогда», домечтать Аристарху всегда кто-нибудь мешал или что-нибудь отрывало его от приятного размышления в мнимом кресле главного редактора. То посетитель в кабинет войдёт, то телефон зазвонит, а то жена взбудоражит гневным окриком: «А ты записался в этом месяце на аванс?!» Так в чудесном сне никогда не увидишь счастливого продолжения, вдруг прервут его, и потом тщетно пытаешься вспомнить, досмотреть...

Несмотря на мужественное, стойкое выживание в условиях рыночной экономики, у Аристарха Фон-Гумилевича имелись некоторые увлечения, соответствующие его общественной значимости и финансовому положению. Увлечений у Аристарха немного: три или четыре. Собираение грибов и ягод, рыбалка, лазание под машиной, работа на даче в расчёт не принимаются. Имеются в виду «хобби». Кто-то собирает раритеты, строит макеты парусников, коллекционирует картины, медали, монеты, значки и марки, винно-водочные этикетки, пробки от пивных бутылок и прочее. Аристарх Фон-Гумилевич, будучи интеллигентным человеком, коллекционировал... губные гармоники. Об этих музыкальных инструментах он знал буквально всё: от истории их создания до принципа игры на них. И хотя в коллекции насчитывалось всего пять гармоник, Аристарх не терял надежду добыть их больше. Ещё одно увлечение Аристарха: в наш продвинутый двадцать первый век цифрового фото он «заболел» чёрно-белой фотографией. Купил с рук обшарпанный «Зенит-М» и к неудовольствию жены и тёщи стал тратить деньги на фотоприбамбасы, которые промышленность уже не выпускает и потому найти их в продаже непросто. Верный интернационализму, Аристарх Фон-Гумилевич был ценителем и знатоком русской бани, поклонником чешского пива, приверженцем баварских сосисок, фанатом испанского футбольного клуба «Барселона» и любителем китайских горько-кисло-сладко-солёных конфет «Ням-Ням». Два раза в месяц, в выходные дни после авансов и получек, Аристарх позволял себе расслабиться. Топил баньку на даче, хлестал себя берёзовым веником, стоня жирок, а

после потягивал пиво у телевизора, следя за игрой «Барселоны» и закусывая сосисками вперемежку с «ням-нямами». Ко всему вышесказанному надо добавить, что Аристарх Фон-Гумилевич обожал стихи талантливого поэта Николая Гумилёва, расстрелянного большевиками в 1921 году по обвинению в контрреволюционном мятеже. Озабоченный обязанностью добытчика для семьи, тратящий бесцельно время в раздумьях, а потому не очень старательный сотрудник газеты «Бизнес-Козл» очень гордился своей фамилией, созвучной фамилии погубленного поэта Николая Гумилёва. Сходству фамилий и даже возможному родству мешали две последние буквы и неизвестно каким боком прилепившаяся приставка «Фон». Ничто в происхождении Аристарха не свидетельствовало о родовом баронском титуле и аристократизме предков, но свою фамилию он произносил раздельно, выделяя приставку: «Фон... Гумилевич...» Подражая своему блистательному кумиру Николаю Гумилёву, Аристарх носил двубортный пиджак, жилет с карманными часами и галстук-«бабочку». Здесь самое время напомнить о давней привычке Аристарха репетировать перед зеркалом выразительные позы и эффектные действия незаурядного мастера поэзии, одухотворённого творческими идеями. Именно таким виделся ему поэт Николай Гумилёв. Аристарх усаживался в потёртое, расшатанное компьютерное кресло и, небрежно забросив ногу на ногу, слегка откидывал назад курчавую голову, брал в левую руку сигарету, а правую, с шариковой ручкой, держал чуть наотлёте. Затем вынимал часы на серебряной цепочке, щёлкал крышкой, мысленно представляя, каким непринуждённо-изысканным жестом это сделал бы Николай Гумилёв. Он опускал часы в карманчик жилета и вновь, потягивая за цепочку, вынимал их, всякий раз более утончённо, на манер светского театрала или завсегдатая столичного ресторана. Потом закрывал глаза, блаженно воображая себя главным редактором козлодоевского еженедельника «Бизнес-Козл».

И вот однажды, после полудня, а случилось это в тот самый день, когда Савелий Редькин позвонил и сообщил, что отправился лечить зубы в «Дента-сервис», Аристарх, проведя перед зеркалом несколько минут самовлюблённости, закрыл в раздумье глаза... Быть может, он задремал...

В дверь постучали и в кабинет вошли двое: экстравагантный пожилой мужчина в шляпе-котелке и с тростью, в лакированных белых туфлях. На атласном отвороте его элегантно чёрного фрака сиял восьмиконечный орден. Лучи звезды, инкрустированные алмазами, сверкали на солнце, заглянувшем в редакционное окно. Рыжеватые волосы степенного посетителя, закрученные над лысым лбом, торчали из-под шляпы короткими рожками.

Рядом с импозантным незнакомцем стояла красивая дама в шляпке с вуалью, в длинном чёрном платье, гладко облегавшем её стройную фигуру. Обнажённые плечи красавицы прикрывало манто из меха чернобурой лисицы. На груди её кровавыми каплями переливалось кольцо из рубинов. Ворона, уцепившись когтями за алую бархатную подстилку и перебирая клювом перья, восседала на согнутой в локте левой руке дамы. В правой «миледи» (так о ней подумал в первую минуту ошарашенный Аристарх) держала кейс, обтянутый коричневой замшей. Вошедшие вежливо поздоровались, при этом мужчина во фраке галантно снял «котелок», слегка поклонился и положил шляпу на стол. Дама чуть отставила ножку в ажурном чулке и обутую в изящную туфельку, сделала лёгкий реверанс. Холодная улыбка искривила её сочные губы.

– Господин Фон-Гумилевич? Аристарх Владленович? – учтиво спросил вошедший, и опешивший заведующий отделом «Криминальной хроники» ещё не успел произнести «да», как тот предупредительным жестом остановил его, давая понять, что прекрасно осведомлён о человеке, с коим имеет честь вступить в разговор.

– Позвольте, Аристарх Владленович, назвать себя и свою многоуважаемую спутницу... Граф Сивопупов-Крымский... Куратор средств массовой информации при президенте Российской Федерации, почётный академик... Моя ассистентка Виола Филаретовна Обнорская, доктор психологии... Прошу любить и жаловать...

«Прелестная женщина, – подумал Аристарх. – Мне бы такую». И вслух с готовностью произнёс:

– Да, конечно, господа... Присаживайтесь... Прошу вас, – придвигая гостям компьютерные кресла, засуетился Аристарх. «Ничего не пойму, – лихорадочно думал он, – как они вошли? Дверь была заперта на ключ... Хорошо помню...»

– Вы запомнили на сей раз и забыли повернуть в замке ключ, – с хитрой улыбкой сказал куратор-академик.

«Да нет же... Я помню, как прежде прихлопнул дверь», – подумал Аристарх, недоумевая, каким образом этот господин с тщедушным лицом старичка и козлоподобной бородкой догадался о том, что он подумал как раз о двери.

– Это в пятницу, перед репетицией светских приёмов, вы прихлопнули дверь, запираясь в кабинете... Бе-е... – с кашляющим бляньем хохотнул странный незнакомец, поигрывая золотым набалдашником трости. – Но приступим к цели нашего визита... Мы только что прибыли нарочным самолётом из Москвы, дабы сообщить вам наименее приятнейшее известие: вы, Аристарх Владленович, награждены Почётной грамотой и назначены главным редактором газеты «Бизнес-Козл» вместо трагически погибшего Валентина Григорьевича Агафонова, с чем вас и поздравляем!

Произнеся эти пафосные слова, граф протянул руку в сторону и, как показалось Аристарху, из ничего взял красочный лист плотной бумаги, тиснённой золотом с гербовой печатью, вручил её обалдевшему от счастья журналисту. Пожимая протянутую графом руку, Аристарх ощутил в своей ладони нечто, напоминавшее раздвоенное копытце.

– Благодарю за оказанное мне высокое доверие.

Аристарх потряс копытообразную руку куратора и растерянно пробормотал:

– Ваше сиятельство, я ничего не понимаю... Вы сказали, что Агафонов погиб. Он исчез странным образом, босой, не выходя из кабинета... Мы сожалеем о нём и надеемся, что Валентин Григорьевич скоро вернётся...

– Не лукавьте, господин Фон-Гумилевич... Виола Филаретовна – отличный психолог и знаток человеческих душ. Она уверяет: вы несказанно обрадовались пропаже Агафонова и желаете, чтобы он и в самом деле сгинул и никогда не вернулся в редакцию «Бизнес-Козл». Ведь так?

Аристарх судорожно сглотнул, утёр ладонью вмиг вспотевший лоб и утвердительно мотнул головой. «Вот черти полосатые... И откуда им всё известно?» – озираясь по сторонам и словно ища поддержки, подумал Аристарх. Старичок во фраке тотчас же возразил:

– Мы вовсе не полосатые, а самые обыкновенные... Мы знаем всё про всех... И не сомневайтесь... Агафонов не вернётся... Его проглотил крокодил в джунглях Таиланда...

– Граф... Как вас? Э... Простите, забыл...

– Обращайтесь ко мне просто: «Ваше сиятельство».

– Вы шутите, ваше сиятельство... Ка-ккой... кро-ккодил?! Ка-ккой... Таиланд?! Агафонов босой... Его зимние ботинки всё ещё стоят в прихожей, – заикаясь, моргая глазами, пролепетал Аристарх, совершенно забыв о своей манере быть похожим на Гумилёва. Сейчас он более всего напоминал страдальца, нечаянно обкакавшегося на знатном приёме и не знающего, как выйти из столь щекотливого положения.

– Нет, я не шучу... Агафонова схавал самый настоящий крокодил. Теперь вы – главный редактор «Бизнес-Козл».

– Я – главный?! Не может быть! Справлюсь ли? Это так неожиданно... Э... Ваше сиятельство... Не угодно ли чаю?

В какой-то миг Фон-Гумилевичу померещилось, что глаза господина куратора сверкнули искрами. Он перевёл изумлённый взгляд на его ассистентку, но та сосредоточила своё внимание на малахитовом письменном приборе, вручённом Аристарху в день рождения. «Её прекрасные глаза излучали ледяное равнодушие», – некстати вспомнилась ему реплика киношного коллеги из фильма «Дайте жалобную книгу».

– Карр... Каррр... Крро-кодил... Рре-дакторр... – взъерошив перья, прокаркала ворона, вращая жёлтыми глазами.

Аристарх в ужасе отшатнулся от представительных посетителей, схватился за грудь, пытаясь унять нервную дрожь, внезапно охватившую его пухлое тело.

Граф коснулся тростью журнального столика, и на нём возникли салфетка, графин с водой и стакан. Наполняя стакан, куратор нечаянно пролил немного воды на салфетку.

– Прошу... Из таёжного родника в Забайкалье... Выпейте и успокойтесь, Аристарх Владленович... Вот вам отличные кубинские сигары... Настоящая «Гавана»...

Граф повёл рукой в сторону, извлёк, как и в прошлый раз, из ничего дорожную коробку, изукрашенную золотистым орнаментом, и преподнёс онемевшему Аристарху.

– Да, конечно... Постараюсь... Выполню... Сделаю всё от меня зависящее... Возможное и невозможное, – срывающимся от волнения голосом пообещал Фон-Гумилевич, принимая стакан с водой. Он пил, и зубы его постукивали о стекло.

– Вот и хорошо... Бе-е... Вот и чудненько... Бе-е... Вот и ладненько... Бе-е... Курите сигары, Аристарх Владленович... Отличный табак, уверяю вас. Бе-е... – каким-то дребезжащим хрипом рассмеялся Сивопупов-Крымский. – В Германии известно о вашем незаурядном хобби... Ведь вы коллекционируете губные гармоники... Не так ли?

Аристарх судорожно сглотнул...

– Вот вам личный презент от господина Вальтера Шульца, директора Мюнхенского музея губных гармоник...

И граф вручил потерявшему дар речи Аристарху потёртый футлярчик с выдавленной на нём надписью «Hohner». Аристарх открыл его и обомлел: в нём лежала губная гармоника в серебряной отделке.

– На этой гармонике играл ефрейтор Ганс Мюллер... Его убили в апреле сорок пятого в Берлине, – сказал граф. Куратор крутнулся в кресле, постучал тростью по белым носкам лакированных туфель. Метнул на Аристарха сверкнувший искрами взгляд. Не то проговорил, не то проблеял по-козлиному:

– Бе-е... Как стало нам известно из конфиденциальных источников, сегодня вечером на теплоход «Вамирекс» прибудет мэр Козлодоевска Потапенков. Бе-е... Вам, Аристарх Владленович, поручается передать ему три миллиона рублей за разрешение бизнесмену Голопузову на строительство частных коттеджей в лесной заповедной зоне... Бе-е...

– Как?! Это же взятка! – возмущённо воскликнул Фон-Гумилевич. – Взятка, как и дача её уголовно наказуемы!

– Вы же пообещали выполнить даже невозможное... Скажете Потапенкову, что деньги он получает в обмен на погашение городской задолженности за газ...

– А как же... коттеджи? В заповедной зоне?

– Потапенков в курсе, что наше обещание погасить долги мэрии за газ всего лишь предлог для взятки... Он возьмёт деньги и подпишет бумаги на выделение земельных участков влиятельным и нужным людям... После получения взятки Потапенков будет арестован...

– Но это же явная подстава! Предательство!

– Потапенков вам кто? Сват? Кум или брат? Что вам жалеть его? Он взяточник... Не от вас, так от другого возьмёт. А вы чёрта вспомнили, чтобы помог вам... И потом, по вашему тайному убеждению, человек беспринципный всегда богатый, а тот, кто с принципами, прозябает в нищете. Мы предлагаем вам поступиться принципами и стать богатым.

– П-почему... надо непременно... ар-рестовать Потапенкова? – заикаясь, спросил Аристарх.

– Карр... Непрре-менно аррес-товать! – прокаркала ворона на плече ассистентки.

– Я, светоносный Люцифер, владыка тёмного мира, не могу далее терпеть, чтобы в Козлодоевске и далее оставался мэром взяточник Потапенков. Мой слуга – нечестивый бизнесмен Голопузов два года готовил, как вы изволили выразиться, «подставу»: подарил Потапенкову две бесплатные путёвки на отдых в Испании, элитную квартиру в посёлке Изумрудном, коттедж, автомобиль... Приручил, сделал своим человеком в администрации города. Теперь народный избранник безоговорочно пляшет под дудку Голопузова, вора «в законе», «смотрящего» Козлодоевска, хозяина Изумрудного городка... Считаем, что Потапенков достаточно созрел для взятки.

– Если Козлодоевском фактически рулит Голопузов, так зачем компрометировать Потапенкова, подводить его гадить под монастырь, иначе говоря, под статью закона?

Граф улыбнулся с лукавой ухмылкой, взял шляпу-котелок.

– Наша радость – сделать гадость! О... Это такой кайф: опустить народного избранника, польстившегося на взятку, ниже городской канализации! Вы как главный редактор напишете разгромную статью о разоблачении мэра-взяточника.

– Я?! Нет! Ни за что! – испуганно замахал руками Аристарх. – Это лучше получится у сотрудника моего отдела Савелия Редькина... Пусть он едет на «Вамирекс» и пишет разгромную статью... А я... Я боюсь... Не хочу исчезнуть, как Агафонов после своего дурацкого фельетона...

– Почему дурацкого? Очень даже славный получился фельетон... А что касается Савелия Редькина, то ваш коллега скоро отправится в турне по Европе вслед за неутомимым Джордано Бруно... Ему сейчас не до «Вамирекса»...

– Турне?! По Европе?! – округлил глаза Аристарх. – Что за ерунда? Час назад Редькин звонил мне... Предупредил, что идёт лечить зубы в «Дента-сервис»...

– Не будем терять время, Аристарх Владленович... Виола Филаретовна, откройте, пожалуйста, ваш кейс и вручите господину Фон-Гумилевичу один миллион рублей... Так сказать, авансом за выполнение моего особого задания... Может, вы передумаете, и мы отдадим эти деньги Савелию Редькину? В наш век нанотехнологий не составит труда немедленно вернуть его из вояжа по Европе...

Прелестная ассистентка куратора, обворожительно глядя на Аристарха, открыла чемоданчик и выложила на стол несколько толстых пачек в банковской упаковке. При виде большого количества пятитысячных купюр у Аристарха затряслись губы. Он поспешно столкал деньги в ящик компьютерного стола и чуть слышно проговорил:

– Я... Я... согласен... передать взятку Потапенкову... А меня... самого... не арестуют...? Не п-положат л-лицом на пол?

– Следователи спланировали эту операцию. Вам ничто не угрожает... Бе-е... Бе-ерите кейс с тремя миллионами, Аристарх Владленович, и следуйте на «Вамирекс». Благодарим за приглашение отведать чаю... Мы торопимся в горсовет... Там депутаты то и дело поминают чертей... Я не так выразился... Они то и дело желают друг другу: «Чёрт бы тебя побрал, сучара вонючий!» – «Пошёл к чертям собачьим, свинячье рыло!» – «Чёрта лысого получишь мой ресторан!» – «Тысячу чертей тебе в глотку, гнида ползучая!». Ну, и всё в таком роде. Вот они пошли стенка на стенку... Бросаются стульями... Орут: «Это ты украл деньги за газ!» – «Нет, ты!». Взбе-бе...еслись в драке за народные деньги... Совсем ошалели... Бе-е... В общем, пора мне вмешаться, пока они совсем не перебили друг друга... А то не останется у моего сиятельства верноподданных слуг в грешном Козлодоевске...

Граф надел «котелок», взял со стола трость и, прихрамывая, проковылял к двери. Ассистентка, метнув на Аристарха мимолётный взгляд, улыбулась уголком рта и последовала за куратором. Вдруг куратор средств массовой информации, Почётный академик граф Сивопупов-Крымский обернулся, сверкнул глазами, проблеял, оголив жёлтые, кривые зубы:

– Бе-е, бе-е... Поторопитесь, Аристарх Владленович... Серебристый «Бе-ентли» уже у подъезда ожидает вас...

Граф повернул на груди сверкавший алмазами орден. Аристарх не понял, куда подевались странные пришельцы. У подъезда стоял роскошный серебристый «Bentley», за рулём которого с невозмутимым видом восседал бультерьер в морской фуражке и в белых перчатках. В зубах у собаки дымила трубка. Аристарх протянул руку к дверце автомобиля, но водитель-бультерьер опередил его. Выскочил из машины и подобострастно кланяясь, распахнул перед ним дверцу, приглашая садиться в шикарный салон, застеленный коврами.

Прижимая к груди кейс, Фон-Гумилевич уселся на сиденье, бультерьер плавно прикрыл дверцу, сел за руль, надавил на клаксон, и «Bentley» рванул с места...

...От громкого телефонного звонка Аристарх проснулся, пришёл в себя, жадно посмотрел по сторонам, ища взглядом кейс с деньгами, грамоту, сигары, футляр с губной гармоникой, графин и стакан с водой. Кроме мятой упаковки из-под принтерной бумаги и мокрой салфетки на столе ничего не было. На розовой обёртке он машинально прочитал: «The premium document paper». Аристарх лихорадочно выдвинул ящик компьютерного стола. В нём лежали черновики старых рукописей, неизвестно откуда взявшиеся лист картона с изображением пожарного щита, пачка дешёвых сигарет «Прима» и глиняная игрушка-свиристелка. До него, наконец, дошло, что всё было сном, наваждением. Он разочарованно и горестно вздохнул, с затаённой, заматеревшей в душе тоской по богатству процитировал:

– Мечты, мечты! Где ваша сладость?!

Лужица воды поблёскивала на журнальном столике. Мокрая салфетка... Упаковка от бумаги... Плакат... Сигареты... Свиристелка... Откуда взялись они? «Наверно, уборщица заходила, а я и не слышал», – подумал Фон-Гумилевич. Неотрывно глядя на салфетку, мокнувшую в лужице воды, на разорванный пакет из-под бумаги, а главное, на противопожарный плакат, детскую игрушку и сигареты без фильтра, какие Аристарх никогда не курил, Аристарх машинально поднял трубку.

– Алло... Аристарх! Звоню, звоню тебе... Ты куда пропал? – услышал он простуженный голос ответственного секретаря Рябинина, временно исполнявшего обязанности главного редактора газеты. – Поезжай в мэрию... Там сейчас начнётся заседание городского совета депутатов с повесткой дня «Где взять деньги – три миллиона рублей на погашение долга за газ?». Как бы наши чиновники не оставили город без отопления... Подготовь статью на тему «Куда ушли деньги из козлодоевского бюджета, выделенные на оплату за газ?». Тут хищениями в особо крупных размерах попахивает... Твоя тема... Криминальная...

– Хорошо, Александр Никитич... Я тотчас иду...

Фон-Гумилевич понюхал сигареты: от них пахло плесенью застарелого табака. Он задумчиво повертел пачку в руках, ломая голову, откуда она взялась в его столе, и выбросил в мусорную корзину. Подошёл к окну, раздвинул шторы и выглянул на улицу. Сыпал мелкий снежок. Стайка воробьёв облепила растопырившийся голыми ветвями унылый клён. В стеклянные двери магазина «Хозтовары» обыденно входили и выходили покупатели.

У подъезда редакции, отмеченного рекламной вывеской «Бизнес-Козл», поблёскивал эмалью серебристый «Бентли» с тонированными стёклами. У Аристарха перехватило от волнения дыхание. Он быстро оделся, сунул в карман диктофон и бегом устремился из редакции. Ему не терпелось узнать, кто сидит за рулём дорогого автомобиля. Когда он выбежал из подъезда, на том месте, где ещё минуту назад стоял престижный «Bentley», тарахтел мотором старенький «Запорожец» кирпичного цвета. За рулём выдавшей вида малолитражки сидел бородатый дед в полушубке, в ондатровой шапке и курил трубку. Из приоткрытого окна передней дверцы выглядывала лохматая морда вислоухой дворняги...

ГЛАВА 12

День чёрных ангелов

От редакции «Бизнес-Козл» до мэрии если и не рукой подать, то и не более десяти минут ходу. Маршрутные такси в сторону городской администрации сновали одно за другим, но расстояние в две автобусные остановки, разделяющие указанные выше учреждения, Аристарх Фон-Гумилевич решил преодолеть пешком. На то у него были причины.

Во-первых, Аристарху хотелось не торопясь пройтись, под впечатлением слишком уж памятного сна подольше не расставаться со сладостной мечтой без всяких усилий заполучить миллион, почти осязаемо бывший в руках. Он всё ещё ощущал в них приятную тяжесть кейса, битком набитого деньгами. Кабы взаправду! Делов-то! Передать взятку Потапенкову и получить миллион! Целое состояние! Перед глазами, как наяву, краснели тугие пачки пятитысячных банкнот, запикиваемые в ящик стола. Как жаль, что всё оказалось не реально. И назначение на должность редактора тоже бред... Надо же! Граф Сивопупов-Крымский! Ваше сиятельство! Куратор... Академик... И эта обворожительная красotka с ним... Ассистентка с вороной! Доктор психологии... Привидится же такое! А жаль... Случись это же самое в действительности, охотно выполнил бы столь завидное и выгодное поручение. Чёрт с ним, с Потапенковым! Отдал бы чемоданчик с деньгами, и пусть бы его потом хоть арестовали, хоть в бетон закатали! «Мне-то что? А не бери взятку! Мог бы и отказаться, не брать... Его проблема... Эх... Кабы взаправду», – взрыхляя ботинками рыхлый снег на тротуаре, огорчённо вздыхал Аристарх.

Во-вторых, у Аристарха не было денег на проезд. Для очистки совести он порылся в карманах пальто в поисках мелочи, не нашёл в них ни одной монетки и, убедившись в том, продолжил путь. А и сыскалась бы кой-какая мелочишка, Аристарх всё равно пошёл бы пешком. Двадцать рублей – деньги не лишние, не стал бы тратить на «маршрутку». Аристарх в душе признавал это и потому очень расстроился, не найдя в карманах мелочной суммы.

Свои стопы Аристарх, как мы помним, нехотя направил в мэрию, где скоро должно было начаться заседание городского Совета депутатов, о чём загодя было сообщение в газете «Бизнес-Козл» под кричащим заголовком: «Не дадим олигархам грабить народ!» По дороге в мэрию Аристарх придумывал вопрос поумнее да позаковыристее, который задаст председателю горсовета Бадейкину. Изобразив из себя выдавшего вида журналистского «волка», важно спросит: «Итак, господин Бадейкин, превратятся ли ваши депутаты, именуемые в народе “слугами народа”, в обыкновенных обывателей,

если их внезапно лишит коммунальных услуг?» Мысль о показушной активности народных избранников показалась если не гениальной, то вполне актуальной, и Фон-Гумилевич, мысленно развивая её, решил с неё начать предстоящее интервью. Он скажет: «Если сегодня отключить общественному деятелю газ, электричество, отопление, холодную и горячую воду, закрыть канализацию, то завтра он превратится в заурядного обывателя-жалобщика. Это аксиома, не требующая доказательств. Вы согласны, господин Бадейкин?» Ну, тот, понятно, в замешательстве, и новый вопрос ему прямо в лоб, «на засыпку»: «Что толкает предпринимателя, бизнесмена, успешного человека выдвигаться кандидатом в депутаты: цель к обогащению, льготы, коррупционные связи или... желание бескорыстно помогать своим избирателям в их жалобах?» Бадейкин начнёт мяться, изворачиваться, придумывать доводы, ссылаться на занятость, а тут ему и последний вопрос: «Как случилось, что город задолжал за газ? Квартиросъёмщики исправно платят за него, и вдруг миллионы долга... “Где деньги, Зин?” Как думаете решить этот вопрос на сессии горсовета?»

Пока Аристарх, занятый творческими мыслями, телепается в мэрию по заданию и. о. редактора Рябинина, вкратце расскажем читателю о событиях двухлетней давности, предшествовавших этому заседанию. А дело в Козлодоевске пару лет назад обстояло так: во всю ширь в этом провинциальном городе развернулась агитационная кампания по выборам главы муниципалитета. Несколько партий, общественных организаций и движений выдвинули своих кандидатов на пост мэра. Лоснящиеся, самоуверенно улыбающиеся физиономии, холёные рожи, тупые морды, нагло-хамские хари, хитромудрые сытые лица смотрели с заборов, со стен, с балконов и с баннеров, портреты страждущих власти висели на дверях магазинов и в... привокзальных туалетах. Каждый кандидат изо всех сил распинался в своей исключительности, обещал Козлодоевску «манну небесную, золотые горы и реки, полные вина», клялся в исключительной честности и бескорыстии. Прежний мэр Жлобов исправно выполнял обязанности главы администрации города. Бесперебойно работал общественный транспорт, в квартирах было тепло, из кранов текла холодная и горячая вода, дворники мели улицы, в магазинах и на рынках шла бойкая торговля. Но козлодоевцев ошеломляли цены на услуги ЖКХ, которые росли пропорционально непомерному аппетиту коммунальщиков, энергетиков и прочих узаконенных мародёров, и как грибы после тёплого летнего дождя вырастали на окраинах Козлодоевска огромные дома-дворцы этих самых «руками водящих» чиновников. В магазины многие простые горожане тоже ходили как на экскурсии в музеи: не купить, так хоть посмотреть на дорогущую мебель, на недоступные из-за высоких цен товары первой необходимости и продукты питания, на фрукты и лекарства. Особенно страдала самая незащищённая часть козлодоевского общества: пенсионеры, инвалиды, матери-одиночки, живущие, а вернее сказать, прозябающие на мизерные подачки государства. Миллиардеры, занявшие министерские кресла, во всеуслышание громко хлестались с экранов телевизоров о прибавках к пенсиям аж на... шесть процентов с такого-то месяца. И тотчас предприниматели всех уровней взвинчивали цены на пятнадцать-двадцать процентов. И бабуся с зажатými в кулачки копеечками, завязанными в платочки, вздыхали в отчаянии, проклиная трепача, будь то министр или другой такой же болтун:

– Провались ты со своим повышением пенсии. Пусть бы оставались прежние цены...

Не понимают праведные бабуся: прибавку к их жалким пенсиям делают умышленно, чтобы хитро отобрать у них последние крохи за счёт повышения цен.

– Одной рукой дают, другой забирают... ещё больше, – возмущаются пенсионеры.

– Жульё у власти... Олигархи... Наш-то мэр Жлобов заодно с ними...

– Гнать Жлобова в шею! Самовыдвиженца Потапенкова надо избрать... Кандидата от народа.

Воскресное утро в день выборов было морозное, со жгучим ветром. Самоуверенная молодёжь, выглянув в заиндевелое окно и, поёживаясь от мысли, что надо тащиться на избирательный участок, преспокойно и дальше нежилась в нагретых постелях.

– Без нас всё решено... Выберут Жлобова, – рассудила безалаберная молодёжь. Бабушки и дедушки, в отличие от внуков и внучек, не поленились встать пораньше. Кутаясь в полушубки и шали, в валенках, они вышли из домов и, наперекор вьюге и назло ненавистным богачам, заторопились отдать голоса за достойного народного кандидата. Их единодушие не было тщетным. Ко всеобщей радости «нижней прослойки» общества и злопыхательному брюзжанию богачей, воротил бизнеса и мелких лавочников, большинством голосов был избран самовыдвиженец Потапенков. Не прошло и нескольких месяцев, как горожане заметили разительную перемену в сфере обслуживания и ком-

мунальных услуг. Начались перебои в холодном и горячем водоснабжении, чуть теплились батареи парового отопления, часто отключали газ и электричество. Якобы за долги...

– Губернатор и его губернская клика жуликов никак не могут смириться с избранием Потапенкова на пост главы Козлодоевска, – понимающе делились новостями избиратели. – Это они вредят ему.

Через год-полтора обстановка в Козлодоевске более-менее нормализовалась. Доверчивые горожане наивно полагали, что их избранник сумел-таки справиться с насущными бытовыми проблемами, обломал борзых дельцов и нашёл финансовые средства для затыкания дыр в тощем городском бюджете. И невдомёк было им, простофилям, что латать эти самые «дыры» Потапенкову помогал главный козлодоевский хапуга, вор «в законе», бизнесмен Голопузов «со товарищи». Этот «узаконенный» ворюга, по которому тюрьма плачет горючими слезами, приятель губернатора, и его «шестёрки» – владельцы гостиниц, ресторанов, баров, магазинов-супермаркетов – не за красивые глаза дали Потапенкову готовые путёвки на отдых за границей, подарили двухуровневую квартиру в престижном микрорайоне «Изумрудный», загородный дом и шикарную машину. За эти «незначительные» подачки, как говорили промеж себя жулики-предприниматели, ибо в природе никогда не было, нет и быть не может честного бизнесмена, они с разрешения Потапенкова расхватывали в самых живописных местах землю, принадлежащую городу. Лесопарковые, заповедные уголки по берегам реки, где любили отдыхать горожане, собирать грибы, ловить рыбу, вдруг стали частными владениями богатеев, большей частью иногородних. Так бы и продолжать Голопузову и «компани» сосать худой козлодоевский бюджет, «рулить» прикормленным мэром и выдаивать последнее из поредевших природных ресурсов, но у Потапенкова разыгрался аппетит: он потребовал купить ему дом на Кипре. «Братки» собрались на сходку. «Пора обломать ему рога», – решили они. И у Голопузова созрел план, как завалить неугодного мэра.

Итак, многоуважаемый читатель, вы теперь, конечно, ясно представили себе затхлую козлодоевскую атмосферу и, вероятно, даже примерили её к социально-экономической, культурно-бытовой обстановке в своём населённом пункте. И не пытайтесь уверить, что ваши судьи, работники прокуратуры, адвокаты, следователи, инспекторы ДПС, налоговики, пожарники, таможенники и прочие чиновники-шкуродёры не берут взятки! Ха-ха! Оставьте ваши иллюзии... Берут! И ещё как берут! Когда у власти воры-олигархи, присвоившие себе национальные богатства страны, принадлежащие всему народу, то можно ли надеяться, что, глядя на них, не соблазнится пачкой долларов или чемоданчиком, полным «зелёных», какой-нибудь потапенков? «Рыба гниёт с головы», – гласит народная мудрость. Но как? Как оторвать у неё вонючую башку, пока не протухла вся рыбина целиком?! Ведь это не рыба голова! Это гидра с несколькими зловредными головами! Отрубишь одну – на её месте сразу вырастет другая, ещё более злобная и жадная до людской крови. Она, как раковая опухоль, – тронь, и начинает разрастаться. Вот как бы все живучие головы этой отвратительной гидры уничтожить одним разом!

– Как жаль, что Чебаркульский метеорит упал на Челябинск... Вот было бы здорово, если бы он грохнулся на Госдуму, – мечтательно рассуждают на лавочках у подъездов убелённые сединой ветераны. – На этих демагогов, спящих на сессиях, получающих огромные деньги за свою никчёмную трепотню, под себя законы пишущих... На всяких там шуваловых, прохоровых, лужковых, батуриных, сечиных, чубайсов...

Заведующий отделом «Криминальной хроники» газеты «Бизнес-Козл» Аристарх Фон-Гумилевич совсем не тяготился мыслями о переделе общественного строя. Ещё учась в университете на факультете журналистики, студент Фон-Гумилевич знал: преуспевающие люди – нефтяные и газовые магнаты, владельцы золотых и алмазных приисков, рудников, шахт, заводов, аэропортов, морских и речных судов, торговых и прочих предприятий. «Я тоже хочу преуспеть и быть богатым», – решил Фон-Гумилевич и стал литературным сотрудником газеты «Бизнес-Козл» с мизерной зарплатой. Такие безрадостные, приземлённые мысли, далёкие от переворотов и бунтов, от баррикад и революций, тяготили Аристарха по дороге в мэрию.

Когда журналист Фон-Гумилевич вошёл в зал заседаний, там творилось что-то невообразимое. Можно было подумать, что в свору голодных собак бросили кость и ни один из псов не собиравался её уступить. Депутаты кричали, вскакивали с мест, швыряли друг в друга сырыми яйцами, гнилыми помидорами, плевались, вцеплялись в волосы. У некоторых, самых активных и деятельных, были расквашены носы и под глазами красовались синяки. Вдруг Аристарх увидел стоящих у стены фран-

товатого старика с орденом на чёрном фраке и красивую даму в длинном платье из тёмно-синего бархата, с глубоким декольте. На соболином манто, наброшенном на её обнажённые плечи, копошилась сизокрылая птица, а проще говоря, обыкновенная ворона. Из глаз бесовского вида троицы, казалось, сыпались искры. Злорадно усмехаясь и поигрывая тростью, старик оглаживал шерстистое лицо, пощипывал редкую седую бородёнку и довольно скалился кривыми зубами. Дама беззвучно тряслась от смеха, и ворона взмахивала крыльями, чтобы удержаться на её плече. Аристарх изо всей силы ущипнул себя, убеждаясь, не продолжается ли его фантастический сон. Ойкнув от боли, он вперился взглядом в графа Сивопупова-Крымского и его ассистентку, наблюдая за сумасбродными действиями нечистой силы. Не оставалось сомнений, что кавардак и бесчинства в зале заседаний, бесспорно, устроили эти двое. Что-то рьяно доказывая с пеной у рта, задыхаясь в потасовке, депутаты с непристойной руганью кидали друг в друга обломки мебели, туфли, ботинки, показывали один другому языки и приставляли ко лбу пальцы, изображая из себя рогатых козлов. В эту минуту они напоминали японских парламентариев, у которых традиционно лучшим аргументом правоты является стул, расколотый на голове оппонента. Возле головы Аристарха просвистела шальная бутылка, с глухим стуком ударилась в мозаичное панно «Сталевар и ткачиха», со звоном покатила по натёртому до блеска паркету. В «сталеvara» припечаталось яйцо, потекло по его мужественному лицу, обгрёбленному пламенем расплавленного чугуна. Помидор шлёпнулся в алую косынку «ткачихи». В хаосе и кутерьме происходящего трудно было понять, откуда были брошены предметы яростного спора, ставшие популярными атрибутами подобных заседаний. Раздавались визгливые непристойные выкрики:

- Это ваша фракция украла деньги из бюджета на газ!
- Нет! Это вы вместе с Потапенковым разбазарили народные деньги! Идиоты!
- Сам дурак! Погодите, уроды, найдём на вас управу!

Аристарх, не желая стать мишенью, с предосторожностями пробрался на задний ряд пустующих кресел. Отсюда, с некоторой возвышенности, как с театральной ложи, отлично просматривалась неутраченная «битва титанов» – народных избранников. Неизвестно, кто и когда, язвительно, в насмешку, прозвал их «слугами народа». Очень остроумно! Пикантно! В чувстве юмора автору не откажешь.

На подиуме, за столом президиума восседали мэр Потапенков и председатель горсовета Бадейкин.

Большинство на сессии представляли депутаты-«братки» Голопузова. Они размахивали плакатами с небрежно намалёванными надписями: «Потапенкова – в отставку!», «Даёшь досрочные выборы мэра!». Их противники, не оставаясь в долгу, потрясали транспарантом: «Председатель горсовета Бадейкин – марионетка Голопузова!»

Председательствующий на сессии горсовета Бадейкин постучал по бутылкам с минеральной водой автомобильным ключиком, призывая к тишине, прохрипел в микрофон:

– Товарищи депутаты! Простите... Господа депутаты! Прошу соблюдать порядок в зале и регламент выступлений. На повестку дня предлагаю вынести для обсуждения следующий вопрос...

– Купить бугая! Не буду колхозных коров огуливать я! – пробасил кто-то развязным голосом. Зал взорвался диким хохотом и оглушительными аплодисментами.

– Нет, господа товарищи... Гм... Извините... Товарищи господа... Так работать невозможно... Своими выходками вы срываете работу сессии... Это, считаю, происки противоборствующей стороны...

– Давайте скорее объявляйте повестку дня! Что там у нас? Долги за газ? Вынесем решение побыстренькому и разбежимся, а то невтерпёж как в туалет хочется...

– Пиво не надо пить перед заседанием! По заявлению нашего благодетеля господина, гм, товарища Голопузова нам следует положительно решить вопрос о выделении ему земельного участка в заповедном кедровом бору площадью...

В зале зашумели, затопали ногами.

– Метр на два ему выделить! На кладбище!

– Хрен ему! Кукиш с маслом! А хуху не хохо этот ваш Голопузов?! Уже везде всё позастроил своими коттеджами... Всё ему земли мало! Сдохнет – накушается её вволю!

– Когда мы, наконец, решим вопрос о преобразовании городского пляжа в нудистский? Весна не за горами... Нудисты требуют принять решение по этому важному вопросу безотлагательно. Только

абсолютно голый человек по-настоящему свободен от предрассудков и условностей! В нагом теле – нагой дух!

Бурные, продолжительные аплодисменты нудисту.

– Партия лесбиянок раньше других обратилась в горсовет с предложением разрешить в Козлодоевске регистрацию однополых браков, – вскочила с места размалёванная блондинка в блузке до пупка, в коротенькой юбочке и в глистообразных, выше колен сапогах. – Во всех продвинутых цивилизованных странах давно решён этот жизненно важный, остро наболевший вопрос... А у нас? Рутинка! Беда! Бюрократия! Попустительство! Стыдно, господа-товарищи!

Депутаты дружными аплодисментами поддержали эмоциональное выступление ярко напояженной девицы. Слышались одобрителыные отзывы:

– Вдохновенно! Возвышенно! Актуально!

Ободренная успехом, лесбиянка обрушилась с резкой критикой в адрес полиции:

– Безобразия! Где справедливость? Хочу спросить у депутатов: почему менты повешали на свои машины голубые номера, а нам не разрешают цеплять розовые?

Любители пива выдвинули свои требования под девизом: «In pivo veritas!» Истина в пиве! Они дружно скандировали:

– Пи-во! Пи-во! Прекратить продажу кислого и прогорклого пива! Позор продавцам, разбавляющим пиво водой! Губит людей не пиво! Губит людей вода! Пи-во! Пи-во!

Аристарх, пристально наблюдавший за графом и его спутницей, увидел, что они степенно поднялись по ступенькам на сцену зала заседаний. Там, в углу, за приспущенным занавесом, поблёскивал лаком чёрный рояль с поднятой крышкой.

«Откуда, чёрт меня возьми, там взялся рояль?» – подумал Аристарх, прикладывая ладонь к горячему лбу. В ухе у него запищало, тонко зазвенело, проблеяло:

– «Бе-е... Возьмём и тебя... Бе-е...»

– Наваждение... Это они... Граф-куратор и доктор психологии с вороной... Аферисты-иллюзионисты... Мокрая салфетка... Свистулька... Не сон то было... – бормотал Аристарх, сдвигая виски ладонями. – Что со мной? Уж не схожу ли я с ума?

Тем временем Сивопупов-Крымский и Виола вошли на сцену. Граф галантно, сверкая орденом и золотым набалдашником трости, поклонился враз притихшим депутатам, разинувшим рты. Виола сделала реверанс, прошла к роялю и, усевшись на стул, принялась как ни в чём ни бывало перелистывать ноты. В мгновенно наступившей мёртвой тишине было слышно шуршание листов под её пальцами. Ворона спорхнула с плеча Виолы на стол президиума, важно прошла по нему и прямо перед Потапенковым наложила кучку помёта, чем вызвала смехи в зале.

– Внимание, господа-товарищи, – постучал граф тростью по трибуне. – Позвольте представиться: граф Сивопупов-Крымский, главный дирижёр главного симфонического оркестра главного театра... За роялем лауреат международных конкурсов пианистов непревзойдённая Виола Обнорская...

– Что-то не знаем такого оркестра, – раздался насмешливый возглас из дальнего ряда кресел. – И вообще, у нас сессия, а не симфонический концерт...

– Это кто сказал? Нудист? – указал граф тростью куда-то в зал. – Идите сюда нагишом, спойте и спляшите нам «калинку-малинку».

К немалому удивлению депутатов, о чём свидетельствовал громкий вздох, на сцену торопливо взбежал пожилой бородатый мужчина с брюшком, сбросил с себя одежду и, оставшись «в чём мать родила», под аккомпанемент рояля, подпевая себе, лихо отплясал «калинку-малинку».

– Очень хорошо... Бе-е... Ступайте на место, – похвалил граф. – Кто ещё не знает главный симфонический оркестр? Нет таких... Тогда начнём наше заседание... Вы все до единого пожелали стать слугами народа для того только, чтобы, используя служебное положение и депутатский мандат, урвать для себя побольше... Вот вы... Я к вам обращаюсь, Яков Моисеевич... С какой целью решили стать слугой народа?

Граф повелительно взмахнул тростью. Толстобрюхий, красномордый депутат, владелец продовольственного супермаркета, живо вскочил, польщённый тем, что главный дирижёр главного симфонического оркестра назвал его по имени-отчеству, с готовностью ответил: – Я-то? Из одного лишь скромного желания ещё больше обогатиться... Пользуясь доверием избирателей, надеюсь заполучить в собственность Дом культуры и переделать его в магазин... С мандатом депутата это проще сделать...

– Бе-е... Бе-есподобно... Благодарю, Яков Моисеевич, за честное признание... Верю, что все остальные депутаты также вынашивают в душе сугубо корыстные цели. Бе-е... – помахивая тростью, лукаво щерясь в улыбке, проблеял главный дирижёр. И трость, и брызгающие у него из глаз зеленовато-жёлтые искры производили на присутствующих магическое действие. Заворожённые депутаты, примолкнув, неотрывно глядели на графа, как смотрят кролики на разинутую пасть удава, прежде чем со страху прыгнуть в неё.

– Да, мы все здесь ради своих корыстных интересов...

– Мы притираем уши своим избирателям, будто заботимся о них... На самом деле только и думаем о личной выгоде, о том, как захватить то, что ещё не расхватили другие, более ушлые мошенники, – восторженно кричали депутаты. Откровенные ответы нечестивцев понравились графу. Лукавая, подленькая улыбка не сходила с его мерзопакостного лица. Столь же коварно улыбается крокодил, скрытно подплывая к антилопе, пьющей из реки воду. Ощерившись безобразными зубами, граф удовлетворённо произнёс:

– Бе-е... Бе-езумно рад... В нашем полку, как говорится, прибыло... Все вы здесь отпетые мошенники, гнусные воры, лукавые обманщики, подлые клеветники и доносчики, грязные развратники... Бе-е... Бе-ессовестные взяточники, коррупционеры, вымогатели, расхитители... Но я не осуждаю вас... Нет... Напротив... Бе-е... Бе-езмерно счастлив, что вы так угодливо служите не народу, а мне, Люциферу-Сатане... Вас ошибочно называют слугами народа... В действительности же, как вы сами не отрицаете, своими бе-е... бе-есчастными, а порой преступными деяниями вы стали верными моими слугами.

Граф обвёл всех пристальным искромётным взглядом и взмахнул тростью.

– Скажите, кому поклоняетесь чаще – Богу или Сатане?

– Сатане! – в один голос вскричали депутаты.

– Что вам больше по душе – Христовы заповеди или соблазны лукавого Сатаны: золото, деньги, сластолюбие?

– Золото, деньги, сластолюбие! – отвечали из зала.

– У вас на руках депутатские мандаты, но они не дают вам беспрепятственно совершать беззакония. Сегодня, в день чёрных ангелов, они заменяются на удостоверения слуг Люцифера, с которыми можете смело творить безобразия в Козлодоевске.

По рядам депутатских кресел пробежал изумлённый шепоток, переходящий в громкий, с возгласами восхищения говорок: депутатские мандаты превратились в изящные удостоверения в красной сафьяновой обложке. Тиснёная на них золотом надпись гласила: «Удостоверение слуги Люцифера». Потрясаемая ими, депутаты восторженно кричали:

– Слава Сатане! Да здравствует день чёрных ангелов!

– Ура! Теперь мы в досталь, по полной программе насладимся полномочиями, – выражали восхищение депутаты и рукоплескали графу.

– Ура! Слава Люциферу-Сатане!

Аристарх, поддавшись общему ажиотажу, не задумываясь, хлопал в ладоши, сожалея, что не удостоился чести быть избранным в депутаты горсовета. Сивопупов-Крымский, легко обрета посулами бесчестной наживы столь многих поклонников лукавства, с завидной ловкостью жонглёра вращал трость. Когда шум в зале поутих, он обратился к единомышленникам с назидательными словами:

– Помните, друзья, истину: Я, светоносный Люцифер-Сатана, владычествую над всем человечеством, ибо вы сами, по доброй воле встаёте на нечестивый путь и поклоняетесь мне. И где предел времени, когда люди образумятся, выберут для себя праведный путь? Неизвестно! Пользуйтесь же, друзья, благами, которые я вам дарую. Любите золото, бриллианты, роскошную жизнь, ради которой не щадите ближнего своего. Крадите, обманывайте, лжесвидетельствуйте, убивайте противников своих в борьбе за деньги и власть. Да будет так! Амен!

– Амен! Амен! Амен! – стоя, вскидывая руку подобно фашистскому приветствию, скандировали слуги Люцифера. Когда все народные избранники, взбудораженные происходящим, чрезмерно возбуждённые и полные решимости немедленных энергичных действий, уселись в кресла, граф, поигрывая тростью, предложил проверить, как на деле новообращённые его слуги постараются оправдать доверие нечистого духа.

– Слово для выступления предоставляется председателю горсовета, – объявил Сивопупов-Крымский. – Прошу кратко, по существу, с соблюдением регламента. – Граф указал тростью на Бадейкина. – Дайте... Бе-е... Бе-езапелляционный ответ оппозиции... В эмоционально-аморальной форме...

– Вот мой ответ противникам Потапенкова! – С этими словами Бадейкин с вызывающим видом снял штаны, повернулся задом, нагнулся и похлопал себя ладошкой по голому седалищу. Поддёрнул штаны и промаршировал по сцене, командуя себе: «Ать, два! Ать, два!»

– Бе-е... Бе-есподобно... Ответ достойный! Бе-е... – прокомментировал граф «выступление» Бадейкина. – Прошу на трибуну следующего самого бе-е... бе-ес-совестного, бе-еспутного и бе... бе-еспардонного...

Никто из присутствующих не озадачился, почему работой сессии руководит неизвестно откуда взявшийся и никому не ведомый главный дирижёр главного симфонического оркестра главного театра, граф в чёрном фраке с белым галстуком-«бабочкой» на белоснежной сорочке и с восьмиконечной звездой на лацкане. Виола самозабвенно исполняла Пятую симфонию Баха. К трибуне вышел упитанный, с розовыми щеками, с хитро бегаящими глазками начальник полиции на-астоящий полковник Протасов, неофициальный хозяин сети ресторанов и кафе – весь этот прибыльный бизнес принадлежал его зятю, живущему в Майами. Депутат Протасов совмещал депутатство с пользой работы в полиции.

– От имени всех слуг выражаю искреннюю благодарность и нашу общую признательность владыке тёмного мира и повелителю чёрных ангелов его величеству Люциферу-Сатане!

Бурные, долго не смолкаемые аплодисменты перешли в овации. Слышались выкрики:

– Слава Сатане! Праведники – лохи! Да здравствует день чёрных ангелов!

Сивопупов-Крымский покрутил тростью, в зале стало тихо, и граф, поклонившись, удовлетворённо произнёс:

– Бе-е-змерно счастлив, господа-товарищи... Бе-е... Продолжайте вашу возвышенную речь, – кивнул граф оратору, ожидавшему соизволения говорить.

– Господа! Товарищи! Предлагаю вынести на обсуждение следующий вопрос, – приосанившись, начал Протасов, – выделить нашему уважаемому благодетелю Голопузову необходимую ему площадь в заповедной кедровой роще... Он обещает подарить детдому замужнюю одежду и уценённую обувь из магазина «Second-hand».

Поднялся гвалт, раздались оскорбительные выкрики в адрес оратора, в него полетели тухлые яйца, гнилые помидоры, рваные башмаки и пивные бутылки. В общем шуме можно было разобрать лишь некоторые, похожие на вопли, истеричные выкрики.

– В заказнике избёнка старца Феодора... Он фанат леса, по доброй воле охраняет кедровник... Куда податься ему, если там выстроит свои хоромы Голопузов?

– Это кто там такой жалостливый? Мы законные слуги его величества Люцифера... Какое нам дело до фаната леса? Вопрос в другом: нам самим скоро ничего не достанется! Мы тоже хотим урвать кусок от заповедного пирога... К чёрту Голопузова! Пусть катится ко всем чертям! Дерьма ему собачьего на лопате!

Сивопупов-Крымский, злорадно ухмыляясь, взмахнул тростью, тотчас воцарилась почти гробовая тишина, и граф торжественно объявил:

– Продолжаем концерт по случаю дня чёрных ангелов! Следующим номером нашей сатанинской программы исполнение народных песен под аккомпанемент рояля! На сцену приглашаются гомосексуалисты!

Виола с вдохновением ударила по клавишам старинного музыкального инструмента, ободранного и ужасно расстроенного. Зазвучала бравурная мелодия из кинофильма «Небесный тихоход». Граф дирижировал, взмахивая тростью. Трое слуг Люцифера, так называемых депутатов, обнявшись и с молодецким задором, запели:

Мы олигархи, педерасты, парни бравые,
Мы захватили нефть и газ, и наше дело правое,
Мы грабим весь народ страны,
Такие нам права даны,
Гребём лопатами мы деньги из казны!

Зал взорвался аплодисментами. Все встали, в исступленье кричали хором, вызывая исполнителей на «бис». Сивопупов-Крымский с видом незаурядного конферансье, поднаторевшего на концертах, объявил:

– Поёт хозяин нефтеперегонного завода!

Рояль забренчал знакомой всем с детства мелодией из мультфильма про Чебурашку и Крокодила Гену. Самодеятельный артист азартно, самозабвенно запел:

Пусть плывут неуклюже
По бензиновым лужам
Миллиарды народных рублей
В заграничные кассы,
Всё богаче там массы,
Ну а здесь я плевал на людей!
Почему я весёлый такой?
Потому, что «депутаты» –
Это ложь всё и обман,
На трубе сию в России,
Нефть течёт в карман!

Зрители, гордые полученными удостоверениями слуг Люцифера, долго рукоплещут солисту. Из-за кулис вышли нарядные девочки-гимназистки, неизвестно кем приглашённые, с букетами роз, вручили цветы главному дирижёру главного симфонического оркестра главного театра.

– Сессия городского совета была плодотворной, – поднял трость Сивопупов-Крымский. – В каждого депутата вселился мой всемогущий дух. Вы всегда будете помнить, что продались мне, лукавому Люциферу-Сатане... Успехов вам в грешных делах!

– Карр... В грешных делах... Карр... Прро-дались...

Ворона захлопала крыльями, сделала кучку птичьего дерьма на столе президиума прямо под носом Потапенкова и взлетела на плечо Виолы. У мэра, не проронившего за всё время «сессии» ни слова, зазвонил сотовый телефон. Он поднёс его к уху и услышал:

– Ты решил вопрос по моему заявлению на заказник «Кедровый бор»? Надеюсь, все депутаты единогласно «за»?

– Нет, Родион Алексеевич... Не решил... Депутаты все против... Граф Сивопупов-Крымский концерт давал...

– Идиот! Какой ещё граф? Какой, к чёрту, концерт? Я тебя даром, что ли, в Испанию катал? Квартиру, коттедж, иномарку новенькую тебе дал... У тебя даже на инаугурацию костюма приличного не было... Я тебе купил... За газ как думаешь платить? Отключим к едрене фене... Короче... Решение о выделении мне земельного участка в заказнике «Кедровый» должно быть подписано...

– Никак невозможно, Родион Алексеевич... Депутаты категорически возражают...

– К чёрту депутатов! Сам подпиши!

– Нарушение закона... Не могу, Родион Алексеевич, при всём уважении к вам...

– А до этого мог? Мне тебя учить, как делать «липу»? Подпишешь... Сегодня в семнадцать ноль-ноль явишься на «Вамирекс»... Капитан, мой человек, выдаст тебе три миллиона рублей... Не за здорово живёшь, а за твою пустяшную подпись... Отдашь ему документы на передачу мне в личное пользование заказника «Кедровый»...

– Да, конечно... Всё сделаю, Родион Алексеевич!

– Так бы сразу и сказал, что какать хочешь... Вымогатель... Дом ему на Кипре подавай! А то: «Не могу...» Долг города за газ я оплачу... Из своего кармана. Не забудь: в семнадцать часов на «Вамирекс». Всё... Конец связи... Идиот...

Задвигались стулья, захлопали спинки сидений, депутаты двинулись к выходу. Они недоумённо разглядывали цветные глянцевые бумажки с рекламой противозачаточных средств, продаваемых в магазине интимных услуг «Магия любви», непонятно как оказавшиеся у них в руках. Никто из участников заседания не понял, куда подевались граф-дирижёр, дипломантка международных курсов и ворона. Так после глубокого и насыщенного событиями сна мы тщетно пытаемся вспомнить его картины и привидевшиеся лица.

– Проклятые иллюзионисты-гипнотизёры, – возмущались «прозаседавшие». – Устроили тут представление. Кто их пустил в зал заседаний? Куда только полиция смотрит?

Из всей разношёрстной толпы проходимцев-авантюристов, политических интриганов и всякого сброда дельцов-жуликов, горделиво именующих себя народными избранниками, лишь одному Аристарху Фон-Гумилевичу во всех подробностях запомнился сатанинский балаган. Теперь он ясно сознавал, что и недавний визит в редакцию «куратора» и «доктора психологии» тоже был вполне реальным. Оставленная визитёрами мокрая салфетка и детская свиристелка – факт достоверный. «Гипнотизёры чистой воды, – рассуждал он, не торопясь идя домой. – Предлагали подсунуть взятку Потапенкову – это понятно. Однако куда вдруг исчез “Бентли” с шофёром-бультерьером? И куда делся кейс с миллионом?» Аристарх морщил лоб, напрягая все извилины, но так ни до чего и не додумался. «Этот дурацкий концерт... День чёрных ангелов... Посвящение в сатанисты... Чушь собачья! Иллюзия! Но рояль! Явный гипноз! Но кому и зачем нужно было устраивать бесплатную комедию в зале заседаний? А впрочем, кроме концерта, мало что не реально... Все наши депутаты – рвачи, хапуги, коррупционеры...»

Да, было над чем поломать голову заведующему отделом «Криминальной хроники». Что он завтра скажет и. о. редактора Рябинину? Какую напишет статью? Написать о том, что творилось в горсовете, – уму непостижимо! Фельетон «В гостях у Сатаны» просто отдыхает! Да и кто поверит в такую чушь? Всё равно что повторить историю с фельетоном Агафонова... Пропал Валентин Григорьевич ни за что... Как жаль, что именно сегодня ушёл к дантисту корреспондент Редькин... Он любит «жареные» факты...

Аристарх, не желая впутываться в спорные, порой рискованные ситуации по добыванию сенсационных материалов, предпочитал брать готовую, уже проверенную информацию у работников суда и следствия, в прокуратуре, полиции, налоговой инспекции. Чаще всего Фон-Гумилевич публиковал статьи на моральные темы, в ярких красках обрисовывал криминальный путь преступника, осуждённого к лишению свободы, и подписывался псевдонимом «Фемидов». Никакого риска! Напечатал такую душеспиральную статью – и спи спокойно. Никто в дверь среди ночи не постучит, не вломится с претензиями на недоказуемость изложенных в ней фактов. Всё уже без него проверили, взвесили, вынесли приговор. Так рассуждал Аристарх, придумывая отговорку для и. о. Рябинина и в который уже раз обрушиваясь с нападками на Редькина: «Ну и угораздило же тебя, Савелий, именно сегодня, в день чёрных ангелов, пойти в больницу!»

– День чёрных ангелов! – засмеялся Аристарх. – Вот выдумщики! Не существует в природе ни чертей, ни чёрных, ни белых ангелов... Есть гипнотизёры, аферисты всех мастей, ворожеи, колдуны, лжецы-предсказатели, астрологи, «специалисты» чёрной и белой магии и другие очковтиратели...

Сказав так, Фон-Гумилевич вдруг остановился, осенённый блестящей мыслью: рояль! Его там никогда не было... Аристарху страшно захотелось убедиться, стоит ли по-прежнему громоздкий инструмент в зале заседаний. Он воротился, вошёл в здание мэрии, солгал вахтёру, что забыл перчатки.

В зале заседаний уборщица натирала паркет. Он бросил быстрый взгляд на сцену: рояля не было.

– Когда рабочие убрали со сцены рояль? – спросил он женщину.

Уборщица удивлённо посмотрела на него.

– Рояль?! Здесь не концертный зал... Отродясь не было тут никакого рояля. И с чего вы взяли?

«Если это не сон, не мистификация, не гипноз, то на столе должен остаться помёт вороны», – образил он. Быстрым шагом, к неудовольствию уборщицы, Аристарх прошёлся по чистому полу, поднялся на подиум, жадно взглянул на лакированный стол: так и есть! Запахан белым птичьим помётом. Аристарх облегчённо перевёл учащённое дыхание, достал платок, вытер вспотевший лоб.

– Гипнотизёры... Мистификаторы... Факт... Но как им удалось проделать фокус с роялем? И ведь бренькала на нём красotka в бальном платье!

В смятении Аристарх воротился домой, рассеянно ужинал, смотрел по телевизору футбол, невпопад отвечал на вопросы жены. Голову сверлила неотвязчивая мысль: «Но ведь был же рояль! Был! И кучка вороньего дерьма на столе президиума – доказательство тому, что была и ворона... Завтра расскажу Редькину об этих подозрительных гастролёрах-гипнотизёрах... Пусть свяжется с полицией... Это его тема... А я наведу лучше в нарсуд за очередной историей о пьянице-дебошире...»

Поэзия

Елена Крюкова

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Поэт, прозаик, культуролог. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России. Член Издательского совета Русской Православной Церкви. Лауреат премии им. М. И. Цветаевой (2010), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021), международных литературных премий им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), премии им. С. Т. Аксакова (2019), премии им. Ф. И. Тютчева (2020), премии журнала «Север» (2020), премии им. Н. Н. Благова (2021), премии им. С. Сергеева-Ценского (2021) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

Знаменный распев

Фрагменты книги

Осмоглас. Фреска первая

ГЛАС ПЕРВЫЙ

*Глас Богоявления: самый торжественный, высокий
– Тропарь Кресту «Спаси, Господи, люди Твоя»*

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы на сопротивных даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Вознесыйся на Крест волею, тезоименитому Твоему новому жительству щедроты Твоя даруя, Христе Боже: возвесели нас силою Твоею, победы дая нам на супостаты, пособие имущим Твое оружие мира, непобедимую победу.

* * *

Спаси, Господи, люди Твоя.
Обочь снеговья. Обочь жнивья.
Я, босая, по снегу – вдаль.
Всех люблю. Ничего не жаль.
Платье ветер развевает, дырявый мешок.
Отверстья для рук. Прогалы для ног.
Рваные раны. Надрезы, кровь.
Иди вдаль. Богу не прекословь.
Мотайся, исподнее на ветру бельё.
Господи, благослови достояние Твоё.
Я Твоё достоянье. Твой хлеб и хлев.
Твой, Господи, знаменный распев.
Ты мною поёшь – на звезде, на стерне,
Победы на сопротивных даруя мне.
Ты рот открыл – а я звучу,

Излетаю из Твоей груди, подобно лучу.
Ты меня держишь, службы свечу.
Я иной судьбы не хочу.
По снегу бреду. За мною – вода
Вешняя, ледоходами – тальные города,
За мною люди, толпа вопит,
Девчонка малая плачет навзрыд,
То ли Миръ, а то ли война,
А я иду, зима ли, весна,
А я иду, буря рвёт мой мешок,
Впереди идёт возлюбленный Бог,
Ты иди, иди, мой распятый Господь,
Я поющий дух Твой, тёплая плоть,
Твоё рубище, Твой зажатый в кулак
Обол, динарий, ржавый пятак,

Ты одною мной Свой мыт заплати,
Ты меня держи в кровавой горсти,
Ну и что, стигматы, вперед иди,
Я поющая птица у Тебя на груди,
Вознесыйся на Крест, воздымись, горький дым,
Даруя щедроты Твои живым,
Возвесели нас силой Твоей,
Иду за Тобой, слышу вопли людей,
В меня швыряют камни, снежки,
Пули, бомбы, копья, плевки,
А я всё иду, иду за Тобой,
Пот и слёзы блестят над губой,
Кровь и звёзды текут по лицу,
На смерть иду, а может, к венцу,
Победы на супостаты дая нам,
Иду за Тобой, Тебя не предаю,
Иду, оружие Мира Твоё,
Ноги босые колет жнивье,
Иду по следу, путь огнём спалён,
Непобедимая победа, нешвенный хитон,
Иду, развеивает ветер мешок,
Всяк одинок, и Ты одинок,
Но я иду, иду за Тобой,
Я берег Твой, Твой зимний прибор,
Я вьюга Твоя поперёк лица,
Я за Тобой пойду до конца,
Я за Тобою – след во след...
Господи, а смерти не было и нет.

* * *

Подземный гул.
Он встал внезапно предо мной.
Я растерялась и не знала, что сказать.
Глядела на него. В отрепьях и смешной.
Малютка. То ли Авель, то ли Ной.
Ладонку протянул. Пойдём со мной, шепнул,
так дождь идёт стеной.
Так воссияет благодать.

Малютка-сын, погибший век назад.
А может, тот, кто явится на свет
Через века. Идём, сказал, века стоят,
А мы идём. А смерти больше нет.

Да как же нет! – я молча закричу, –
Она вокруг, мы страшно тонем в ней,
Вопим, орём, горим, подобные лучу,
Тьмы тем отчаянных, во тьме, огней.

А мальчик крепко за руку меня
Схватил. Как больно! На века – ожог.
Идём, твердил, на смерть ведь нету сил,
На ход вперед – да, есть, ну, шаг, ещё шажок.

Ещё движенье. Мы идём куда? –
Хотела я спросить, да в горле ком.
Хрустит ледовая разбитая слюда
Под сапогом. Полынь – под языком.

Он, мой сынок, мальчонка, поводырь,
Ведёт меня, и я за ним иду
Послушно, будто в полночи Псалтырь
Читаю, будто вою на звезду,

Как пёс, лицо дождями ветхих слёз
Закрашено, замазано... запрет
На остановку, возвращенье... Ты Христос
Младенец?... мне открой секрет!

Куда ведёшь меня ты, проводник?..
Я и сама дойду туда, где хор
Летит, заоблачный, где плачет каждый лик,
Читают нам Последний Приговор,
А мы живём последний малый миг,
Им наслаждаемся, клянёмся и вопим,
Им молимся, он выдох наш, язык,
Наш Бог, о, все мы завтра будем с Ним...
Куда ж сегодня мы с тобой бредём,
Мой мальчик лучеокый, Ангел мой?

И шепчет он: под снегом и дождём
Иди вперед, к рыданию, домой.

Его ладошку сжала крепко так...
Синайская Луна... Фаворский свет...
Он – впереди, немного, чуть на шаг,
А я – за ним, за Временем вослед.

– Тропарь Богоявлению
«Во Иордане крещаю-
щуся Тебе, Господи»

Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Трои-
ческое явися поклонение: Родителей бо глас
свидетельствоваше Тебе, возлюбленного Тя
Сына именуя, и Дух, в виде голубине, извество-
ваше словесе утверждение. Явлейся, Христе
Боже, и мир просвещей, слава Тебе.

Явился еси днесь вселенней, и свет Твой, Го-
споди, знаменая на нас, в разуме поющих Тя;
пришел еси и явился еси, Свет неприступный.

Величаем Тя, Живодавче Христе, нас ради
ныне плотию крестившагося от Иоанна в водах
Иорданских.

Море виде и побеже, Иордан возвратися
вспять.

Крестный ход. Художник Б. М. Кустодиев

* * *

Во Иордане крещающуюся Тебе, Господи...
 Ныряю в ледяной изумруд...
 Такая смиренная, вчера ещё гордая,
 Ибо ведаю: все умрут.
 Родителей глас угас мимо нас,
 А где голос наш пребудет,
 Когда пробьёт последний час,
 Латунью в зимней полуде?..
 А Твой Родитель... вон, голубь, летит
 Над вьюжною иорданью...
 Да что ж так под левым ребром болит,
 Колотит, крутит дыханье?..
 Стою меж людей у лесного ключа.
 Он бьёт серебряной лавой
 Из гор сугробов... вода, свеча,
 Пылает солнечной славой...
 Полдень! Возлюбленного Сына Тя
 Именую... горя в помине
 Нет... мерцает, ко мне летя,
 Дух в виде голубине...
 Слава, небо, вода и свет!
 Бьёт ключ среди поколений,
 Чей визг в пеленах, кто морщен-сед –
 Явился еси днесь Вселенней!
 Я около сердца воды стою...

Округ – хороводом – сельчане...
 Стою у Крещения на краю,
 Водой в нечерпанном чане...
 О, пейте меня! Вбирайте меня...
 Глотайте, пролейте жадно
 За пазуху, в рот... на снег... на огня
 Язык, бормочущий жарко...
 Я просто стою, Водосвятыя звенит,
 Деревья инеем-пряжей
 Обверчены... снегирь на ветке висит...
 А люди ко мне – стражей...
 А люди наряжены в праздника честь...
 Себя тащат тяжкой поклажей
 Старухи, деды... им жизни весть
 Лоб – смерти елеем мажет...
 Девицы в тулупах... молодки в платках,
 Расписанных солнцем: слепну...
 По снегу – розы, яркие, страх!..
 Так вышиты велелепно –
 Белее савана, красней знамен,
 Узорчатей небосвода...
 Идут ко мне из седых времён
 Военной песней народа...
 И шёпотом над вертепом святым,
 Над Миромь-малюткой уснувшим...
 Клубятся во мраке, кадильный дым

Всем нынешним... всем минувшим...
 Идут ко мне... балясы о чём,
 Не слышу... ведь пенье птичьё
 Людскую молвь заглушит ключом
 Журчащим, облак обличьем...
 А люди, люди – в накат ветра!
 Меня – с собой сопрягают!
 А люди, люди больней костра
 Меня – собой – обжигают!
 Морозны, яблочны выгибы щёк!
 В меха закутаны выи!
 Идут по земле – небосвод далёк! –
 А там, в небесах, не вы ли?!
 В меня кидают крики снежков!
 Молитовки мне бормочут!
 Ах, люди, вот ваша и вся любовь –
 От полудня до полночи!
 Кто в нежной, рваной обноске бредёт...
 А вон и батюшка в ризе...
 Парчовый праздник... сорожий лёд...
 Что ж плачу я, как на тризне...
 А люди, люди кучней, тесней
 Ко мне, одинокой, жмутся!
 Я в кружке – вода ваша, средь огней...
 Пролиться... и не проснуться...
 И только под зимним солнцем застыть
 Водой, из Времени бьющей,
 И только обнять всех, и всех любить,
 И плакать песней зовущей,
 И только стоять на Мíру большом,
 И болью – мороз по коже,
 И только черпать, черпать ковшом
 Сребро, Живодавче Боже!
 И только слёзы великие лить
 О каждом, кто живёт-умирает,
 И только из кружки – неба испить
 У врат Водосвятного Рая.

– Тропарь Успению
 «В рождестве дев-
 ство сохранила еси»

Царице моя преблагая, Надеждо моя, Бого-
 родице, Приятелище сырых и странных Пред-
 стательнице, скорбящих Радосте, обидимых
 Покровительнице, зриши мою беду, зриши мою
 скорбь, помози ми яко немощну, окорми мя яко
 странна. Обиду мою веси, разреши ту, яко во-
 лиши: яко не имам иныя помощи разве Тебе, ни
 иныя Предстательницы, ни благия Утешитель-
 ницы, токмо Тебе, о Богомати, яко да сохраниши
 мя и покрыеши во веки веков.

Аминь.

* * *

Царице моя Преблагая
 стою пред Тобою нагая
 тряпицей судьбу не прикрыла
 крыла не открыла
 Надеждо моя Богородице
 камня оклада играют в друзы грудятся
 Ты в небесной пречистой горнице
 кормишь кормишь радость снежною грудью
 кормишь кормишь солнечной грудью горе
 Приятелище сырых и странных Предстательнице
 сама Ты странница на вьюжном просторе
 с шеи Твоей порванные бусы лунами катятся
 молоко Твое Богородице брызгает звёздами
 валит снегом безумным из-под мощного купола
 Сыночка ко древу прибили гвоздями острыми
 а ничья вина до сих пор не искуплена
 Ты моя во жажде Поительнице
 ты моя в пустыне Водительнице
 возри на мя человецицу несчастную
 скорбящих Радосте обидимых Покровительнице
 зриши мою беду зриши скорбь многогласую
 помози мя ибо вервием злобы замотана
 окорми мя ибо голодна по ласке закатной
 подыми мя вверх ибо небо зовёт меня
 пускай в нём утону не вернусь обратно
 обиду мою разреши яко волиши
 стою горько плача меж зверем катом и вором
 ибо не имам кроме Тебе иныя помощи
 ибо стою во церкви пред иконой Твоей
 яко на льду лабрадоровом
 на чёрном льду в синих огнях
 во сапфировом пламени
 Твои очи длинные сливы косят в меня
 иными планетами
 чудотворный образ Твой
 ярче победного знамени
 плывёт кораблём
 над всеми страстями смертями обетами
 благая Утешительнице
 лишь Ты Богомати царская
 в Мíре сём тонущем
 в войнах железных воющих
 Ты горишь с иконы нагрудною птицей-цатою
 Ты плывёшь с иконы ледоходною волей-Волгою
 токмо Ты Богомати сохраниши мя и покрыеши
 и обнимеши мя будто я земля
 вся кругла молочна травна серебряна
 во дверь собора открытую
 ветр налетает порывами
 я стою на коленях мне холодно замёрзла царевна
 я такая древняя о моя Богородице
 я сегодня ревмя реву грех мой из-за пазухи выну

Молитва. Художник Неринга Моргунова

а на завтра слышишь на дворе распогодится
и во веки веков помолюсь и спою
и бормотно выдохну
этот глас этот час лампадное стекло острое битое
это после взрыва храм уцелел
барабан и апсиды предивные
это я пою Тебе ирмос Твой кондак позабытый
по знамёнам-крюкам по иным векам
где ещё родимся мы

...В рождестве девство сохранила еси,
во успении мира не оставила еси,
Богородице, преставилася еси к животу, Мати
сущи Живота, и молитвами Твоими
избавляеши от смерти души наша.

* * *

в Рождестве девство сохранила еси...
не проси бессмертия, не проси.
не проси славы: похвалы – ничто.
руки вдень во старое, военное пальто.
не проси богатства, никогда не проси.
ни сокровищ, ни яхонтов на небеси.
лишь огромные, с землю величиной, облака

плывут... не дотянется сиротская рука.
не проси отмщения, не проси.
во успении Мира не оставила еси,
Богородице... лоб прижми ко стеклу.
холод, голод. Игрушкой – ты – на полу.
сотни войн водят вокруг тебя хоровод.
эта вечная жизнь. Краткий живот.
до мгновенья, когда родишься опять,
никого из милой родни не сыскать.

Божья Мать Ты нас всех вчера родила
а сегодня время сгорело дотла
а на завтра время – под брюхом овцы
Агнец Божий ножи начала концы
Тайной Вечери тысячи тысяч огней
довоенный кагор из стакана пей
из стакана гранёного Божию Кровь
День Победы не надо тяжёлых слов
так в военном пальто за столом сиди
гаснут планки орденские на груди
гаснет крестик медный под ветхим бельём
Богородице выпьем и ещё нальём
всех помянем кто сгиб в последнем бою
всех кого на старых снимках люблю
а превыше снимков – икона Твоя

на краю любви на краю бытия
Ты накинй Покров
не оставь еси
...не проси бессмертия не проси

– Догматик «Всемирную славу»
(на восемь гласов)

Всемирную славу, от человек прозябшую
и Владыку рождшую, небесную дверь,
воспоим Марию Деву, безплотных песнь
и верных удобрение. Сия бо явися небо и храм
Божества; Сия, преграждение вражды
разрушивши, мир введе и Царствие отверзе:
Сию убо имуще веры утверждение, Поборника
имама из Нея рождшагося Господа.
Держайте убо, держайте, людие Божи;и;
ибо Той победит враги, яко Всесилен.

* * *

...Всемирную славу от человек прозябшую
Долго долго я пою
В столпе сугроба насквозь озябшая
Долго долго я стою
В кудрявой шубейке в бараньей шубёнке
В вытертом детском восторге стою
А мать кричит как птица тонко
Стегает криком жизнь мою
Ремнём меня высечь за всё хорошее
За то чтоб не пела на всех языках
На Ангельских Божиих
Не сыпалась порошей
С небес
Не носила облака на руках
Девчонка в сугробе насквозь промёрзла
Чем заколдована звёзды ночь
Зенит сыплет огонь светло и грозно
Стоит в сугробе неслушная дочь
Снег в катанки по щиколотки набился
Одного роста я и сугроб
А Мирь – блаженный а Мирь – не убийца
А Мирь – неведомый Господень Гроб
Кто встанет из гроба навек воскреснет
Не знаю когда не знаешь молчи
А я пою недетские песни
Ребёнок в сугробе в огнистой ночи
И мать
И санки
И вопль мороза
И ярость – в дёгте – радуги звёзд
И песни безумье
И лютые слёзы

И выгнут времени мощный мост
И мать меня перевозит на санках
С берега на берег великой реки
А дома – гости а дома – гулянка
А катанки царские мне велики
И там над столом мерцает икона
Над рюмками над бутылками над
Скошенным потолком небосклона
Где звёзды уже не вернуться назад

МОЛИТВА О ДЕТЯХ

Господь мой Вседержитель, всяя судьбы
устроитель, Ты один ведаешь всю глубину на-
ших сердец, Царь Небесный, Отец; все грехи
наши держишь в ладони и все благоденствия;
принимаяшь наше горячее, слёзное покаяние;
 зришь Ты и чад наших, малых деток несмыш-
лёных, восходящих россыпью звёзд на ночном
небосклоне. Воззри же на них, малых детей! Об-
ними, ведь Мирь людей всё лютей и лютей...

Спаси и сохрани их, Господи, от главного
ужаса – взрослой войны! Дай зреть им ромашко-
вые, васильковые сны...

Дай им расти без печали и боли, вдохнуть
широкий ветер и волю, но дай почуять на вкус
боль и печаль, пусть несчастных, страждущих
им будет жаль, ибо без мрака нет самоцветной
награды, без страданья нет в Мире чистой отра-
ды! Вразуми детей наших сияньем Твоей неиз-
речённой Истины! Не дай услышать им взрывы
и выстрелы...

Укрепи их нежные души... спаси и благосло-
ви... не остави детишек, Отче, без Твоей великой
любви...

– Ирмосы канонов Св. Пасхи
«Воскресения день, просветимся, людие»

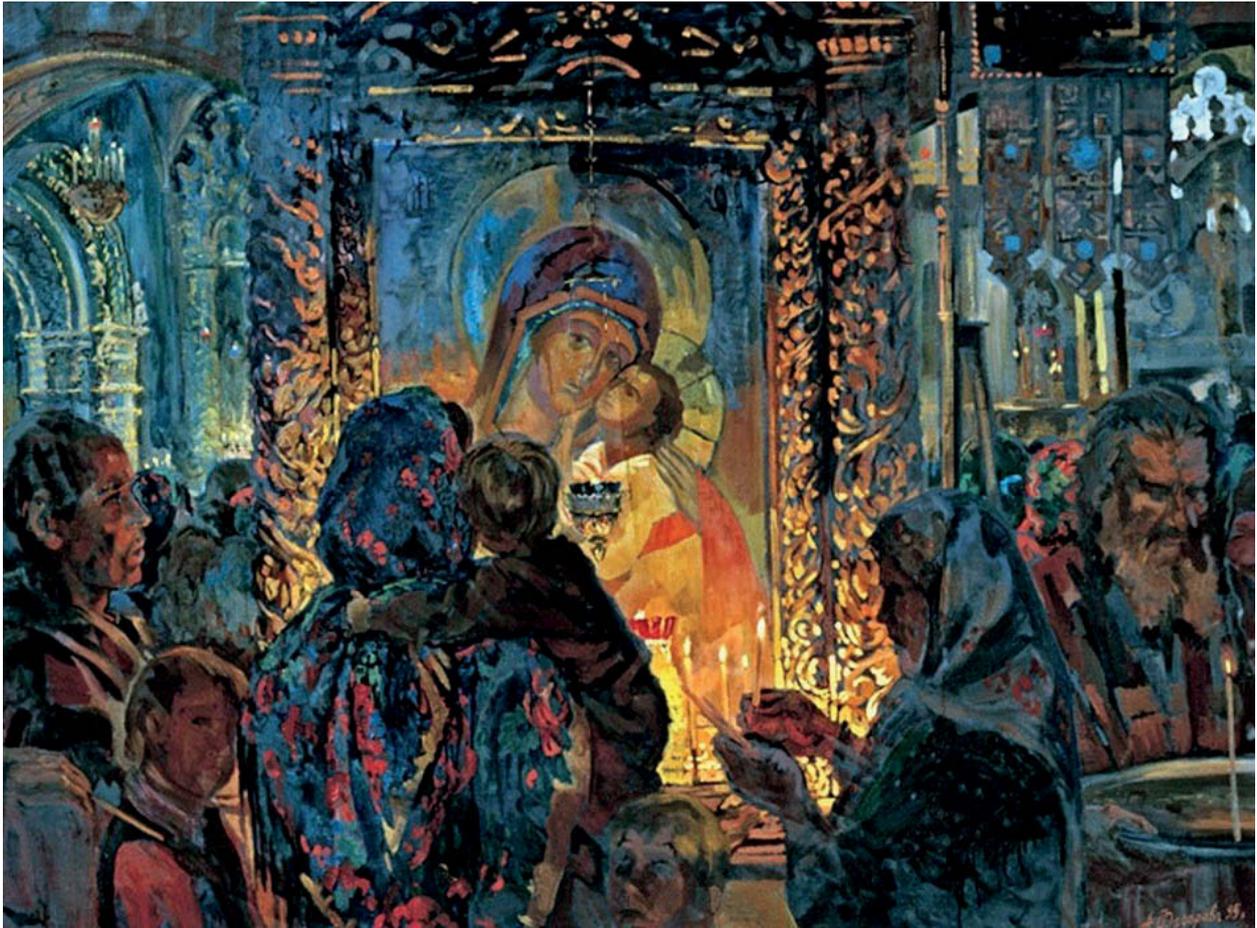
– Воскресения день, просветимся людие:
Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни,
и от земли к Небеси, Христос Бог нас преведе,
победную поющая.

Христос воскресе из мёртвых.

Очистим чувства, и узрим неприступным
светом воскресения Христа блистающаяся, и
радуется рекуща ясно да услышим, победную
поюще.

Христос воскресе из мёртвых.

Небеса убо достойно да веселятся, земля же
да радуется, да празднует же мир, видимый же
весь и невидимый: Христос бо воста, веселие
вечное.

Страстная Седмица. Художник М.В. Нестеров

* * *

Воскресения день, просветимся, людие!
Я Мирь ваш безбрежный несу вам на блюде –
Беспредельный, бессчётный, бесстрашный,
бессмертный:
Упованный, упорный, безумный, безмерный.

Вся толпа, да, под куполом
Мощным и грозным –
Замалёванным синью святой, многозвёздной,
Каждый лик то в потоках солёных рыданий,
То улыбкой горящий во мраке преданий...

Люди, люди! Округ изумлённо толпитесь.
А вас солнечно вяжут сиянием нити –
Тот полярный утёк, тот – в зените – мафорий,
Серафимы крылатые в чёрном просторе...

Я во храме стою! Среди вас, дорогие!
Всяк одеждой окутан – сердца лишь нагие,
Дорогие, стучат обречённою кровью:
Колыбельным левкасом – к небес изголовью...

Всяк мне дорог, хотя никого тут не знаю!
Человек, или зверь, или роза шальная
Запредельного снега, посмертного лика,
Вспоминального века, последнего мига!

Всяк мне близок – слепым волосёнком на коже,
Кто со мною стоит?.. именую Тя, Боже!
Ты вот в этом, в ушанке замурзанной, старце –
А в кармане – бутыль – для сугреву –
Что Святцы...

Ты вот в этой лукавой, две коски, девчухе –
Тонких русых кудряшек сосновые стружки:
Привела её бабка под купол за ручку –
Ах, смертельно больную, любимую внучку...

Ты вон там, далеко, у планетной апсиды,
Все кометами вспыхнут немые обиды –
Тихо крестится, плачет мужик бородатый,
Будто завтра, в метели, идёт во солдаты...

Мой род! Ах, тётки в ситчиках мои
 На танцплощадках, и баян играет...
 Ещё не знаете вы – от любви
 Кто воскресает, кто и умирает!

Мой род во мне рождается – Христос:
 Пока жива, пока шепчу словами
 Вас всех... вся изойду лучами слёз,
 Раскатанная тестом между вами,

Печённая блином и беляшом,
 Вся выпитая грозной рюмкой водки,
 Забыта в зимней баньке я ковшом,
 Я вбита, гвоздь, в сапожную колодку,

Снарядом всажена в оружие войны –
 Да чтобы победить!.. и порвана струною
 В моём рояле, чтобы видеть сны,
 Чтоб всё сыграть, что делалось со мною...

Мой род... я лишь твой алый, талый рот...
 Да старческий уже... в морщинах-сетях...
 Кривится он... о счастья поёт...
 О том, чего не будет уж на свете...

Но и о том, что только лишь придёт!
 О том крылатом Ангеле, что снидет,
 И раскатает тесто, и замрёт
 Над белой мукой, и вдруг увидит

Над колченогим кухонным столом
 Меня – с очами византийских списков,
 А дома нет, пошёл давно на слом,
 А океан нахлынул слишком близко,

На стёкла окон – бешенством снегов,
 Волнами вьюги горестной и кроткой...
 Родные, вот она и вся любовь,
 Всё масло, соль, равнина сковородки...

– Ирмосы воскресного канона
 «Твоя победительная десница»

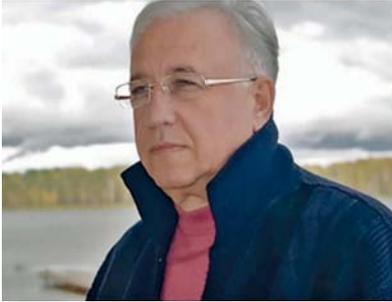
Твоя победительная десница боголепно
 в крепости прославится: та бо, Безсмертне, яко
 всемогущая, противныя сотре, Израильтяном
 путь глубины новосоделавшая.

*Едине ведый человеческого существа не-
 мощь и милостивно в не вообразяся, препояши
 мя с высоты силою, еже вопити Тебе, Святый:
 одушевлённый храме неизречённых славы Твоея,
 Человеколюбче.*

Сплю
 Мне бы проснуться
 Просыпаюсь – тоже во сне
 Мне бы навек очнуться
 Травой взойти на стерне
 Сплю
 Сама себе зеркало
 И отражаю себя
 Во сне где горько и весело
 Проснись
 Уже не судьба
 Сплю
 Молитву печальную
 Тихо во сне бормочу
 Безумный путь чуждедальний
 Пройти уже не хочу
 Сплю
 Пречистой иконой
 Гляжу на себя самоё
 Нет кона и нет закона
 Метель свивает бельё
 Ведай Едине несыть
 Мор и наледь и глад
 Ведай Едине немощь
 Нищих у Царских врат
 Во сне горит всё что было
 И всё что будет горит
 По давнему нежному пылу
 Смеюсь и плачу навзрыд
 Сама себе я молитва
 В зеркале ниш и апсид
 Сама себе буря-битва
 Средь леса чужих обид
 Я небу нет не чужая
 И дом обращается в храм
 Сплю
 И сном отражаю
 Всё что неведомо вам
 А вы так легонько походя
 Да загляните в меня
 Поделит с вами поровну
 Язык святого огня.

Поэзия

Владимир Шугля

Владимир Фёдорович Шугля – член Союза писателей Союзного государства России и Беларуси, Союза писателей Беларуси, Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Автор поэтических сборников на русском и белорусском языках. Публиковался в журналах: «Наши современник», «Молодая гвардия», «Великороссь», «Невский альманах» (Россия), «Нёман», «Белая Вежа» (Беларусь) и других изданиях. Лауреат республиканской премии «Лучшая книга года» (Беларусь, 2013), ряда других литературных премий Российской Федерации. Почётный Генеральный консул Республики Беларусь в Тюмени. Награждён медалью и орденом Франциска Скорины. Живёт в Тюмени и Минске.

Заворожён матушкой-зимой

* * *

Вечереет. В первых звёздах небо,
Жёлтый свет печальных фонарей.
День уходит, гаснет, будто не был...
В парке всё темнее и темней.
Колдовством наполнен дивный воздух,
Ночь и день целуются в уста,
И опять приносят мыслям роздых
Вёчера открытые врата.
Свежий ветер вдаль уносит звуки,
Чары жизни отдаёт земля,
По небу разбрасывая руки,
Звёздную постель себе стеля...

* * *

Ночь. Деревья в серебристом инее
С укоризной смотрят на меня,
Небо днём, что было нежно-синее,
Ныне в блесках звёздного огня.

Затихает вьюга голосистая,
Завершая ветра снежный бег,
И ложится рябь, слегка волнистая,
На пушистый в лунном свете снег.

С ней и я, как будто чудной сказкою,
Заворожен матушкой-зимой
И рисую неба звёздной краскою
Дом мечты хрустальный светлый мой...

* * *

О мечта! Далеко ты за краем,
Где рассветных трудов благодать...
Я твою высоту принимаю
И безмерную звёздную гладь.
На земле я ишу к ним дорогу,
Хоть навстречу порою беда.
Но с небес мне приходит подмога,
И минует земная вражда.
...Вновь в раздумьях бессонные ночи,
И распахнуты в небо врата,
У души открываются очи...
И уже достижима мечта...

* * *

В росинках утра, чистых, светлых,
На тропке старой, что в снегу,
В мечтах зарниц живу рассветных
И в сердце детство берегу.

Моя пацанская Отчизна!
Размах полей, костров огни –
Начало всех начал у жизни,
Просторам неба что сродни...

Мир дальних дней и юн и вечен
Своей беспечной хлопотнёй...
Года спешат заре навстречу,
Мча память к детству на постой.

* * *

Тебе не скучно без меня?
А мне без глаз твоих немило...
Сквозь тучи луч на склоне дня
Златит поля прощальным пылом.
...На сердце грустно и уныло.

Уж серебрится свет луны
На промелькнувшем тихом плёсе...
Вагонный стук рождает сны,
В мерцанье звёздное уносит.
А там твой взгляд, как неба
Просинь...

* * *

Средь ночного неба тиши
В окнах тучек силуэты,
Звёзд волшебные букеты
Над соседней виснут крышей.

В небе путь мерцает Млечный,
Сердцу он – как сна дыханье,
Горизонт – ветров лобзанье
По земле разносит вечность.

Тишиною покорённый
Сонный мир уводит в небыль,
Звёздный свет, луной возвращённый,
Провожает душу в небо...

* * *

Когда стучится ночь в окно,
Луны серебряная нить
Несёт мне то, что не забыть,
Что в мир добра обращено.

Как в непогоду огонёк,
В душе картины детства дней.
Фигуры близких мне людей
Переступают мой порог...

...На веры и любви крыле,
Надеждами наполнив грудь,
Мечты летят за Млечный Путь,
Всё зло оставив на Земле...

Поэзия

Илья Виноградов

Илья Леонидович Виноградов – родился в 1978 году, живёт в Мурманске. Журналист, поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Автор книги рассказов и пяти книг стихотворений, переводил стихи с болгарского языка на русский. Печатался в российских и болгарских периодических изданиях. Победитель ряда всероссийских и международных конкурсов, организатор и член жюри нескольких литературных фестивалей и конкурсов, один из организаторов Международного славянского хода Мурман – Балканы (2018).

* * *

Как добротна мебель из дерева
И тепла добротою леса!
Словно лес открывает двери вам,
Что поют под тяжестью веса.

Только мир сплошь вокруг пластмассовый,
Словно душный бездушный ящик,
С одноликой культурой массовой,
Легковесной, ненастоящей.

Но сбегу я, поздно ли, рано ли,
Сбив пластмассовые колодки.
Слава богу, гробы деревянные,
Как когда-то дома и лодки.

* * *

Долго ли, какой заветной тропкою
Счастье шло – и вдруг ко мне идёт.
Я ж стою, глазами глупо хлопаю
И, глядишь, прохлопаю вот-вот.

Лучше б беды принесло с заботами –
Как родных с порога обниму:
Против них приёмы отработаны,
Что со счастьем делать – не пойму.

Но, моё увидев замешательство,
Счастье шаст ко мне на зависть всем.
– Заживём, – мурлычет, – замечательно!
– Долго ли?
– Пока не надоем.

* * *

Осень, манят спозаранку
Жёлтые твои пути –
Век бродил бы, как цыганка:
Ручку мне позолоти!

Ветер выдует из дома
Вслед за тучей кочевой.
Пышет осень, словно домна,
Жёлтым жаром и тоской.

Дождь просеянный искрится,
Желтоотравье серебра.
Осень, от тебя не скрыться!
Где уж скрыться от себя.

Скоро листья долистают
Постаревший за год год.
Осень, мне бы с птичьей стаей!
Только кто ж меня возьмёт?

ПЕРО

Стремясь пространство распороть
Скруглённой кромкой цвета хрома,
Упруго, как живая плоть,
И, словно небо, невесомо,
Перо коснётся вдруг руки
В непредсказуемом полёте,
Причудливом, как вязь строки
Из книги в древнем переплёте.
И я замру, навек пронзён
Тоской по промелькнувшей птице,
Недостижимой, словно сон,
Который дважды не приснится.

ХАСТИНАПУР

Полетели до Дели вдвоём –
По священной земле погуляем,
В Тадж-Махал белоснежный махнём
И в заснеженные Гималаи.

Раздадим нищете пятаки,
Чтоб с воды перебились на воду.
Почиться ещё у таких
Улыбаться в любую погоду.

Спросит рикша – его не жалея,
Нынче он на электромопеде –
Десять рупий. Нам – десять рублей,
Рубль теперь, словно рупия, беден.

Полетели любого числа!
Наш маршрут будет строго случаен.
Ты ж киваешь в ответ на дела
Иль вздыхаешь и не отвечаешь.

Что с того, что распахнута дверь
И повсюду дорожные сети?
Чудеса так доступны теперь,
Что как будто и нет их на свете.

Но для нас приберёт я тропу,
Что уводит из дымного Дели
Сквозь печали, тревоги, метели
В приснопамятный Хастинапур.

СТАРЕЦ

Седина как писаний страница –
Чисто старец, блаженный вполне.
Клянчит мелочь с утра – похмелиться,
Мутным глазом елозя по мне.

Словно вязь, на руках его вены,
Как сиянье, вокруг перегар...
И в тот миг, словно в миг откровенья,
Я иные узрел берега.

Не цветастые райские кущи,
Не предвечный покой вековой –
Коммунальную бедную гущу,
Стен обшарпанных грязный конвой,

Одинокость убогой каморки,
А в толпе – одинокость вдвойне,
И чем дальше, тем более горький
Запах снов о далёкой войне.

Обездоленных лет вереница
В чёрной канет вот-вот полынье.
Седина как писаний страница –
Чисто старец, блаженный вполне.

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Ищу над царством вьюг
На небе Южный Крест.
Мне возражает друг:
Тот крест – не с этих мест.

Ковш гнутый по ночам
Вычерпывает тьму.
А крест – не по плечам.
Но я назло всему

Ищу средь вьюжных снов,
Печальных, как зола,
То ль новых берегов,
То ль пятого угла.

* * *

Запах неба и дыма,
Дух весёлый лесной.
Шёл лесник Никодимыч
До избушки, домой.

Через птичий неснящий
Стоголосый трезвон,
Опьянён влагой чащи,
Ветерком отрезвлён.

Сосны встали, рисуясь,
В полный рост верстовой.
Всё, что хочешь, в лесу есть,
Даже больше того.

Легкокрылая радость
Не пугаясь ничуть,
Прилетит – и надо
Морщить лоб, спину гнуть.

Грусть, подкравшись, ужалит,
Ворон зыркнет, кружа...
Застрелился б, пожалуй,
Но не дали ружья.

Спросят:
– Радость откуда?
– Прилетает сама.
– А печаль?
– Как повсюду –
От большого ума.

Максим Замшев

Максим Адольфович Замшев – поэт, прозаик, переводчик, критик. Родился в 1972 году в Москве. После окончания средней школы служил в Вооруженных силах СССР. Затем окончил Музыкальное училище им. Гнесиных и Литературный институт им. А. М. Горького. Главный редактор «Литературной газеты» с 2017 года.

Автор десяти поэтических книг и четырёх книг прозы. Произведения переведены на 15 языков. Лауреат литературных премий им. Николая Рубцова, им. Николая Гумилёва, им. Дмитрия Кедрина, им. Александра Грибоедова, премии в области литературы и искусства

Центрального федерального округа Российской Федерации. Награждён медалями: «Защитник Отечества», «За просветительство и благотворительность», медалью Суворова, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики. Первый заместитель председателя МГО СП России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Член Наблюдательного совета литературной премии «Лицей» для молодых писателей и поэтов. Живёт в Москве.

Всё завершается как под копирку,
Будущий год ещё так одинок.
Кто-то проделал огромную дырку
В прошлом и смотрит оттуда в бинокль.
Пусть он увидит, как выше и выше
Мы поднимаем преступную страсть,
Как зацепляется солнце за крыши,
Чтобы под утро совсем не упасть.
Как удивительный век Двадцать первый
Под мишуру новогодних речей
Юношей стал, утончённым и нервным,
И до сих пор он блуждает ничей.
Всё завершается тяжким застольем,
Посох стучит, Дед Мороз без лица,
Кто-то проснётся и сразу застонет,
Можно бинокль докрутить до конца.
Всё увеличить в последнем пределе,
До отвращения, до сморщенных век,
Тот, кто в прицеле, бесспорно, при деле,
А Дед Мороз выбегает на снег.
Вот он бежит, он мишень для охоты,
Глянь, из какого он тонкого льда!
Вот он упал. Пьяный, что ли? Да что ты!
Не раскрошилась его борода.
Смесью гремучей шампанское с дёгтем,
Бросили ложку, подумали – мёд.
Год перед нами неспешно пройдёт,
Что-то шепнёт, но никто не поймёт...

Сырость. Девушка. Петроград.
Невозможность ответа.
Невозможность вопроса.
Не поверишь ты, как я рад
Неизбежности ветра
И тому, что всё просто.
Сырость. Девушка. Темнота.
Невозможность прохожих
Стать немного мне ближе.
Жизнь прекрасная, да не та...
Капли пота на коже
Ветер с жадностью слижет.
Сырость. Девушка. И по горло
Остров скукой пронизан.
Занавески висят на карнизах,
Им уж нечего скрыть.
Только прыть мою, прежнюю прыть
Вместе с инеем стёрли.

Нет уже того накала,
Что любви сильнее.
От вокзала до вокзала
Черета огней.
Горло высушила вьюга,
Задушила крик,
Нам бы полюбить друг друга,
Но бредёт двойник

Мой по набережным мрачным,
 Дождь ему в лицо.
 Первой ночью, ночью брачной
 Снимет он кольцо.
 Крест Господний смотрит в небо –
 Этим жизнь полна.
 Что нам нужно кроме хлеба
 И глотка вина?
 Жизнь от поезда отстала,
 Не проститься с ней.
 От вокзала до вокзала
 Череди огней.

* * *

Выходи из дома, пройдишь по книжным,
 Полистай роман, никому не нужный,
 Проглоти слюну от приязни к ближним
 И пойми, что ветер давно не южный.

У семи холмов я восьмой насыплю
 Из своих ошибок, тревог, волнений.
 И пойдёт у города кожа сыпью,
 Красной сыпью памятных поражений.

Я чертил луну, но сорвался циркуль,
 Получился месяц над облаками,
 Выхожу из дома, а небо в стирке,
 Выжимает кто-то его руками.

Кто-то плакал у этой стены столетья,
 Потому здесь нынче такая влажность.
 Не прощай меня даже этим летом!
 Бог простит, а дальше уже не важно.

* * *

Небо, не глядя совсем на людей,
 дыры никак не заштопает,
 юноша полон великих идей,
 девушка тоже. И что теперь?
 В памяти есть небольшое окно,
 наглухо вечно забитое,
 ты отвори его, мне всё равно,
 помнится только забытое.
 Блеф не удался, рояль замолчал,
 стынет любви беззаконие,
 в небе осталось начало начал
 и на земле не закончилось.
 Годы пройдут, и нагрянет беда,
 вздрогнут живые и мёртвые,
 юноша с девушкой не навсегда
 пальцы сплетают замёрзшие.

* * *

Давай с тобой наговорим
 Побольше вздора.
 Уже течёт вчерашний грим
 Из глаз актёра.
 Скорей всего, ты скажешь: «Течь
 Лишь слёзы могут».
 И ошибёшься ты, вся речь
 Моя от Бога,
 Не потому, что я гордец
 Иль параноик,
 А потому, что двух сердец
 Союз не стоек.
 Лицо приклеено к стене
 Обычным скотчем.
 Я соскребаю тень с тенью,
 А ты не хочешь.
 Я карандаш твой не стирал,
 И росчерк злее.
 Я столько раз лицо терял –
 И вот наклеил.
 Петух восторженно молчал,
 Пока не клюнул.
 И если был бы я смельчак,
 В лицо бы плюнул.
 Но проживает Божество
 Всю жизнь без грима,
 В местах, где всё и ничего
 Неповторимо.

* * *

Ветви бесполезные сплетают
 Время, что поймать пытался взгляд.
 Ангелы давно не улетают,
 Целый день печальные сидят
 На домах, вокзалах и деревьях,
 Ищут человека своего.
 Если возвратятся тени древних,
 Расстреляют всех до одного.
 Времена смешаются, как фишки
 В мировом жестоком казино.
 Продразвёрстка, кулаки, излишки.
 К чёрту всё, ведь главное – кино.
 Я тогда возьмусь за чашку кофе,
 Как крупье бестрепетной рукой.
 Ангелы гуляют по Голгофе,
 Слово институтки по Тверской.
 И мои страдания несметны,
 Свет струится из кофейной тьмы.
 Счастье в том, что ангелы бессмертны,
 И несчастье, что бессмертны мы.

Поэзия

Валерий Мухин

Автор пятнадцати поэтических сборников, публиковался в журналах: «Наши современники», «Север», «Встречи», «Московский Парнас», «День поэзии», «Берега», «Наша молодёжь». Награждён медалями: «Святая Ольга», «Поэт и воин Игорь Григорьев», «За заслуги перед Псковом», Василия Шукшина. Лауреат Губернаторской премии в области литературы за 2016 год за книгу «Русская песня». Дипломант 12-го Международного славянского форума «Русский Витязь» за книгу лирики «Русский дух». Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Через ветер судьбы

НО ЗВОНЫ ИДУТ

И всё ж я своею судьбою доволен.
Сквозь слёзы душевные – мысли ловлю,
Что край свой лесной с позаброшенным полем,
С распятым селом – я всё больше люблю.

Люблю этот дол, что лежит упокоен,
И новый, на пахоте выросший лес;
И звоны разрушившихся колоколен,
Которые не разольются окрест.

Но звоны идут непонятно откуда,
Как в прошлые лучшие дни и года...
О Русь! Ты огромное вещее чудо,
Тебе нипочём даже эта беда.

Я верю, Земля, ты воспрянешь, тучнея,
И чёрные вехи России пройдут,
И власти когда-нибудь станут мудрее
И вновь человека к тебе повернут.

Как можно иначе прожить – я не знаю.
Мучительный век завещал на крови:
Все боли России в себя принимаю,
Чтоб силы росли для сыновней любви.

ЗДЕСЬ РУССКИЙ ДУХ

Там, где Великая с дочкой Псковой
Слились в едином теченье,
Старый собор на земле вечевой
Видит своё отраженье.

Стены под башнями Кром облегли, –
Служат, хоть воля иная, –
Будто внимают набату вдали,
Ратную жизнь вспоминая.

Над берегами – полёт куполов,
Плавный, в ликующем свете.
Мягко срываются с колоколов
Вздохи прошедших столетий.

Вот он, великого времени дух,
Тот, что в столетьях родился;
Тот, что в народе ничуть не потух,
В душу его – воплотился.

ПОГАНКИН

Хранит история подарки.
Семнадцатый далёкий век.
Сергей Иванович Поганкин –
Посадский псковский человек.

Пройдя крутое лихолетье,
Торцы поганкиных палат
Уже четвёртое столетье,
Как вехи вечности, стоят.

Но не дошли до нас останки
Того, кто крепости – творец?
А заказал её Поганкин –
Зело зажиточный купец.

В торговых «скачках» – гнал галопом.
Купец был ловок и умел.
В торговле с Азией, с Европой
Тогда он шибко преуспел.

Всё скандинавам, ляхам мало –
Чего ни выкинь: мёд, муку,
Льняную паклю, войлок, сало,
И шерсть, и кожу, и пеньку...

Но, кроме суетной торговли,
Другая жилка в нём жива:
Он был начальником таможни;
Он был «кабацкий голова»...

Казалось – всё ему по силе.
Но жребий стал его суров,
Когда возглавил он в России
Один из денежных дворов.

Одно преданье воскрешу я:
Царь Грозный, как-то для дворца,
Деньгу потребовал большую
У предка нашего купца.

«Я в грязь лицом-то не ударю,
Приказ исполню и – конец.
А сколько ж нужно государю?» –
Полюбопытствовал купец.

«Ах, ты, купчишка голодраный!
Ещё чуток и будешь бит...
Ты разве так богат, поганый,
Чтоб мой насытить аппетит?»

Вот то-то, был кураж и пьянка!
И подать знатная дворцу...
С тех пор фамилия Поганкин
Прилипла к псковскому купцу.

Нельзя забыть о факте редком,
Его хранит святая Русь.
И я своим неробким предком
И восхищаюсь и горжусь.

ПОЛУЯКОВСКИЙ ЛЁХА

Был чудаком он, а в целом неплохо
Жил-выживал полуяковский Лёха
В гибельном времени, душу щемящем,
В доме последнем, на взгорке стоящем.

Хоть в Полуякове – крепенький дом,
Но умирают деревни кругом.
В каждой на Лёху средь горя-разрухи
Молятся, как на икону, старухи.

По деревням их осталось – четыре.
Лёха для них – словно бог в этом мире.
Солнце не встало, гляди, уже едет
Лёха куда-то на велосипеде.

Тройка борзая как ветер летит –
Трое собачек бегут впереди.
Той, в Твердуново, он пенсию возит.
Этим, в Окладе, и пилит и косит...

В этой, соседней, родной Старанье,
Часто бывает он навеселе.
Вале Савельевой с ним – просто рай:
Выправил домик, построил сарай...

Денег не брал, как запечный сверчок,
За кусок хлеба пахал, дурачок.
К ночи сгустились тревожные тучи:
Рыба – где глубоже, а люди – где лучше.

Страшную новость озвучивал кто-то –
Лёхе во Пскове сыскали работу.
Плачут и молятся – всем будет плохо,
Если уйдёт полуяковский Лёха.

Я НЕ ГОСПОДЬ

Я мёртвых никогда не воскрешал.
Природы я законов не нарушил.
Но словом согревал и утешал
Холодную и мертвенную души.
Я зрение слепым не возвращал,
Но иногда заблудшим среди ночи
Любовью и терпением просвещал
От помраченья ненавистью очи.
Я мир наш, словно Бог, не создавал,
Но, подводя последние итоги,
Скажу, что, крепко взявшись за штурвал,
Его вращают люди, а не Боги.

ПСКОВЩИНА

Грозное побоище Чудского,
Рыцарям принёсшее позор:
Гордость Пскова, Острова и Гдова,
Мужество Изборска и Печор.

Как зима – История сурова,
Как весна – прекрасна с давних пор
Слава Пскова, Порхова и Гдова,
Красота Изборска и Печор.

И восходит пушкинское Слово,
И выносит песни на простор –
Песни Гдова, Острова и Пскова,
Музыку Изборска и Пушгор.

И своими славными делами,
Псковщины раздвинув горизонт,
Вместе с Ольгой, вечно будут с нами –
Пушкин, Трувор, Невский и Довмонт.

Поэзия

Валентин Васичкин

Валентин Васичкин – член Союза писателей России, член Союза журналистов России, Заслуженный работник Российской Федерации. Родился в 1948 году в орловской деревне Васильевка. За период своей творческой деятельности издал два десятка книг. Их общий тираж – более 25 тысяч экземпляров. Пишет о том, что близко ему и дорого: о природе средней полосы России, о любви к ней, к женщине, к Отечеству и как её частице – к своей малой родине, с которой с первого дня появления на свет в неразрывной связи.

На земле своей древней живу я по-русски

ПОКЛОН

К вечеру, как светёлка,
Высветлел небосклон.
Озими за просёлком
Низкий земной поклон.
Лугу ещё и небу,
Речка со мной всегда.
Родине на потребу
Хлебушек и вода.
Помню, как затевала
Хлебушек мать в ночи.
Гущицу подбивала,
Ставила на печи.
Рядом с квашнёю место,
У кожушка, и мне.
И поднималось тесто
В старой, как мир, квашне.
Видно, оно хотело
Покинуть обжитый рай –
Тихо в квашне пыхтело,
Силилось через край...
Этот обряд извечен:
Сколько в рядок домов –
Столько в них русских печек,
Столько с утра дымов.
Бабушки ли, молодки –
Затемно не прилечь:
Тесто – на сковородки
И на ухвате – в печь.
Русь ты моя святая
В утренний час страдной!..
И над седым витает
Запах его родной.
С ним даже в холод лютый
Много теплее в дому...

В благодный час приюта
Руки тяну к нему,
Корочкой припечённой
Душу свою погреть –
Предками освящённый
И отводивший смерть.
Родину, как светёлку,
Высветлил небосклон.
Озими за просёлком
Низкий земной поклон.

* * *

Нам не пашется и не косится,
А погода стоит – коси!
Только в руки коса не просится,
Да и нас теперь не проси.
Не скажу, что вина Всевышнего,
Только с пойменного лужка
Сколько лет не видать за вишнями
Ни копёнки и ни стожка.
Говорят, что страна не в голоде,
И, с надеждою на авось,
Вся деревня живёт как в городе,
Ей вовеки так не жилось.
Не ломает в работе спину,
Дом – ни печки и ни сверчка.
А хозяйки из магазина
То сметанки, то молочка.
Нам не косится и не пашется,
Ни оглобли и ни дуги.
И в навозе уже не мажутся
Их фартовые сапоги.
Как по лесу, всё шли-аукали,
А народ – оторви да брось;
И какую страну профукали,
Понадеявшись на авось.

* * *

Карнизы разукрашены сосульками,
Ещё под снегом мёрзлая земля,
Но скоро под окном капель забулькает
И задымят, в проталинах, поля.
И первый грач, присев на огороде,
Легко откроет тёплую зарю.
И я о власти местной, о погоде,
Потом о птичьей с ним поговорю.
Трудыга он – судить по жизни строго,
Покажется, что чуточку охрип.
Я думать буду... точно, да – дорогой
Он прихватил тот самый птичий грипп.
И что ему дорожные затраты!
Он дом себе построит в первый день.
Покарав и на кризис, и на Штаты,
И даже на законный бюллетень.
А для грачей одна навеки смета –
Чтобы весну на родину несли...
И вот опять душа моя согрета:
Я вижу, как сосульки подросли.

* * *

Серебряный месяц в медвяных покосах
На облачке выплыл за лес.
И первые звёзды посеял, как просо,
По синему полю небес.
Затихли за дальней межой коростели,
Устало уснули шмели.
А лёгкий туманец всё стелет и стелет
Постель на просторах земли.
На всём безмятежном усталость и нега,
И кажется мне перед сном,
Как будто плывём все мы с Ноем в ковчеге
В безбрежном пространстве земном.

* * *

Я так давно не спал на свежем сене.
Куда нас время ветром унесло –
В сенном сарае балки все просели,
Подгнившие ворота повело.
Сарай пустой: всё тот же ветер века
Унёс отсюда луга аромат.
А будет ему осенью полвека,
И он стоит за вишнями калекой,
И главное: ни в чём не виноват.
Таких, как он, сараев здесь не много;
Спеша к деревне до большой грозы,
Давно уже не катят по дорогам
С лугов цветущих конные возы.

А мы в другую въехали эпоху,
В музей Валеркин сдан последний кнут.
Теперь никто Петруху и Алёху
За лень их в сенокос не упрекнут.
Я с грустью думать буду о мальчишках:
В наследство им название одно;
О сенокосе прочитают они в книжках,
Увидят лишь по «телеку», в кино.
А мир живёт и не обескуражен,
Глотающий космическую пыль.
За внуков мне обидно будет даже:
Ведь сенокос – не сказка, это был.
И луг цветёт, пока ещё не в тлене,
Он по утрам купается в росе...
Я так давно не спал на свежем сене,
А внуки наши не поспят совсем.

* * *

Гуси греются на соломе.
Три ракитины у моста.
Хорошо! И в отцовском доме
Мне пожить бы годов до ста.
Как, допустим, мой дед Григорий:
Жил в угоду своей судьбе,
То без горя, то, глянет, горе,
Как хозяйка, в его избе.
Жил, где всё для него родное;
В хате – печь, а в печи – горшок.
И будил его за стеною
В ночи тёмные петушок.
В ночи тёмные, после святок,
Если жуткий стоял мороз,
У козы забирал козляток
И за печку, погреться, нёс.
От войны – бобылём, без бабки,
Светлой памятью той поры, –
Как наследство нам, – прялки-тяпки
И в зазубринах топоры.
Человек на земле – прохожий,
Вот мой посох, а вот мешок.
И меня будит песней той же
В ночи тёмные петушок.
Поклоняясь земному веку,
Отмеряя свои года,
Слушать вечное «кукареку!»
Не расхочется никогда.
Не мечтал походить я в греки,
Счастья лёгкого не хочу;
Где ещё я и в кои веки
Жизнь такую заполучу.

Берега юбилеев

200 лет А. Н. Некрасову

Олег Мраморнов беседует с Татьяной Глушковой

«За великое дело любви»

О творчестве Николая Алексеевича Некрасова

Олег Мраморнов – окончил филологический факультет Московского государственного университета. Трудился в музее-усадьбе А. Н. Островского «Щельково», работал редактором в различных редакциях и издательствах (журналы: «В мире книг», «Выбор», «Наука и религия», «Независимая газета» и др.). Выступал в московской печати как литературный критик и эссеист, опубликовал книги автобиографической прозы «Донские памятки», «Записки и записи». Автор нескольких стихотворных сборников, вышедших в издательстве «Кругъ». Переводчик поэм «Луч микрокосма» и «Лжецарь Степан Малый» классика сербской литературы Петра Негоша, изданных отдельными книгами в издательстве «Спасское дело». Стихи черногорско-сербской тематики переводились на сербский язык и печатались в массовых газетах и изданиях Черногории. Неоднократно награждён грамотами Союза писателей этой балканской страны.

Татьяна Михайловна Глушкова (21 декабря 1939 года, Киев – 22 апреля 2001 года, Москва) в последние годы была, быть может, более заметна в качестве острого газетного публициста (поэтические книги издавать стало трудно), но она никогда не оставляла своего основного поприща и сочинила, помимо множества лирических стихотворений, несколько поэтических циклов-книг, в том числе некрасовский. Со стихами из цикла «Возвращение к Некрасову» я познакомился несколько лет назад по публикации в одной газете, они мне понравились: щемящие, распевные. Позже прочитал в рукописи всю книгу... Возникла мысль о беседе. Я послал Глушковой вопросы, последующие детали мы не раз уточняли. Глушкова правила и шлифовала текст. А 22 апреля её не стало... Она жила одна, умерла в больнице, окончательный текст мне доставили не сразу... Татьяна Михайловна в целом успела внести казавшуюся ей необходимой

правку. Публикуемые суждения – последнее, над чем она работала. Публикуется в сокращении.

– Татьяна Михайловна, вот вы написали о Некрасове целую книгу в стихах, но читают ли теперь самого Некрасова? Он ведь не на слуху. Иной раз выведут на плакате «Я лиру посвятил народу своему», а подпишут – «Пушкин». Курьёз, но показательно. Что вы думаете на этот счёт?

– В целом творческая наша интеллигенция стала в антагонистическую позицию относительно Некрасова, бывшего некогда могучим властителем дум, духовным вождём русской интеллигенции. «Некрасов был провозвестником топора, а теперь хорошо известно, что это такое», – писал, например, Булат Окуджава, отвечая на «некрасовскую» анкету в перестроечные годы. В данном – и весьма типичном – случае заметна попытка «заместить» Некрасова... Чернышевским. Грубая попытка, восходящая, впрочем, к советскому литературоведению. Но любопытнее другое – нарочитая сентиментально-деспотическая «гуманность», которая заявила себя в перестроечные годы...

Иной раз о Некрасове такое услышишь, что руками разведёшь. «Некрасов был не только одарённым (!) писателем, но, что важнее (?), идеальным редактором», – снисходительно пишет, например, молодой современный стихотворец и телеведущий Дмитрий Быков. «По-моему, сегодняшнему читателю Некрасов труден; он стал поэтом для постов...» – считает Владимир Корнилов.

Некрасов, как то и подобает поэту, был готов к любому по строгости суду:

*Что враги? пусть клеветуют язвительней,
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!*

Характерно, что мировоззренчески да и стилистически зачастую весьма далёкие от Некрасова писатели «серебряного века» Некрасовым-поэтом восхищались: и Бальмонт, и Брюсов, и Блок, и Гумилёв, и Волошин, и Розанов...

– **Вы связываете это с общим состоянием эстетической культуры? Степенью культурности?**

– Когда «эстет», поклонник Теофиля Готье, Николай Гумилёв на вопрос анкеты Корнея Чуковского: «Любите ли вы стихотворения Некрасова?» – отвечает: «Люблю. Очень!» (с восклицательным, как видите, знаком), – разве не побуждает это задуматься над капризами вкуса сегодняшнего?

И всё же причина нынешней нелюбви к Некрасову или, в лучшем случае, некоего заговора молчания вокруг него – глубже. Она – в укоренившейся со времён перестройки и разрастающейся нардофобии. Нардофобии социальной, политической, эстетической. Помните, как в конце 80-х годов государственные тогда ещё СМИ откровенно трактовали русский народ как Шариковых, ибо повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце» была объявлена альфой и омегой «народоведения»?.. В те же годы, естественно, был обрушен и авторитет Некрасова. Ведь Некрасов-то вопреки бойким пропагандистам всенародно-собачьего сердца говорит: «ЗОЛОТО, ЗОЛОТО – СЕРДЦЕ НАРОДНОЕ!» Совместимы ли эти позиции? Совместим ли Некрасов с тем сладкозвучным тенором, что «крылато» назвал народ (мусорными) «совками»? С тем высокоинтеллектуальным социальным «биологом», что изобрёл термин «гомо советикус»? Со всеми поклонниками таких «прозорливцев»?..

– **А эстеты «серебряного века» нардофобией не страдали? Не тогда ли вошло в оборот выражение Грядущий Хам в применении к народу?**

– Мережковский с присными в большом историческом времени явно, явно просчитался. В роли Грядущего Хама в конечном-то счёте, уже в наши дни – перестроечные и далее – выступила, по моему убеждению, как раз «творческая интеллигенция», так называемые люди культуры. Они легализовали все виды хамства – вплоть до матерщины в печати, театре, на кино- и телеэкране. Мы узрели интеллигенцию, попирающую всю традиционную культуру. Глумящуюся и над Православием почище любого безбожника из воинствующих неучей 20–30-х годов прошлого века. Ибо ведь, именно навесив на свою «артистическую» грудь православные кресты, она и сквернословит, и глумится над голодным, холодным народом, и всячески заголяется... Ну а люди «серебряного века» в целом были, конечно, неизмеримо культурней нынешней интеллектуальной или творческой «элиты». Кстати, отношение к народу – это существеннейший оселок для проверки именно культурности человека. Как, впрочем, и отношение к истории... Ведь культурность и барственность, надменность, снобизм – не одно и то же.

Поэты «серебряного века» не могли пренебречь такой ценностью, как некрасовский лиризм (не говоря уж о мастерстве как таковом, которое увлекало многих из них). Это ведь особый лиризм, дотолё небывалый.

– **Что это значит?**

– Мощный лиризм! Лиризм, соединённый как с проникновенной искренностью, так и с мощью. Словно сама Волга плещется в стихе... Нечто подобное, в своем роде, слышно у Державина. Но у Некрасова – большая простота, большая распахнутость души и интонации. (Самобеспощадной души, хочется сказать...) Метрически немногостопный стих звучит с изумляющей раздольностью. Русский лиризм как неповторимость нашей национальной поэзии у Некрасова переходит в эпичность звукового смысла...

– **Какой профессиональный урок почерпнули вы лично для себя из этой вашей пристальности к Некрасову?**

– То же, что, например, постиг, в своём «серебряном веке» Иван Бунин. А именно: «Поэзия не в том, совсем не в том, что свет / Поэзией зовёт. Она в моём наследстве. / Чем я богаче им, тем больше я поэт» (и так далее).

Вся русская поэзия говорит одно и то же: о неиндивидуалистической подоснове поэта.

– **Некрасову досталась непростая доля издателя-редактора крупнейшего русского демократического журнала, собирателя свободолобивых, в том числе народнических, литературных сил, идейного соратника Добролюбова и Чернышевского. Ваш герой был страстной идейной фигурой, одним из лидеров революционной демократии. Насколько я знаю, в патриотических кругах сейчас принято подвергать поруганию эту общественно-политическую линию. Что вы скажете по этому поводу?**

– Ну, вовсе не только в патриотических кругах! Во все не только... И это, кстати, прямо указывает на глубокое отличие нынешней демократии от тогдашней, которая была всецело повёрнута к интересам народа. Которой свойственна была даже идеализация народа, жертвой чего и оказались романтические «ходоки в народ»... То была – и в лице Некрасова с безусловностью! – антибуржуазная (хотя и антикрепостническая) демократия. Сегодня же – буржуазная, прокапиталистическая. Полагаю, что лидеры наших «патриотических кругов» по духу вполне буржуазны. И как же любить Некрасова нынешним патриотам-антисоветчикам (коих – пруд пруди!) или нынешним либеральным, а тем более радикальным демократам, если Некрасов писал:

*Прочь! Гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!..*

Если он – не на руку иным патриотам! – не ограничился тем, чтобы заклеить «телец золотой, / Воплощённый в седом иудее», но предал анафеме «шайку... Из всех племён, наречий, наций, / Что исповедует разбой / Под видом честных спекуляций»? Ведь кто только не корчится, поддетый на кончик его саркастического пера! Тут и коренные «русаки» – циничные предприниматели и сановники, готовые пустить страну с молотка, мастаки увезти «из России миллионы»; и «народившиеся кулаки», что «по селеньям зверем рыщут»; и «эксплуататоры пьянства народного»... Тут и покупная пресса, и – весьма характерно! – «экс-писатель», и интеллигенты-профессора – прежде «скромные труженики», «об Отечестве печальники», «старые патриоты», пустившиеся, однако, в биржевые спекуляции, ростовщичество, мошенническое акционирование: разномастные, хоть бы и дворянской крови, рыцари наживы любыми средствами...

– **Ничего не скажешь, пореформенная Россия, изображённая Некрасовым в поэме «Современники», похожа на сегодняшнюю. Этого сходства и не прощают поэту «герои нашего времени»?**

– Некрасовский реализм оказался, увы, футурологическим: картины тогдашней современности посланы в новое тысячелетие. Словно поэт видел и нашу «семибанкирщину», и нашу приватизацию. В сущности, он не упустил ничего из того, чему мы сегодня свидетели.

– **Интересно, что, судя по вашим публикациям, вы сочетаете любовь к Некрасову с любовью к... Константину Леонтьеву – пламенному, наоборот, охранителю самодержавных начал. Как бы посмотрел на это сам Некрасов?**

– Посмотрел бы, я думаю, как «огромного ума человек» (о чём свидетельствуют все знавшие его). Потому что тут, с моей стороны, не всеядность, беспринципность, а ощущение единства великой русской культуры.

– **Вопреки пресловутому «ленинскому учению» о двух культурах в каждой национальной культуре?**

– Не вопреки... За «недооценку» этого учения я довольно страдала от ортодоксов советского времени (ныне – демократов). Но я говорила и говорю об определённом срезе культуры: о великой

русской культуре – о единстве на вершинах культурного процесса. Если же брать культуру, литературу в целом, во всех её уровнях, то разделение Ленина совершенно справедливо. И это куда наглядней сегодня, чем в советскую эпоху. Теперь ведь прямо (и гордо) говорят об «элитарной культуре». По-русски (и по-некрасовски) – антинародной. И о её, так сказать, сводной сестре – культуре массовой: культуре толпы, а не народа... Обе эти разновидности буржуазной культуры, впрочем, утрачивают право называться «национальными»: в них отчётливо проступает как раз космополитический элемент.

– **Есть сегодня и другая культура, в торжество которой вы верите?**

– Конечно, есть. Та, в которой – позволю себе самоцитату из «Возвращения к Некрасову» – «родины чёрные сроки, / песен сует суета / днесь открываются...»

– **Мрачная картина, но разве Некрасов был таким же пессимистом, как помянутый Константин Леонтьев? Ведь как не вспомнить его упование насчёт России, русского народа: «Вынесет всё – и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе»?!**

– Поэта не подгонишь вполне ни под одно из этих состояний. И «мрачность», которой провеет порой в том или ином творчестве, означает только одно: «есть времена» – повторю за Некрасовым, – когда тот не поэт, кому не дано, как Некрасову, признаться: «Надрывается сердце от муки...» Такие бывают события, такие исторические обстоятельства... Это не исключает взоры в некое дальнее будущее, в котором – и как раз через страдания – таится свет. К тому же жёсткое, нелиберальное название вещей – знак не пессимизма, а прежде всего мужества. В подобном бесстрашии заключена ведь и жажда преодоления всякой «ночи безрассветной»... Кстати, бесстрашие в назывании вещей и абсолютная искренность – общие черты и Некрасова, и Леонтьева. Это я возвращаюсь к «трудному» вашему вопросу о совмещении в одном сознании приверженности к двум «антиподам». То есть о единстве великой русской культуры, которое осуществляет себя поверх политических убеждений её деятелей.

Хочу заметить попутно, что творческий гений не может быть антиисторичным; он бывает сверхисторичным. Он «работает» не столько на ту или иную политическую программу, сколько против конца истории. Того рукотворного конца истории, о котором размечтались разнообразные доктринёры XX века. Леонтьев предупредил, по сути, о том, что теперь называется «глобализация». Некрасов, как его можно понять сегодня, предостерёг, в частности, от иллюзий насчёт «русского капитализма» – и вольно нам было не внять свидетелю первого пришествия «золотого тельца» и жаждать его второго пришествия на трон. Которое не может не быть ещё более грозным для миллионов, десятков миллионов...

– **Однако, вольно, невольно ли, вы подтверждаете всё-таки именно тенденциозность, свойственную поэзии Некрасова, – и не вредит ли она поэзии как таковой?**

– Вся великая русская литература тенденциозна! В меру своей двуединой связанности и с жизнью, и с идеалом. Что ж до той конкретной некрасовской «тенденции», о которой шла сейчас речь, то вот в вашей же газете не так давно была помещена большая статья «Угол преломления. Русский предприниматель в зеркале художественной литературы», и двум её авторам не удалось, по их признанию, отыскать положительный образ, взятый из этой социальной среды. Что же, откажем в художественности столь «тенденциозной» русской классике – начиная с Островского?..

– **Но Некрасов-то сам признавался, что ему «борьба мешала быть поэтом».**

– Тут – диалектическая связь: и мешала, и помогала. Без того, что называют борьбой, мы не получили бы таких шедевров русской и мировой поэзии, как: «Рыцарь на час», «Еду ли ночью по улице тёмной...», «Вчерашний день, часу в шестом...», «Блажен незлобивый поэт...», «Мороз Красный нос», «О Муза, я у двери гроба...» и десятки других созданий Некрасова.

Ведь какой масштаб личности, какое отсутствие суетной боязни за судьбу своей Музы, своего творческого дара должны были быть у поэта, просившего: «Уведи меня в стан погибающих / За великое дело любви!»

– **В наши дни помянутый Некрасовым стан склонны понимать как стан революционеров-безбожников.**

– Нельзя сказать ясней, чем сам Некрасов в стихотворении «Пророк» – о Чернышевском: «Его послал бог Гнева и Печали / Рабам земли напомнить о Христе». Дело в том, что в русское православное сознание всегда входило понятие социальной справедливости, прямо связанной с мерой, тяжестью общественно-полезного труда (или ратного служения)... И потому безбожными считались как раз те, кто не озабочивался этим.

– **Что же, выходит, что пророк революции, как Чернышевский, есть пророк в религиозном смысле слова?**

– У Некрасова пророком оказывается герой, рыцарь без страха и упрёка, отдающий жизнь «за други своя». Герой как пророк. Бескорыстная жертвенность во имя людей (отчизны, народа) интересует Некрасова прежде, чем политическая. В известном смысле его можно назвать романтиком, отдалённо припоминая такого его современника, как Виктор Гюго... Наверное, это и впрямь трудно понять в наше антигероическое по господствующим установкам, неромантическое время, когда личность предпочитает реализовать себя вне рискованных (как ей представляется) путей. Прозаически благонамеренная, так сказать, рационалистическая личность. Которая кажется себе более религиозной, чем на деле является...

Но тут стоит отметить, что неотделимые от некрасовского «Современника» Чернышевский и Добролюбов, например, – выходцы из духовного сословия – лично и в своей литературной критике отнюдь не грешили против веры.

– **Может быть, срабатывал фамильный такт – вопреки легенде советского времени?..**

– Такт и сыновний долг почитания отцов и дедов – священнослужителей – и, думаю, ориентация на крестьянскую Россию, столь ярко присущая тому же Чернышевскому... Ну а перекосы, пережимы советского литературоведения теперь несколько выравниваются. Так, известный филолог Николай Скатов сегодня прямо указывает, что за «современниковцами» Чернышевским и Добролюбовым «стояла традиция сурового... нравственного духовного воспитания» и что «безотносительно к тому, как складывались их взгляды», эти люди «не позволили себе ни одного выпада в сторону церкви, не говоря уже хоть о каком-то элементе богоборчества, тем более ёрничества, которому отдало такую обильную дань дворянское вольтерьянство». И пожалуй, можно сказать, что, благодаря своим корням, они привнесли в общественную жизнь стиль родственного монашеству аскетизма и этику служения – идее, правому, в их понимании, делу, – которая была уж никак не ниже явно выдыхавшейся к тому времени дворянской чести. Это был стиль несгибаемого стоицизма.

– **Но отсюда и узость, казалось бы, противоречащая широкой натуре Некрасова-человека?**

– На то она и широта, чтобы легко «вместить» узость!.. Да и узость-то бывала странная, вдруг приоткрывая другие горизонты. «...Я сам по опыту знаю, что убеждения не составляют ещё всего в жизни, – писал Чернышевский Некрасову, – потребности сердца существуют...» И пылко, особенно приветствовал как раз некрасовские «пьесы без тенденции», говоря: «...Политика только насильно врывается в моё сердце, которое... хотело бы жить не ею». Но, во всяком случае, подчеркну сейчас, что никакого принципиального разрыва с религией у двух выдающихся революционно-демократических сотрудников Некрасова не обнаружишь. Сложное это было явление, этот некрасовский «стан», в котором даже философский материализм сочетался с исповеданием христианского идеала. «Бог угнетённых. Бог скорбящих», по Некрасову, или – что схоже – тютчевский русский Христос неизменно жил в их душах...

– **Вы, должно быть, не согласны и с тем снижением образа Чернышевского, которое дал Набоков в романе «Дар»? Снижением, вообще говоря, задевающим весь некрасовский стан и самого Некрасова?..**

– Тут, со стороны Набокова, на мой взгляд, как раз яркий пример выдохшейся дворянской чести. Неблагородства, на какое способен именно брезгливо-снобствующий барин. Эдакий тургеневский Пеночкин нового времени... Ведь даже жандармы, которые везли Чернышевского в ссылку, признавались: нам говорили, что везём преступника, а мы везём святого... Но добавлю ещё о «стане

погибающих». Нигилистичность его не должно ни абсолютизировать, ни схематизировать. Разные, разные же там были люди. И внутри себя – разные. Сколько, в сущности, антинигилистического даже в «культовом», как теперь бы сказали, герое «Отцов и детей» – Базарове!.. Или вспомним такое: Некрасову поклонялась, в частности, народническая молодёжь, а вот что рассказывает о первых народниках современник: «Я видел не раз, как молодёжь, отправлявшаяся уже в народ... читала Евангелие и горько рыдала над ним». И Некрасов-то постоянно говорит о любви, «великом деле любви».

Вот, знаете ли, как проходили похороны Некрасова, собравшие тысячи и тысячи тогдашней «безбожной» молодёжи? Помимо того, что был соблюден весь православный ритуал церковного отпевания (о чём свидетельствует и Достоевский), люди все восемь вёрст до кладбища, в жестокий мороз, несли на руках гроб Некрасова, а толпа, несшая впереди венки, рассказывает Гайдебуров, «всю дорогу – хором человек в двести – пела “Святой, Боже”, и пела так усердно, что, я боюсь, как бы большинство её не захворало дифтеритом». А ведь там была со своими венками и «Земля и воля»...

– **Это вы и назвали в своих стихах: «Его торжественная смерть / плывёт по Петербургу»?**

– Видимо... Ведь получилось поразительное русское единение и во всех смыслах религиозное действие – при всех революционных силах, участвовавших в нём. Да и сама естественная возможность речи Достоевского, автора «Бесов», перед лицом этой молодёжи (он рассказывает, что «протеснился к раскрытой ещё могиле, заброшенной цветами и венками») свидетельствует как раз о вписанности всего этого траурного действия в православное сознание...

– **Вы берёте под нравственную защиту и общественную деятельность Некрасова, и революционную демократию вообще?**

– Я протестую, как сказала уже, против огульного, а тем более – высокомерного взгляда. Против нынешнего самодовольного «прокурорства» над русской историей и культурой, в котором прочитывается, пожалуй, современный уже конформизм... Хочешь не хочешь, а нелепо изымать революционную демократию некрасовской поры из истории русского духа. Отчуждать её от него. А общественную деятельность Некрасова – знаете, как можно бы подытожить? В сущности, это Некрасов – и в огромной степени именно своими стихами, чрезвычайно популярными тогда, – сформировал в 50–70-е годы XIX века русскую интеллигенцию как уникальный и, видимо, неповторимый феномен.

– **Хотя начал-то это дело Белинский, которого принято в среде нынешней интеллигенции откровенно хулить... Непочтение к родоначальникам?**

– Думаю, тут просто возникает встречный вопрос: а есть ли сегодня в России интеллигенция – и где именно она находится? Ясно одно: те, кого называют «элитой» – «русской национальной элитой», как выражаются записные наши патриоты, или же «культурной элитой» либерального фланга, – все эти разномастные «юбиляры и триумфаторы» наших дней к подлинной, исторической русской интеллигенции отношения не имеют. Это – нечто совсем другое! Более или менее прилипшее либо прилипающее к олигархии, криминалу, власти... Эдакая прослойка – без подвижничества. Без самопожертвования. Без какой-либо святости. Даром что крестами нательными – как некогда комсомольскими значками – украшены... Это просто продукты гниения советской эпохи.

– **Вы вписываете Некрасова в концепцию принципиальной мятежности поэта?**

– Понимать следует шире. Именно, что поэт – во всех случаях не либерал. О чём категорически говорил Александр Блок... Поэт может быть и бунтарём, и охранителем, варьируя общественную свою функцию сообразно всегда конкретной задаче гармонизации мира, оздоровления исторической жизни. Революционность Некрасова – это высокая степень нонконформизма. Это – непримиримость к неправой власти, несправедному режиму, несправедному устройству общества. Непримиримость сначала к крепостному праву, а затем – глубокая неудовлетворённость реформой 1861 года, решением земельного вопроса. Это – неверие в добровольное, со стороны власти, изменение её принципов. Это – сознание того, что так называемая эволюция оказывается путём социально нисходящим: растленность высших классов, правящего класса сочетается с социальным распадом, деградацией низших... Совесть – вот чуть ли не Муза Некрасова. Источник всех его вдохновений, основа мировоззрения – той же «революционности». Революционность Некрасова не содержит в себе ничего политиканского, никакой личной выгоды.

У Некрасова (ведь – поэт!) не было чёткой политической программы. Та «широкая, ясная» дорога, которую, по его упованию, народ «грудью проложит себе», не получила у поэта определённого социально-политического имени. В словосочетании «революционер-демократ» применительно к Некрасову я подчеркнула бы слово «демократ» – в том толковании, которое даёт Розанов: «У нас (у русских то бишь. – Т. Г.) “демократизм” есть не юридический термин, не политический, не программный, это – бытовая психология и почти мировая метафизика».

– **Сегодня, кажется, царит демократия без метафизики...**

– Дело поэта, – продолжу о Некрасове, – и, собственно, реальная для художника возможность – разве что сигнализировать об опасности того или иного поворота и, напротив, застоя, в котором дремлет катастрофа. Сигнализировать самими художественными картинами действительности...

Хотя в революцию, крестьянскую революцию, скажу между прочим, Некрасов, в отличие от других, не верил. «Ничего не будет», – предрекал он в годы так называемой «революционной ситуации» после реформы, потому что он лучше других знал народ... Революционность Некрасова, подчеркнула бы я, – христианского толка. Это – бесконечная сострадательность к страждущим. К «угнетённым, скорбящим», по его слову. Ко всему, что – «бледно, / Несчастно, голодно и бедно, / Что ходит, голову склоня», как читаем в поэме «Несчастные». Это – вот та самая «страстность к страданью», о которой в связи с Некрасовым говорил Достоевский. И в которой сам Достоевский так похож на Некрасова...

– **Выходит, что революционность Некрасова – это собственно гуманность, и тогда можно говорить о революционности также и Достоевского?**

– Горе тому обществу, где страстность к чужому страданью, сострадательность к тому, «что... голодно и бедно», расценивается как «сокрушение основ»!.. Однако «гуманность» – слишком мелкое, сладенькое слово в применении к могучему духу поэзии Некрасова. Слишком абстрактно-либеральное слово... «Сердобольное», «жалостливое», оно ведь не выражает того стремления к правде (во всём русском значении этого понятия!), что одушевляло Некрасова.

– **К правде как справедливости?..**

– «Правда народная», – говорили наши великие писатели. И народолюбие их – и Некрасова прежде всего – диктовалось не только «революционным» чувством социальной (экономической) справедливости или простым милосердием. «Правда народная» (любимое выражение Достоевского) отвечала самим запросам духа. «Он преклонялся перед правдой народной», – писал Достоевский, отмечая, что Некрасов с редкостной чуткостью, «искренностью любви... признал и истину народную, и истину в народе, и что истина есть и сохраняется лишь в народе»...

– **Но ведь со временем устаревает само такое представление о народе, и поэт этого исповедания уходит в прошлое...**

– Тогда в прошлое уходит вся национальная поэзия, вся русская культура?.. Ведь при ином исповедании поэтом быть невозможно. Случается, что поэту не дано с достаточной силой выразить эту, порой и впрямь трудноуловимую, «правду народную». Но стоять на иной точке зрения он, по-моему, не может без утраты или резкой ущербности самого своего дара. Напомню ещё несколько строк, оставленных Достоевским: «Народ был настоящею внутреннею потребностью его (Некрасова. – Т. Г.) не для одних стихов. В любви к нему он находил своё оправдание. Чувствами к народу он возвышал дух свой... В этом порочном мужике, униженный и унижительный образ которого так его мучил, он находил, стало быть, и что-то истинное и святое, что не мог не почитать, на что не мог не отзываться всем сердцем...»

– **То есть дело в прозрении, в видении сквозь «униженный и унижительный образ»?**

– В таланте этого прозрения, глубоко связанном с самим поэтическим даром, с масштабом творческого дара... И если я признаюсь о народе в своей «некрасовской» книге: «Пред нами лик его задымлён – приметен только пьедестал», то это понимать надо: богатыри – не мы!.. А о Некрасове, я думаю, как раз можно сказать: «Незримый нам наш тайный облик / хранит поэзии язык».

– **Но у того же Достоевского «наш тайный облик» предстаёт зачастую не таким, как у Некрасова.**

– Да, осмелюсь заметить, – более «модернистским». Достоевский предпочитал брать наш «русский дух» или национальный характер в его психологических экстремумах, «надрывах», едва ли не на грани даже патологии, в его крайностных, экзотических «изгибах». Это приводило и к размыванию русского духа (парадокс «специфичности»!) в той «всечеловечности», которую, если привлечь слово Ивана Карамазова, пожалуй, недурно бы «сузить». У Некрасова же, при всей его личной (подчеркну это!), но не навязываемой героям «страстности к страданию», русский дух предстаёт как естественная, не форсированная, животворящая стихия. В этом – его преимущество, художественная объективность, если угодно – та национальная «крупность», благодаря которой он активно востребуем в созидательные и героические эпохи... Решительным доказательством моей мысли являются образы некрасовских женщин. «Всевыносящего русского племени / Многострадальную мать» показал, воспел – во всей русской литературе – один Некрасов. А ведь она – основа всего национального бытия. Что подтвердилось, кстати, и в годы Великой Отечественной войны, которую вынесла на своих плечах именно русская женщина.

– **Вечная Орина, мать солдатская?..**

– Тут и Дарья из поэмы «Мороз Красный нос». И жёны декабристов. И времён Крымской войны матери «детей, / Погибших на кровавой ниве». И та жница, что в «вечном терпении» сглатывает «слёзы солёные / С кислым кваском пополам». И наконец, мать самого поэта, способная вопреки пресловутому материнскому эгоизму увести сына «в стан погибающих / За великое дело любви»... Да всего и не перечислишь – величавого, скромного и скорбного, что дал нам в этом плане Некрасов. Причём образ всевыносящей и многострадальной матери, русской женщины как впервые обозначенного национально-особливого типа выходит у Некрасова на образ «матери-земли», и «Природы-матери», и «матери-Родины», и конечно же, Богородицы... Русская женщина-мать, благословляющая сына на жертву, как у Некрасова, – это же земное отражение Богородицы во всех её «хождениях по мукам»... В женских образах у Достоевского нелегко отыскать столь жизнестроительные смыслы. Достоевский вообще склонен передавать их «маргиналам» – от Хромоножки из «Бесов» с её пронзительной «догадкой» о Богородице до, с другой стороны, «идиота» князя Мышкина. То есть облекая эти смыслы формой болезни, «статусом» юродства... Ну а Сонечка Мармеладова, к этим смыслам причастная, «произошла» всё же из некрасовского «Еду ли ночью по улице тёмной». Но и тут стоит внимания типично некрасовская особенность: несчастная героиня великого этого стихотворения, в отличие от Сонечки, снова-таки – мать... И тут надо сказать, что Некрасов заполнил странную, труднопостижимую пустоту в поэзии православного народа – отсутствие в этой поэзии образа матери. В книжной, конечно, поэзии...

– **Ну а как Достоевский с его героинями, при их «надрывах», при своём бездонном психологизме, мог смотреть на упрощённый как будто некрасовский идеал?**

– Он вообще смотрел на Некрасова-поэта со сверхуважением. Ведь назвал его почти как Гоголь Пушкина: «замечательным и чрезвычайным (!) явлением в нашей жизни и в нашей поэзии». А, воротясь с похорон Некрасова, сказал жене следующее: «Я скоро последую за Некрасовым... Прошу тебя, похорони меня на том же кладбище. Я не хочу заснуть последним сном на Волковом, рядом с другими русскими писателями... Я хочу лежать рядом с Некрасовым». И это при том, что они не были близкими друзьями...

– **Прямо братское объятие «консерватора» с «революционным демократом»! Это из области парадоксов национального сознания?**

– Можно сказать и так. Ведь оба – «почвенники». В лице Некрасова мы видим «революционного» почвенника – и это, быть может, как раз глубочайшая разновидность почвенничества...

– **А за кем из потомков вы признаёте наиболее верное и глубокое понимание личности и творчества Некрасова?**

– За Василием Розановым. Замечательна серия его статей о Некрасове! А в связи с темами нашей беседы хочется вспомнить розановскую статью «О благодущии Некрасова». Благодущий поэта «мести и печали». Розанов пишет о «тонком и нежном сердце» Некрасова, об открытости, «простоте и беззлобии» этого сердца. «Это был поэт малого гнева, – считает Розанов и, цитируя некрасовские строки, заявляет даже: – Такого благодущия стихов и у Пушкина надо с усилием выискивать».

Берега юбилеев

Александр Субетто

Дорогой Александр Иванович! Редакция журнала «Берега», наши авторы и читатели сердечно поздравляют Вас с 85-летием! Мы желаем Вам новых творческих и научных достижений, воплощения в жизнь Ваших блестящих идей, прекрасного самочувствия, бодрости и энергии!

Александр Иванович Субетто – директор Центра ноосферного развития Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства РФ, профессор кафедры истории религии и теологии Института истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, почётный профессор НовГУ им. Ярослава Мудрого, почётный президент Ноосферной общественной академии наук, первый вице-президент Петровской академии наук и искусств, председатель Философского Совета Русского Космического Общества, вице-президент Международной академии гармоничного развития человека (ЮНЕСКО), вице-президент Международной ассоциации выживания человечества (ЮНИСЕФ-ЮНЕСКО), член Президиума Международного Высшего Учёного Совета, действительный член Российской академии естественных наук, Европейской академии естественных наук, Международной академии психологических наук, Академии философии хозяйства, Академии проблем качества, член Экспертного совета по региональной и муниципальной науке Комитета по образованию и науке Государственной Думы Российской Федерации.

ного Совета, действительный член Российской академии естественных наук, Европейской академии естественных наук, Международной академии психологических наук, Академии философии хозяйства, Академии проблем качества, член Экспертного совета по региональной и муниципальной науке Комитета по образованию и науке Государственной Думы Российской Федерации.

Русская Победа в гибридной войне «Запада» против России в XXI веке – Ноосферный Прорыв человечества из России

(доклад¹ на Круглом столе «Основы обеспечения безопасности культуры в условиях вестийной, духовно-психологической войны» 11 декабря 2021 года; на VI Международной научно-практической конференции «Знаки и знаковые системы народной культуры» 10–11 декабря 2021 года, Санкт-Петербурге)

– 1 –

США, американский империализм ведёт против России не прекращающуюся войну уже почти 150 лет, начиная с провозглашённой адмиралом Мэхеном геополитической стратегии «Анаконда», в соответствии с которой главная геополитическая задача империализма США (а вернее – финансовой капиталократии США) поставить территорию Российской Евразии под свой контроль, совершив её расчленение. Стратегия «Анаконды» предполагала сжатие «колец анаконды» в виде размещения военно-морских сил США и их военных баз вокруг России, чтобы, постепенно «сжимая» эти «кольца», вызвать ослабление России, в том числе с помощью каскада локальных войн на её границах.

Зимой 1945 года, когда ещё шли бои на фронтах Германии и советские воины сражались, чтобы добить «гитлеровско-фашистскую гадину» в её «логове», Аллен Даллес, глава американского разведывательного ведомства, выступил со своеобразным «манифестом», провозгласившим стратегию ликвидации русского народа и его устранения со «сцены» мировой истории²:

¹ Доклад представлен письменно в виде основных тезисов.

² Митрополит Иоанн. Союз нерушимый // Завтра. – 1994. – № 30(35). – С. 6; Субетто А. И. Проблемы фундаментализации и источников содержания высшего образования. Грани государственной политики. Кострома: КГПУ, Исследоват. центр проблем кач-ва под-ки спец-в, 1995. – 332 с.; с. 53.

«Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа: окончательного, своеобразного угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьём у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино – всё будет прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдём способ их оболгать и объявить отбросом общества».

Встаёт вопрос: сам этот «Манифест Даллеса» выполняется или нет? Есть ли свидетельства, подтверждающие его действие в политике так называемого коллективного «Запада»?

Вот одно из них. А. А. Зиновьев, один из ярчайших философов-мыслителей нашего времени, 100-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в 2022 году, познав «Запад» изнутри во время своей эмиграции в 70–80-х годах XX века – своей жизни в Европе, **открывает, что в стратегии «холодной войны» «Запада» против СССР действует «антирусский проект», состоящий из трёх этапов**¹:

- **этап первый** – «низвести русских на уровень народов третьестепенных, отсталых, неспособных на самостоятельное существование в качестве суверенного народа»²;

- **этап второй** – **направить русский народ на путь биологических деградации и вымирания, вплоть до исчезновения его в качестве этнически значительного явления.** Планируется его сокращение до пятидесяти и даже тридцати миллионов, а затем – и того менее. Для этого разработан богатый арсенал средств – недоедание, разрушение даже примитивной системы гигиены и медицинского обслуживания, сокращение рождаемости, стимулирование распространения алкоголизма, наркомании, проституции, гомосексуализма, сектантства, преступности. «Планируется сжатие русских в сравнительно небольшом пространстве евразийской России»³, «возможно даже введение закона пропорционального распределения территорий в “зависимости от числа людей”», «тогда на “законных” основаниях русских просто сгонят в резервации, как индейцев в Северной Америке»⁴;

- **третий этап** – **фальсификация истории человечества, «полное вычёркивание русских как особо великого народа из истории»**⁵. А. А. Зиновьев предупреждает русский народ и русских людей: «вся история человечества будет сфальсифицирована так, чтобы от истории народа русского и “следа не осталось”», – и этот процесс уже начался, – далее он приходит к выводу: «Увы, наиболее вероятный вариант – нас, русских, вообще вычеркнут из истории», «будто так, как будто нас вообще не было»⁶.

Если к этому добавить свидетельство А. П. Паршева о заявлении М. Тэтчер в конце 80-х годов по поводу перспектив СССР на пути рыночных реформ:

«на территории СССР экономически оправданно проживание 15 миллионов человек»,

– **то перед нами встанет достаточно «выпукло представленная зловещая картина» войны «Запада», т.е. глобального империализма мировой финансовой капиталократии, с задачей**

¹ Зиновьев А. А. Глобальное сверхобщество и Россия. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. – 128 с.; с. 93.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 100.

⁶ Там же.

полного уничтожения России и русского народа как исторического строителя российской цивилизации и её «скрепа».

Глобальный империализм США (и в целом англо-американского мира) подхватил «эстафетную палочку» от Гитлера, его режима, и решает ту же стратегическую задачу, которую не решил Гитлер и вся «военная машина» Европы под руководством гитлеровского фашизма в 1941–1945 гг., – уничтожение не только СССР, социализма в мире, но и всей российской цивилизации и русского народа как главного её «скрепа».

Вот почему демонтаж СССР в Беловежской пуще (в Белоруссии) 11 декабря 1991 года, 30 лет назад, через денонсирование Союзного Договора (акт антиправовой, нелегитимный и антиконституционный) Шушкевичем, Кравчуком и Ельциным, который президент РФ В. В. Путин назвал «глобальной геополитической катастрофой», – это был только первый этап в этой войне «Запада» против России, в которой «сжатие русских», направить русский народ на путь деградации и вымирания вплоть до исчезновения» (по свидетельству А. А. Зиновьева) является приоритетной стратегической целью (и «Манифест» А. Даллеса в 1945 году только отражает долгосрочность и постоянство выполнения этой цели в этой войне).

«Целили в коммунизм, а попали в Россию», – с горечью сказал А. А. Зиновьев в начале 90-х годов, – «в том числе и в русский народ», – добавим мы.

– 2 –

22 октября 2021 года Петровская академия наук и искусств провела свой XI съезд. Съезд был посвящён научной проблеме «Наука и образование в обеспечении устойчивого развития России». На этом съезде в качестве его главного основного документа был утверждён Меморандум XI съезда «Россия и мир в XXI веке: наука, культура и образование как ведущие механизмы стратегии выхода из экологического тупика истории», подготовленный президентом академии А. В. Воронцовым и мною, первым вице-президентом академии, – А. И. Субетто.

Раскрывая главные характеристики российской цивилизации, мы выделили следующие важные её системно-глобальные функции в мире¹:

- «быть центром устойчивости и неустойчивости в мире, своеобразным центром «маятника колебаний напряжённости» мировой истории и одновременно быть предиктором (предвосхищающей системой) всемирной истории»²;
- быть всегда «миротворческой (миросозидательной) цивилизацией», «устремлённой к миру без войн»³;
- быть «цивилизацией «цивилизационного социализма», что означает, что она в своих цивилизационных основаниях всегда была цивилизацией антикапиталистической, исторически была устремлена к правде, взаимопомощи, к любви, к добротолению, к трудовому созиданию, к заботе о социально ущемлённой части населения»⁴.

И в реализации этих характеристик большая заслуга принадлежит русскому народу – государствообразующему народу, носителю ценностного генома, «сфокусированного» на культе Правды (знаменитое высказывание Александра Невского, 800-летие со дня рождения которого мы отметили осенью 2021 года, – «Не в силе Бог, а в Правде»), защите Отечества, – народу, постоянно «жертвующему собой ради сохранения жизни и мира между народами и людьми на территории России. Всечеловечность как характеристика русской духовности, обозначенная Ф. М. Достоевским, отражает эту роль и эту характеристику русского народа в цивилизационном и государственном строительстве России»⁵.

Именно поэтому в стратегии гибридной войны «Запада» против России главный удар наносится по русскому народу, его культуре, системе ценностей, языку, его духовно-нравственной системе, и главное – по исторической, социокультурной памяти.

¹ Меморандум XI съезда Петровской академии наук и искусств «Россия и мир в XXI веке: наука, культура и образование как ведущие механизмы выхода из экологического тупика истории» (принят единогласно на XI съезде ПАНИ 22 октября 2021 года) / А. В. Воронцов, А. И. Субетто. СПб.: Астерион, 2021. – 64 с.

² Там же, с. 6.

³ Там же, с. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Экологические санкции «Запада» последних лет, события на Украине, запрет правительством Украины на использование русского языка во всех государственных и экономических организациях, хотя русские на Украине составляют значительную часть населения (почти 50 %), – всё это замешано на истерической русофобии, близкой той, которую использовал Гитлер и его приспешники, ставившие задачу геноцида русского народа в войне против СССР в 1941–1945 гг.

По этому поводу руководитель КПРФ Г. А. Зюганов в «Открытом письме гражданам страны “Покончить с антисоветизмом – обезоружить противников России”» в феврале 2015 года заметил¹:

«Антисоветизм и русофобия изначально были идеологией борьбы не только с политическим строем в СССР, но и с Россией как таковой. В Советском Союзе Запад видел двойную угрозу. С одной стороны, его страшил социализм как альтернатива капиталистическому миропорядку. А с другой стороны – возникает ужас, что к новому миру звала самая крупная страна планеты».

Русофобия и антисоветизм образуют единство, – и это единство, в его негативных – антирусском и антироссийском – смыслах, составляет важнейшее направление ведущейся «Западом» гибридной, в том числе в её составе – ценностной, духовной, информационной и психологической, войны против России, накал которой во 2-м и 3-м десятилетиях XXI века уже «зашкаливает», потому что сам «Запад» как строй мировой финансовой капиталократии и система глобального империализма и экономического колониализма² вошёл в эпоху своего краха и распада.

– 3 –

Чтобы осознать не только истоки и основания гибридной войны «Запада» против России в XXI веке, которая является продолжением войны гитлеровской Германии против СССР – Великой Отечественной войны, и это продолжение выразилось не только в «холодной войне», но и в стратегии «Запада» последних 30 лет, направленной на расчленение России, но и прогнозируемую мною «Русскую Победу» именно в форме Ноосферного Прорыва человечества из России, – я должен перейти к характеристике переживаемой исторической эпохи как Эпохи Великого Эволюционного Перелома, в которой действующий императив экологического выживания человечества (или в более жёсткой формулировке – спасения человечества от экологической гибели) имеет единственную форму перехода к Ноосферизму как новому пути развития – в виде управляемой социоприродной эволюции, предполагающей, в свою очередь, Ноосферный Экологический Духовный Социализм, научно-образовательное общество и ноосферный синтез науки и власти³.

Удивительный факт! Гибель СССР к концу 1991 года совпала с другим важным событием, которое мировое сообщество не заметило, а оно эпохальное, – с переходом глобального экологического кризиса (на рубеже 80–90-х годов) в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, превратившей в одночасье всю мировую рыночно-капиталистическую систему в систему экологического самоуничтожения человечества на Земле!

Теперь Социализм, правда, в новом качестве – как Ноосферный Экологический Духовный Социализм, был «определён» Биосферой как суперорганизмом, именно как основа будущей стратегии выживания человечества, как единственно возможная социальная организация общества, которая может реализовать гармонизацию Социо-Биосферного взаимодействия.

Мною теоретически разработан важнейший «модуль» научно-мировоззренческой системы Ноосферизма – ноосферная парадигма универсального эволюционизма (другое название этого «модуля» – ноо-космо-номогенез)⁴, в соответствии с которой любая прогрессивная эволюция, сопровождающаяся ростом сложности эволюционирующих систем, в том числе – эволюция нашей Вселенной, эволюция Биосферы, антропная эволюция (антропогенез) и социальная эволюция или история, подчиняется действию двух метазаконов:

¹ Зюганов Г. А. Открытое письмо гражданам страны «Покончить с антисоветизмом – обезоружить противников России» // Советская Россия. – 2015. – 10 февраля – № 13(14108), с. 2.

² Субетто А. И. Капиталократия и глобальный империализм. СПб.: Астерион, 2009. – 572 с.

³ Ноосферизм как научно-мировоззренческая система, развивающая учение о переходе Биосферы в Ноосферу В. И. Вернадского, именно в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, мною и моими соратниками, в том числе по Ноосферной общественной академии наук, разрабатывается уже более 20 лет.

⁴ Субетто А. И. Вирус и ноо-космо-номогенез (развитие теоретических основ Ноосферизма): монография / Под науч. ред. д.э.н., проф. В. А. Шамахова. СПб.: Астерион, 2021. – 92 с.

- Метазакому Сдвига от доминирования Закона Конкуренции и механизма естественного отбора – к доминированию Закона о Кооперации и механизма интеллекта (по отношению к социальной эволюции – механизма общественного интеллекта);
- Метазакому «Оразумления» или Интеллектуализации этой прогрессивной эволюции (как следствие действия первого метазакона).

Наступившая Эпоха Великого Эволюционного Перелома, «старт» которой, по моей оценке, дали переход к концу XX века глобального экологического кризиса в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы и наступившие Экологические Пределы всей Стихийной Истории человечества, рыночно-капиталистической системе хозяйствования на Земле, – это есть начавшееся качественное, ноосферное по содержанию, преобразование основ бытия человечества, – тот самый скачкообразный Сдвиг от доминирования Закона Конкуренции к доминированию Закона Кооперации, от доминирования механизма естественного отбора – «социал-дарвинизма» (проповедуемые «Западом» неомальтузианские модели сокращения лишней части человечества, типа фермонтской модели «20 %: 80 %», по которой 80 % трудящихся на Земле мировой финансовой капиталократией названы «лишними», не нужными с позиции воспроизводства мирового капитала¹) – к «механизму общественного интеллекта, который следует из упомянутого «Метазакона Сдвига».

И именно Россия, как самая «холодная» цивилизация такого масштаба на Земле, с доминирующей ролью Закона Кооперации, с консолидирующей, кооперационной ролью русского народа, русской культуры и русского языка,

- цивилизация,
- совершившая в 1917 году Русский Социалистический Прорыв человечества, а затем в 1957–1961 гг. – Космический Прорыв;
- подарившая человечеству, в лице научного творчества Титана Эпохи Русского Возрождения В. И. Вернадского, учение о переходе Биосферы в Ноосферу;
- развитие которой к концу XX века породило Русскую Ноосферную Научную Школу и Ноосферизм как стратегию ноосферогенетического синтеза научного знания и стратегию выхода человечества из Экологического Тупика Истории;
- самой Историей призвана совершить в ближайший период Ноосферный Прорыв человечества.

Или это произойдёт, причём произойдёт из России, – и это будет Русская Победа в гибридной войне «Запада» против России и русского народа в XXI веке,

- или человечества на Земле не станет, оно обрекается на экологическую гибель по рыночно-капиталистическим основаниям.

Я не раз цитировал ряд западных учёных, по своему мировоззрению не марксистов, но пришедших, как честные учёные, к выводам, совпадающим с марксизмом-ленинизмом, подкрепляющих действующий социалистический императив.

Первое высказывание принадлежит Б. Коммонеру, американскому учёному-экологу, отметившему в своей книге «Замыкающийся круг» в начале 70-х годов прошлого века, что, подчеркну это, технологии на базе частной собственности уничтожают самое главное богатство человечества – экосферу, и поэтому экономическую систему, базирующуюся на таких технологиях, а она и есть капитализм, необходимо сменить². Если вдуматься в смысл этого теоретического вывода Б. Коммонера, то он есть признание императива упразднения частной капиталистической собственности как важного момента императива экологического выживания человечества на Земле. Как этот коммонеровский вывод коррелирует с определением коммунизма, выполненным Карлом Марксом: «Коммунизм есть положительное упразднение частной собственности», и на базе этого и вследствие этого «подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека», и поэтому «есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой»³. Сравнение этих высказываний Коммонера и Маркса, думаю, не нуждается в комментариях.

¹ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. М.: Альпина, 2001. – 335 с.; с. 20; Субетто А. И. Капиталорасизм: научно-философское эссе / Под науч. ред. Президента Петровской академии наук и искусств, д. ф. н., проф. А. В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2021. – 44 с.

² Коммонер Б. Замыкающийся круг. Л.: Гидрометеиздат, 1974. – 280 с.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 42, с. 116.

Второе высказывание, по сути, развивает положение Б. Коммонера спустя 20 лет. Это положение, изложенное в Докладе Мировому Банку, написанном группой учёных-экономистов-экологов во главе с Робертом Гудлендом, Германом Дейли и Салехом Эль-Серафи в 1991 году и которое звучит так: **«в условиях уже заполненной земной экологической ниши, рыночный механизм развития экономики исчерпал себя»**¹. И то, что это предупреждение не было услышано ни наукой, ни культурой, ни политическими элитами, и действует логика борьбы системы глобального империализма и строя мировой финансовой капиталократии, что одно и то же, за своё выживание на Земле, обернулось планетарным рыночным экоцидом, в России – рыночным геноцидом² (прямо в направлении прогнозов «Запада», озвученных М. Тэтчер и А. А. Зиновьевым, которые я привёл выше), и соответственно ускорением процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, грозящих перейти «точку невозврата» в период между 2030 и 2050 годами, что будет означать переход Глобальной Экологической Катастрофы в финальную фазу, по крайней мере для Человечества, когда его экологическая гибель становится неотвратимой.

Итак, система глобального империализма строя мировой финансовой капиталократии, главным «держателем» которой выступают США, и затем англо-американский мир, и затем «пристёгнутая» к этому миру «Западная Европа» (в первую очередь Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды, Швейцария), вошла в эпоху экологической агонии (поскольку нет пространства для экономико-колониальной экспансии и, соответственно, терпит крах вся система воспроизводства этой системы за счёт экономического колониализма и мирового господства над ресурсами мира, терпит крах так называемая система «Рах Americana»)³, вошла в эпоху своего саморазрушения и распада.

Единственный шанс продлить время этой экологической агонии – это уничтожить Россию как цивилизацию, решить задачи, поставленные А. Даллесом и другими идеологами американского империализма – «трубадурами» стратегии, с установками на мировое господство, мировой финансовой капиталократии, – задачи по лишению русского народа исторического самосознания, его гордости за Победу в Великой Отечественной войне (вспомним тост «За русский народ!» И. В. Сталина 24 июня 1945 года, в котором он подчеркнул роль русского народа как «руководящей силы» среди всех народов СССР), по лишению его того исторического достоинства, подтверждаемого 1000-летней историей, которое «питает» дух, стойкость, несгибаемость русского человека.

– 4 –

«Запад» спешит перевести гибридную войну против России в горячую. Он спешит, потому что, выражаясь языком шахматной игры, уже попал в «цейтнот».

Процессы распада, а вернее процессы системной катастрофы, внутри США и затем внутри системы «коллективного Запада» намного обгоняют их попытки «перевести стрелки часов истории» на свою сторону через «детонацию процессов распада России» с помощью провоцирования межрелигиозных, межнациональных конфликтов, стимулирования стремлений ряда субъектов Российской Федерации к национальным автаркиям.

Они усиливают ценностную, духовную, информационную, когнитивную, идеологическую, культурную войны против России и русского народа.

Русофобия в лексиконе представителей политического истеблишмента США, Великобритании, стран Западной Европы, не говоря уже о «странах-неофитах» из бывших социалистических стран Восточной Европы – Польше, Чехословакии, Румынии, Албании, Хорватии, Болгарии,

¹ Зубаков В. А. Эндозкологическое отравление и эволюция: стратегия выживания (К саммиту ООН «Рио+10». СПб., 2002. – 86 с.; с. 9.

² Субетто А. И. Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика / Под науч. ред. д. ф. н., проф. Л. А. Зеленова. СПб.: Астерион, 2013. – 138 с.

³ Аргументации этого положения я посвятил серию работ, в том числе такие: «Глобальный империализм и ноосферно-социалистическая альтернатива» (2005), «Эпоха Краха рынка, капитализма и либерализма: ноосферно-социалистический прорыв или экологическая гибель человечества?» (2010), «Капиталократическая эсхатология» (2016), «Экологический финал глобального империализма и императив ноосферно-социалистического прорыва человечества» (2017), «Экономический колониализм и крах рыночных реформ в России. Наступление эпохи великих ноосферно-социалистических преобразований» (2019).

вошедших в «Единую Европу», а также о таких бывших советских социалистических республиках, как Эстония, Латвия, Литва, Украина, превратилась в своеобразную норму их рефлексии, делающих их «пленниками» этих своих идеологом, превращающих их политику во всё более неадекватную реальным историческим процессам.

Как-то, ещё в 1918 году, русский философ-мыслитель Николай Александрович Бердяев записал в одном из своих очерков: «мне кажется, что в корыстном интересе таится безумие». Эту его мысль я в своих работах превратил в экологический приговор современному «миру господства капитала»: этот мир стал «экологически безумным миром».

Постмодернизм, трансгуманизм, мечты об «инклюзивном капитализме» Клауса Шваба и принца Чарльза, попытки поставить весь мир под виртуально-цифровой контроль – всё это «пена», которая «взбивается» конвульсиями Анти-Разума¹ мировой финансовой капиталократии.

Сама гибридная война против России, которая ведётся, – это выражение агонии, в том числе и духовной, и интеллектуально-культурной, всей системы «мирового капитализма», если прибегнуть к этому понятию Дж. Сороса (одну из своих книг, в России изданную в 1999 году, он назвал «Кризис мирового капитализма»), – агонии, превращающейся в распад этой системы.

И этот распад неотвратимо произойдёт в ближайшие 30 лет. Почему таков прогноз? – Потому что человечеству Биосфера как суперорганизм больше времени для переустройства оснований своего бытия не оставила.

Пора осознать, что, наряду с основаниями Внутренней Логике Социального Развития, исследованиями которых занимается наука об обществе более 200 лет (Руссо, Гегель, Фейербах, Маркс, Энгельс, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, П. А. Сорокин, Ленин, Сталин, Н. Д. Кондратьев, И. Валлерстайн, Ф. Бродель, Нэсбитт, Э. Тоффлер и др.), стали действовать в Эпоху Великого Эволюционного Перелома основания и императивы Большой Логике Социоприродной Эволюции.

Чтобы выжить на Земле, человечество в течение XXI века должно превратиться в «Разум Биосферы», т.е. стать «Ноосферным разумом», а это означает, что наступившая Эпоха Великого Эволюционного Перелома есть Эпоха Родов Действительного – Ноосферного – Разума, которая включает в себя и преодоление «Барьера Сложности».

Ведь речь идёт о переходе к Эпохе Управляемой Социоприродной Эволюции на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

– 5 –

Что делать, чтоб успешно противостоять гибридной войне «Запада» против России?

Первое – выдвинуть «идеологию XXI века», т.е. ноосферную идеологию, спасающую весь мир, человечество от экологической гибели.

Второе – вернуть в культурное пространство России, в пространство её духовной рефлексии гордость за свою социалистическую историю в XX веке, за то, что именно Русский Социалистический Прорыв человечества есть событие такой всемирно-исторической значимости, с которым ничто не сравнимо в состоявшейся истории человечества. Почему? Потому, что вне социализма у человечества нет Будущего даже к концу XXI века.

Третье – поставить в «центр» внутренней политики России не экономику, не производство, хотя их роль остаётся важной и будет всегда важной, а высший приоритет развития образования, науки и культуры, подчинив этому приоритету всю информационную политику в стране. Научно-образовательное общество (и соответственно – «научно-образовательная экономика»), в котором образование есть «базис базиса» духовного и материального воспроизводства и наука выполняет миссию не только производительной силы, но и «силы управления», – вот одна из важнейших целевых установок новой, ноосферной, экономической политики в российском государстве. Почему так стоит ключевой вопрос стратегии развития России на ближайший период? – Потому что мы имеем дело с новой реальностью, с наукоёмкими, интеллектоёмкими, образо-

¹ «Анти-Разум» – понятие, введённое мной в 2003 году в монографии «Разум и Анти-Разум (Что день грядущий нам готовит?)». Оно есть выражение экологически самоуничтожающегося «разума», поэтому «Анти-Разума», поскольку истинный «Разум» как управление будущим всегда соответствует законам прогрессивной эволюции, а не противостоит им. А в данном случае «Анти-Разум» мировой финансовой капиталократии ускоряет экологическую гибель человечества.

ваниеёмкими процессами в обществе, экономике и во взаимодействии с природой. Потому что речь идёт о научном управлении социоприродной эволюцией.

Четвёртое – выдвинуть ноосферную альтернативу в решении глобальных экологических проблем. Например, «климатическая повестка дня на XXI век» должна выполняться не через ограничения «углеродной» энергетики, а через выполнение 50-летней программы высадки лесов, которая должна по своим темпам обеспечить восстановление лесного массива – как не только «лёгких» планеты, но и стабилизатора глобального климата.

Пятое – дать понять всем поджигателям мировой войны, что на каждую их стратегию заполучить военное преимущество, найдётся «асимметричный ответ», о котором они даже не догадываются. Мир войны и насилия, эксплуатации и богоизбранности для господства над миром, мир деления на «успешных» и «не успешных», на «господ» и «рабов», «на востребованных» и «лишних» или «отверженных», на «конкурентных» и «не конкурентных» и т.п. превратился в мир экологического самоуничтожения.

Главным в Будущем Мире Ноосферного Социализма становится Закон Кооперации. Это будет Мир Ноосферного Союза Цивилизаций, планетарной кооперации всех народов и этносов на Земле, с сохранением разнообразия культур, этнического разнообразия как важнейшего богатства человечества.

Россия – единственная в мире цивилизация, представляющая собой политэтническую кооперацию, объединяющую в себе более 190 (в ряде статей называется цифра «200») народов, народностей, национальностей (этносов, этнических групп). И в этом своём качестве она есть пример той крупномасштабной политэтнической кооперации, которая может рассматриваться как ориентир в становлении той необходимой ноосферно-планетарной кооперации народов-этносов, которая только и может быть основой будущей ноосферной истории человечества.

Русский народ – носитель этой политэтнической кооперации, потому что в его ценностный геном входят ценности «всечеловечности» (Ф. М. Достоевский) и «всемирной отзывчивости» (В. С. Соловьёв).

Здесь уместно вспомнить небольшой отрывок из знаменитого стихотворения Александра Сергеевича Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Эти строки и есть выражение всечеловечности поэтического творчества русского гения – «Солнца русской поэзии», универсального русского человека, по оценке Н. В. Гоголя, сделанной им в «Современнике» в 1834 году, – и о которой сказал Ф. М. Достоевский в своей знаменитой речи при открытии памятника А. С. Пушкину в Москве.

Русский человек – творец Эпохи Русского Возрождения¹, которая длится уже 300 лет, начиная с Петра Великого и М. В. Ломоносова, и которая изначально была устремлена к раскрытию ноосферно-космического призвания человека. Именно из «недр» этой Эпохи в XXI веке «вырастает» Ноосферный Прорыв человечества. И это будет Русская Победа, которая одновременно станет и Ноосферной Победой всего Человечества!!!

XXI век для России – это исполнение ею ноосферной миссии, к которой она предуготовлена всей своей историей! – И не только своей, но и мировой!

¹ Субетто А. И. Эпоха Русского Возрождения – I. СПб.: Астерион, 2008. – 500 с.

Берега юбилеев

100 лет Анн Голон

Людмила Менаже

Людмила Менаже – родилась в 1986 году во Владимире, старинном русском городе. Дипломированный архитектор, лауреат международных выставок, художница и книжный иллюстратор, живёт и работает во Франции с 2013 года.

Её картины в романтическом стиле находятся в частных коллекциях по всему миру и особенно ценятся русскими, американскими, китайскими, французскими любителями искусства. Во время Каннского кинофестиваля на выставке «Jeux, Hasard & Cinéma» 2017 года и Большом Салоне Искусств «ARBUSTES-2017» её работы были удостоены наград. Работает в нескольких техниках живописи и рисунка: акрил, масло, акварель, гуашь, сухая и масляная пастель, а также со смешанной техникой – сочетание живописи и рельефа, аппликаций. Будучи творческой личностью и универсальным художником, стремится представить мир в его многогранной красоте: портреты, архитектура, танцы, пейзажи, животные. Людмила также обращается к абстрактному искусству и волшебному стилю. В октябре 2019 года удостоена национальной литературной премии «Золотое перо Руси», став серебряным лауреатом в номинации «Духовность». Свою первую книгу Людмила посвящает главным девочкам в своей жизни: маме, сестре и дочке, а также всем девочкам, маленьким принцессам...

Дарующая мечту

Будучи совсем юной, лет двадцать назад, в самом начале нового тысячелетия, я с упоением читала ставший уже легендарным роман о златокудрой красавице Анжелике. Моя преданность полюбившейся с детства истории о графине де Пейрак однажды полностью перевернула мою жизнь. В итоге она окончательно определила мою творческую судьбу во Франции. Могла ли я тогда предвидеть, что в 2013 году с нуля начну жизнь за рубежом, а уже через четыре года, в 2017-м, на выставке в Каннах портрет с маркизой ангелов принесёт мне успех и первое признание жюри. Ещё через четыре года, в 2021-м, уже в Версале судьба подарит мне встречу с дочерью автора знаменитой саги Анн Голон, Надин Голубинофф! Затаив дыхание, из первых уст узнаю об удивительных фактах из жизни писательницы. Получив бесценную возможность прикоснуться к миру Анжелики в первоисточнике, с приятным удивлением отмечаю, что, оказывается, у нас немало общего: одна из любимых сказок Анн Голон была легенда о Красавице и Чудовище...

Этот год стал особенным для семьи выдающейся французской писательницы, ещё в середине XX века покорившей мир серией приключенческих романов об аристократке и авантюристке Анжелике де Сансе де Монтелу. В далёкие пятидесятые эта книга, где главная героиня, предприимчивая и свободолюбивая, самостоятельно находила выход из сложнейших жизненных задач, порой подвергаясь жутким испытаниям, стала настоящим прорывом для своей эпохи. 17 декабря 2021 года Анн Голон исполнилось бы 100 лет, она покинула этот свет в 2017 году в Версале в возрасте 95 лет.

Мой собственный пример борьбы за право быть собой подтверждает, насколько важно дарить людям возможность мечтать, путешествуя по выдуманному миру с помощью литературы и искусства. Днём я осваивалась в новой стране, а по ночам грезилась идеей создать портреты своих любимых героев. Много лет спустя, обретя свой новый дом на самом краю света, я напишу их портреты, вдохновившись кинообразами актёров Мишель Мерсье и Робера Оссейна. Моя первая картина создавалась тогда, когда я сама нуждалась в поддержке и вере в возможность осуществить заветные желания,

Жоэль Дантерн (первый псевдоним)

Анн Голон

стать писателем и иллюстратором, создавая книги от А до Я. Следом неожиданно получаю приглашение выставить их на знаковом событии в казино «Палм-Бич» в Каннах во время 70-го кинофестиваля в 2017 году, а после головокружительного успеха во время вернисажа получаю Приз жюри за картину с маркизой ангелов! История об Анжелике стала для меня источником вдохновения, наполнила меня жизненной энергией, а невероятные приключения, падения и взлёты Анжелики подтверждали, что Нет Ничего Невозможного. Вторая картина создавалась параллельно с интенсивной работой над культурным проектом «Принцесса и Чудовище: Зеркало Истины», и я чувствовала, что всё больше нуждаюсь в реальных персонажах из жизни, которые могли бы «заземлить» эфемерный образ Анжелики, приблизив её к современным реалиям. Так был создан сказочный мир, в основу которого легла история жизни исключительной женщины – княгини Карины Багратион, учёной и правозащитницы, которая по образу и многогранному характеру мне очень напоминала Анжелику. Когда я работала над триптихом «Анжелика», Карина переслала мне фотографии Робера Оссейна, с которым у неё была возможность пообщаться во время Каннского кинофестиваля. Позже она помогла мне познакомиться и сблизиться с Надин Голубинофф. Третье полотно, которое я закончила совсем недавно, создавалось уже в результате общения с Надин и при её эмоциональной поддержке. Здесь я уже вдохновлялась образами нескольких женщин, итог представляет собой некий симбиоз русской дворянки и французской аристократки эпохи Людовика XIV, женщины, сумевшей преодолеть все трудности, сохранить свою любовь, стать сильнее судьбы и в конце концов одержать победу. Надин Голубинофф, с которой я лично встретила в Версале в будущем музее Анжелики, показала мне те самые уникальные места, где Анн Голон впервые пришла идея о создании романа о маркизе ангелов. В своём интервью она поделилась неизвестными фактами о создании романа и историей жизни своих родителей. Её отец, Всеволод Голубинофф, был русским эмигрантом, который, так же как и я сама, обрёл вторую родину во Франции.

В музее Анжелики, расположенном в небольшой квартире неподалёку от Версальского дворца, до сих пор бережно хранятся огромные тетради с рукописями Анн Голон. Меня приятно удивила коллекция экспонатов, в которой можно было обнаружить совершенно неожиданные предметы: разумеется, от книг на разных языках мира с оригинальными дизайнами обложек, подарочных альбомов, вещей и мебели из личного архива писательницы и её близких, дисков, пластинок с музыкой из кинофильмов, редких фото до коробки шоколадных конфет, портретов от поклонников саги как с самой писательницей, так и с её несравненной героиней, до коробка спичек «Анжелика»! Недавно коллекция музея пополнилась полным собранием книг об Анжелике на русском языке, подаренным писательницей и журналисткой Светланой Савицкой, писательский талант и женское восприятие которой формировались под влиянием романов о неукротимой маркизе. В своём интервью для Светланы Савицкой Надин Голубинофф поделилась сенсационными фактами, о которых её семья ещё не рассказывала журналистам...

Надин Голубинофф и Людмила Менаже

Музей Анжелики Анн Голон

Надин Голубинофф работала со своей знаменитой матерью на протяжении тридцати последних лет, в частности, помогала в её судебной тяжбе по восстановлению авторских прав на романы об Анжелике. В настоящее время она является литературным агентом, управляющей компанией «Анжелика», а также вместе со своими братьями и сестрой отвечает за сохранение и использование книг об Анжелике и всех литературных и живописных произведений Анн и Сержа Голон.

Людмила Менаже (Л. М.): – Надин, расскажите нам о мире Анжелики, созданной Анн Голон, сколько всего романов написано, что ещё было реализовано за годы с момента написания первых книг?

Надин Голубинофф (Н. Г.): – С 1942 по 1946 год моя мама написала шесть книг, из которых четыре были опубликованы (под псевдонимом Жоэль Дантерн): «В стране за моими глазами», «Золотой камешек», «Мастер Куки», «Патруль у фонтана Сент-Инносан», два сценария для кино, новеллы и статьи;

– с 1948 по 1952 год: три книги об Африке, одна из них была опубликована: «Тревога в Чаде» (также под псевдонимом Жоэль Дантерн), и четыре книги с моим отцом – его мемуары, две из которых опубликованы: «Гиганты озера», «Сердце диких зверей»; сценарий исторического комикса «Особенная судьба» (опубликован);

– с 1960 по 1991 год (в дополнение к Анжелике): опубликовано две книги, в том числе одна о знаменитом деле, о судебной ошибке 1960-х годов: «Моя Истина» (под именем Линда Бод);

– романы об Анжелике: 13 в оригинальной версии, 20 в завершённой, размышления, статьи, воспоминания, сценарии.

Л. М.: – Остались ли незавершённые рукописи?

Н. Г.: – Последний том об истории Анжелики.

Л. М.: – Большинство произведений литературы имеют прототипы главных героев, часто полностью или частично основаны на реальных событиях, эмоциях, пережитых определёнными людьми. Правда, что при создании образов Анжелики и Жоффрея де Пейрак, помещая их в те или иные обстоятельства, путешествия в неожиданных местах, Анн Голон опиралась на собственную удивительную историю любви и жизни с Сергеем Голубиновым, вашим отцом?

Н. Г.: – Да, потому что она черпала вдохновение в собственной жизни, в совместной жизни с мужем, с родителями, в людях, которых они встречали, и в своём жизненном опыте. Она познала настоящую любовь, встретив на своём пути необыкновенного мужчину. Моя мать часто говорила, она не смогла бы описать любовь Анжелики и Жоффрея де Пейрак, если бы не повстречала нашего отца.

«Любой опыт полезен в моей работе. В независимости от возраста этот опыт помогал мне для создания романа об Анжелике. Мы должны вкладывать что-то своё в произведение, в противном случае сохранялась бы некая дистанция и всё тогда выглядело бы иначе... но в тоже время я не могу утверждать, что это списано с моей жизни» (Анн Голон).

Л. М.: – Расскажите о становлении писательницы Анн Голон и её творческой судьбе.

Н. Г.: – Мама с семи лет писала рассказы, приключенческие и исторические романы. Она обладала изумительным воображением с раннего детства. Будучи болезненным ребёнком, она много жила в своём воображении. Её первая книга «В стране за моими глазами», воспоминания о её детстве, была опубликована в 1942 году под первым псевдонимом – Жозель Дантерн. Её следующие книги – приключенческие романы – пользовались успехом, в том числе «Мастер Куки», ставшая бестселлером среди молодёжи. Она писала статьи, новеллы, сценарии, основала журнал. В 1947 году она стала лауреатом литературной премии за приключенческий роман «Патруль у фонтана Сент-Инносан», а следом отправилась в Африку в качестве внештатного репортёра.

«Жофрей с Венерой», художник Л. Менаже

В период с 1948 по 1952 год она написала несколько книг об Африке, в том числе «Тревога в Чаде», изданную в 1952 году; и написала в соавторстве с моим отцом статьи и мемуары, опубликованные под псевдонимами Серж Голон и Анн и Серж Голон.

Затем она приступила к первой книге об Анжелике, а мой отец помогал ей с документацией. Мама всегда писала. Когда в последние дни она больше не могла физически писать, она продолжала свою работу в голове, воображая отрывки из продолжения истории об Анжелике. Помимо того что она была выдающейся писательницей, её также можно было охарактеризовать как великолепную рассказчицу. Всё детство мы как замороженные слушали её рассказы, которые она иногда сочиняла для нас.

Анн Голон не была писателем, отрешённым от мира, она была женщиной из реальной жизни, а также читателем. «...Я думаю только о читателях, когда пишу. Именно они важны. Но таланту нельзя научиться. Это дар. Мы должны благодарить за него Небеса, вот и всё» (Анн Голон).

Трагическая судьба не обошла стороной Анн Голон: как и Анжелике, ей пришлось бороться, не столько за себя, сколько за справедливость. Двенадцать лет длилось противостояние с огромным издательством, чтобы, в конце концов, благодаря победе этого дела начали уважать права авторов на свои произведения. «Многие авторы подвергаются ужасному обращению. Многих людей обманывают и ими манипулируют без их ведома. Как только вы это осознаете, вам придётся бороться» (Анн Голон).

Министр культуры Фредерик Миттеран воздал должное по этому поводу, вручив ей орден Искусств и Литературы. «Эта награда, дорогая Анн Голон, также представляет собой возмещение причинённого вам ущерба, потому как мне известно о вашей судебной тяжбе с вашими агентами и издателями по защите авторских прав. Вы знаете, эту борьбу по защите интересов всех авторов я воспринимаю как свою и во всех областях искусства, особенно столкнувшись сегодня с проблемой незаконной загрузки и воспроизведения в Интернете» (Фредерик Миттеран, 2010).

«Вперёд!» – так говорила наша мама в последние годы.

Л. М.: – Какой главный посыл романов об Анжелике?

Н. Г.: – Основной темой, которую Анн Голон поначалу не осознавала, было осуждение остракизма, фанатизма, мракобесия; не дать победить тем, кого она называла «разрушителями счастья на земле». «По-вашему, я виновата в той крови, что пролита по моей воле? Но разве кровь, пролитая во имя Бога, не так же красна и проливать её не такое же преступление...» («Бунтующая Анжелика»).

И доказать существование любви как проявления божественной силы. Подарить надежду, что мы сможем выбраться из трудностей (болезни, войны, различные притеснения...); никогда не продавать свою душу; прожить свою жизнь в любви, не подчиняясь ни общественному, ни религиозному диктату (за исключением, конечно, риска смерти...). Сохранение внутренней свободы.

Л. М.: – Кому адресована книга?

Н. Г.: – Для всех возрастов, от 12 до 100 лет, всех сословий, религий, национальностей, всех культур, всех уровней.

Л. М.: – Как сама Анн Голон относилась к своей героине?

Анн Голон в России, 1966 г.

Н. Г.: – «Она меня сопровождает повсюду. Это та, кого я хорошо знаю. Друг.

Не думаю, что она сильно похожа на меня. Но, разумеется, мы ладим. Я бы не смогла прожить так долго с кем-то, кто бы мне не подходил» (отрывок из интервью Анн Голон, 2011).

Л. М.: – Планируете ли вы организацию мероприятий, посвящённых столетию Анн Голон, когда и где именно? Как на них можно попасть?

Н. Г.: – Да, одно в Париже, в Русском доме науки и культуры в Париже (даты пока неизвестны), гала-вечер в Версале весной (столетие Анн Голон официально может отмечаться в течение 2022 года), куда, конечно же, будут приглашены русские, проживающие во Франции. Одно из праздничных мероприятий, организованное писательницей Светланой Савицкой, пройдёт в Посольстве Мира при ООН в Москве 17 декабря этого года.

Л. М.: – Надин, вы унаследовали таланты ваших родителей, работали в нескольких областях искусства...

Н. Г.: – Мы все четверо унаследовали писательский талант родителей. Мне посчастливилось получить дар и в других областях искусств, и сочинение музыки я бы отметила как самый чудесный из них.

Л. М.: – Расскажите о себе, ведь теперь именно вы занимаетесь сохранением литературного наследия вашей мамы?

Н. Г.: – Да, вместе с братьями и сестрой и для них. Я начала работать с мамой с 1991 года и продолжаю по сей день. Моя миссия и большая честь для меня – увековечить память об Анн Голон, сохранить её произведения и представить их миру для новых читателей. Мне бы также хотелось рассказать о работе нашего отца (Сержа Голон / Всеволода Сергеевича Голубинова), который был выдающимся художником, он сам изобрёл краски, способные менять свои оттенки под разным освещением. Выставка его работ планируется в Москве в 2023 году.

Л. М.: – Где и при каких обстоятельствах зародилась идея создания одного из самых успешных романов, который до сих пор не оставляет равнодушными внушительное число читателей по всему миру?

Н. Г.: – Анн Голон с определённого момента хотела написать большой исторический роман. Она всегда была увлечена историей, где она могла бы выразить то, что, по её мнению, было необходимо адресовать публике, но прежде всего себе. «Роман, который ничего не боится!». «Я искала такого персонажа, способного помочь понять, отчего мы страдаем: от состояния недостатка чувств, в котором мы пребывали в то время, возможно, потому, что недавно закончилась война. (...) Далее приходилось заниматься разным по жизни. Потом эта идея пришла постепенно, и внезапно однажды я сказала себе: «Решено, нужно написать эту книгу!»» (Анн Голон).

Выбор пал на семнадцатый век по той причине, что в то время (в 1952 году) эта эпоха была полностью забыта, если не упоминать скудное интеллектуальное наследие Французской революции, которая держала всех королей Франции в «мусорных баках истории». Это то, что её интересовало: исследовать неизведанный мир и вернуть его к жизни. И рядом с Версальским дворцом. Анн Голон хотела описать жизнь нормальной женщины, отличающейся от представлений о женщинах – жертвах или неприятных стервах, которыми до тех пор была захлавлена литература; и через неё говорить об испытаниях, неизменных для всех женщин на протяжении тысячелетий, но также и о земных удовольствиях, о которых не было принято говорить.

«...её образ привиделся мне в утренний час, когда я только подняла перо над знаменитой “пустой страницей”, на ум приходили первые слова, первые предложения исторического романа. Она пришла, ничего не спросив, не взглянув на меня и даже не заметив. Она была такой живой и лёгкой,

словно дитя, не осознающее своей красоты и грации. Её интересовала сама жизнь... За букет больших жёлтых цветов, собранных с сырых берегов, она и получила своё имя Анжелика» (Анн Голон).

Моя мать не сомневалась в тёплом приёме публики, она даже заранее предвидела, что у этой книги «бесчисленное множество» читателей будет. Рядом находился замок, а также библиотека Версаля, богатая историческими документами. Здесь мои родители начали изучать архивы для первого романа об Анжелике.

(Мой отец, который в то время больше не работал инженером-геологом, решил ей помочь в исторических исследованиях. Он также сделал это позже для романов о Новом Свете. Серж Голон стал художником в 1960 году.)

Л. М.: – В России и СССР с Анжеликой широкая публика познакомилась благодаря фильмам Бернара Бордери в середине семидесятых годов, с книгами читатели познакомились уже позже.

Н. Г.: – Книги издавались в России с 1967 года. Они стали бестселлерами, несмотря на то что первая книга стоила очень дорого. Фильмы прибыли в СССР уже позже, и благодаря им появилось новое поколение русских поклонников, которые впоследствии стали читателями.

Л. М.: – Для всех почитателей неукротимой маркизы ангелов образ, воплощённый на экране актрисой и одной из красивейших женщин прошлого столетия Мишель Мерсье, стал каноническим и неотделимым от образа Анжелики. Но удалось ли в этой киноверсии интерпретировать многогранный характер героини так, каким его задумывала сама автор?

Н. Г.: – Сценаристы и продюсеры того времени хотели показать не Анжелику из романа, а женщину согласно их концепции: довольно капризную девушку, инфантильную особу, которая всегда нуждалась в помощи мужчин, не способную ни думать, ни самостоятельно найти решения. Мишель Мерсье сделала всё возможное, чтобы сыграть роль этого персонажа, учитывая эти женоненавистнические контекст и диалоги с подачи тех людей, которые даже не читали книгу.

«Актриса не несёт ответственности за глупость, которую её заставляют произносить» (Анн Голон).

Оглядываясь назад, можно отметить, что самое главное – это то, что часть персонажей из книг были отражены в фильмах достаточно убедительно, чтобы вызвать у зрителей того времени ощущение силы и свободы.

Л. М.: – В СССР, а потом в России и на всём постсоветском пространстве фильмы и книги о приключениях златовласой французенки до сих пор пользуются необыкновенной популярностью. Планируете ли вы издавать заново отредактированную версию романов в качественном переводе на русском языке?

Н. Г.: – Да. Мы заключили договор с издателем на хороший перевод на русском языке полной и неопубликованной версии. Он единственный, кто имеет исключительные права на русском языке на литературное произведение «Анжелика». (Обратите внимание на тех, кто в настоящее время издаёт Анжелику на русском языке без каких-либо прав.) Эта публикация выйдет после завершения последней книги, для которой он станет первым издателем.

Л. М.: – И на других языках?

Н. Г.: – Мы открыты для предложений для перевода на другие языки. Но на данный момент их нет. (В настоящее время единственные официальные издатели, кроме русских, публикуют на французском языке: «Les éditions de l'Archipel et Pocket 2022».)

Л. М.: – На данный момент существует две экранизации по мотивам романа о маркизе ангелов, первая – широко известная серия фильмов 60-х годов и вторая – 2013 года. Планируется ли новая экранизация, когда ждать выхода?

Н. Г.: – Сейчас идёт работа над проектом сериала. Но мне не известно, когда об этом будет официально объявлено.

Л. М.: – Какие ещё приятные сюрпризы ожидают читателей и поклонников Анжелики?

Н. Г.: – Я пишу биографию Анн и Сержа Голон (на заметку издателям) и очень надеюсь, что смогу исполнить желание моей мамы, завершив последнюю книгу об истории Анжелики, над которой она работала в течение многих лет.

Интервью подготовлено и переведено с французского Людмилой Менаже (©Liudmila Ménager). Фото Надин Голубинофф, Людмилы Менаже.

Берега юбилеев

Владимир Корнилов

Уважаемый Владимир! Примите наши поздравления с 75-летием! Пусть Ваши произведения вдохновляют и волнуют искренностью и светлой аурой, желаем осуществления самых заветных желаний и успешного воплощения в жизнь всех творческих замыслов. Пусть рядом будут только добрые люди, в сердце всегда царит тёплая, счастливая весна! Божьего Вам благословения и удачи на длинной дороге жизни!

Владимир Корнилов – православный русский поэт. Родился 10 января 1947 года в селе Октябрьское Челябинской области. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького (занимался в семинаре Владимира Ивановича Фирсова). Член Союза писателей России. Автор 19 поэтических книг и двух книг прозы, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске, Германии. Лауреат множества литературных фестивалей, конкурсов и премий.

КУЗНЕЦ КОРНИЛА

Он не водил компаний бражных,
Не хороводился весной,
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной.

...Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в ту же осень
На свадьбе тряс хмельной озноб.

...Отец напутствовал сурово:
«Ты, сын, про счастье не долдонь!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!»

...И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой...

Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох.
С лицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог...

Ковал мечи он, делал стрелы,
Метал заробы на лугу,
Чтоб Русь всегда цвела и пела
На зависть всякому врагу...

Был не велик, но крепкой силы.
Пахал один за четверых.
Услышав клич, прощался с милой, –
Коль Русь бралась за топоры.

...В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой – кузнец Корнила –
Мою фамилию ковал.

ВЕСЕННИЕ КОЛОКОЛА

Я у весны весёлым звонарём
Устроился на время половодья,
Чтоб хмурый день, разбуженный зарёй,
Наполнить вешней музыкой сегодня.

...Я нынче встал ещё до петухов
От взмаха крыльев деревянных ставен,
Апрельский ветер в колокол стихов
Ударил первой перелётной стаей.

И хмарь ушла... И свет земной окреп.
Лишь дальний лог окутан был туманом.

...А я подумал: «Скоро сеять хлеб.
В такую пору нелегко крестьянам...»

НА ДЕЛЯНЕ

Маме

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на дяляне меня...

Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.

Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова, –
Всё вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.

Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»

И, укутав нас тёплым тулупом,
Вожжи в руки – и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль –
На дяляну родить понесло?!»

Недороды да бедность по сёлам.
Даже песни не пелись без слёз...
Дед же въехал в деревню весёлым:
«Мужики! Пополнение привёз!»

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Выйду на крылечко, а вокруг – тайга.
Вдаль струится речка – звонки берега.
А за нею горы, житные поля,
Милые просторы – Русская земля.
...Русская до боли – даже в сердце дрожь.
В эту пору в поле вызревает рожь.
Налилась пшеница, колосист ячмень.
Синекрылой птицей распластался день.
...Сердцем обмираю я среди полей:
Нет конца и края Родины моей!..
Звякаю уздечкой, тороплю коня:
Казаки за речкой, в поле, ждут меня.
Скинули папахи и сошлись на круг.
Белые рубахи вспенились вокруг.
...То собрались вместе внуки Ермака
Славить в новых песнях удаль казака.
Их подхватят горы, реки и поля,
Отчие просторы, – Русская земля...

УСТЬ-КОДА

Как столетья назад,
Здесь все избы покрытые тёсом.
И у женщин в глазах –
Та же синь, отражённая плёсом.
...На задворках судьбы,
В этом тихом таёжном местечке, –
Незатейливый быт
С телевизором... с баней у речки...
От столиц вдалеке
И от их суматошного грома.
С миром связь по Оке –
Да и то лишь паромом.
...Сыновья-города
Пусть деревню за это не судят.
Усть-Кода, Усть-Кода! –
Островок человеческих судеб.

* * *

Я деревню из детства
Через годы пронёс.
Мне достались в наследство
Просо вызревших звёзд,
Баня чёрная, веник,
Горечь листьев берёз
И клубника без денег,
А не рубль за горсть.
...Детство то, озорное,
Как мираж, далеко.
Там дымится парное
По утрам молоко.
Там босые дороги
Под мычанье и гул
За лесные отроги
Убегают в июль.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Свято чту я память о деревне:
Там с весёлой пристанью река,
Храм на взгорке – каменный и древний, –
Устремлённый куполом в века.
Крест над ним связует души с Богом,
С горним светом, с верой в благодать.
Память – это связь с родным порогом,
С отчим домом, где отец и мать.
...Память наша – солнечное детство,
Будний труд и праздники семьи.
Это Русь, мне давшая в наследство
Родовые ценности свои.

Поэтическая Седмица

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – родился в 1975 году в Москве. Поэт, прозаик, историк. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе № 1861. Автор пяти стихотворных книг и трёх книг малой прозы. Публиковался в широком круге изданий: «Бийский вестник», «День и ночь», «Дон», «Дружба народов», «Гостинный Двор», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Москва», «Наш современник», «Нижний Новгород», «Подъём», «Под часами», «Север», «Сибирь», «Сибирские огни», «Сура», «Юность» и др. Лауреат Всероссийских конкурсов имени А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), С. С. Бехтеева (2014), Н. С. Лескова (2019). Обладатель «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017) и специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017) Международного Славянского Литературного Форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018 и 2019). Живёт в Москве.

ТОРЖЕСТВО ДОБРА И ПРАВДЫ

О новой рубрике журнала

В литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Берега» открывается рубрика «Поэтическая седмица», которая в преобразующихся исторических условиях будет способствовать развитию лучших традиций классической и современной русской литературы, основываясь на её несокрушимых достижениях. Эта рубрика призвана сплотить авторов и читателей, способствовать органическому формированию доверительной среды, где будут преобладать устоявшиеся высокопрофессиональные и заинтересованные отношения. Идея создания рубрики направлена на духовное воссоединение нашего разделённого общества, противоборство которого переносится на литературные процессы, демонстрирующие крайнюю политизацию и чрезмерную коммерциализацию. На страницах рубрики читатель встретится с авторами, чья жизнь и творчество не связаны с материальным положением, обширным общественным признанием, хвалебными отзывами в периодических изданиях, а являются духовным и нравственным подвигом, который выражает подлинные ориентиры сосуществования человечества. Мы считаем важным напомнить всем сопричастным к великой русской литературе, что завещал нам священномученик архиепископ Верейский Иларион (Троицкий): *«Европейцы невольно изумляются тому, что наша литература неизменно живёт интересами религиозными. У нас великий художник слова начинает “Вечерами на хуторе близ Диканьки”, а оканчивает “Размышлением о Божественной литургии”. Вместе с тем для нашей литературы высшая ценность – душа человека, а не внешнее его положение в водовороте культурной работы. Русский писатель верит в осуществимость идеала преображения, в торжество добра и правды...»*

В наше время, когда неустанные попытки дехристианизации слова становятся нормой, а материализация человека видоизменяет его мироощущение, мировосприятие и миропонимание, для всех нас должно быть по-настоящему важным сохранение в каждом человеке и в обществе в целом духовных ценностей, отеческих идеалов, жизненных принципов, защищённых для продолжения чувственного сосуществования будущих поколений. Такую защищённость на протяжении многовековой истории нашего многонационального государства дарует великая русская литература, которая была воцерковлена ещё до момента своего образования.

Поэтическая Седмица

Александр Казинцев

Александр ОРЛОВ:

В ЗВЁЗДНЫЙ МИР ИЗ СВОЕГО ПРЕДЕЛА

В стихах Александра Казинцева сформирована проблематика индивидуального мировоззрения, которое направлено за границы собственного литературно-художественного познания. Этой действительности помогают устойчивые взгляды на мир, идеалы и принципы, устремлённые к воплощению через поступки. По моему мнению, совершенным действием в стихах Казинцева является желание установить диалог со всем, что окружает поэта, но и этот диалог по своей сути является частью теоцентричного мышления.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Памяти отца

Что на тело смотришь ты, душа,
сторожишь пустую оболочку,
в памяти события вороша,
теребя имён и лиц цепочку?

Каково тебе сидеть одной
в зале с голым светом посередине,
в страшной невесомости земной,
в кафельной сверкающей пустыне?

А над толщей сводов и палат,
там, куда крыла твои воздеты,
зимние созвездия горят
и, пылая, движутся планеты.

И о чём-то ангелы поют –
ты ещё не поняла ни слова,
ты, томясь и сокрушаясь, тут
вся во власти языка земного.

Ты ещё не поднимаешь взор,
ты ещё сидишь осиротело,
не решаясь вознестись в простор,
в звёздный мир из своего предела.

ИОВ

Спасибо, что помог душе разоблачиться, –
она теперь Твоя, как никогда,
она теперь свободна, словно птица,
не знающая на земле труда.

Что мне богатство, что мои чертоги,
что шёпот уваженья за спиной!
В пыли сию я посреди дороги,
зато теперь Ты, Господи, со мной.

Так где же милосердье и пощада –
без передышки с проклятого дня,
как будто бы лавина камнепада,
несчастья покатались на меня.

За что Твой гнев – ищи пути кривые
и вырви изолгавшийся язык.
Ты покажи, где согрешил впервые
и где уже к обману я привык.

Не отворачивайся, подожди немного,
пусть крючкотворы хоть пятно найдут.
А если – нет, я вызываю Бога
истцом на справедливый суд.

Я не боюсь губительного грома –
и так уж через силу я живу.
Я пеплом мной построенного дома
посыплю отягчённую главу.

Ты возложи вину как Дар Небесный,
и я легко сойду под кров земной.
Глаза мои слепит огонь отвесный,
до неба вставший прямо предо мной.

* * *

Сразу после чёрных льдин в апреле
или в майской пене надувной –
каждый раз в конце Страстной недели
землю странный обжигает зной.

Это к нам доносится донныне
и над нами властвует тогда
прокалённый над песком пустыни
алчный воздух Страшного Суда.

И на глаз дряхлеют мостовые,
и пугает выпуклость земли –
будто бы наросты вековые
с грунта первозданного сползли.

Мы по кремню мощному шагаем,
кубы света обтекаем мы,
как холмы в долине за Синаем,
вздыблены московские холмы.

Всё пространство в Иудею сжато
и таким в столетья внедрено –
двое суток с ночи до заката
ничего иного не дано.

...Дверь во тьму нагретую открыта,
гомон посетителей ночных.
И служанка сонная сердито
говорит: а вон один из них!

Вот ходи, а ноги загудели,
сторонись от памятливых глаз.
Не к кому стучаться в Иудее,
вся Москва безлюдна в этот час.

* * *

Я не могу остановить ресницы,
глаза и волосы. Но я могу
запрятать вглубь исписанной страницы
дрожащий талый воздух на снегу.

Я запихну весь разворот пространства,
деревьев щётки и полёты птиц,
чтоб сохранить навеки постоянство
застывших в этом воздухе ресниц.

Ты так далеко, ты за город целый,
за жизнь – свою, которая родней,
за провода троллейбусов, за белый
предсмертный снег с газонов площадей.

Жизнь подступает чёрною весною,
и даль перегоревшая грустна.
И вот она стоит передо мною,
как чудеса, тревожная весна.

* * *

Холодный снег и белое вино.
Огромное раздетое окно
отчёркнуто прозрачной занавеской.
И свет в кафе большой, холодный, резкий.

«Онегина старинная тоска».
Чужая сигарета у виска
чужого. И так страшно одиноко
карабкается в высоту дымок.

Ну что же, так вот в немоте сидеть,
в пролом в стене через стакан глядеть,
где напоролась на февраль зима,
где корчатся горбатые дома.

* * *

Я впущу в себя звуки дождя,
тёплого, шепелявящего по пыли...
Лето оглядывается, уходя, –
были ли дни эти долгие? Были.

Были без края и без конца,
сотканы из белоснежной вискозы,
дни, славословящие Творца,
где на осоке повисли стрекозы,
где над рекою завесою ив
стлалась прохладная зелень уремы,
где за деревней, как дальний разрыв, –
грохот белоголового грома.

Там, где в испарине блещущих тел,
в острых песчинках слепящего кварца,
полдень июльский грозою кипел,
с ширью земной не хотел расставаться.

МОЕЙ ЖЕНЕ

День стоит за окном, словно куб световой,
к сердцевине мутнея от тяжести света.
Медногорло, насадно сияя листвою,
проплывает бульваром московское лето.

Громоздятся дома за открытым окном,
в синеве, опустевшей без птичьего свиста.
Крутогорбые липы в чаду выхлопном
напоследок мерцают корой золотистой.
Воздух выпит дождями. Нет, всё впереди,
ничего, ничего ещё не изменилось –
где-то к северу землю полощут дожди
и метут под подошвы древесную гнилость.

Ничего не изменится, слово даю –
не пойдёт под уклон равноденствие это.
Будет света с избытком в полдневном раю –
целый город из камня, деревьев и света.

* * *

Сколько тут домов снесли под один замах,
лишь проплешины земли – память о домах.
Взялся поздний снегопад выбелить дотла
пустоту, где год назад жизнь своя текла.
Паром дверь заволокло – вход по одному –
застоялое тепло плещется в дому.
Газовых конфорок пыль, жар кухонных ссор.
А какой тут запах плыл за окно во двор!
Коридорной лампы свет жалко оголён.
На стене велосипед косо закреплён.
В белом воздухе пустом в двадцать пять венцов
высится снесённый дом без своих жильцов.
Словно струи сквозь золу, в землю, в корни трав,
все они ушли во мглу, слова не сказав.

Поэтическая Седмица

Олеся Николаева

Александр ОРЛОВ:

ЭТО – БДЕНИЕ, ЭТО – МОЛИТВА...

Читаешь стихи Олеси Николаевой, словно дышишь наступающей весной, грядущими праздниками, чувствуешь первые греющие солнечные лучи, а почему? Ответ прост! Она поэт мистического света, который призван освещать и очищать, но есть в поэзии Николаевой и ещё одно свойство, редкое и яркое в раскрытии художественной индивидуальности. Это умение вовлечения читателя в сотворённый мир поэта, который душевно притягивает, не отпускает, приглашает остаться навсегда вместе, в унисон жизнеутверждающему глаголу быть. Такое состояние творческой воли заключается в умении внимательно слышать себя и щедро дарить услышанное окружающим. Поэзия Николаевой мне представляется как искусный урок трудоёмкого образования личностного созидательного пространства. Именно поэтому её голос так выделяется среди современников. Она узнаваема по энергии, форме, интонации, образам, лексике, ритму, цельности и ценности. Её система выбора важнейшего из всего многообразия предоставляемого близка к совершенной, и вы можете убедиться в этом, прочитав стихи Олеси Александровны.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В России Хронос побеждён,
к пространству пригвождён:
с погодой слит, с рельефом свит
и звёздами блазнит.

Здесь Ленин Сталина дерёт
за рыжие усы.
Здесь Сталин Ленина ведёт,
схвативши под уздцы.

И птица Сирий здесь поёт
невиданной красы.
И в недрах – Древний Змей живёт,
и в кузнях – кузнецы.

Башмачкин мокрый снег жуёт,
Тряпичкин жжёт чубук.
И Клячкин открывает рот,
да вырубили звук.

Все рядом: там – приказчик пьян.
Ямщик попал в буран.
Святая Ольга жжёт древян,
бьёт заяц в барабан.

Бомбист таскает динамит,
язык ломает фрик,
чело Державина томит
напудренный парик.

И стелятся туман и дым,
и Врангель входит в Крым.
Прощается славянка с ним,
а я останусь с ним.

Эпох сливаются слои,
хоть в славе, хоть в крови,
где все чужие – как свои,
пускай и визави.

Глядит зелёная звезда,
Земля пред ней, что взвесь,
и говорит, что навсегда
мы вместе будем здесь!

ДО НЕБЕСНОГО ЕРУСАЛИМА

Ты теперь еретик и раскольник.
Перейдя роковую черту,
рассыпаешь мой дактиль, мой дольник,
мой анапест в опальном скиту.

Это – птицам на корм, это – трели
бегства в небо, когда дотемна
лжепророками Иезавели
дух измучен, душа стеснена.

Это – близко последняя битва:
буря, клёкот, биение крыл.
Это – бдение, это – молитва,
это – то же, что ты говорил:

«Проведи меня полем до спуска,
по оврагу и дальше – среди тьмы,
довези до Козельска, до Курска,
до Колязина, до Костромы.

До чертога, плывущего мимо,
где стоят херувимы, грозя.
До небесного Ерусалима...»
Дальше – некуда. Поздно. Нельзя.

ТАНЦУЮЩАЯ ЗОЯ

«Зоя, Зоя, век девичий – краток,
и мечта – пуста, и жизнь – плоха.
Всё, Зоя, возле танцплощадок
караулишь жениха!..

Серенад здесь не поют испанцы
и колец не дарят под полой,
разве что разок тебя на танцы
кликнет Колька с фиксой удалой».

«Эх, – сказала, – что мне с вашей голой
правдой делать, как не бунтовать?
Буду я с Угодником Николой,
С Чудотворцем буду танцевать!»

В новое и белое оделась,
со стены икону сорвала,
закружилась с нею, завертелась,
в танце поплыла.

И, притопнув, возле шифоньера
встала на мысок – крута, лиха:
«Вот кто мне теперь – за кавалера!
Сам Угодник мне – за жениха!»

И – окаменела вдруг. Икона
у лица. И руки, как крючки.
Сам Святитель смотрит непреклонно
В узкие безумные зрачки.

Чёрная слепая роговица
порывает с этим миром связь.
Вот тебе и праздник, танцовщица, –
дождалась, добилась, дозвалась!..

...Только стук за стенкой спозаранок.
А к полудню – снова тишь да гладь...
Волен Бог желанья самозванок
исполнять!

ЧУДО

Тайный свет внезапно осветил
жизнь мою и куст – лицом ко мне:
нет ли брата у него в раю –
близнеца в божественном огне?

Или Властелин небес, в шепотъ
взяв Луну, позолотил огнём?
Или это вдруг меня Господь
помянул во Царствии Своём?...

ТРИ СЕСТРЫ

Три сестры нас было у матери,
три сестры, три пути-дороженьки:
одна – дорога семейная, многотрудная,
другая – дорога узкая, монастырская,
третья – дорога кабацкая, лихостекая.

Три сестры нас было у матери,
три сестры, три огня, три свечечки:
одна свеча – дом озаряющая,
другая свеча – ладаном оплывающая,
третья свеча – волоса опаляющая...

Три сестры нас было у матери,
три сестры, три ростка, три деревца:
одно – древо могучее, вширь растущее,
другое – древо крестное, на ветру поющее,
третье – древо чёрное да бесплодное,
ни ростка не имущее...

Как сойдёмся мы, три сестры, хоронить матушку,
как во гроб тесовый её, родимую,
начнём укладывать,
каждая по своей дороге подойдёт с рыданием,
каждая со своей свечой подойдёт с молитвою.

И одна положит на могилку румяное яблочко,
а другая – освящённый мёд небалованный,
ну а третья – уронит слезу повинную,
землю насквозь прожигающую,
слов не вмещающую...

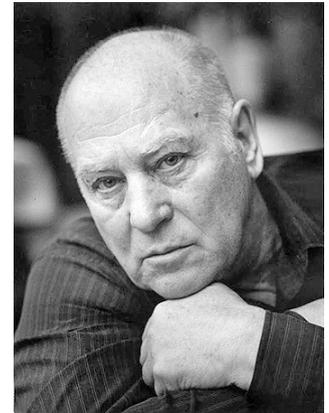
Поэтическая Седмица

Константин Скворцов

Александр ОРЛОВ:

ИХ ВОСКРЕШАЛИ НА ЗАРЕ...

Как много и как мало сказано о детях войны, но сегодня, когда мы смотрим в глаза представителей этого поколения, мы видим тихую грусть и глубокую любовь, которые навсегда останутся в их сердцах. Этими чувствами пропитаны и стихи поэта Константина Скворцова. Вместе с ним мы несмело закрываем глаза, вспоминаем детские годы всех дождавшихся и не дождавшихся с фронтов Великой Отечественной своих близких. Учимся у них ценить жизнь, боготворить своих матерей, слова которых, песенные и молитвенные, оберегают нас, ведь каждый человек знает, что нет сильнее молитвы, чем молитва матери. Этими материнскими душевными хлопотами окружены мы все, и нет разницы – на земле или на небесах наши покровительницы, наши заступницы, наши мамы. Тема великой и несломленной страдальницы, тема русской женщины особо драматически воспринимается поэтикой Скворцова, словно он всем нам ещё раз благодушно напоминает, кто не щадил врага, пришедшего на нашу землю, кто вытерпел все надругательства оккупации, кто, не доедая и не досыпая, воспитывал детей, ждал отцов, мужей и братьев с фронтов, кто пахал в полях, стоял день и ночь у станков. В лучших традициях великой русской поэзии Константин Скворцов всем сердцем призывает нас никогда не забывать о женском подвиге, любить женщин, даровавших по Высшей воле нам жизни. Именно через образ русской женщины народный поэт возвращает нас в прошлое, напоминает, что стихотворная речь была рождена народной песней, но ушла от неё далеко, сохранив ласковую музыкальность и глубокую проникновенность. По этому напоминанию стихотворная чувственная откровенность Скворцова мгновенно проникает в сердца, остаётся в памяти, заставляет задуматься о сделанном, текущем, будущем, подвигает каждого из нас к диалогу с самим собой под взглядом Господним.

МАТУШКА ПЕЛА

Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё.
Зимами злыми над прорубью белой
В стылой воде полоская бельё,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство моё.
Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой – ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.
Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно вороньё.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.
Минуло время, память немела.
Но без войны я не прожил и дня.
Все эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.

Мы отнесли её лёгкое тело
На вековечное поле-жильё.
Всё мне казалось: матушка пела.
Песней наполнено сердце моё.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

Чёрные вороны кружатся стаями.
Мёртвые воины спят изувечены.
Кто из груди вынул стрелы Мамаевы?
Русская женщина.
Русская женщина.
Верила солнцу и Богу молилася,
Зная, что в битве судьба переменчива.
Кто на войну обрядил новых витязей?
Русская женщина.
Русская женщина.
Есть под кольчугою тайна зашитая,
Чтоб не бросаться им в бой опрометчиво...
Тысячу лет у окна ждёт защитника
Русская женщина.
Русская женщина.

Вдовьими криками славим победы мы.
Кровное горе – не месть нам завещана.
Кто с пленным ворогом всех милосерднее?
Русская женщина.
Русская женщина.

Холмы разрыты, и косточки вымыты.
Выжжена память, и боги развенчаны.
В муках себя, как могла, сохранила ты,
Русская женщина.
Русская женщина.

Что ж ты глядишь на меня, ясноокая?
Ты же давно с моим другом обвенчана...
Но и в замужестве ты одинокая,
Русская женщина.
Русская женщина.

ИГРА В ВОЙНУ

В пустых обугленных полях
Война оставила работы!..
А мы седлали, как телят,
Ободренные самолёты.
В войну играли.
И легко
В степи у глиняного дота,
Раскинув руки, как в кино,
Красиво падала «пехота».
Искали бабы по дворам
Детей, но из глухих укрытий
Им отвечала детвора:
– Домой нельзя нам. Мы – убиты.
Их воскрешала на заре
Живой водою кружка кваса.
А мне везло. Везло в игре –
Всегда живым я оставался.
И оттого в степной глуши
В ночном, холодном карауле
Я не заметил, как прошли
Сквозь грудь мою шальные пули.
Стреляли где-то соловьи,
Скрываясь среди лесных угодий,
Но раны вечные мои
С той ночи ноют к непогоде.

* * *

В глубинке русской посреди разрухи,
У нищих окон, как у царских врат,
Сидели на завалинке старухи
И тихо пели, глядя на закат.

Ни радио хрипящего, ни света,
Ни вечных кур, ныряющих в пыли...
Остались только песни им... И это
Взамен молочных речек и земли.

В чужие дали уходило солнце.
В чужие клетки сыпалось зерно...
На мой вопрос: и как же вам живётся? –
Они глаза подняли озорно.

Святая Русь, не знавшая покоя,
Омытая слезами, как дождём,
Где б я ещё услышать мог такое? –
Чего не доедим, то допоём!

То допоём!.. Так как же жил я, если
Мне знать доселе было не дано,
Что голова всему не хлеб, а песни,
Которые забыли мы давно?!

В глубинке русской над деревней робко
Вставало солнце алой пеленой...
Старушки пели песню неторопко,
И медленно вращался шар земной.

СЕРАФИМ

Летит река по зарослям ольхи,
Промозглыми кувшинками бренча.
В гнезде едва притихшего ключа
Дерутся листья, словно петухи.
Развеяли мы юность на ветру
Безверия... Но в памяти храним,
Как по ночам к таёжному костру
Слетал с небес неслышный серафим.

Он наклонялся бережно ко мне,
Горящим углем очищал уста.
Слова любви, как ягоды с куста,
Перекликались в звёздной тишине.
И, вековые ельники круша,
Я звонче пел, чем пели топоры...
Я потерял тебя, и с той поры,
Как филин днём, молчит моя душа.

Воистину, не знаем, что творим,
Но всё на этом свете неспроста.
Забыл меня мой вещий серафим,
И потому молчат мои уста.
Не шапка Мономаха тяжела,
А груз самодержавной немоты.
Мне знать бы только то, что ты жива.
Мне знать бы только, что любима ты.

Поэтическая Седмица

Священник Дмитрий Трибушный

Иерей Дмитрий (Трибушный) – поэт, прозаик, публицист. Родился в 1975 году в городе Донецке. В 1997 году окончил филологический факультет Донецкого национального университета, в 2002 году – Одесскую духовную семинарию. Обладатель Золотого диплома Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2020). Публиковался в журналах: «День и ночь», «Дружба народов», «День Поэзии», «Крещатик», «Наши современники», «Москва». Автор шести книг стихов: «Под другим дождём» (2004), «Провинциальные стихи» (2010), «Белая книга» (2010), «Облака ручной работы» (2013), «Из Донецка с любовью» (2020), «Лицезрения» (2021).

Живёт в Донецке.

Александр ОРЛОВ:

Поэзия – это особый дар, необычное мировоззрение, миропонимание, мироощущение в котором пребывает человек созерцающий всё видимое и невидимое. Это путь, уготованный не каждому. Святой преподобный Амвросий Оптинский в юношеские годы имел склонность к стихотворному ремеслу, но Господь Бог распорядился иначе, но в случае отца Дмитрия (Трибушного) мы видим единение священника и поэта по высшему промыслу. Представитель духовенства в литературе явление всегда притягательное, но настоящим поэтическим талантом обладают единицы, именно этим свойством и владеет отец Дмитрий. Его самобытные стихотворения читаются легко, они доступны каждому прочитавшему. Порой они представляют собой рифмованные отрывки проповедей, направленных на сотворение в сердцах людей среды веры, надежды и любви.

* * *

Как чудно: смотрит в мир Господь
Из каждого лица.
Но трудно тем, кто принял плоть,
Быть богом до конца.
Легко растить в своей груди
Польнь-чертополох.
И трудно знать, что там внутри
Опять родился Бог.

* * *

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотнях свищет.
«Убежище», – читает человек
На школе, превращённой в пепелище.

У всякой твари есть своя нора.
Сын человеческий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
Друг другу посылают похоронки.

Ещё один обстрел – и Новый год.
Украшим ёлку льдом и стекловатой.
И Дед Мороз, наверное, придёт
На праздничные игры с автоматом.

* * *

Кто-то же должен
Принять эту тьму и тяжесть.
И Господь приходит за надеждой к Иову:
«Может быть, ты
Не потребуешь объяснений,
не будешь задавать вопросы,
принимая эту тьму и тяжесть –
Мою любовь?»

* * *

Всё объяснимо, ясно, просто
Сквозь воскресенье, сквозь стекло.
Кому натруженные звёзды
Оставили своё тепло?
Над заколдованным покоем
Кого-то ищет поздний свет.
А там, где соберутся двое,
Ни смерти, ни разлуки нет.

* * *

Быть – смешно. Не быть – нелепо.
В королевстве беспредела.
И дежурные по небу
На прохожих сыплют мел.

Замело, укрыло мелом
Ёлки, палки и дома.
И теперь на свете белом
Беспредельность и зима.
Перелётные ресницы
Отказались улетать.
Мудрецам такое снится,
Что стихам не угадать.
Если верить режиссёру,
Живы будем – не помрём.
Улыбайся, бедный Йорик,
Сквозь унылый чернозём.

* * *

Если бы вещи застигнуть врасплох,
Дерзкой открытости не испугаться.
В каждой былинке скрывается Бог,
Каждая ива торопится в святцы.

Спрятали Господа в звук звонари.
К Богу плывут облака-недотроги.
В этой истории, как ни смотри,
Всякая жизнь завершается Богом.

* * *

Звони, Донбасс обетованный,
На самый верх.
Пророки обещали манну,
А выпал снег.
Мужайся, город непорочный,
Где каждый дом
Проверен «градами» на прочность,
Крещён огнём.
На час открыли херувимы
Ворота в рай.
Гори, Донецк неопалимый,
И не сгорай.

* * *

Темно и томно. Как положено.
В отчизне ночь.
А мы по облакам нескошенным
Уходим прочь.
В столицах затяжные праздники
Сплошной стеной.
А мы... О нас уже всё сказано
Родной страной.
Она детей своих не балует
И не хранит.
Чужих отчизна запоздалая
Усыновит.

* * *

Ты взвешен. Тяжелее свет,
Прозрачный свет, листва резная.
Итак, тебя на свете нет.
Ты умер, сам того не зная.
Через тебя бежит авто,
Струится улица, льёт дождик,
И смотрит сквозь твоё ничто
На мокрую сирень художник.
Ты найден лёгким, как всегда.
И где-то близко под тобою
Горит, горит твоя звезда
Ещё не света, но покоя.

* * *

По улице сентябрь водили.
Желтели клёны напоказ.
А нас чему-нибудь учили,
И боги плакали о нас.
«Из искры возгорится пламя» –
Ещё молилась детвора.
Не знал Ильич, что вместе с нами
Уйдёт со школьного двора.
Разбился Цой. Горела Троя.
И боги думали всерьёз,
Что мы – последние герои
Страны, летящей под откос.

* * *

– Всем, с кого спросится, дано, –
Твердишь, как иностранец, нехристь,
Луне в открытое окно.
Она молчит. Ей интересно.

Шумит по-прежнему камыш.
Деревья неизбежно гнутся.
И всё, о чём сейчас не спишь,
Тебе преподнесли на блюде.

Не ты планировал закат,
Гнал мышь из горницы в подполье,
Не ты созвал чемпионат
Футбольный, Иов малохолдный.

Бывает, ночью выйдешь в сад,
От дум дневных совсем не весел,
Глядишь, созвездия висят,
Другой их для тебя повесил.

Не спит ответственный за свет
Знакомый ангел участковый,
А ты опять вернул билет
И ждёшь, когда предложат новый.

Берега Памяти

Георгий Ермолов

Редактор журнала «Источник надежды» Александро-Невской лавры.

Памяти Николая Коняева

Сентябрьским утром 2018 года я, как обычно, шёл на работу в своё издательство по двору Александро-Невской Лавры и увидел издали похоронную процессию, двигавшуюся привычным маршрутом – Троицкий собор – Никольское кладбище. Зрелище привычное, хотя и нечастое: чести быть захороненным на Никольском удостоиваются лишь личности, имевшие значительные заслуги перед Церковью и Отечеством. Расстояние было немалое, однако среди провожающих мне удалось разглядеть несколько знакомых лиц. Процессия уплыла в ворота Никольского, а я, занимаясь привычными делами, ещё не догадывался, что дата 19 сентября 2018 года навсегда отложится в памяти.

Спустя несколько дней, привычно прогуливаясь по кладбищенским дорожкам, а Никольское – излюбленное место прогулок в перерывах между трудами праведными как насельников, так и сотрудников, я увидел вдалеке знакомую фигуру красивой женщины возле одной из новых могил. Подойдя ближе, с удивлением разглядел в ней Марину Викторовну Коняеву и узнал, что в те сентябрьские дни она стала вдовой. Стало досадно, что не хватило любопытства поинтересоваться тогда, кого провожают в последний путь знакомые мне люди.

С Николаем Михайловичем Коняевым судьба меня свела в 2014 году при неожиданных, а скорее, промыслительных обстоятельствах. Случилось так, что директором издательства Александро-Невской Лавры стал замечательный человек, поднявший из руин не один храм, генератор идей и проектов архимандрит Нектарий (Головкин). Я же, на тот момент, занимался в Лавре несколько иными, далёкими от журналистики делами, хотя и имел в своём жизненном багаже две изданные книги. Наверное, поэтому и получил от него предложение принять участие в развитии издательства. Планы о. Нектария содержали создание трёх, принципиально новых, журналов – детского, юношеского литературного, и академического, научно-публицистической православной направленности. Вот последний-то и было предложено создать мне. Задача представлялась нелёгкой, потому что для такого издания требовались серьёзные православные авторы-учёные. Но заманить в издание, никому не известное, маститых корифеев пера, да ещё на бескорыстных началах, не так-то просто. Но уж, назвавшись груздем, приходится с головой нырять в кузов.

Далеко не всех авторов удавалось заинтересовать проектом с туманной перспективой, но о. Нектарий посоветовал обратиться к своему давнему знакомому и коллеге по работе в Комитете защиты русской культуры писателю Николаю Коняеву. Это имя на тот момент мне ни о чём не говорило, поэтому, прежде чем набрать его номер, по своему обыкновению обратился к интернету и обомлел от обилия титулов и званий. Звонить стало страшновато, но я всё-таки это сделал, и меня поразила доброжелательная готовность к бескорыстной помощи.

Спустя пару дней обнаружил у себя в почте прекрасный литературный текст «Прогулка по Александро-Невской Лавре», ставший настоящей жемчужиной очередного номера журнала, в числе не менее авторитетных имён.

Так началось наше сотрудничество, к сожалению, не слишком продолжительное. Его тексты всегда отличались не только безупречным литературным стилем, но и глубоким знанием предмета. Научно-исторические материалы, поданные в непривычной литературной форме, обнаруживали неординарный аналитический подход. Это были не романы, как это сейчас популярно в среде псевдоисториков, а обстоятельные научные труды в литературной форме высочайшей пробы. Часто мне выпадала удача получать рукописи прямо из-под пера автора. Многие из них позже вошли в сборник «Небесная линия».

Николай Коняев

Случилось так, что финансовые проблемы вынудили издательство закрыть большинство проектов, задуманных архимандритом Нектарием. Перестал издаваться и мой журнал «Источник надежды». В поисках возможности его сохранить, в какой бы то ни было форме, мы создали специальный сайт «Кирилло-Мефодиевское чтение», на котором и стали выходить в виде ленты. Это привело к тому, что авторский коллектив распался. Каждому пишущему человеку важно тактильно ощутить свой опубликованный труд – перелистать страницы, вдохнуть запах типографской краски. Интернет ему не интересен. Интернет – братская могила идей, смыслов, стилей.

Из всего авторского состава меня не оставил один Николай Михайлович, продолжая предоставлять свои великолепные тексты. К сожалению, многие из них появились на ленте уже после его смерти.

Формирование личности потомственного русского интеллигента – в подлинном значении этого слова – Николая Коняева состоялось под влиянием примера его отца – директора сельской школы, в которой Николай вместе с братом и сестрой проводил свободное от уроков время. В свою очередь учителя из отцовской школы часто бывали в их доме, ведя неспешные беседы за чашкой чая. Маленький Николай, по его словам, «очень долго не мог отделить зареченских учительниц от своих родных и, пожалуй, пока не пошёл в школу, жил в уверенности, что весь тот берег заселён моими тётушками. А родных у нас было немного».

Семья жила бедно, но в воспоминаниях Николая Михайловича всегда подспудно сквозила гордость за своих родных в нескольких поколениях. Это и брат бабушки Иван Алексеевич Шергин – издатель дореволюционного журнала «Вестник Севера», погибший на этапе ещё в 20-е годы. Бабушкины сёстры – монахини Крестовоздвиженского монастыря, сгинувшие в лагерях. Двоюродный брат отца, подвергнутый страшным пыткам на допросах, но не подписавший ни одного оговора.

Вспоминая о семье своей матери, Коняев пишет:

«Мне стало понятно, откуда в ней была такая глубокая вера, которую не могли поколебать и десятилетия жизни без Церкви. Настоятелем храма в Остречинах, который исповедовал и причащал их семью, был новомученик Российский Иоанн Беликов, расстрелянный в 1937 году.

Когда я читал протоколы допросов отца Иоанна Беликова, на глаза навёртывались слёзы, но на душе становилось светло – с таким спокойным мужеством принял этот человек свой мученический венец».

Автобиографические воспоминания Коняева дают чёткое представление о природе его духовно-нравственной позиции, которой он не изменял до последних дней:

«Никакие события взрослой жизни, встречи, никакие переживания не способны заслонить того, что было тогда.

Более того... С каждым годом эти воспоминания становятся всё ярче и ярче, и, пытаясь найти решение какой-то проблемы, размышляя над каким-то вопросом, именно к этим воспоминаниям и обращаюсь я в первую очередь, а не к тому опыту, который накоплен во взрослой жизни...»

Православие вошло в его бытие органично, как вздох. Но вначале было Слово...

Ещё в детстве, спонтанно, как в новой игре, «обнаружил в себе способность сплести слова». Впервые случайно родившееся четверостишие пробудило в нём ощущение чуда: «...чистая радость заполнила моё существо, и не было пределов ей. Казалось, что этой радости хватит на весь мир».

К моменту окончания школы созрела твёрдая уверенность, что заниматься будет только писательством. Потом состоялись первые публикации, а затем Литинститут, а в итоге – полторы сотни книг, не считая переизданий. В Библиографическом словаре «Русская литература XX века» Института русской литературы Российской академии наук говорится:

«Чтение произведений Коняева всегда и серьёзное, и одновременно увлекательное занятие, но за острой фабулой и неожиданно обнаруженным фактом истории всё время слышится голос художника, пронизанный шемящей тоской по надмирному Свету и глубокой православной духовностью».

Характерная черта творчества автора – разнообразие жанров и литературных форм. Его образ мышления – это не только умозрительные представления писателя, но и безусловный научный подход, прослеживающий, как на фундаменте православия формировалась национальная государственность, идеология, национальный характер, да и сам русский язык:

«Православие для России не просто конфессия. Православие для нас – государствообразующая сила. Оно сформировало язык нашего народа и его национальный характер, определило законы нашего государства и его культуру.

И так и выстраивалась святыми князьями Русь, что совпадали пути спасения, и устройства русским человеком своей души с путями спасения и устройства государства».

Во всех трудах писателя лейтмотивом звучит раскрытие духовных смыслов русской истории. В этом кроется секрет возрастающего интереса к его работам именно в последнее, весьма тревожное время. Но, несмотря на этот факт и огромный библиографический послужной список, имя Коняева остаётся малоизвестно не только широкой публике, но и читающей. Поэтому очень важна популяризация воспоминаний тех людей, которые знали его лично, важна серьёзная литературоведческая работа по изучению, сохранению и продвижению его наследия, особенно в молодёжную среду. Более того, чиновникам от образования стоило бы задуматься о включении его произведений в школьные и вузовские программы взамен того хлама, которым они заполнены ныне. Возможно, в том, что сегодня так мало сказано о Коняеве, есть определённый глубинный смысл. Личность такого масштаба требует осмысления во времени: «Большое видится на расстоянии».

«Творчество настоящего русского писателя – это всегда соработничество Богу». Как удивительно созвучно жизненное кредо Коняева строчкам из письма святителя Игнатия (Брянчанинова) к игумену Антонию (Бочкову):

«Все дары Бога человеку достойны уважения. Дар слова, несомненно, принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Своё Слово. Слово человеческое подобно Слову Божию постоянно пребывает при отце своём и в отце своём – уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно... Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях – наставление и спасение человеков».

Отпевали Николая Коняева в Троицком соборе. Обряд совершил митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов), близкий друг усопшего, специально приехавший в Петербург. Перед началом богослужения владыка Константин произнёс проникновенную речь о значении творчества большого русского писателя. На Никольском были совершены краткая лития и процедура прощания. Зачитывались телеграммы соболезнования от губернаторов города и области. Прощальные слова произнесли представители союза писателей.

Могила Николая Михайловича находится в живописном месте на берегу Никольского пруда рядом с горбатым мостиком. В основании изящно выполненного ажурного кованого креста выбита в граните лаконичная надпись: «Николай Михайлович Коняев. Русский писатель».

Многие ли из современных коллег усопшего понимают, какой глубочайший смысл и какая огромная ответственность заложены в этих двух простых словах?

Многие ли понимают, что, получая членский билет СП, они не статус приобретают, но принимают присягу на *служение*?

Коняев принял эту присягу задолго до получения билета. Это произошло ещё тогда, в детстве, когда «чистая радость заполнила его существо, и не было пределов ей». Это и был знак Свыше, благословение, которое даётся только избранным. Слова эти, простые и не пафосные, в полной мере соответствуют той жизни, которую прожил этот великий труженик, исполнивший присягу с честью и до конца, и для которого СЛОВО не только альфа, но и омега его Божественного предназначения.

На могиле Николая Коняева долгое время стоял простой деревянный крест, и именно эта простота отражала саму сущность не просто профессионального призвания, но понимания его как *послушания*. Именно так, как понимал его Коняев и как ему следовал всю свою жизнь, которой и доказал главное – вначале всегда будет СЛОВО.

Берега Кубани

Александр Ралот

Александр Викторович Петренко (псевдоним – Александр Ралот) – краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор пятнадцати электронных книг и десяти бумажных. Публиковался в периодических изданиях: «Смена», «Берега», «Невский альманах», «Огни Кубани», «Южная ночь», «Земляки», «Новая литература», «Метаморфозы», «Вторник», «Созвучие» (Беларусь), «Зарубежные задворки», «Эдита», «Unzensiert» (Германия), «Новый континент», «Интеллигент» (США), «День литературы», «Luterra»; альманах: «Чайка», «9 Муз» (Греция), «Лира», «Таврия», «Приокские зори» и др. Член Союза писателей России. Победитель конкурсов: «Золотое перо Руси» (2018, 2019), «Серебряное перо» (2020), «Патриот России» (2020), «Ты цветы, моя милая Родина», лауреат Международных конкурсов: «Кавдория», «Белая акация», «Созвездие духовности», «Ключи от счастья», «Герои Великой Победы», «Волошинский сентябрь», имени Сергеева-Ценского, «Славянская лира». Награждён медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе», им. генерала Брусилова, «В память 100-летия Великой войны».

Кирзачи¹

Рассказ

Не знаю, у кого как, но у моих домочадцев лучшее время, когда наступает «Вишнёвый сад»². Не в смысле того, что мы вынуждены продавать плодовые деревья за долги, а потому, что до Краснодарского края добралась её величество Весна. Тепло. По любимым Горгородам³ летят снежинками лепестки с сотен вишнёвых деревьев.

– Гулять! Гулять! И ещё раз гулять! На Кубань! В парк! – хором скандируют потомки, сын Егорка и дочка Алька.

– Erst die arbeit, dann das spiel⁴ (Сначала работа, потом игра – *буквальный перевод с немецкого*), – ворчит супруга.

– А можно наоборот? – продолжая подпрыгивать на месте, парирует Алька, уже второй год постигающая язык бывшего врага.

– Нет. Только после сарая!

– После чего? – вступает в беседу будущий космонавт, разведчик, водолаз и олимпийский чемпион, а пока что круглый хорошист Егорка.

Супруга предприняла попытку довести до сознания деток план предстоящей работы:

– Надо вытащить вещи из сарая и разделить на три части. Нужные, не очень и совсем ненужные.

– Ого! Там работы аж до вечера!.. Ночью, что ли, гулять? – ворчит дочка, теребя брата за руку и требуя, чтобы тот немедленно высказал веское мужское слово.

Но Егор молчит. Ему перебирать старые вещи намного интересней банальной беготни по берегу реки, протекающей в сотне метров от нашего дома.

¹ Сапоги российского солдата с юфтевым (яловым) низом и кирзовыми голенищами. Кирза – плотная прочная многослойная хлопчатобумажная ткань. Термин чаще используется в отношении обувной кирзы – композитного материала, состоящего из обработанной плёнкообразующими веществами многослойной хлопчатобумажной ткани.

² А. П. Чехов «Вишневый сад». Комедия в 4-х действиях.

³ Район частного сектора в городе Краснодаре.

⁴ Знаменитая немецкая пословица.

– Вот не буду с тобой ни в какие шахматы играть. Раз ты такой... – Алька подыскивала в уме слово пообиднее, но не нашла и обратилась к матери: – А вы разве нам помогать не будете?

– Мне через полчаса на работу, а отец дописывает статью для журнала. Вы большие. Сами разберётесь. Ну а ежели там найдутся предметы, которые ни в какую кучу не определяются, принесите ему в кабинет для консультации. Топайте. Раньше начнёте – быстрее закончите.

Час спустя

Две пары детских глаз умоляюще смотрели на меня, а сомкнутые рты молча вопили:

– Да оторвись, наконец, от компьютера и посмотри на то, что мы притащили.

Я дописал абзац, нажал на кнопку с изображением канувшей в Лету дискеты и повернулся к чадам.

От радости дети синхронно выставили вперёд правые руки. Каждая сжимала по кирзовому сапогу.

– Это надо? – поинтересовалась Алька. – Сейчас такие никто не носит. Выбрасываем?

– Оставьте их здесь и заканчивайте работу. А вечером я расскажу их историю, и решите, как с ними поступать.

– Страшную? – уточнил Егорка.

– Очень.

Я повернулся к письменному столу, показывая, что аудиенция окончена, но не тут-то было. Уж что-что, а непоседы истории обожают. И используют их на практике. Пишут заметки в стенгазету или делают доклады по школьным предметам.

* * *

Дети прильнули ко мне с обеих сторон и теребили за рукава. Мол, не томи, рассказывай.

– Посуда помыта? – строго спросил я.

– Так точно. И даже убрана на место, – по-военному ответил Егор.

– А уроки?

– Сделаны. Можешь проверить.

Алька вскочила с дивана, дабы умчаться в комнату за тетрадями, но я остановил:

– Пожалуй, нам надо перенестись в начало двадцатого века. В годы русско-японской войны.

– А что, до этого времени люди без сапог ходили? – моментально съехидничала дочка.

– Носили. И самые разные. По обувке в стародавние времена можно было легко определить, к какому сословию относится их владелец. Ежели в сафьяновых¹ шествовал, значит из знатного рода. Ибо стоила такая обувка денег немалых. Народец рангом пониже разгуливал в яловых² сапогах. Для военных шили особые, юфтевые, пропитанные специальными маслами и солями. Однако до начала двадцатого века никто из вельмож и сановников и представить себе не мог, что настанет время и в империи вдруг возникнет сапожный кризис! На просторах матушки-Руси разномастных мастерских по пошиву обуви было великое множество. В каждом городе не по одному десятку насчитывалось. Существовали и большие фабрики, выполняющие военные заказы. Но вот с началом войны выяснилось, что для нужд русской армии надо сшить аж пять миллионов пар! В стране такого количества кожи не нашлось. Спасло лишь то, что война быстро закончилась, но проблема осталась.

– Пап! Но ведь через девять лет началась Первая мировая. Я ничего не напутал? – сын поднялся и полез в книжный шкаф за большим томом энциклопедии. – Решили проблему за это время?

– Нет, сын, не смогли. Интендантская³ служба разместила заказ на три миллиона рублей. Решите задачу. Если стоимость пары сапог в ценах четырнадцатого года составляла один рубль пятнадцать копеек, то сколько пар царской армии разом потребовалось? поголовье коров в стране хоть и выросло, но не настолько, чтобы обеспечить сырьём этот огромный заказ.

– А союзники? Разве не обязаны были помогать? – не унимался пытливым Егорка.

¹ Сшитые из телячьей, овечьей или козлиной кожи. Ярко окрашенные.

² От слова «яловичина» – говядина. Сделанные из бычьей шкуры.

³ Управление, ведающее провиантским, вещевым и денежным довольствием войск.

– Доблестные англичане и французы сапог не носили. Их солдаты топали по европейским дорогам в ботинках.

– Значит, нашли выход? Что-то я не помню, чтобы в старых кинолентах того времени показывали, как наши солдаты воюют в лаптях, – вступила в дискуссию дочь.

– Недостаточное количество обуви, то есть армейские ботинки, покупали за золото за рубежом. Но Русь-матушка никогда не испытывала нужды в талантливых изобретателях. Жил в то время человек, Михаил Поморцев, имел воинское звание генерала и увлекался химией. Он первый придумал то, что мы сейчас называем искусственной кожей. Пропитал брезент смесью парафина, канифоли и яичного желтка. Новая ткань не пропускала влагу, но при этом дышала и была в разы дешевле натурального сырья. Из неё стали шить сумки для артиллеристов, конскую упряжь и много ещё чего.

– А сапоги? – синхронно выпалили дети.

– Увы. Посчитали, что материал грубый и станет натирать ноги. Да к тому же изобретатель в тысяча девятьсот шестнадцатом году скорострительно скончался. Его кирзу, так генерал именовал ткань, поскольку использовал для её изготовления многослойную материю керси, названную так в честь английской деревеньки¹, спрятали до лучших времён.

– Выходит, они настали? – дочка показала пальцем на стоящие возле дверей сапоги.

– Настали. Только не лучшие, а лихие. Четверть века спустя. Теперь уже Вторая мировая война пришла на нашу землю. Конечно, солдат было во что обуть, а вот многочисленных ополченцев – нет. Ведь в мирное время об этом никто и не помышлял. Положение было настолько тяжёлым, что в самом начале войны вышла секретная директива правительства «О пошиве лаптей и онучей² для нужд Красной Армии, если не будет найдено иное решение». Но до таких крайностей, к счастью, не дошло.

За шесть лет до этого советский химик и изобретатель Иван Плотников догадался добавить к кирзе искусственный каучук. Ткань получилась эластичная и пригодная для пошива обуви. Сшили пробную партию, отправили на финскую войну сорокового года и ужаснулись. Сапоги трескались на морозе, становились ломкими. Об изобретении опять забыли, но ненадолго.

Упрямый Плотников от идеи не отказался. Работал над улучшением ткани день и ночь. До тех пор, пока не призвали на фронт. Однако спустя две недели его вернули и назначили директором завода. Поставили задачу. Понятно какую?

Дети ничего не сказали, но дружно кивнули. Алька и Егорка держали в руках по сапогу, внимательно рассматривая и даже пробуя на зуб.

Я же продолжил:

– Высокие, удобные, непромокаемые, дышащие. Дотопали со своими хозяевами до Берлина и вернулись, восстанавливать разрушенную страну. Если память не изменяет, их выпущено около ста пятидесяти миллионов пар. И в наши дни на складах кирзовый стратегический запас имеется. Мало ли что.

Дети, как по команде, рванули с дивана.

– Вы куда? – крикнул им вслед.

– В сарай. Сапоги положим, – донеслось уже от входных дверей. – Такой стратегический запас самим нужен. Вырастем, будем носить. На охоту, рыбалку. Вещь нужная, в хозяйстве пригодится.

¹ Керси – деревня и гражданский приход в районе Баберг в Саффолке, на востоке Англии.

² Часть обуви, обвёртка на ногу, замена чулок, под сапоги и лапти, длинная, широкая (около 30 сантиметров) полоса ткани белого, чёрного или коричневого цвета.

Берега Кубани

Светлана Гончаренко

Светлана Вадимовна Гончаренко (Алкея) – поэт, прозаик, член Российского союза писателей, Межрегионального союза писателей, руководитель Кубанского литературного объединения «Книга».

Хроники Коронодурья

Записки из дневника

01.04.20. Не до смеха. Карантин (самоизоляцию) ввели вчера с 18:00. В магазинах бум закупок. От заражения крови человека можно спасти, от заражения психики страхом – тоже возможно, но от тупости и глупости – вряд ли. Во времена опасности всегда находятся свои «герои» и всепропальщики. Читаю пьесу Карела Чапека «Белая болезнь» (1937).

05.04.20. Вино Кьянти придумали специально, чтобы лечиться от «февральской хандры». Может, прикупить – лечиться от хандры заточения? Третий день думаю о поэзии созерцания. Написала легчайшее по структуре и сути стихотворение-выдох – «Лети, моя душа». Завершила, наконец, сложный эпизод – диалог Бланкара и агента Финча. Это книга первого романа-трилогии «Я хочу, чтобы ты вспомнил...» – «Бесконечный канон», часть 1. Пришло осознание, что таких важных и необходимых мне встреч с друзьями-писателями и читателями-почитателями не будет ещё долго, а внутри уже всё клокочет.

06.04.20. Выполнимая задача – та, с которой человек в состоянии справиться за один припадок энтузиазма. Пора подумать о планировании этой огромной прорвы времени, которая вдруг обрушилась лавиной.

08.04.20. Большие деньги пахнут смертью. Не помню, кто сказал. Но вот пример тому есть – в тему повестки дня. Ялмарт Шахт на Нюрнбергском процессе, как змея меняет кожу, выкручивался, обвиняя Гитлера и верхушку германского правительства в политической лжи. Давил на жалость, потому что после неудачного покушения на фюрера попал в концлагерь. Но всё же Шахт возглавлял Рейхсбанк, был министром финансов Гитлера и заработал на войне несметный капитал.

Можно ли заработать миллионы на смерти миллионов людей и спать спокойно? Оказалось, да. Шахт – ярчайший пример цинизма. Не это ли происходит с нами сегодня? Всё чаще мелькают вопросы в соцсетях: а не захотелось ли «нашим рептилоидам» заработать побольше денег на смерти миллионов людей, заразившихся вирусом? Дурь, конечно. Но всё-таки...

Кстати, стало известно, что в мозге всё же есть мышцы. Копенгагенские нейроучёные обнаружили на снимках двухфотонного микроскопа красные участки в коре. Это прекапиллярные сфинктеры – мышечные клетки, которые регулируют кровоток в капиллярах коры головного мозга. Возможно, именно они вносят посильный вклад в возникновение невыносимой мигрени!

Пора как следует размять мозговые мышечки. Займёмся йогой для ума – почитаем книжку Стивена Хокинга.

12.04.20. За время самоизоляции появилось столько словесных новообразований, что аж дух захватывает!

Краткий список коронавирусных неологизмов первой необходимости (с некоторой дешифровкой):

Карантье – сдают собаку в аренду для прогулок.

Ковидиоты – паникёры, скупают всё подряд в магазинах.

Коронаоке – песни в Zoom и в соцсетях.

Коронаголики и ковидоголики – алконавты, спасающиеся от вируса в алкоголе.

Коронажёры – обжоры, нашедшие-таки оправдание смертному греху.

Кармановирус – имеется в виду, что вирус ударил людям по карману.

15.04.20. Штрафы превышают размеры МРОТ – карантин им в рот!

Собственными глазами видела сегодня, как патрульные остановили бабульку, шедшую из «Магнита». В руках у бабульки были два полных пакета, из которых явственно просматривалась нехитрая «потребительская корзина» типичного жителя спального района. Патрульные заставили опешившую «нарушительницу режима самоизоляции» показать содержимое сумок и паспорт. Бабулька хваталась за сердце – кабы добры молодцы не довели её до приступа стенокардии или гипертонического криза. Присмотрев эту «картину репера» издали, я молниеносно решила: ну их в баню! И пошла в «Магнит» за предметами первой необходимости – дворами, прячась от патрулей за стенами многоэтажек. Приключения Электроника начинаются!

16.04.20. Недавно я трижды сильно переболела ОРВИ с тяжёлыми осложнениями. И в группе риска по заражению Covid-19 из-за оперированного сердца. Потому соблюдаю строгую самоизоляцию. Выхожу только в средствах индивидуальной защиты и только два раза в неделю – в магазин или в аптеку. И так уже почти месяц. По этой причине что я могу сделать для родной страны, то и делаю. Всё онлайн.

Мои книги доступны для скачивания по минимальным ценам, каждый день я даю эфиры для тех, кто самоизолировался по полной, публикую развлекательно-познавательный контент в соцсетях и только достоверную информацию о коронавирусе и мерах профилактики (рекомендованную ВОЗ и Роспотребнадзором).

Оставшись без возможности свободно передвигаться и проводить творческие вечера и концерты, я веду всю деятельность онлайн. Отмечу, это непросто – снимать видео и вести прямые эфиры. К тому же у меня фишка (или бзик), не могу сидеть перед камерой в пижаме или другой домашней одежде. Потому перед каждой съёмкой тщательно навожу марафет: подбираю одежду, аксессуары и макияж.

1 апреля провела «День Смеха» в прямом эфире в профиле Фейсбук. Читала юмористические, шуточные и сатирические стихи и прозу интересных современных авторов, моих друзей и, конечно, свои шуточные и сатирические стихи. Получила массу отзывов и предложение от друзей продолжить такие эфиры с чтениями.

Поднимаю людям настроение каждый вечер в эфире Инстаграм с 13 апреля – у меня акция на всю неделю до 18 апреля – «150 оттенков самоизоляции». 15 минут хорошего настроения на сон грядущий.

В общем, в эти суровые дни самоизоляции я делаю, что могу, потому что мы вместе должны пережить этот ужас. Вместе с вами я продолжаю оставаться дома, тщательно мыть руки, делать влажную уборку, проветривать комнаты, поедать овощи и фрукты, пить витамины, заниматься посильным фитнесом и творчеством.

Мой список чтения в эти дни:

Хорхе Луис Борхес «Сад расходящихся тропок» – рассказ о многомерности времени.

Оруэлл Дж. «Скотный двор» – роман о тотальном сумасшествии на почве классовой борьбы.

Андрей Курпатов «Чертоги разума. Убей в себе идиота» – книга об осознанности и о том, как заставить наш мозг работать и достигать поставленных целей.

Мой видеоплист – фильмы, которые сломают мозг, зрелищные и интересные.

Благодарю всех, кто в эти дни карантина работает: занимается жизнеобеспечением, транспортом, торговлей, лечением больных, обеспечением работы кол-центров и всяческих служб – да помогут вам ваш опыт и знания, да не оскудеют ваши силы и терпение! Всем здоровья.

17.04.20. Пишу стихи о городе, в котором пусто – без нас. Написала стихотворение «Мой город притих...», начала новое – «Не смотри на меня, собака...».

Роман почти полностью отредактирован, осталась финальная корректура. Обложки на две части готовы, и даже опрос в группе Фейсбука проведён по выбору адекватных обложек.

В книги и тексты ушла с головой, чтобы не думать о пустоте в мире, о вирусе и страхе, подкаты-вающим неумолимо. Многие знакомые болеют. Везде.

В СМИ и соцсетях всё больше «быстрорастворимых смыслов».

21.04.20. Смотрю в свои рабочие тетради, неопубликованные строки о том «обществе», в которое тихой сапой нас тащит сама история уже прямо вот-вот, тащат за шиворот, мы сопротивляемся, каждый в силу своих возможностей и природной сопротивляемости насилию, но сопротивляемся слабо. Потому что у нас нет сил против стихийного бедствия, о котором мы даже не подозревали ещё полгода назад.

Хотя врачам давно известны случаи вирусной инфекции под названием коронавирус, нельзя сказать, чтобы они были как-то оптимистически настроены в прогнозах по выздоровлению пациентов с тяжёлыми случаями той формы коронавируса, которая бушует в мире сегодня. Болезнь поражает внутренние органы, самые нежные – лёгкие.

Запах резины от этой кислородной подушки никогда не забуду и это дурацкое ощущение, что рядом с тобой лежит что-то мягкое, вонючее и холодное, а вокруг переполненная детьми разного возраста палата, где царит гвалт, крик, плач и смрад от простыней. Дети лежали в больнице подолгу, потели, ходили под себя в туалет (и такое случалось с некоторыми), потому что приходилось по много часов проводить под капельницами. Родителей в больницу не пускали. А мы были все ещё очень малы. Мне было пять лет, когда впервые заболела пневмонией. Повторно, кажется, в шесть. Очень сильно хотелось убежать домой, спрятаться под кровать и не видеть этих резиновых подушек, грязных постелей и наглухо закрытых окон. И очень хотелось подышать свежим воздухом. Подушка с кислородом хоть и была противной, но давала такую возможность отчасти: нужно было зажать специальную трубку ртом и дышать так. Очень хотелось дышать носом и в полную силу.

Пережив пневмонию, я не подозревала, почему она дважды за довольно короткий промежуток времени догнала меня и чуть не убила. Будучи совершенно взрослой, я узнала причину: у меня всю жизнь был порок сердца, дыра росла вместе со мной. Дефект межпредсердной перегородки. А точнее, почти полное её отсутствие. В результате чего моё сердце сбрасывало кровь в правые отделы в таком количестве, что оно раздулось до огромных размеров и перекрыло лёгочную артерию. И я задохнулась у себя дома. Ночью. Это было в 2013 году...

И были долгие – страшные – полгода доживания до операции. Мне нужно было срочно закрыть этот дефект в сердце. Но прежде чем это произошло, были больницы, кислородные камеры (не помню, как эти аппараты называются), санаторий Дарасун в сосновом бору, поликлиники, клиники, диагностические центры, кучи анализов и справок, километры очередей, где я задыхалась от одного только присутствия рядом толп людей. Это был мой ад. Но я дожила. И за это благодарна мужу, родителям, друзьям и главное – врачам. Ювелирная операция дала мне возможность и выжить, и дышать, наконец, полной грудью.

29.04.20. Новый девиз Первомай в период пандемии, наверное, будет звучать так: «Избегайте клещей, алкоголя и соседей!»

Первая книга романа-трилогии «Я хочу, чтобы ты вспомнил...» несколько дней назад отправлена на модерацию. Несколько же раз её возвращали, чтобы я поправила необходимые параметры загрузки. Жду, когда же её опубликуют.

30.04.20. Цитата: «Я не потерплю преступного ущемления своих прав!» (х/ф «Облачный атлас»). Самоизоляция продолжается...

Роман опубликован. Гора с плеч. Но... Работы только прибавится. Нужно продвигать книгу в соцсетях. Это же теперь чуть ли не единственная возможность выйти на релевантную аудиторию. Сколько же новых «словей» появилось – благодаря маркетингу! Читателям и невдомёк, как приходится «извращаться» авторам для достижения простой цели: чтобы их книги читали люди, а не боты.

Размышляю о цели в жизни и пишу заметку для соцсетей.

В чём твоя цель?

Моя бабушка говорила: «У тебя должна быть цель в жизни, тогда тебе будет легче преодолевать трудности и проходить испытания. Цель – это маяк. Ты никогда не должна отводить от неё взгляд».

Наличие цели – я это твёрдо усвоила за годы – не избавит нас от трудностей, боли, горя, страданий, даже отчаяния. Всё это было, есть и будет частью нашего пути. Но именно наличие в моём сердце цели придаёт мне сил, когда обстоятельства накатывают, как бурные волны в шторм. Маяк-цель не даёт мне сбиться с курса. Особенно это важно, когда в пути ты не один и за тобой следуют другие отчаянные, смелые души.

Идут за тем, кто идёт. Вы уверены, что ежедневно идёте к своей цели? Если нет, пойдёмте вместе.

Берега истории

Владислав Краснов

Владислав Краснов – бывший американский профессор, основатель общества дружбы между Россией и Америкой (www.raga.org). Автор книг: «Солженицын и Достоевский, искусство полифонического романа», «Пермский крест: сборник эссе о судьбе Михаила Александровича в Перми», «From the East to the West: A message of Peace» Sanbun Publishers.

Образ Перми в истории

К 300-летию города

«Здравствуйте, Владислав Георгиевич! Мне очень понравилось Ваше интервью на сайте gorperm.ru», – сказал мне стройный молодой человек лет 30, вынырнувший из-под листвы в разгаре необычно жаркого лета 1 августа 2021 года рано утром в парке имени Горького. Такое явление поразило меня, это было рано утром, и в парке никого не было.

«А как Вы узнали меня?» – удивился я.

«Да там же были Ваши фотографии, снятые в Пермском краевом центре для незрячих».

«Я очень польщён, но с кем я имею удовольствие разговаривать?»

«Меня зовут Сергей», – просто ответил незнакомец.

«Может быть, Вы читали мою книгу “Когда я родился” о моей юности в Перми?»

«Нет, но обязательно прочитаю её».

«А можно узнать, где Вы работаете?»

«Госслужба», – кратко ответил собеседник.

«Ну, тогда это тем более важно для Вас».

«Да, я с Вами согласен».

На этом наш разговор закончился, и «Сергей» растворился в дымке утреннего тумана.

Такое внимание к моей личности подвигает меня поделиться с пермяками моим видением образа Перми. Не было ли это парадоксальным явлением образа Сергия Радонежского? Я ведь несколько раз выступал на радио radonezh.ru, вещающем по всему миру на русском языке, – проводила интервью со мной Антонина Арендаренко – <https://radonezh.ru/radio/2018/02/08/20-07.html>.

Зная, что Пермь готовится к празднованию своего 300-летнего юбилея, хотел бы поделиться своими впечатлениями, как образ Перми воспринимается иностранцами в настоящее время. Как-никак я более 60 лет прожил за границей, в том числе в Швеции, США, Японии, и посетил много других стран и неизбежно сталкивался с вопросом: «откуда Вы?» Ответив: «из Перми», неизбежно сталкивался с недоумённым взором. В годы холодной войны можно было ещё пояснить, что это бывший город Молотов, данное название Пермь носила в 1940–1957 годах. Как-никак, имя бывшего министра иностранных дел СССР было известно на Западе, почти как второе имя после Сталина. При этом некоторые «ёрничали»: не у вас ли там делают «молотов-коктейль»?

С опубликованием романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» и выходом одноимённого фильма, где роль главного героя исполнил выдающийся актёр Омар Шариф, мне было лестно сказать собеседнику, что Пермский край ассоциируется не только с «коктейлем Молотова».

Сейчас я хотел бы поделиться с читателями своими соображениями, как воссоздать добрую славу Перми в связи с её 300-летием.

Во-первых, Пермь дала название Пермскому периоду Палеозойской эры (смотри Википедию по-русски) истории Земли, и этим можно и нужно гордиться. К примеру, в США есть даже университет, названный в честь Пермского периода, – The University of Texas of the Permian Basin (UTPB). Когда-то я преподавал в Университете Техаса, в городе Остин, и мне было приятно сознавать, что под боком находится Техасский Университет Пермского бассейна. До сих пор жалею, что не посетил его.

На самом деле за Пермский период истории Земли любой пермяк должен держаться как за талисман. И это не бахвальство, ибо название Пермский период было дано не русским зазнайкой, а с лёгкой руки английского геолога-энтузиаста сэра Родерика Импи Мэрчисона. Помню с детства, когда ходил в музей при Пермской картинной галерее, там прочитал, что был такой Пермский период, сразу же подумал, что стою на его фундаменте. К моей радости, узнаваемость Пермского периода значительно повысилась после развала СССР, когда и в Пермь зачастили иностранные гости и делегации, когда, наконец, «закрытый» город «открыли». К тому же через несколько лет средняя школа № 9 имени Пушкина, с подачи её директора Натальи Курдиной, установила на своей территории мраморный монумент английскому благодетелю российской истории. Вот уж, в самом деле, долгожданное признание вклада английского учёного в репутацию Перми.

Другое достойное упоминание Перми в истории тоже достойно памяти пермяков. Напоминание этого названия осталось на старой карте Перми, где до революции была улица Беармия (читайте книгу Карла Тиандера «Страна Беармия»). Дело в том, что ещё в XI веке страна Беармия вошла в историю, поскольку она упоминалась в исландских сагах. Беармия – это попытка скандинавских народов воспроизвести труднопроизносимое финско-язычное слово «пермь». «Беармией» они называли территорию северо-западной части России до Уральских гор, ныне занимаемую Республикой Коми, Карелией и Пермским краем, где проживают финно-угорские народы, родственные народам Коми и коми-пермякам. Почти одновременно слово Пермь попало в летопись «Повесть временных лет» (XII век), где так называются финно-угорские племена, вошедшие в состав первого русского государства.

Второе моё сильное детское впечатление было, когда я увидел посох Стефана Великопермского в том же краеведческом музее. Посох был хорош сам собой, но имя его владельца вызывало у школьника-атеиста недоумение, нарядный посох как бы указывал на его благородное княжеское происхождение или великий чин; подтекст же обращал внимание на его религиозный подвиг. Это был великий подвиг, потому что святой Стефан повторил подвиг святых Кирилла и Мефодия при крещении финно-угорских народов, широко разбросанных по северо-западу европейской части Киевской Руси, создав для них азбуку. Импонировало также и то, что он, как и Сергей Радонежский, был почти ровесником князя Дмитрия Донского.

Пусть Екатеринбург гордится, что он столица Урала, а мы, пермяки, должны гордиться тем, что наши предки пробили окно через Урал из Европы в Азию вплоть до Америки. Речь идёт о походе казака Ермака Тимофеевича по реке Чусовой и через Уральский хребет на территорию царства татарского хана Кучума (1581–1585). Правда, в то время ещё не было топонима «Пермь», закреплённого за этой территорией, да и самого города Перми не было. Но никто не будет спорить, что один из первых торговых путей из Европы в Азию был проложен по пермской земле – Бабиновская дорога, маршрут через Урал из Европейской России в Сибирь от Соли Камской до Верхотурья. Открыта в 1597 году посадским человеком Артемием Бабиновым, в течение двух столетий Бабиновская дорога была единственным путём, соединявшим европейскую часть России с Азией. Спасибо и Алексею Викторовичу Иванову, который привлёк внимание к Пермскому краю в своём романе «Сердце Пармы».

Знаю, что Пермь – многонациональный и мультирелигиозный край, и знаю, что было длительное противостояние русских и татаро-монгол, навеянное как победами, так и поражениями. Не наше дело судить задним числом наших предков, но я считаю, что межнациональная и межрелигиозная толерантность и согласие в Перми и Пермском крае достаточно прочны, чтобы игнорировать такое историческое явление, как «проникновение» Ермака в Сибирь.

С детства я восхищался архитектурой религиозных храмов, – как мусульманской мечети (улица Орджоникидзе – Петропавловская), так и православными храмами неподалёку. Более того, были в Перми тогда и католический костёл, и протестантская церковь, и иудейская синагога. Увы, многие храмы были подвергнуты осквернению в советское время, а мечеть была превращена в партийный архив.

Слава богу, в последнее время открылись новые возможности для межрелигиозного содружества при сохранении свободы совести для всех. Кстати, мне удалось самому внести вклад в изучение истоков ислама, однажды американский учёный-исламовед Джон Морроу попросил меня как президента организации RAGA (общество российско-американской дружбы) перевести его английский текст шести Обетов Пророка Мухаммеда (да живёт он в мире!) христианам на русский язык. Книга впоследствии появилась в интернете, а мой русский текст был переведён на язык азербайджанский

(азери). Информация о публикации также дана в журнале ГД «Представительная власть» и в ресурсе «Радонеж» – <https://radonezh.ru/analytics/o-shesti-obetakh-proroka-mukhammeda-khristianam-vsego-mira-154830.html>.

Поэтому думаю, что к 300-летию Перми было бы символически оправданно возвести памятник казачку Ермаку Тимофеевичу и его «дружинам», совершившим героический пролом из Европы в Азию.

Разумеется, нельзя забывать и Петра I, при нём – деятельность Татищева, исполнившего указ об основании медеплавильного завода на территории нынешней Перми (Разгуляй). При этом Пётр I приказал шведским военнопленным мастерам горного дела поделиться опытом с русскими мастерами.

Не случайно Ломоносов говорил: «Могущество России прирастать будет Сибирью!» Следующий взлёт Перми в карьере столичного города политического истеблишмента случился при Екатерине (1781), и это был довольно крутой взлёт, когда императрица Пермь провозгласила генерал-губернаторством, ни много ни мало, а Урала и Западной Сибири. Однако это, очевидно, оказалось не по зубам такому городу, как Пермь, но видимый след этого взлёта остался – бывший кафедральный собор (Спасо-Преображенский собор, картинная галерея), построенный на основе кирпичного фонда, оставшегося от церкви в имении Строгановых. Между прочим, я только что вернулся из города Ветлуги Нижегородской области, в котором я часто провожу лето, и этот город тоже отличается прямоугольными улицами. «Почему бы это?» – подумал я. Оказалось, что в том же 1781 году Ветлуга стала уездным центром, и Екатерина опять, как и в случае с Пермью, наказала градостроителям последовать образцам европейской планировки. Есть разные сведения насчёт спорного восхождения Екатерины II на русский престол, но несомненно то, что она была талантливой, образованной и обаятельной женщиной и особо преуспела во внешней политике. Для Америки памятно то, что русская императрица несколько раз отказывала английскому королю послать наёмные войска из казачества, чтобы подавить американскую революцию, то есть восстание Джорджа Вашингтона. В последней попытке получить поддержку императрицы король Георг обещал передать испанский остров Минорка в сюзеренитет Екатерине. Но «наша Катя» устояла, она понимала, что гораздо полезнее для России освоить Крым, да и тень восстания Пугачёва ещё напоминала о себе.

Думаю, что на празднование 300-летия Перми желательно пригласить американскую делегацию, тем более что Екатерина оставила на карте Перми видимый архитектурный след, – по ее приказу начиная с 1781 года улицы Перми стали строить вдоль Камы под прямым углом.

Сто с небольшим лет спустя (май 1885 – август 1886) американский путешественник и географ Джордж Кеннан (George Kennan) посетил Пермь с инспекцией соблюдения прав человека в царских тюрьмах. Не знаю, насколько он был удовлетворён всем увиденным, но он восхищался тем, что прямоугольные улицы Перми очень напоминают ему американские города. Кстати, потомок этого путешественника Джордж Ф. Кеннан стал выдающимся дипломатом и известен как автор стратегии сдерживания СССР в «холодной войне». Мне довелось присутствовать на его выступлении в Гуверовском институте в начале 2000-х, в котором он решительно осудил политику США по дальнейшему расширению НАТО. Не надо думать, что все антикоммунисты были заклятыми врагами исторической России.

Другим крупным событием в общественной жизни Перми было посещение города императором Александром I в сентябре 1824 года. К его приезду были построены обелиски застав Казанской и Сибирской, по архитектурному проекту Свиязева в городском саду построили павильон, который мы теперь можем наблюдать в парке имени Горького и называем Ротондой.

С распространением марксизма, а впоследствии и ленинизма в царской России и развитием капиталистической экономики на заводах военно-промышленного комплекса в Перми развилось рабочее движение с протестами, демонстрациями и забастовками. Уже в начале XX века петербургский священник Иоанн Кронштадтский, в будущем святой, предрекал Перми суровую судьбу под сенью чёрного креста, это пророчество начало исполняться во время революции 1905 года и с лихвой воплотилось после Октябрьской революции.

Тем не менее Пермь продолжала развиваться, в 1916 году город стал университетским, Пермский государственный университет был основан на модели Санкт-Петербургского университета. Также город стал торговым центром Западного Урала, в котором шла бурная культурная жизнь, включая театральные постановки и роскошные путешествия зажиточной публики вниз по Каме до Царицына. В городе был один из старейших музыкальных театров в России – Театр оперы и балета,

а также симфонический оркестр филармонии. Многие деятели культуры, в том числе Чехов и Горький, стремились посетить Пермь. Лучшим пермским поэтом считался Михаил Андреевич Осоргин, настоящая фамилия Ильин (7 (19) октября 1878 – 27 ноября 1942), который восхищался магической силой древней реки Камы.

Город Пермь вошёл в историю как город ссыльных, политзаключённых и диссидентов.

Так, в сентябре 1812 года был сослан русский государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839), один из первых реформаторов Александра I, находился в ссылке в Перми два года.

Здесь же в 1835 году побывал в ссылке Александр Иванович Герцен, русский публицист-революционер, издатель журнала «Колокол».

По Сибирскому тракту, проходя через Пермь, прогремел кандалами в суровую 40-градусную ночь Ф. М. Достоевский в 1850 году по пути на каторгу.

Отдельно упомянем представителя дома Романовых Михаила Никитича Романова, дядю первого царя из рода Романовых – Михаила Фёдоровича, сосланного в Ныроб (Пермский край) в 1601 году царём Борисом Годуновым из-за политических интриг.

В советское время Пермский край был усыпан лагерями ГУЛАГа, включая наиболее известный сейчас как Пермь-36, куда были заключены известный публицист Леонид Бородин, будущий редактор журнала «Москва», и Сергей Ковалёв, советский диссидент, депутат Госдумы, член Инициативной группы защиты прав человека в СССР, бывший руководитель общества «Мемориал» (признан иностранным агентом).

Отбывали в Пермском крае ссылку также Варлам Шаламов, прозаик и поэт, и Осип Мандельштам – русский поэт, прозаик и переводчик.

Не случайно А. Солженицын нашёл необходимым посетить Пермь во время своего триумфального возвращения в Россию в 1994 году. В частности, он навестил своих однополчан по боевым действиям в Восточной Пруссии и одного из активистов своего фонда по помощи политическим заключённым.

Мне было лестно узнать, что при посещении Перми А. Солженицын позвонил моей сестре и пригласил её с мужем к себе на встречу, чтобы узнать, как обращались с семьёй «перебежчика».

За пару лет до этого я переслал А. Солженицыну письмо профессора В. Шмырова с приглашением поучаствовать в проекте «Пермь-36». Согласно Шмырову, писатель дал благословение на этот проект, но от участия в нём отказался, будучи занят своим фондом помощи политическим заключённым.

Думаю, было бы правильно к 300-й годовщине отметить связь Солженицына с Пермью, тем более что один из его сыновей женат на дочери пермской журналистки. И отметить гостиницу «Урал» мемориальной доской о пребывании в ней А. Солженицына в 1994 году.

Увы, пророчества Иоанна Кронштадтского сбылись с лихвой, ибо именно в Перми был убит последний наследник дома Романовых – Великий князь Михаил Александрович. Тот факт, что он был убит на пять недель раньше, чем царь Николай II, говорит о том, что большевики понимали, «чьё мясо съели». Николай II был уже давно битой картой, Михаилу же удалось остановить Февральскую революцию обещанием того, что страной будет руководить всенародно избранное Учредительное собрание; кстати, в Белом движении преобладающей политикой было «непредрешенчество» о желаемой форме правления страной после победы. Тем временем большевики продолжали будоражить страну своим лозунгом «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!» и игнорировали мнение народа на выборах в Учредительное собрание. Захватив власть, большевики попросту распустили УС, в котором у них было не более четверти голосов.

Сам президент Путин неоднократно указывал, что политика большевиков во время Первой мировой войны была предательской, и поставил под вопрос любое насильственное решение социальных проблем. Вот что он сказал в посольстве ЮАР в Москве, которое посетил 9 декабря 2013 года в связи с кончиной многолетнего лидера ЮАР Нельсона Манделы: «Мужественный, мудрый человек Н. Мандела всегда последовательно боролся за свои убеждения, но при этом оставался великим гуманистом и миротворцем. Именно такой подход востребован в мире сегодня: поиск компромиссов – это лучшая основа для согласия и сотрудничества».

Далее он добавил чрезвычайно важные слова: Нельсон Мандела – один из выдающихся мировых деятелей XX и XXI веков. По его масштабу он, безусловно, сопоставим с такими гигантами, как Махатма Ганди, как Александр Солженицын.

Мне лично очень импонируют эти слова, потому что я сам восхищаюсь Солженицыным и побывал в ЮАР, чтобы познакомиться с наследием Манделы. Летом 2001 года я посетил мою племянницу, балерину Катю Кински, выпускницу Пермского хореографического училища. Будучи замужем за гражданином ЮАР, она танцевала в главных ролях Кейптаунского театра оперы и балета. Оказавшись в Кейптауне, я не преминул сесть на паром и побывать на острове Роббен, чтобы посетить тюрьму, в которую некогда был заключён Нельсон Мандела.

Самое главное для меня то, что Мандела решительно отошёл от своих марксистско-ленинских взглядов и принял к сердцу философию непротivления злу насилieм от Махатмы Ганди. Замечательно, что Путин сослался на Солженицына как на непротivленца. К этим именам следует добавить нашего Льва Толстого и Мартина Лютера Кинга из США, Альберта Эйнштейна, Николая Рериха, Елену Блаватскую, Инайят Хан (1882–1927).

Хотелось бы видеть, чтобы и Россия последовала примеру ЮАР в осуществлении программы «Истина и Примирение» («Truth and Reconciliation») в отношении Октябрьской революции.

К сожалению, даже в годовщину 100-летия Октябрьской революции я получил письмо от митрополита Митрофана Баданина, что в отношении смерти великого князя Михаила и Николая Джонсона архивы не будут открыты ещё 100 лет. А ведь митрополит Баданин – автор замечательной книги «Икона великого князя», которая могла бы послужить «житием» для провозглашения святых.

Добавим к тому же, что Русская православная церковь за рубежом прославила как Николая, так и Михаила святыми ещё в 1981 году. Думаю, что Михаил может быть причислен к лику святых как невинно убиенный страстотерпец и мученик.

Возрождение Перми как исторического города после эпохи абстрактного интернационализма в советское время началось сразу же после окончания первого конгресса соотечественников в августе 1991 года. Мне посчастливилось быть участником этого конгресса в Москве и по Пермской программе. В начале сентября 1991 года я организовал возложение венков к гостинице «Королевские номера», пермская общественность широко откликнулась на эту инициативу восстановления исторической памяти Перми. Я также присутствовал на банкете в школе № 11, когда директор школы Раиса Зобачёва объявила о переименовании школы в гимназию имени Дягилева, который уже был известен на Западе как выдающийся русский импресарио. Помню и других активистов Перми по восстановлению исторического лица города: Лев Валентинович Перескоков – председатель пермского краевого общества ВООПИК; профессор Виктор Шмыров, он озаботился превращением бывшего концлагеря в музей ГУЛАГа «Пермь-36»; Владимир Гладышев – пермский краевед, осуществил проект «Некрополь» по восстановлению дореволюционных могил на кладбище при храме «Всех святых»; Варвара Кальпиди – восстановила историю купеческого дома Грибушиных, торговавших чаем в России; Вячеслав Димов – сбор архивных данных по дому Романовых и великому князю Михаилу – https://www.pinterest.com.mx/dimovromanovper/_saved/; Анатолий Владимирович Жохов – ведущий пермского дискуссионного клуба «Диалог»: обсуждение, популяризация и распространение информации о доме Романовых; Бузанов Валерий – один из самых рачительных ревнителей памяти Михаила Александровича, считающий себя его потомком.

Важным мероприятием считаю восстановить могилы выдающихся отцов города, уничтоженных при закладке зоопарка на месте некрополя при Спасо-Преображенском соборе, который в настоящее время передан Пермской епархии.

Возвращаясь к теме узурпации власти большевиками, следует отметить, что даже пролетарский писатель Максим Горький резко осудил расстрел демонстрации, прошедшей в Петербурге в защиту Учредительного собрания. Этот расстрел и послужил началом гражданской войны.

Примечательно, что движение за признание Михаила Романова русским святым началось в Перми под руководством игумена Варфоломея монастыря святого Стефана Великопермского с 2007 года, там ежегодно проходит крестный ход. Кстати, образ Перми в начале нашего тысячелетия украсился осознанием того, что это был не только центр оборонной промышленности, но и центр поиска мирного ограничения гонки вооружения, так, в 2005 году Пермь посетила американская делегация с одним из лидеров сената Лугаром и молодым сенатором, будущим президентом США Бараком Обамой.

Позднее участники встречи с Обамой в Перми рассказали мне об этом событии, и один из участников просил меня переслать ему приветственное письмо.

Об этом я не забыл и сделал, ведь почти в тот же день увидел напоминание о данном обещании в виде плаката через Комсомольский проспект с рекламой ресторана, украшенного именем Обамы.

Мне думается, что празднование 300-летия Перми следует украсить приглашением в Пермь международной конференции по разоружению. Как-никак, Пермский период Палеозойской эры оказался самым разрушительным в истории планеты.

Думаю, что конференция должна проходить под знаком обоюдного уважения, отказа от насилия и признания того, что Пермский период достаточно известен.

И было бы замечательно заложить аллею вечной любви, гармонии и дружбы со всеми народами, состоящую из древовидных папоротников. В некоторых странах, в частности в России и Японии, цветок папоротника считается символом взаимного приятия, любви и миролюбия.

Наблюдая запутанность, напряжённость и опасность нынешних международных отношений в эпоху ковида, невольно приходит на память образ «заблудившегося трамвая», этот образ создал наш соотечественник и поэт Николай Гумилёв в одноимённой поэме «Заблудившийся трамвай». Наряду с поэмой Александра Блока «Двенадцать», поэма Гумилёва даёт наиболее чёткую духовную оценку процессам, которые привели Россию к Октябрьской революции. В отличие от символиста Блока, Гумилёв создал свою собственную литературную школу акмеизма. В отличие от туманного и мечтательного символизма, акмеисты настаивали на более мужественном и жизнеутверждающем подходе к реальности. Среди многих последователей акмеизма оказались и такие выдающиеся поэты, как Осип Мандельштам и бывшая жена Гумилёва Анна Ахматова. Среди последователей Гумилёва оказалось и несколько поэтов в белой эмиграции. Мне самому довелось познакомиться с одной из последовательниц Гумилёва Ириной Одоевцовой, которая пригласила меня в гости в парижскую квартиру.

С началом мировой войны Гумилёв был чуть ли не единственным поэтом, который пошёл добровольцем на войну и был дважды награждён Георгиевским крестом. Революция застала его во Франции, где он был представителем Временного правительства. Однако Гумилёв не остался на Западе, сказав, что он охотился в Африке на львов, он добавил, что большевики не могут быть страшнее их, и вернулся в Петербург, где вскоре создал цех поэтов, своеобразную школу поэтического мастерства для молодого поколения советских людей. Увы, вскоре он был арестован за подозрение в участии в контрреволюционном заговоре и приговорён к расстрелу. В своей пророческой поэме он предсказал и собственную смерть:

*В красной рубахе, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Вот она, вместе с другими,
В ящичке сером на слизком дне.*

Увы, «Заблудившийся трамвай» с бешенством промчался и по советской эпохе, в 1938 году чекист, приговоривший Гумилёва к расстрелу, был арестован и расстрелян как троцкист.

Кстати, надо отметить и выдающийся вклад в развитие русской культуры Льва Николаевича Гумилёва, сына Ахматовой и Гумилёва (умер в 1992 году). Он создал оригинальную теорию о пассионарности как факторе исторического развития и внёс огромный вклад в движение евразийцев в России.

При всей непредсказуемости международных отношений сейчас, программа города Перми по празднованию его 300-летия должна включить и международный экологический форум. Поскольку нынешние политики блуждают до сих пор как заблудившийся трамвай, экологи должны выступить более активно за необходимость всепланетной солидарности людей, разных по этничности, религии и идеологии, если они эмпатизируют всему человечеству и преданы нашей матери – планете Земля.

Под занавес они могли бы пропеть песню нашего современника Булата Окуджавы:

*Возьмёмся за руки друзья,
возьмёмся за руки друзья,
чтоб не пропасть поодиночке.*

Берега истории

Валерий Латынин

Валерий Анато́льевич Латынин – родился в 1953 году в донской станице Константиновской Ростовской области в учительской семье. Окончил Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт им. Горького в Москве. Полковник в отставке. Военный журналист, поэт, прозаик, переводчик. Автор более 40 книг, вышедших в России и за рубежом. Член правления Союза писателей России, председатель Совета по национальным литературам, почётный член Содружества сербских писателей, академик Академии славянской литературы и искусства в Болгарии, лауреат Всероссийских и международных литературных премий.

Генерал Вейсман – Ахилл русской армии

(В декабре 2021 года исполнилось 295 лет выдающемуся полководцу, соратнику А. В. Суворова генерал-майору Отто Вейсману)

Потомок ливонских рыцарей генерал-майор Отто Адольф Вейсман (барон фон Вейсенштейн), соратник и друг А. В. Суворова, при жизни получил неофициальный почётный титул «Ахилл русской армии». Такое звание иностранцу непросто было заслужить среди русских офицеров и солдат Екатерининской эпохи. Если учесть, что через службу в армии в те времена проходили все дворяне, а у солдат это была пожизненная обязанность, и дилетантов среди них не было, то подобная оценка личных качеств полководца очень о многом говорит, как и известное высказывание Суворова о гибели товарища: «Вейсмана не стало – я остался один».

Знаменитый русский поэт Гаврила Романович Державин написал в оде «Водопад» об этом герое так:

Вкруг Измаила ветр шумит,
И слышен стон, – что турок мнит?
Дрожит, – и во очах сокрытых
Ещё ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.

Что же это была за личность, о которой с восхищением отзывались и простые солдаты, и великие люди Российской империи? Чем данный генерал заслужил такую честь?

Потомок рыцарей

Отто Адольф Вейсман (фон Вейсенштейн), встречается написание фамилии Вайсман, в русской армии его называли Отто Ивановичем, родился 20 декабря 1726 года в дворянской семье в Лифляндии – бывшей вотчине немецких рыцарей-крестоносцев, ставшей частью России. Ныне эта область находится на границе Латвии и Эстонии. В русскую армию вступил рядовым 12 октября 1744 года. До 1749 года состоял в нижних чинах. А затем, видимо, за усердную службу и неординарные способности, произведён в офицеры – подпоручики. В январе 1752 года он уже капитан.

Подробных описаний его службы того периода нет, но известно, что перед началом Семилетней войны его посылали с разведывательной миссией в Пруссию. А такое задание требует большого личного мужества, недюжинных аналитических способностей, памяти, умения общаться с разными людьми, добывая нужную информацию, острой реакции при принятии решений. К этому перечню

достоинств необходимо добавить ещё верность присяге, ибо воевать Отто Вейсману пришлось против бывших сродников. И делал он это весьма решительно, не прячась за спины солдат. В ходе боевых действий против войск Фридриха II Вейсман был дважды ранен в сражениях при Гросс-Егерсдорфе и Цорндорфе. К окончанию войны в 1763 году он получил высший офицерский чин – полковника.

В России началась эпоха Екатерины II, которой предстояло немало потрудиться на государственной ниве, чтобы получить в будущем право именоваться Великой. Для великих дел ей очень были нужны великие исполнители её грандиозных планов. Одним из таковых и стал полковник Вейсман, вступивший в 1768 году в командование Белозерским пехотным полком, с которым принял участие в войне с польскими конфедератами. Именно ему довелось открыть первую страницу истории Екатерининской войны с Турцией. В погоне за одним из отрядов конфедератов, солдаты Вейсмана перешли турецкую границу и сожгли Балту, укrywшую неприятеля. (По другой версии, это сделали запорожцы, поддерживавшие русских.) Турция, подстрекаемая своими европейскими союзниками, нашла внешний повод для объявления войны России. Именно в этой войне Вейсман проявит замечательный полководческий дар и заслужит почётное звание «Русского Ахилла», то есть бесстрашного и удачливого воителя.

Портрет Отто Вейсмана

Мастер штыковых атак

В начале Русско-турецкой войны полк Вейсмана вошёл в состав 1-й армии, которой командовал генерал-аншеф А. М. Голицын. В 1769 году армия осаждала крепость Хотин. Вейсман дважды водил свой полк в ночные штыковые атаки на крепостные укрепления. Следует отметить, что штыковые атаки требуют особого солдатского мужества и умения от воинов. Не зря славный соратник Вейсмана А. В. Суворов говорил своим солдатам: «Пуля – дура, а штык – молодец!» Вполне резонно считать, что его боевой товарищ думал так же. Что подтверждается всем его дальнейшим боевым опытом. К тому же османы больше всего боялись быть зарезанными, ибо верили, что такие воины Аллаха не попадут в рай.

За особые боевые заслуги 1 января 1770 года полковник Вейсман был пожалован чином генерал-майора и назначен командиром бригады. Новый командующий русской армией генерал-аншеф Пётр Александрович Румянцев ввёл данную бригаду для усиления в авангард, под руководством генерала Баура. Авангард сыграл значительную роль в июльской битве на реке Ларге в нынешней Молдавии, где армия Румянцева разбила объединённые силы турецкой пехоты и татарской конницы во главе с ханом Каплан-Гиреем. Были захвачены 33 орудия и лагерь неприятеля. Вклад генерала Вейсмана в эту битву был оценён орденом Святого Георгия 3-й степени.

Неудача при Ларге не остановила воинственные намерения великого визиря Ивазаде Халил-паши. Он собрал до 150 тысяч воинов в районе крепости Исакчи и решил переправиться на левый берег Дуная и атаковать малочисленную, к тому же с плохо налаженным тыловым обеспечением русскую армию. Пятикратное превосходство в численности войска, большое количество артиллерии (140 пушек), угроза крымчаков русским тылам и их готовность поддержать наступление турок настроили визиря и командный состав его армии на решительные действия. 21 августа 1770 года он запланировал атаковать русский полевой лагерь в районе реки Кагул.

Но Румянцев упредил визиря и в час ночи 21 августа двинул свои войска на неприятеля. Фактор внезапности, решительность командования, боевая слаженность русских подразделений, меткость стрельбы артиллеристов, взаимовыручка решили исход этого сражения. Как ни пытался великий визирь остановить бегущих с поля боя воинов, самыми жестокими мерами, вплоть до казни, битва была проиграна. Авангардный отряд Баура и бригада генерала Вейсмана вновь помогли главно-

командующему русской армией одержать блестящую победу, как принято говорить, не числом, а умением. Турки бежали за Дунай, а крымские татары ретировались в свои степи.

За сражение при Кагуле генерал Вейсман был награждён орденом Святого Александра Невского. Видимо, итог этой битвы сподвиг храброго генерала взять за правило считать врагов не до боя, а после него.

Рейды по тылам

Но война была ещё далека от успешного завершения. На правой стороне Дуная и вглубь Балкан турки имели мощную систему крепостей, где сосредоточили большое количество войск, вооружения, запасов продовольствия. В их распоряжении была многочисленная речная флотилия. На бывших вассальных территориях они имели немало осведомителей и были хорошо информированы о дислокации русских частей и подразделений, их количестве, тыловом обеспечении. Русская армия, базировавшаяся в Румынии, значительно уступала османам по количеству войск и по надёжности и качеству их тылового обеспечения. С речными судами тоже были большие проблемы. Но русской армии необходимо было во что бы то ни стало связать инициативу осман, не позволить им подготовиться и провести наступательные операции на своём берегу. А для этого требовалось постоянно тревожить противника диверсионными рейдами, разрушать его опорные пункты, коммуникации, тылы, собирать разведывательную информацию о дислокации и передислокации войск.

С этими задачами блестяще справился генерал Вейсман. Он неоднократно с небольшим отрядом гренадер, гусар, казаков и артиллеристов переправлялся на турецкую сторону и наносил превосходящему противнику весьма ошутимый урон.

Первый подобный рейд он осуществил уже осенью 1770 года, захватив укрепления крепости Исакчи и заставив гарнизон в панике бежать из неё. Успешно проведённая разведка боем, как принято квалифицировать подобные операции сегодня, показала уязвимость турецкой оборонительной системы, слабость воинского духа осман, плохую выучку солдат, прежде всего артиллеристов, неспособность кавалеристов успешно атаковать пехотные каре противника, ведущего залповый огонь. В эти слабые места Вейсман и его последователи будут систематически наносить чувствительные удары врагу.

Крепость за крепостью

Весь 1771 год над дунайским театром военных действий будет перекашиваться громкое эхо победных операций отряда генерала Вейсмана против турок. В феврале он стремительно захватывает турецкую крепость Журжа на левом берегу Дуная. В марте предпринимает поход к крепости Тульча с пятитысячным гарнизоном и 29 пушками, взяв с собой только 720 гренадер и 30 артиллеристов без орудий, будучи уверенным, что пушки они отберут у осман. И не ошибся. Его подчинённый капитан Вишняков с 90 гренадерами стремительным броском выбил турок с их первой батареи. Генерал Озеров, заместитель Вейсмана, с группой гренадер овладел второй батареей. Основной отряд во главе с генералом Вейсманом начал выбивать турок из крепости. Её защитники дрогнули и начали отход к крепости Бабадаг, в которой находился великий визирь с главными силами. Тульча была взята. Противник потерял убитыми более 500 человек. В отряде Вейсмана погибли 18 и были ранены 78 человек. Не дожидаясь прихода войск великого визиря из Бабадага, Вейсман благополучно вернулся в свой лагерь.

14 апреля генерал Вейсман вновь осуществляет десантную операцию на турецкий лагерь возле крепости Исакча. На этот раз он берёт с собой 200 мушкетёров, 1 400 гренадер, 40 артиллеристов и две пушки. Совершая обходные манёвры двумя колоннами, отряд успешно сбил охранные заставы и батареи противника, отразил конные контратаки осман их же пушками, заставил неприятеля частью отступить, частью запереться в городском замке. Десантники Вейсмана уничтожили турецкие склады, суда и понтоны, захватили 170 пушек, 60 судов, лишив противника стратегических запасов и плавательных средств для переправы войск, и вернулись в Измаил с невиданными до сего дня трофеями.

В июне отряд Вейсмана опять совершил поход на осиное гнездо турок в Тульче. Чтобы обезопасить операцию и не допустить подхода подкрепления к османам по Дунаю, Вейсман предложил расположить на острове, лежащем против Тульчи, артиллерийскую батарею и не давать прохода неприятельским судам. В назначенное время десантирования батарея должна была открыть огонь по противнику. Но в ночь с 18 на 19 июня пошёл сильный дождь с ветром, десантники вымокли до нитки, промочили заряды, к месту высадки добрались с опозданием в несколько часов.

Казалось бы, операция пошла по незапланированному сценарию и по всем правилам военной науки её нужно было отменить, чтобы напрасно не жертвовать людьми. Но «Ахиллу» негоже пасовать перед земными трудностями. И генерал Вейсман ведёт своих богатырей к намеченной цели. Им пытаются воспрепятствовать огнём турецкая флотилия из 11 судов. Однако авангард отряда во главе с капитан-поручиком Луниным и батальон гренадер на запорожских «чайках» загоняют их в камыши. Затем лунинцы берут турецкую батарею на берегу. Из крепости бросается в атаку конница противника, но её отбивают с позиций занятой батареи. Высадив основной отряд на берег, Вейсман снова разбивает его на две колонны, чтобы обойти город и крепость с берега и с материка. Одну возглавляет сам, другую ведёт его испытанный заместитель генерал Озеров. По пути отбивают кавалерийские наскоки, поражают неприятельские суда, штурмуют ретраншементы. В штыковую! Порох намок ещё ночью. И таки берут город, за исключением замка.

Несколько раз турки предпринимали конные и пешие контратаки, но каждый раз откатывались вспять. Солдаты Вейсмана даже преследовали их по нескольку километров. Перемазанные в грязи с ног до головы, они ещё больше устрашали противника, хотя сил для боя уже почти не оставалось. Отбив очередную атаку, гренадеры валились на сырую землю, чтобы хоть немного передохнуть и восстановить силы. В этом рейде вместе с солдатами Вейсмана участвовали и запорожцы. Они особенно рьяно набрасывались на своих извечных врагов и едва не попали в окружение, врубаясь в ряды противника. Гренадеры сомкнули строй с запорожцами и перекололи окруживших их турок.

Великий визирь из района Бабадага послал на помощь гарнизону Тульчи отборный кавалерийский отряд – 4 000 всадников – и передал коменданту крепости указание, если он не отобьёт город, то поплатится за это головой. Но к вечеру дождь прекратился, порох высох, и десантники Вейсмана встретили подкрепление неприятеля прицельным ружейным и артиллерийским огнём, чем быстро погасили наступательный пыл осман. Турки потеряли под Тульчей до 2 000 убитыми и утонувшими. Потери отряда Вейсмана составили 67 человек. Десантники погрузили на суда захваченные пушки, сожгли неприятельские плавательные средства, которые невозможно было забрать с собой, и благополучно вернулись в Измаил.

Штурм Тульчи

В октябре генерал Вейсман провёл такой сокрушительный рейд по османским опорным пунктам, что не оставил великому визирю никаких надежд на возможность перехода к активным наступательным действиям. Главнокомандующий П. А. Румянцев поставил задачу генералу Вейсману отвлечь внимание турок от действий отряда генерала Эссена. На этот раз десант был весьма внушительным. В его состав вошли семь батальонов гренадер и мушкетёров, один батальон егерей, пять эскадронов гусар и три сотни донских казаков. С собою взяли по 10 больших и малых пушек, заряды к ним. Вместе с Вейсманом в поход отправились генералы Озеров и Энгельгард.

Утром 19 октября флотилия отчалила от измаильской пристани. На остров против Тульчи заранее отправили кавалерию и артиллерийские повозки. Впереди следовал батальон егерей под командованием майора Мекноба. Они стремительно высадились в устье реки Сомов и штыковой атакой заняли береговую батарею турок, обеспечив беспрепятственную высадку основных сил. Как всегда, Вейсман разделил отряд на две колонны, распределил артиллерию, выслал вперёд боевой авангард. Около тысячи турецких кавалеристов пытались атаковать колонну генерала Озерова, но были отбиты артиллерийскими залпами. Обе колонны русских воинов стремительно приближались к Тульче. Со стен крепости по ним вели орудийный и пушечный огонь. Но чем ближе русские подходили к укреплениям, тем более слабел огонь, пока не стих вовсе. Комендант крепости Джафир-паша, помня прошлые визиты отряда Вейсмана, решил не искушать судьбу и отдал команду на отход войск к Бабадагу. Только конные отряды турок пытались сдерживать ряды десантников, но были быстро отогнаны

*Освящение памятника фельдмаршалу Румянцеву
в Кайнардже, 2014 г.*

*Поэтесса и краевед Д. Станева показывает
место гибели генерала Вейсмана*

гусарами и казаками. В полдень Вейсман расположил свою пехоту в крепости, а кавалеристов послал преследовать отступающего врага.

Однако изгнание 2,5 тысячи воинов гарнизона Тульчи не удовлетворили боевой пыл «русского Ахилла», и он решил продолжить рейд до Бабадага и нанести удар по 20-тысячному отряду великого визиря. Дав трёхчасовой отдых солдатам, уничтожив военные склады и укрепления, отправив на суда захваченные пушки и бочки с порохом, Вейсман ночью двинул свой отряд на Бабадаг. Такого броска противник не ожидал от русских. Турки не выставили боевое охранение даже в узком проходе в горах, где легко было задержать десантников на значительное время. Только небольшой отряд неприятельской кавалерии встретился отряду Вейсмана на пути, и тот тут же пустился наутёк, атакованный гусарами и казаками. В стане великого визиря началась паника. Из 20 тысяч воинов задержать в укреплениях удалось не больше 8 000. Наступающих русских встретили огнём из 100 турецких орудий. Им ответили полевые пушки артиллеристов Вейсмана. Да так красноречиво, что вскоре турецкие орудия смолкли и началось массовое бегство из лагеря. Вейсман с пехотой занял укрепления турецких батарей, часть кавалерии послал преследовать противника и вести наблюдение за ним, а другую часть во главе с полковником Кличко отправил занять город Бабадаг. Виктория была полнейшая. И опять Вейсман не остановился на достигнутом. Он повёл отряд к Исакче, а потом вновь завернул к Тульче, чтобы османы надолго потеряли покой и уверенность в возможности вести войну с русскими. На этот раз он переправил в русский стан не только многочисленные трофеи, но и около 16 тысяч местных жителей, пожелавших уйти от турецкой тирании. Самое удивительное, что в этом походе полководец потерял убитыми только 20 своих воинов. Итогом баталий генерала Вейсмана в 1771 году стало награждение орденом Святого Георгия 2-й степени и назначение командиром дивизии.

По ту сторону Дуная

Целый год после этих событий османы не помышляли об активных военных действиях, а вели бесплодные переговоры о мире. В 1773 году боевые операции возобновились. В конце мая дивизии Вейсмана была поставлена задача: переправиться через Дунай у Измаила, пройти рейдом по правому берегу до Гуробала (в 30 верстах от Силистрии) и прикрыть переправу основных сил армии Румянцева. Вейсман прекрасно справился с поставленной задачей, силами дивизии, укреплённой 2,5 тысячами казаков, разбил у Карасу 8-тысячный отряд турок и через Гирсово направился к Гуробалу. Атаковал там 10-тысячный корпус Османа-паши, выбил его с занимаемых позиций и обеспечил беспрепятственную переправу русской армии через Дунай. Однако после этого получил распоряжение Румянцева сдать командование дивизией старшему по чину генерал-поручику Ступишину и возглавить авангард армии.

12 июня главнокомандующий приказал дивизии Ступишина выступить к Силистрии двумя колоннами во главе с Вейсманом и Потёмкиным. Осман-паша с 20-тысячным войском занял оборону в пяти вёрстах ниже крепости. Своей конницей он атаковал авангард русской армии. Вейсман выстроил свои

батальоны в каре, отразил атаку, а подоспевшая кавалерия Потёмкина отбросила неприятеля. Передовые силы армии Румянцева приблизились к стенам крепости, в которую её комендант Хасан-паша отказался пускать разбитые отряды Османа-паши, сделав исключение только для раненого турецкого полководца. Он заявил, что ему не нужны в крепости тусы. Отступающие предприняли ещё одну слабую попытку атаковать русских, но были развеяны кавалеристами уже окончательно. Вскоре к Силистрии подошла вся русская армия. Защитники крепости отвергли предложение о сдаче и намеревались оказать упорное сопротивление. Вокруг крепости на господствующих высотах были обустроены несколько оборонительных редутов, которые мешали русским войскам начать бомбардировку крепости, особенно докучал Нагорный редут с южной стороны. Румянцев распорядился занять окопы редута. Атака была предпринята утром 18 июня силами отрядов Вейсмана, Потёмкина, Игельстрома и запорожцев. Но выбить неприятеля удалось только подчинённым Вейсмана, который распорядился обойти укрепление с тыла. Отряд находился в занятом редуте весь день, пока не поступила команда Румянцева покинуть окопы в связи с выдвижением к Силистрии 20-тысячного корпуса Нумана-паши из Шумлы. Румянцев поручил Вейсману задержать войско, идущее на помощь гарнизону крепости. Командующий предупредил боевого генерала, что в составе отряда Нумана-паши находятся опытные бойцы, в том числе тысяча ялынкалыджи, которые поклялись драться с неверными только на саблях. Румянцев решил не рисковать армией и отвести её за Дунай. А остановить сильного противника под силу только бывалым воинам Вейсмана.

Последний бой

Генерал Вейсман, не мешкая, 21 июня повёл свой 5-тысячный отряд (10 батальонов пехоты и 5 полков кавалерии) в район Кючук-Кайнарджи, чтобы перехватить корпус Нумана-паши. Переночевали в поле в нескольких вёрстах от лагеря противника, а утром Вейсман повёл солдат вперёд по теснине между холмами, при выходе из неё перестроил подразделения в боевой порядок. В авангарде, двигавшемся справа, шёл Кабардинский пехотный полк, казачий и егерский полки, два гренадерских батальона. Командовал авангардом полковник Кличко. Вейсман шёл с главными силами в центре. А слева передвигалась кавалерия.

Нуман-паша со своим корпусом занял господствующую высоту вблизи селения Кючук-Кайнарджа, на которой турки успели вырыть множество окопов. Проход к укреплениям блокировала лёгкая кавалерия – спаги. Авангард Кличко первым открыл огонь по коннице. В её рядах произошло некоторое замешательство. Но после ответного огня турецкой артиллерии спаги ринулись в атаку. Авангард стал отстреливаться от них.

Вейсман направил своих пехотинцев на артиллерийские позиции противника, главную ударную силу осман. Атаковали бегом, чтобы у неприятеля не было возможности вести эффективный огонь на поражение. Неожиданно с артиллерийских позиций навстречу русским ринулся отряд янычар и ялынкалыджи. Турок было в три раза больше, чем солдат Вейсмана. Один из янычар прорубился саблей до генерала Вейсмана и выстрелил в него из пистолета. Пуля попала в сердце отважного полководца.

– Не говорите людям, – произнёс он, падая на болгарскую землю.

Турки издали ликующий рёв. Но гренадеры не позволили им долго ликовать. Два солдата подхватили генерала на руки и двинулись с ним вперёд. Их обогнали разгневанные боевые соратники, штыками круша осман. Полковник Кличко, разделавшись со спагами, решительно повёл авангард на штурм лагеря. Противник был выбит с артиллерийских и других позиций. Кавалерия русских бросилась преследовать бегущих в разные стороны турок. Пленных на этот раз не брали.

В сражении под Кючук-Кайнарджой турки потеряли убитыми до 5 000 воинов. Русские – 15 человек, но среди них и своего прославленного «Ахилла». Его тело было забальзамировано в крепости Измаил и отправлено для захоронения в Лифляндию на мызу Сербен, подаренную отважному генералу императрицей Екатериной II вместе с баронским титулом.

Так что знаменитый Державин ошибся о месте захоронения полководца, но он не ошибся в главном – в оценке значительного ратного вклада генерала Вейсмана барона фон Вейсенштейна в победу в 1-й Екатерининской войне с Османской империей и приближение долгожданного освобождения болгарского народа от турецкого ига.

Берега Новороссии

Елена Заславская

Елена Заславская – донбасский поэт, писатель, журналист. Редактор сайта луганской культуры «Одуванчик». Автор семи поэтических сборников: «Эпоха моей любви» (1997), «Мамині сльози» (1997), «Инстинкт свободы» (2005), «Бдыць-мен и Ко» (2011), «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020), а также книг для детей: «Необыкновенные приключения Чемоданте, Чи-Беретты и Пончика» (2016), «Собаки-забияки» (2019), «Сказки Подкроватки» (2019), «Мышка-малышка и её секрет» (2020), «ХармСтихиЯ» (стихи Данила Хармса с комментариями Елены Заславской) (2020). Член Союза писателей ЛНР, Союза писателей РФ. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского, преподаватель.

НЕМО

Поэма

1

Седой рапсод,
Бродяга-инфлюэнсер,
Я расскажу тебе историю свою,
Я на ухо беззвучно напою
Песнь песен,
А ты потом пропой её другим,
В пылу пирушки,
И в пылу войнушки
Рождённую, вмещённую в стихи
Стихию,
Будоражающую душу,
Про затонувший город, город Лу,
Луганстеров и чёрных флибустьеров,
Про идолов, хранящих Дикий Луг,
Ещё жрецов грядущей новой эры,
Про то, как смерть поймала на блесну
Меня, русалку из затерянного града,
Как жизнь нас тянет медленно ко дну,
Туда, где морок, тишина, прохлада...
Ещё про свет родных зелёных глаз,
В них утонуть нисколько не страшно.
И каждый раз – всегда последний раз,
А остальное всё не важно.

Пропой, рапсод, истории мои!
Кто посмеётся, может, кто заплачет.
Жизнь ничего не значит без любви.
Да и с любовью ничего не значит.

2

– Не пиши стихов.
А пишешь – не публикуй.
А публикуешь – не посвящай.
Пообещай!

– Какое дело тебе до моих поэм?
Ты будешь не узнан,
Не назван.
Мистер Никто. No name.

Никто не узнает, где мы
Пересеклись с тобой.
Пусть начнётся поэма,
Таинственный мой герой.

3

Раньше наш город звался Луганжелесом,
Прежде, чем затонул.
Почитайте Хроники Марсия
Про войну.

Раньше был Марсий луганстером,
А теперь рапсод.
– Марсий! Есть ли жизнь

после Апокалипсиса?
– Как кому повезёт.

4

Я вглядываюсь в линию горизонта
Рядом со мною жрец, позывной – Скиф.

Наш город давно под водою.
Город-легенда, миф.
Кто же его придумал?
Жив он или погиб?
Скиф говорит, что пули
Похожи на стайку рыб.
Нет, говорит, нам покоя,
Исчезнем мы без следа
В пучине дикого моря,
Которое было всегда.
И тянется до горизонта,
Плодит кочевые сны.
И ходят ковыльные волны
Под ветром степным.

5

– Ты знаешь, куда она смотрит
Своими слепыми глазами?
Вдаль? За линию горизонта?
– Нет. Она наблюдает за нами!

Посмотри ей в лицо.
Знай, безмолвие только приманка.
Посмотри ей в лицо.
В нём ни жалости нет, ни обмана.
Посмотри ей в лицо.
Спит подводная лодка кургана –
Субмарина полная мертвецов.

И увидишь,
Как скифская баба,
Поля Дикого, Моря Великого
Богородица камнеликая,
Выбирает себе жрецов.

6

...Здесь, на плоскости маргиналий,
Мы так долго друг другу с тобой не писали.
Там, где адрес, – давно обозначен прочерк.
Там, где имя... оно проступает на сердце
лишь ночью
Безнадёжной тоской, несказанным
предательским зовом.
«Я приду за тобой даже в чёртов
затерянный город.
И в тюрьму, и в дурдом, и в забытый людьми
лепрозорий.

Знаешь, боль проступает на теле узором.
И любовь проступает на теле узором.
Лихорадкой, румянцем, блистательным взором.
Пусть же очи твои мне сияют, как два маяка
среди ночи.
В многолюдном движении и в тишине
одиночеств.
Я направлю к тебе свой корабль блуждающий,
пьяный, разбитый,
Спотыкаясь о рифы, о рифмы, о ритмы
И по звёздам сверяя свой курс
в океане событий»...

7

Над головой,
Будто чёрные вороны,
Чёрные дроны летают,
Чёртовы роботы,
Новые вестники,
Горя валькирии!
Что вы несёте нам
На электронном носителе?

– Разве не видите?
Образы гибели!

8

Из рога единорога
Хорошая выйдет пушка.
Ею можно на мушку
Любого
Киборга или Дрона.
А ещё лучше
Дракона
Стального.
Ну же!
Сразим летящую падлу!
Падает.
Прямо над нами.
Звездопадом.

9

Зов Моря. Гул. Протяжный зуммер,
Когда ракушку телефона
Прикладываешь к уху,
Ждёшь, что я откликнусь, вынырну
Из мутного потока,
На выученный номер отзовусь,
Приду на голос твой,

Раба сердечной спайки.
Тверди мой позывной,
Лови свою русалку!
В сетях мобильных невелик улов.
И в море русских слов –
Вот звука пузырьёк,
А вот песчинка знака.
Я как жемчужину храню под языком
Родное имя – тайну.

10

Имя всегда означает путь.
Имя всегда означает суть.
Как только по имени позовут,
Из ниоткуда вызовут, призовут.
Потому я дам тебе позывной,
Чтоб имя не ведал – ни свой,
Ни чужой,
Чтобы был он тебе как броня
Среди Поля Дикого,
Среди Моря Великого
И огня.

11

Чёрное золото.
Прямо из жил земли.
Шахты ныне затоплены.
Шныряют пиратские корабли.
Чёрное золото
Прямо из самых недр,
Скиф протирает оптику,

Весь как натянутый нерв.

А я... я слагаю песни,
Заслушаешься, и вот
Тонкое лезвие поэзии
По сердцу полоснёт.

– Скиф, отпусти на поверхность
Окликнуть свою любовь!
– Плыви, но не пой своих песен,
Пусть узнает тебя без слов!

12

Дикое Поле. Великое Море.
Здесь всё затопили воды народного гнева.
И пьяные флибустьеры гоняют
на чёрных фрегатах,
Оставленных или отжатых,
Freedom Forever!
– Скажи его имя, русалка!
Скажи его имя!

Немо!
Да я бы тебя позвала,
Сквозь пространство и время,
Пронзительным воплем
Из самого сердца,
Но алая пена
Выходит из горла –
Моя немота,
Моё горькое рыбье наследство.

На палубе голой распластана,
Жабры трепещут.
Крючком рыболовным поддета –
На радость пиратам.
Штиль полный. И волны не плещут.
Безмолвствует небо.
Но если захочешь найти,
То иди по кровавому следу!

13

Когда же, Немо,
Ты придёшь на берег,
Что вынесет к твоим ногам прибой?
Жемчужину?
Ракушку-телефон?
Или мою поэму?
А может,
Ты моё имя, лёгкое как пена,
Услышишь в шуме волн....

...Елена...

Берега Новороссии

Иван Нечипорук

Иван Нечипорук – коренной горловчанин, родился в 1975 году. В довоенном прошлом шахтёр. Выпускник Горловского института иностранных языков (бакалавриат) и филфака Славянского ГПУ (специалитет). Зампредседателя Межрегионального союза писателей, член Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Автор нескольких книг стихотворений.

ЖИВЁТ МЕЧТА

Назло тяжёлым болевым векам
Живёт мечта! Сквозь дым и облака
Идёт сквозь гул разрывов канонады
К звезде полей, что нынче далека,
За пеленой вселенской снегопада.

Мечты накал несказанно высок:
Уйти б к реке, послушать шум осок,
И вздрагивать при каждом крике выпив...
Но время горькое опять клюёт в висок,
И чашу скорби всё же нужно выпить.

* * *

Месяц опускает луч
на дома эпитрахилью,
Ночь сегодня принимает
исповедь от сентября.
Осень, словно мотылёк,
расправляет чудо-крылья,
И над нею звёзды робко
и заплаканно горят.

Неужели ты поверишь
в то, что лето канет в Лету?
Сохранить тепло – не просто.
Но кому-то по плечу...
И летит сквозь время наша
неуёмная планета.
Ночь прочтёт канон последний
и зажжёт зари свечу.

* * *

А сверху город, словно сказка –
Ряды недремлющих домов,
Где осень растеряла краски.
Сентябрь ещё предельно ласков,
Но путь его уже тернов.

Без птичьей суеты – жизнь тише,
А ветер густ, как будто дым...
И мы опять сидим на крыше,
Надеясь, что Господь услышит,
Мы с Ним стихами говорим.

* * *

Мир пляшет на костях, тут верь не верь –
Всесилен злобы человеческой зверь.
Мой день опять застыл на острой грани.
Война не спит разочарований
И не смягчит, увы, досаду от потерь.

Душа моя прошла и Крым, и Рим,
Я сеял слово – пожинаю дым,
Мне не хватает ни чернил, ни красок...
Но вера тлеет, дожидаясь часа,
Пусть надежду по артериям моим.

БУДЕМ ДРУГ ДРУГА ЛЮБИТЬ

Будем друг друга любить,
Завтра нас расстреляют.

Илья Кормильцев

Действительность наша горька
Под знаменем скудного века,
Где быт, как безногий калека,
Обрушившийся истукан,
Где время – обуза, не лекарь.

Тончает сознания нить,
Судьба, как позёмка, вихляет
Под песни собачьего лая...
Но нужно друг друга любить,
Пока нас всех не...

ВЕСНА, ПОХОЖАЯ НА ВЫСТРЕЛ

Немало боли на веку,
События и дни текут,
И вдруг в промасленном регистре
Увидишь тусклую строку –
И мысли тут же увлекут
В весну, похожую на выстрел.

Она почти что далека,
Но образ в памяти мелькал
И бился в бешеном азарте...
Весна была жестка, жарка,
И сто пакетов молока
Мы отмечали в смутном марте.

Протесты шли сплошной волной,
Мы растерялись той весной
И в сердце умиряли жалость.
А воздух был уже больной
И всё закончилось войной...
Верней, всё только начиналось.

РАСЦВЕТШИЙ ИЮНЬ

Июнь расцвёл – не передать в словах:
Бревно из бруствера пустило в рост побеги,
К окопам подступила мурава.
Земля кружилась, словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.

Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И Ангелы-жнецы обстрела ждали.

АКТРИСА ВЕСНА

Актриса Весна после тяжелой
болезни снова на сцене.
Ю. Шевчук

Овации границ и минных заграждений,
Её шаги отчаянно близки.
Несёт тепло и свет, в воронках пряча тени,
И кажется, приход её благословенен,
Но отчего тоска берёт в тиски?

Актриса Русская Весна опять на сцене
В театре катастрофы и вражды.
Приход её кровав и смертью обесценен,
И мы предчувствуем в дыхании весеннем
Восьмой сезон надежды и нужды.

* * *

Пожар вселенской паники,
Агония огня.
Мы страшных слухов данники,
Прислуга злобы дня.
И в ночь под новолуние
Теряем правды нить,
Чтоб поощрять безумие
И страхом страх кормить.

* * *

А гиря века всё чугунее.
Т. Гончарова

Правит в отравленном мире
Шестигодичная тьма.
Нас продолжает ломать
Века чугунного гиря –
Пропасть становится шире,
Лирики сходят с ума.

Словно под ноготь иголка,
Боль пронизает, как ток.
Кровью залитый Восток
Воет отчаяньем волка...
Время шербата и колко
Бьётся в скрещении строк.

* * *

Памяти Андрея Ширяева

Изгиб гитары лопнул, и ты, раскинув руки,
Подрезанный осколком, под яблоней упал.
И пошатнулось небо, разрывов стихли звуки,
Поехали деревья, и утонул вокзал.
Поэты – не поэты, войне нельзя без жертвы,
И в небо, словно птица, отправилась душа...

Опять казённый вздрогнет, огонь исторгнет жерло,
Кто в бойне уцелеет – увы, не нам решать.

НЕ ГОВОРИ СО МНОЮ О ВОЙНЕ

Зачем ты бредишь печаль во мне,
Зачем тревожишь раненые чувства?
Не нужно черпать боль в моём огне,
Не говори со мною о войне!
Поговорим о кризисе искусства!

Давай болтать о ветре и траве,
О вечности поспорь со мной! Попробуй
Поговорить о Питере, Москве,
И пусть беседы льётся тихий свет...

Ну а война и так во мне до гроба...

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», прозаик, публицист, краевед, общественный деятель. Автор 24 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Публиковалась в литературных журналах и альманахах: «Наши современники», «Подъём», «Родная Ладога», «Сибирь», «Нижний Новгород», «Новая Немига литературная», «Врата Сибири», «Мозаика юга», «Литера», «Ступени», «Покрова»; в «Литературной газете», «Вологодском литераторе» и других.

«Где смиренность, любовь и печаль»...

О книге Василия Килякова «От истока к устью»
(Воронеж, 2021)

Стихотворения заветно полны любви к родной земле и ко Господу нашему! Это классика современной поэзии. Есенин там, предполагаю, в восторге!

Сергей Пылев

Стихи Василия Килякова стали откровением для меня в 2021 году. Опубликовав подборку в журнале «Берега» (http://dovydenko.ru/images/berega_pdf/Berega_3_45_2021.pdf), а затем получив сборник из рук самого автора, открыла самодостаточный поэтический космос, обретя нечаянную радость, чувство плотности и надёжности внутреннего мира русского православного человека.

Зная, что Василий Киляков – крепкий, талантливый, оригинальный прозаик и объективный критик, с теплом в душе увидела, что как поэт он обладает своим голосом и лирической интонацией, в которой трагические волны бытия обретают мощь симфонии. Вступительное слово к поэтическому сборнику написала вдумчивая Римма Лютая, определившая его как «лирическую стихию милосердной, внутренне чистой и доброй личности».

«По дороге неторной, ковыльной»

Исток жизненной реки лирического героя Василия Килякова – это светлая Русь и извилистый путь, – как без него, без движения, – путь неторный, ковыльный, а взгляд – чаще в небо, чем в землю, на отдалённые звёзды, на дальнее светило – луну, в «миры иных полей», чей холодный свет рождает желание прижаться к родной, тёплой почве, как к матери.

Куда направлен «коней торопливых очарованный бег»? А полёт вольных журавлей? А куда мчит «фордик меж полей»? Нет ответа, никто не догонит, потому что не знаем, куда идём. Нам хочется пристальнее всмотреться в жизнь наших предков, наших мам и не обнаружить там нынешней окаянности, а лишь святость:

Утром она, как святая,
Последним – голубок кормит.

Память подгоняет другие картины из прошлого, дарующего силы природы с избытком. Вот семья лосей переплывает Оку:

Потом на берег перевозданный
Все выбрались –
И затрубил
Сохатый дико и гортанно
В избытке грозных, дерзких сил.

И вся Россия предстаёт океаном сюжетов и тем, глубинных, величавых, священных:

И такое волнение, братцы,
Словно в небо нырнул головой, а до дна,
Ну, никак не добраться.

Вдруг, случайно встреченный человек видится родным:

Рукою доброй человека
Взял русский человек.

И это нормально, по-божески, душевно, вольно, широко.

И как овец печальный пастырь,
Пасёт три тучки небосвод,

под которым протекает «жизнь-веснянка в васильковом платице». «Млечный Путь пылит...», не от его ли пыли вдруг возникает желание странствий, неудовлетворённость существующим положением:

Уеду вдаль, уеду навсегда...
И вновь пойму, что я люблю Россию,
В которой счастье жить и умереть.

Власть земли, её неизмеримая сила удерживает, «коренная система любви / Да к земле крестьянская тяга». Вспоминается сенокос, во время которого попадаетея птичье гнездо: «Обойду, окошу, сберегу...»

Острое чувство пронзительной нежности ко всему живому особенно сильно в деревне, где «лежу в сенах на сеновале – и жизнь люблю», где «бойкий петух горланил, / И заря на ладонь легла», где «куры пьют из лужи / небес голубизну», где «заря костром калины / Сентябрю рубаху сушит».

Это чудо русской стихотворной речи, сладостного бытия, когда заплечный груз лёгок, как пёрышко, а ты, как река, пробивая себе путь меж холмов и лесов, отражаешь в себе небо, его иконописные краски на заре.

«Мы разные, а путь у всех один...» – говорит поэт. Это путь поиска ответов на извечные вопросы:

Под какую корявой звездой
Ты, Россия, плывёшь в непокой?
Неужель, чтоб ожить, тебя мёртвою
Сбрызнут водой –
А потом уж живую?

И вновь поэт бежит от «ожиревшей бабы Москвы», в деревню, которая «душу вылечит и разбудит, / Образ вымоет до новизны...». И вспыхнет светом «добро, что несёт она людям, / То, которому нет цены...»

Только бы хватило веры «в народ наш искренный», было бы «чувство Бога», а в неверии – гибель и «вселенский страх»!

«Неповторимое»

Что такое неповторимое? Это чувство любви, чувство остро увиденного бытия, неотвратимого, внезапно наступающего и переполняющего:

Заболеть бы непоправимо
Безответной любовью.

Снова стать гордым, нежным,
И счастливым – так ясно, так зримо.
И счастливо-безбрежно –
Непоправимо!

Это рука об руку идущая, восстановленная ненадолго действительно счастливо-безбрежная гармония, предчувствующая несбывшееся:

Я постигаю этой жизни суть –
Увидеть сердцем, как не вечно
Всё, чем так люди дорожат.

И в теснинах горней души, на путях прощения и сердечного умиления, а также осознания несלי-
янности с той, кто знает пределы и муки, рождается молитва:

Я украдкой молюсь за тебя...

А в «саду гремит тишина», пронзённая соловьём среди жёлтых акаций, и пылает костром боль души: «Было! Было!» – и, может быть, детская вера в Божественную доброту.

И в осмыслении целостности жизни, в осознании того, частью какого целого ты являешься, нет обид, безысходности, ощущения тупика, а есть вопросы, рождённые в напряжённом личностном пространстве поэта:

Кто же жизни выучит умных нас?
О Господи, зачем мы все не дети?
Зачем враги?
Мы все в пути...
В одном огне мы все горим...

«Дар и вечность»

Родная земля, Православная вера взрастили мудрого, мужественного и в то же время нежно и тонко чувствующего, любящего, благодарного сына, в сердце которого боль за утерянные смыслы, за погасшие источники света:

Третий Рим, проданная земля,
Толпа рассеяна, столица пьёт.
Родиной сорят... Жизнь – базар.

Его сердце в печали «за крест Христов», за потери, за «жизнь на тризне», оно жаждет «подвига и труда», совестливости, правды, нравственности... Его взгляд органичен и пристален, что даёт ощущение его не одиночества, а как одного из нас. Ведь не зря:

Пригубил я святого питья
Окаянной душой поэта.

Это значит, что Василий Киляков получил творческий дар от вечности – противостоять худым временам погони за материальными достижениями, пренебрежения святыми ценностями, что равно движению по краю над пропастью, глубину которой дано постичь лишь творческому человеку.

Органично для русского поэта вписывание в себя мироздания по имени Россия, наполненного божественным духом, путь «в Небеса, где смиренность, любовь и печаль».

Радуюсь за себя и за читателя, которому повезёт встретить сборник поэзии Василия Килякова и постичь духовное ратоборство, я с любовью вчитываюсь в строчки о Божьей Матери «Спорительнице хлебов», о краюхе Господа, которой всем хватило, всматриваюсь в свет огней, в письмена голубиных перьев, вслушиваюсь в ангельское пенье, в дыхание без берегов, в тайну наших душ, потому что большая личность поэта прозревает корневое, фундаментальное, душеопорное, укрепляющее, удерживающее, прорывное посреди нынешнего хаоса, рядом с которым «мир в Боге и в детях».

Берега прочтения

Ирина Ушакова

Ирина Ушакова – журналист, публицист. Родилась в Оленино Тверской области. Окончила факультет журналистики Московского экстерного гуманитарного университета (специальность: литературный редактор). Своим учителем в литературе считает поэта и драматурга, издателя «Исторической газеты» Анатолия Парпару (1940–2020).

Книги автора: поэтические сборники «Пробуждение» (2000), «По велению ранней весны» (2011); книга «Народная школа Рачинского» (2016); книга А. С. Рачинского «Народная педагогика» (2019) (составитель, автор предисловия и комментариев); сборник очерков «Наше поле Куликово» (2020). Автор журналов «Наши современник», «Москва», корреспондент интернет-сайта «Столетие» и газеты «Слово». Лауреат премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2013). Член Союза писателей России (2010) и Союза журналистов России (2011). Член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Организатор Общества по сохранению наследия Рачинских (2013). Автор радиопередач «Поэтический концерт» и «Ради жизни на земле» на радио «Русский мир».

Пассионарность и самоорганизация – наш единственный путь

О книге Лины Мкртчян «Три жизни Артемьева». М., 2020

В какое время приходит в мир данная книга? Это очень важный вопрос для того, кому она адресована. Почему такая книга появилась именно сегодня?..

Такое определение дал нашему времени человек, о котором эта книга, – художник, иконописец, мыслитель Алексей Валерьевич Артемьев: «Культура к середине XX столетия приобрела значение “пульта”, в том числе управления. Но ещё и пульта анализа сигналов из мира, куда нам доступа нет (т.е. из ада). И человек по этим сигналам может понять, что нас ждёт в культуре, а значит, и во всём. Инсталляции и перформансы – это не баловство, а сигналы с того света. Раньше говоили: “Культура не может развиваться, она или есть, или нет (т.е. или высокая, или как теперь...)”. Итак, инсталляции и перформансы – это примерно такие же сигналы, как в автомобиле: когда кончается горючее, стрелка показывает “0”. Энергия, которая творит культуру, иссякла».

Сложная по своей структуре, глубокая по замыслу, книга эта, вышедшая в 2020 году в издательстве «Красный пароход», написана в высокой тональности, на предельном нервном напряжении. Только такую книгу и могла создать выдающаяся певица, просветитель, человек с огромным знанием и пониманием мировой культуры Лина Мкртчян.

Портрет героя этой книги, которого мне довелось знать в последние годы его жизни, вышел вполне достоверным. Это образ человека честного, совестливого, талантливого, скорбящего о том, что вокруг гибнет красота, что обижают беззащитных, что человечество нарушает установленные Богом законы жизни, а значит, расчеловечивание нам придётся увидеть и испытать очень скоро.

В этом красивом подарочном издании альбомного формата отражена вся долгая, полнокровная жизнь Алексея Артемьева. Военное голодное детство в Ивановской области, как у Андрея Тарковского. Маленький Алёша чертил на столе клавиши – так ему хотелось играть на пианино, играть Чайковского, то, что он слышал от матери, замечательной певицы...

Строгановское художественно-прикладное училище, увлечение русским Севером и дальше – нескончаемые труды художника и реставратора.

Автор книги «Три жизни Артемьева» убеждена, что сталинская эпоха была таким же имперским временем для России, как и время Золотого, XIX века царской России. Так ощущал это время и Алексей Валерьевич. Именно тогда он получил прекрасное образование, впитал и мог щедро передавать великую мировую культуру, имел возможность ездить, видеть, познавать свою бескрайнюю Родину.

С 1960-х годов А. Артемьев принимал участие в Комиссиях по охране памятников истории и культуры. В те годы им созданы «необыкновенные по красоте, полёту фантазии, глубинному ассоциативному мышлению и вечно звучащей в нём великой Музыке произведения, ставшие украшением в интерьерах нескольких павильонов ВДНХ, Дворцов культуры, гостиниц и, конечно, музеев, среди которых Государственные исторические музеи Полтавы, Кривого Рога, Саратова, Государственный музей истории Москвы и многие другие», как пишет Л. Мкртчян.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов в Союзе художников был создан Комбинат монументально-декоративного искусства, на котором А. В. Артемьев с единомышленниками организовали православный семинар, где в течение семи лет читались лекции по святоотеческой литературе, церковной культуре и истории. Среди выступавших лекторов были выдающиеся мыслители: В. И. Карпец, П. Г. Паламарчук, протоиерей Лев Лебедев. Многие участники семинара стали священнослужителями и миссионерами на разных приходах Русской православной церкви... Живая история Церкви, искусства, быта и духовной жизни людей XX века.

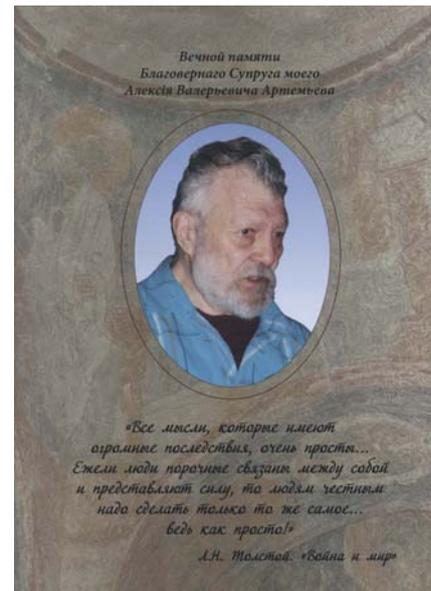
Как сегодня вернуть нам то горение, ту чистоту веры, то беззаветное, бескорыстное служение любезному Отечеству?..

В 1980-е годы А. В. Артемьев выступал с лекциями и демонстрацией слайдов по церковному искусству и истории на крупных предприятиях Москвы, в Домах культуры. В 1985 году на вечере патриотического историко-литературного объединения «Память» Артемьевым были впервые показаны сохранённые кадры разрушения храма Христа Спасителя и впервые прозвучало требование восстановить святыню.

Алексеем Валерьевичем Артемьевым расписаны и реставрированы многие храмы Москвы и Подмосковья, в том числе храм Большого Вознесения у Никитских ворот. Он принимал участие в воссоздании живописи храма Христа Спасителя в Москве.

Книга-альбом вобрала в себя и жизнеописание большого русского художника, со всем, что его окружало, и его размышления об искусстве, но сквозная мысль в ней – показать с предельной остротой духовное состояние современного мира, поверьте, очень опасное.

У Артемьева есть серьёзные основания считать XX век неразрывным продолжением истории России с её духовной культурой. А также судить о нашем времени, сверяясь со Священной историей и с тем, что святыми людьми было запечатлено в иконографических образах. Алексей Валерьевич часто напоминал, что на фреске Андрея Рублёва, что в Успенском соборе града Владимира, написаны названия Четырёх Царств, через которые уже прошла вся наша история: Вавилонское, Македонское, Римское и «антихриста». Позволю себе привести здесь довольно обширную цитату. «В ходе Второй мировой войны СССР снова стал Россией и Третьим Римом, хотя сам народ-победитель мог себя таковым и не осознавать, просто он ещё оставался таким, – писал А. Артемьев. – Принципиальной особенностью борьбы за мировое господство в Четвёртом царстве стало появление совсем иного, изощрённо-коварного оружия – телевидения, мобильных телефонов, интернета. Открылись небывалые возможности для манипуляции сознанием огромных людских масс. Информационное поле стало поистине апокалиптическим полем битвы народов на всей планете... Ещё одна особенность Четвёртого царства – в нём нет царя, нет “удерживающего”, ответственного за происходящие события – есть временно занимающие должности, или хищники, сбившиеся в стаю и рвущие добычу. Всё это происходит на фоне глобальной обезлички и десаκραлизации всей жизни. Планета стала легко и быстро доступной во всех своих точках, обозримо маленькой и хищнически потребительской...

Л. Мкртчян.
Три жизни Артемьева

Стремительно девальвируется человеческая личность. Древнее богоподобие человека воспринимается как мифологическая фантазия. Самоотверженный героизм вызывает холодное любопытство. Сегодня человечество может погибнуть вследствие перерождения собственного сознания на почве глобального потребительского психоза и содомио-противоестественного образа жизни. Многочисленное человечество, да ещё в условиях т.н. демократии, не сможет преодолеть собственную ненасытную потребительскую жажду. От её смертельного зуда, опошляющего всё и вся, помрачающего ум, порабощающего волю, есть лишь одна защита – познание Бога». Подробно об этом читатель узнает из статьи, вошедшей в эту книгу «Тайна Четырёх Царств».

Отдельная глава книги посвящена уникальному исследованию Алексея Артемьева «Слова о полку Игореве», которое он знал наизусть! Почему это исследование замалчивается? Ведь о нём давно знают специалисты...

Алексей Валерьевич был личностью светозарной, человеком, который притягивал к себе. Поэтому и помнят его люди. В книге собраны высказывания о нём художника-монументалиста Алипия Балдина, писателя Тимура Зульф리카рова, художника-реставратора академика А. Н. Овчинникова, писателя Сергея Куняева, морского офицера, врача, священника Сергея Шестопалова, главного редактора «Русской народной линии» Анатолия Степанова, искусствоведа В. Н. Соколова-Лермонтова, священника Леонида Софронова и многих других людей культуры и науки.

Вот, к примеру, как пишет об Артемьеве филолог Т. П. Егорова: «Алексей Валерьевич жил, творил и писал основательно и вдохновенно. Для него культура – это поле, где зреет человеческий, а значит – его личный опыт».

В своём последнем выступлении в цикле Лины Мкртчян «Возвращение на Родину» в ноябре 2019 года Алексей Артемьев сказал: «...Исчезла многовековая культура труда. Труд перестал быть делом рук человеческих, а стал всего лишь безликой составляющей бизнеса, а, следовательно, безликим в производственном процессе стал и сам человек».

Далее он говорил о том, что в России сегодня готовится большая программа по развитию цифровизации, искусственного интеллекта... Он сравнивал этот эксперимент с тем, который хотели осуществить фашисты в середине XX века. Артемьев был убеждён, что «грядущий эксперимент гораздо более безопасный для экспериментаторов и холодно-жестоким для жертв эксперимента. В его основе лежат деньги, которые надо заплатить за право жить на земле...». Рецепт один: «Сегодня у народа в целях выживания остался только один путь – пассионарности и самоорганизации».

А. Артемьев касался в своих размышлениях, вошедших в книгу, глубоких философских вопросов развития цивилизаций. «Несколько тысячелетий египетская цивилизация погружалась в мистику загробной жизни. На этой почве возникла великая египетская культура – гигантские храмы и пирамиды, скульптуры сфинксов и фараонов... В это же время народы европейского Средиземноморья с детским восторгом первооткрывателей познавали окружающую их природу. Но весь Ближний Восток жаждал бессмертия. И оно явилось!..»

Эта книга ещё – о любви двух сердец. Она полезна для юного поколения, которое ищет ответ на вопрос: как быть счастливыми? Жить друг для друга, служить друг другу. Как? Об этом – в книге о судьбе любящих людей.

А как необходимы сегодня зарубки, засеки, такие, которые перешли в эту книгу наверняка из потёртых записных книжек: любимые фильмы семьи Артемьева и Мкртчян, любимые писатели, философы, режиссёры... Таким и было завещание Алексея Артемьева: «Хранить свои знания и передавать их следующему поколению».

Л. Мкртчян убеждена, что выдающийся сын своего Отечества Алексей Артемьев ныне пребывает рядом с Пушкиным и Лермонтовым (любимый его поэт). И что «их святыми молитвами воскреснет из мёртвых поруганная Родина наша, которой все они отдали жизнь. Но это возможно только через возрождение Культуры. Ибо когда Россия перестаёт исполнять миссию Духовного Колосса человечества – она первая же и гибнет».

Алексей Валерьевич Артемьев, которому посвящена книга его вдовы Лины Мкртчян, поистине является великим реставратором духовных смыслов нашего бытия и несомненно стоит в ряду выдающихся своих современников, с которыми мы, ныне живущие, перекликаемся в самые тревожные минуты. Николай Рубцов, Георгий Свиридов, Савва Ямщиков, Вячеслав Клыков, Илья Глазунов... Их у нас не так много.

Берега прочтения

Наталья Советная

Наталья Советная – член СП России, СП Беларуси, СП Союзного государства, кандидат психологических наук.

«Моя тихая, славная, нежная...»

О поэзии Татьяны Грибановой

Всё, что может трогать сердце, наполнять и возвышать душу, есть поэзия.

Н. А. Бестужев

Встреча с творчеством Татьяны Грибановой – особая встреча. Мир её поэзии завораживает с первых строчек, потому что дышит исконно русским, простым и таинственным одновременно, ласковым, как руки матери, и печальным, как её глаза в миг расставания, суровым, строгим и в то же время сострадательным, милосердным духом – духом Родины, России. О чём бы ни писала Татьяна Ивановна, родная сторонка проглядывает из каждого стиха, каждой поэтической или прозаической строчки. Поэтесса признаётся: «Сколько буду жить на белом свете, / Буду плыть к родимым берегам» («Грибной дождь»).

И это не высокопарные слова, лишённые искренности, это сердечная любовь, которая сочится из каждого нерва. Способ её выражения Татьяна Грибанова находит в поэтическом слове. Не в рафинированном, не в модернистски-западном языке, а в том глубинном русском, который ещё сохранился в народе деревенском на необъятных российских просторах. Прочтёшь: «звень жаворонья», «по земи кипрей», «худая ряднина», «остожья», «всклень», «волчья сыть»... – кажется, просто, а душа-то замрёт, «захолонет», потому что «Есть обаянье в древней речи. Она бывает наших слов И современнее, и резче» (Белла Ахмадулина. Влечёт меня старинный слог...). Именно такой народный язык органично вошёл в поэзию русского поэта и воина Игоря Григорьевя (1923–1996), которого взрастила Псковщина; таким языком увлечена и уже несколько десятилетий собирает в уникальные книги, путешествуя по Сибири, учёный, филолог Галина Медведева-Афанасьева; такой язык впитала в себя и Татьяна Грибанова, родившаяся на Орловщине, в деревне Игино Сосковского района, и выросшая на сказках, былинах, песнях, поведанных бабушкой и дедом, отцом и матерью.

...О, сколько песен не было б на свете,
Не сможешь лучше русской повстречать!
Заслышишь – солнце в небе ярче светит,
И запоёт душа – нет сил молчать.

(«Душа моя, сливаясь с песней русской»)

О народном слове с восторгом отзывался Н. В. Гоголь в «Мёртвых душах»: «Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово... А уж куды бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племён, а всё сам-самородок, живой и бойкой русской ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как насадка цыплят, а вlepливает сразу, как паспорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы – одной чертой обрисован ты с ног до головы!» Симбиоз русского исконного, глубинного слова с искренностью и любовью рождает у поэта прекрасные строки, они мгновенно ложатся на душу и согревают её благодатным теплом:

...Захочет душа распрямиться
во весь предначертанный рост.
Вглядишься в себя,
словно в зеркало,
пристально-пристально.
И станешь налаживать с Господом
рухнувший в паводок мост.

(«На Страстной»)

Одна из любимых тем поэтессы – деревня, та, что прячется далеко в глубинке России: («Глубинка русская! Горюнь-юдолью / в веках твой крестный проторялся путь» («Сули хоть рай...»), меж дубрав и берёзовых рощ, за полями, за долами, там, где чудесным образом одушевляется ветер, который «На грудь кидается, скулит сентябрьский ветер собачонкой»;

Чтоб солнце, взобравшись на крышу сенного сарая,
На зорьке будило меня, прокричав петухом.

(«Ручей под горою водой бирюзовой струится...»);

Как заблудшая в лугах корова,
Выплыла огромная луна.

(«Луг отсырел, и притомилась малость...»)

Или:

Вечер сонное солнце спать ведёт за ошейник,
И щенком вислоухим в кронах месяц бежит.

(«Не сдаётся кукушка, громко спорит с подпаском...»)

И хотя нестерпимо щемит в ранимом сердце Татьяны Грибановой боль за деревню уходящую, где «вяжут плети (а слышится: петли или сети) повилик» (образ, часто встречающийся в стихах поэтессы), которые словно бы норовят задавить то, что ещё живо, всё же гораздо чаще звучат торжествующие слова: зреть, созревший, спелый: «Спелым гарбузом на небе солнышко» («Сыну»); «Но зреет день, и жить безумно хочется» («Земля, как бабушкина горница...»); «Время вызреет – хлеб новины преломлю на Успенье» («Вдоль сомлевишей дороги снопы переспелого света...»); «Брезжит июльский рассвет скороспелый» («В страду»); «Зёрнышком спелого хлеба» («Мимо посадок дорога...»).

И спелый вечер, спелая ночь, травы, листья, цветение, и созревшие вишни, и переспелые грибы, «и воздух – переспелое вино» – всё это, словно хлебный каравай на столе, создаёт ощущение спокойной радости и надежды: Русь жива! Русь будет жить! Пока она под покровом Богородицы.

Обращение в творчестве к Богу у Татьяны Грибановой естественно, как утоление жажды глотком ключевой воды. Подобно образу Руси, в поэтических строчках трёх книг («Прощённый день» (Орёл, 2008), «Сказ про то, как Марья Ивана искала» (Орёл, 2012), «Осеннее причастие» (Орёл, 2020)) незримо парят Ангелы: «Вышивают ангелы шёлком поднебесье» («Апрель моего детства»); «Ангелы Господни медуницей спозаранку причащают лес» («Накануне»); «Как в купелях ангелы в калужницах плещутся сусалью золотой» («Сотня солнц! Во всех ручьях и лужицах!..»). И ежечасно присутствует Творец:

...Ясно так, будто вживую привиделось:
бабушку клонит за прялкой ко сну,
вместе со мною былинку о Китеже
слушает боженька в Красном углу...

(«Ночью причудилось: пожня пшеничная...»)

По определению В. А. Жуковского, поэт – посланник Божий. Он «ищет, находит и открывает другим повсеместное присутствие духа Божия. Таков истинный смысл его призвания, его великого дара...» (В. А. Жуковский. О поэте и современном его значении. Письмо к Н. В. Гоголю (М.: Сов. Россия, 1985). Но это присутствие, в свою очередь, возносит поэтическое слово до небесных вершин, одаряет его животворящей силой и красотой:

...У стариков и у старух
 Алтарные святые лики,
 И жив ещё бессмертный дух
 Руси могучей и великой.
 («На родине»)

Многие стихи Т. Грибановой, будь они о родине, о деревне, о русском мужике, природе, православных праздниках или даже войне (цикл «*Письма с фронта*») звучат, как молитва, но лишь изредка, в последних строчках, лирическая героиня обращается непосредственно к Богу:

Только б душе отогреться
 и окрылиться б ей вновь.
 Отче! Управь моё сердце
 волей своею в любовь.
 («Вот и апрель. В палисаде...»)

Хотя каждая строчка произведений Татьяны Ивановны дышит любовью и чистотой сердца, она просит ещё любви, словно боится, что та может иссякнуть или её не хватит в нашем бушующем мире, насыщенном не только радостями, но и конфликтами, трагическими событиями, пандемией, безверием, безнравственностью и даже угрозой войны.

Может быть, именно потому, что Запад и США уже в открытую говорят о войне, Татьяна Грибанова по нити клубка истории от дня сегодняшнего возвращается в стародавнее время и создаёт сказание о Судбищенской битве («*Сказ про то, как Марья Ивана искала*»). Историк и писатель Н. М. Карамзин в «Истории Государства Российского» так повествует об одном из семи чудес (победе над превосходящим по силе войском врага) нынешнего Орловского края: «...Видя ложь, обманы Девлет-Гирея и сведав, что он идёт воевать землю пятигорских черкесов, наших друзей, государь Иван IV в июне 1555 года послал воеводу Ивана Шереметева из Белёва Муравскою дорогою с тринадцатью тысячами детей боярских, стрельцов и козаков в Мамаевы луга... Девлет-Гирей от Изюмского кургана своротил влево и вдруг устремился к пределам России, имея тысяч шестьдесят войска...»

Но с почти десятикратным перевесом татары всё же вынужденно отступили. Много полегло в тех боях с одной и другой стороны: примерно пять тысяч русских и втрое больше татар. В 1995 году в память о битве создан мемориальный комплекс «Судбищенская битва 1555 г.». В настоящее время на месте сражения учёными ведутся активные археологические раскопки.

Казалось бы, не женское это дело – стихи о битвах писать. Для развития творческого замысла нужны корневые знания истории, военной науки и терминологии того времени, человеческого характера и, конечно, языка. Но Т. Грибанова отлично справляется с поставленной задачей. Несомненно, её поэтический талант счастливо «сочетается с хорошим вкусом и направляем сильной мыслью» (Брюсов В. Я. Игорь Северянин), поэтому и не обречена она «на скудость и однообразие тем, вместо бесконечности мировых путей» (Брюсов В. Я. Там же).

Поэтесса, обращаясь к старине, выбирает путь былинный, полусказочный, её героиня – женщина, обратившаяся в птицу, летящую на поиски своего воина-голубка:

Стёжкой, глинистым уступком
 На крут-берег поднялась,
 Птицей, сизою голубкой,
 Обернулась и взвилась.

Марья не просто любящая жена, стосковавшаяся по мужу, это русская женщина, бесстрашная, сильная верой, готовая и сама встать на защиту родной земли и веры православной:

Хоть свинцом залей нам горло,
 Хоть изрежь нас на ремни,
 С православной стёжки торной
 Не свернём! Христос храни!

Она – женщина, хранительница, утешительница, смело бросается на помощь раненым воинам:

Дева-птица причитала,
Облетая русский стан.
Всё шептала в красноталах
Заговор на тыщи ран:
«Как дождями не пробило
Глади вод у синих рек,
Так бы прочным камнем было
Тело русича вовек!»
Зарастали тут же раны,
Видно, крепок был завет...

Чем ещё могла помочь Марья, взирая с небес на страшный бой? Молитвой. С крепкой, нерушимой верой обращалась к Господу:

Марья же просила Бога:
«Господи! Врагов сердца
Обрати к Твоему порогу!
Коль невозможно до конца
Им, коварным, обратиться,
То порушь ты их дела.
Защити своей десницей
Избранных Твоих от зла!»

Невольно приходит мысль, что в образе Марьи автор изображает не только любящую женщину, верную супругу, но и Родину-мать, распростирающую крылья свои над полем сражения, и Божью Матерь, оберегающую Русь Покровом и умоляющую Сына Своего, Господа Иисуса Христа, спасти русский народ.

Надо отдать должное поэтессе, которая с мужской точностью, сочно, ярко, эмоционально-дерзко и поэтично сумела описать сцены боя:

Копья бьют доспехи с лёту,
Древки, словно вертела.
Крикам, стонам нету счёту,
Под копытами тела.

И от смертной, ярой сечи
В щепья колются щиты,
В плоть вонзаясь человечью.
Земь в крови, в крови кусты.

.....
Десять выстрелов в минуту!
Нукера – за тьмою – тьма!
Дождь стальной шумит повсюду,
В пору сдвинуться с ума!

И дивится хан татарский:
«Жив! Не сдох ещё урус?!»
И гремит над свистопляской:
«Братцы! За Москву! За Русь!»

Не раз и не два звучат в поэме эти призывы, вызывая нервное напряжение и такое соперничество, словно бой идёт сейчас, и от его исхода зависит наш сегодняшний день. И появляется в душе гордость за святое мужество и героизм наших предков, и нарастает решимость, к которой взывает автор, обращаясь в том числе к нам, своим современникам, что поднимает значение «Сказа про то, как Марья Ивана искала» на большую духовно-патриотическую высоту:

Хоть умри, но не сдавайся!
Землю ешь – не пропусти!
Разорвись хоть на три части,
Но не дай врагу пройти!

Несмотря на то что боевое сражение несёт в себе смерть, страдание, жестокость, в восприятии читателя преобладают эмоции оптимистичные, положительные. Это результат авторского мастерства: былинно-сказочные образы и интонации, красота, точность и народность языка, певучесть:

Уж вы горлинки, мои вы голубочки!
Не гуркуйте во зелёном во лесочке,
Не садитесь на ели вы, на сосенки,
Облетайте стороною вы берёзоньки.
Им и так беда-бедой, горяче-горюшко,
Хоть беги из бора во широко полюшко...

В тексте поэмы много сложных эпитетов, в частности, билексем: змея-печаль, голубь-птица, Русь-Рассеюшка, девка-птица, степь-землица и т. д., что ещё больше сближает язык поэмы с поэтическим фольклором, усиливает образность, метафоричность.

В словаре «Эпитеты из поэзии Татьяны Грибановой» (Орёл, 2021) составитель, лексикограф А. П. Бесперстных описал 750 эпитетов, выраженных прилагательными, причастиями, наречиями и существительными (приложениями). Каждый эпитет проиллюстрирован цитатами из стихотворений, чтобы читатель в полной мере мог почувствовать и насладиться красотой поэтического слова. Именно при таком близком знакомстве (работая со словарём) удаётся тщательно рассмотреть богатое многообразие, индивидуальность и новизну авторской лексики, подивиться полёту поэтического воображения: *времечко-стрепет, зорька вымястая, глазоньки-пролески, гуляка-ветрище, день-паутинка, духовитые соты, жисть-судьбинушка, зайчики-ручьи, залётки-дрогги, просёлок замозолистый, заовражестый край, застиранные небеса, захолустные планеты, змейка-разлука, колдун-туман, кленовая заря...* И это только начальные страницы лексикографического труда!

Обращает на себя внимание частота использования эпитетов «родной» и «русский»: глубинка русская, дух, краса, река, путь; родная земля, поле, руки, тишина...

Родные звуки, запахи и краски!
Крик петуха, жасмина аромат.
И пруд в цветущей изумрудной ряске,
И хороводы сонных мальв у хат.
(«Моя земля»)

И это всё озарено светом: «Легко, прозрачно и светло», «Станет вдруг горячо и светло на душе моей русской / Оттого, что в бору о любви раскричались клесты», светлые души, князь, метели, сны, плат, рань, светлым-светло в березняке, светозарно-лучистый дождик...

И светлой же болью, печалью и грустью пронизаны стихи и думы Татьяны Грибановой о родной сторонке, где «каждый камень – память», «где слышны по ночам моих пращуров речи» и где даже дышится по-иному:

О, как же легко и привольно
Бродить, синевою дыша,
Где соком берёз белоствольных
Врачует потери душа.
(«Апрель. За воротами сухо...»)

Автора тревожит забота, кому же можно передать бесценное это сокровище? Смогут ли сберечь его наши потомки?

Храню давно несметные богатства:
Пруд с карасями, в диком хмеле дом.
Готова подарить тому полцарства,
Кто сможет уберечь его потом!

(«Я не скопила в сундуках богатства...»)

Стихи Татьяны Грибановой искренни и чисты, правдивы и убедительны, за ними чувствуется личность автора, а это, как утверждал В. А. Брюсов, является важной чертой настоящей поэзии. И соглашаешься, веришь поэту, что Родина для неё: «Моя тихая, славная, нежная, / Лучик солнышка в сумраке дня» (*«Мне б вернуться обратно на родину...»*), – и что «предать память сердца – засыпать землёю родник».

Так что же делать? Татьяна Грибанова находит верный ответ:

Я крестом перечеркну плохое,
Вышью гладью, шёлком всё кругом.
Хочется, чтоб русское, родное
Сохранили дети на потом!
Связываю ниткой поколенья,
Чтоб своих родных не забывать.

(«Наследство»)

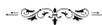
Нить, которой вышивает и связывает поэтесса поколения, призывая «прислушаться к сакральному безмолвью», чтобы не осмелилось сердце «себе самому изменить», – это её ежечасная, сердечная молитва о мире: «Я прошу тебя, праведный Боже, / Не оставь его, благослови! / Мир, ещё с твоим ангелом схожий, / Тот же свет, окрыление то же, / Ожидание чуда любви (*«Весна»*), – и её прекрасная поэзия, напитанная глубокой верой:

Но верую о, Русь,
ты выстоишь! Ты есть!
Века веков тебе,
Великая, стоять!

Не погасить твой лик,
не смять твоей красы.
Как и креста – посмей! –
с груди твоей не снять.

Судьбинушка – молись! –
надломаются весы.
Тебе ль о том, родимая,
не ведать и не знать?

(«Здесь испокон веков...»)

Русский мир без границ

Берега Болгарии

Розалина Евдокимова

Презентация книги Сергея Галани «Удавшийся побег» в Болгарии

Сергей Галани – родился в 1968 году в Калининграде. В 1993 году окончил факультет филологии и журналистики РГУ им. Канта, аспирантуру Российского института стратегических исследований (РИСИ, Москва). Автор публикаций в российских и зарубежных изданиях (США, Великобритания, Греция, Сербия, Украина) статей, посвящённых вопросам военной истории и международным отношениям на Балканах, ряда научных и художественных книг.

В начале вечера, посвящённого новой книге Сергея Галани «Удавшийся побег», в котором главный герой является прототипом русского аристократа, зрители увидели TV-интервью Бойко Василева с князем Никитой Лобановым-Ростовским, состоявшееся в программе «Панорама». Его непростая, но интересная жизнь достойна фильма. Рассказать о судьбе князя языком кино, как нам кажется, были бы счастливы выдающиеся звёзды Голливуда.

В Мраморном зале Русского дома в Софии собрались не только друзья и близкие князю люди, но и те, которые хотели познакомиться с книгой Сергея Галани «Удавшийся побег», а также с тем временем, когда главный герой формировался как личность. Это первая художественная книга, написанная на русском языке, посвящённая послевоенной Болгарии и судьбе русских эмигрантов. В основе сюжета лежат реальные события жизни князя Никиты Лобанова-Ростовского, Платона Чумаченко и других русских людей, покинувших революционную Россию. Личность князя (известного финансиста, геолога и общественного деятеля, коллекционера русской театральной живописи и одного из авторитетных экспертов всемирно известных аукционных домов Сотби и Кристи, Рюриковича в 33-м поколении) пользуется огромным уважением не только у нас, но и в России, США, Англии, на Ближнем Востоке и ещё во многих местах нашей планеты. Про него с чистой совестью можно сказать, что его жизнь достойна потрясающего голливудского фильма.

Князь Лобанов-Ростовский пользуется уважением и благодаря ещё одной своей характерной черте – это один из самых щедрых меценатов. Об этом говорит и его жест по отношению к Отчеству – его России, которой он подарил своё собрание, содержащее ценные произведения искусства в разных жанрах и разных эпох, книжные раритеты и подлинники исторических документов. И к своей Родине – Болгарии – он также неравнодушен и не раз проявлял щедрость дарителя. Сам Никита Лобанов-Ростовский неоднократно говорил, что его отечество – это Россия, а Болгария – его родина и поэтому он всегда носит в своём сердце любовь к этим двум странам.

Организаторами мероприятия являются Русский дом в Софии и Русский академический союз в Болгарии «Профессор Александр Федотов», а презентация книги была включена в программу Дней русской диаспоры в Болгарии. Несмотря на сложные условия во время пандемии, событие вызвало небывалый интерес, и Мраморный зал в Русском доме в Софии, при определённых пандемических ограничениях, не мог вместить всех желающих прикоснуться к судьбе русского аристократа. Среди официальных гостей была также посол России в Болгарии Элеонора Митрофанова, которая сердечно поздравила князя Лобанова-Ростовского: он, несмотря на свой преклонный возраст и сложные ковидные ограничения, имеет мужество летать на дальние расстояния и присутствовать на этом, всех взволновавшем, мероприятии.

*Обложка книги «Удавшийся побег».
София. Лито Балкан, 2021 г.*

*Князь Никита Дмитриевич
Лобанов-Ростовский – меценат*

«Тема русской эмиграции неисчерпаема, поскольку она затрагивает человеческие судьбы – об этом сказала посол Элеонора Митрофанова во время презентации книги. – Очень хорошо, что была написана художественная книга про сложную и интересную жизнь Никиты Дмитриевича, которую будет легче читать, чем любые архивные материалы». Она не преминула отметить, что, хотя и не разделяет некоторые предположения и идеи князя, а точнее, его предупреждение о потенциальной возможности распада России (если активно не бороться с растущей коррупционной силой), она испытывает к нему уважение и ценит его огромную деятельность. «Многие предсказывали распад России, хотя этого и не произойдет, – заявила российский дипломат. – Но Ваша деятельность в российской эмиграции и среди ваших соотечественников в культурном пространстве восхитительна».

Среди выступавших, которые хотели поделиться своими впечатлениями о личности Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, был также лидер партии АБВ («Алтернатива за българско възраждане») Румен Петков. В частности, он сообщил, что уверен – Болгария и Россия будут и дальше нести память о своей исторической общности, но также в будущем делать ставку и на прагматизм.

Румен Петков, лидер партии «АБВ»:

«Уважаемый княже! Вы – человек многих качеств, но я остановлюсь на двух. Первое – это Ваше осознание принадлежности. Вы всегда говорите, что Ваша родина – Болгария, а Ваше отечество – Россия. Это отношение включает большую долю историзма и определяет Ваше отношение к будущему. Второе: Вы славитесь тем, что говорите на темы, на которые не принято говорить. И некоторые Ваши суждения многим не подходят, включая меня самого. Проиллюстрировать это может наш с Вами визит к царю Симеону в его дворце Врана. Мы разговаривали о начале 40-х годов прошлого века. В ходе беседы царь Симеон сказал, что в это время в Болгарии не было фашизма. Вы очень резко повернулись к Симеону и сказали: “Вы можете так говорить, потому что Вы молодой человек. Я же в это время был в Болгарии и был свидетелем того, что происходило. Во время похорон Вашего отца [царя Бориса III], на которых мы оба были, Вы же помните, на похоронном параде было больше немецких войск, чем болгарских”. Симеон просто переменял тему разговора. Отстаивать свою точку зрения не каждому дано. Вам удалось во все эпохи отстаивать свою точку зрения, несмотря на ущерб себе».

Выступил Виктор Москвин, директор Дома русского зарубежья, Москва:

«Болгария стала страной, в которой нашли приют и родину многие-многие наши соотечественники, и за это Россия всегда будет благодарить Болгарию. А действительно, русское зарубежье – это мост, который связывает Россию и другие страны. Прочный, глубокий мост. Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский любит безгранично Болгарию, безгранично любит Россию, он связывает эти две страны. Благодаря таким людям, как Никита Дмитриевич, поддерживаются крепкие дружеские

Выступает Румен Петков. Сидят, слева направо: Посол РФ в Болгарии Элеонора Митрофанова, кн. Никита Дм. Лобанов-Ростовский, писатель Сергей Галани, председатель правления Российского исторического общества Константин Могилевский, президент РГГУ проф. Иосиф Пивовар

Выступает директор Дома русского зарубежья Виктор Александрович Москвин

Никита Дм. Лобанов-Ростовский и Михаил Тачев, управляющий Фондом св. братьев Кирилла и Мефодия в Болгарии

Платон Васильевич Чумаченко, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, Сергей Галани. София, 2018 г.

Константин Ильич Могилевский, председатель правления Российского исторического общества

узы между нашими странами. Ведь один человек вроде бы, среди миллионов людей, – ну, крупинка, пылинка. Но когда появляются такие люди, как Никита Дмитриевич, то они могут сделать огромное дело и делают его. В 2010 году издательство «Русский путь», которое существует при нашем Доме русского зарубежья, издало книгу Никиты Дмитриевича «Эпоха. Судьба. Коллекция». Это большая, мощная, подробная книга, написанная Никитой Дмитриевичем, по сути, его автобиография. И когда я читал книгу, я думал, что здесь не один сценарий для потрясающих фильмов. Это и для Голливуда не один фильм, и не один фильм для наших киностудий, которые сейчас подражают в какой-то степени Голливуду, а порой его и превосходят.

Вот когда я узнал, что вышло художественное произведение, в основе которого биография князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского... “Вот началось, – подумал я. Следом должен появиться фильм”. Почему?

Когда я читал автобиографию Никиты Дмитриевича, я поражаюсь, с одной стороны, его невероятной смелостью. Потому что работать на Востоке, где Вы работали, очень непросто. А работать с такими партнёрами, как Усама Бен Ладен, я думаю, совсем непросто. И работать с Вашим другом Андроповым было тоже непросто, я думаю. ... Ведь это уже целая история – не только для документального фильма, но для замечательного художественного фильма.

Я хотел бы поздравить автора книги. Сергей, я хочу позжать Вашу руку. Вы действительно сделали большое дело, и я думаю, что книга будет первой ласточкой, за которой последуют новые книги о Лобанове-Ростовском. А Никита Дмитриевич уже создал себе – при жизни создал – памятник, именно тем, что подарил многим музеям России свои коллекции и свои труды. Не случайно он свою биографию назвал “Эпоха”. Это действительно эпоха. А за плечами Никиты Дмитриевича судьба, судьба непростая, с тяжёлыми моментами в детстве; потом блестящая – в Лондоне, Америке и России. И коллекция! Вы ведь, Никита Дмитриевич, ответили: коллекционировать! – на вопрос, что для Вас важнее. Вот здесь можно поставить точку. Я Вас поздравляю, Никита Дмитриевич».

Константин Могилевский сказал следующее:

«Мы собрались для того, чтобы поговорить о вышедшей книге и о судьбе Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Вот много ли среди нас, здесь присутствующих, людей, которые знают свою родословную, своих предков дальше, ну, не третьего, а четвёртого колена – прадеда, прапрадеда? У нас, к сожалению, не очень длинная память. А рядом с нами человек, который ведёт свою родословную от Рюрика – Рюрикович. Совершенно правильно в этом фильме было сказано: этот род древней Романовых. Вот здесь мы думаем о том, что во времена всей тысячелетней истории России предки Никиты Дмитриевича служили нашей стране. И половцы Россию разорили, и печенеги, а предки Никиты Дмитриевича служили России, защищая её самобытность и культуру. Как его назвать? Кто он такой, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский? Посмотрите на него. В нём вся вот эта тысячелетняя история России, вся её трагическая противоречивая судьба. Всё, что случалось с Россией, всё, что случалось с русской аристократией на протяжении этой тысячи лет – это Никита Дмитриевич.

Я думаю о том, что в следующем году исполняется 350 лет Петру I, а предки Никиты Дмитриевича служили Петру и помогли сделать Россию европейской страной. А также он такой человек, который говорит: родина моя Болгария, а отечество – Россия. Человек, который оказался в Болгарии случайно. Мог ли он представить себе, что не столь далёкий его предок Алексей Борисович Лобанов-Ростовский, будучи послом в Константинополе, служил России в конце XIX века и способствовал созданию Болгарии? А ведь совсем скоро – по историческим меркам – Никита Дмитриевич родится здесь, в Болгарии. Как такое могло получиться?..

Он человек, который чрезвычайно много тяжёлого вынес в своей жизни. Мы посмотрели сейчас его телевизионное интервью. Я задаю себе вопрос, как могло случиться, что Лобанов при оккупации Болгарии нацистами оказался в Гитлерюгенде, а потом стал пионером и комсомольцем? Вопросы, вопросы... Я думаю о том, каким же образом можно одновременно водить знакомство с такими разными по убеждениям и социальному статусу людьми, рассказы о дружеских отношениях с которыми Никиты Дмитриевича мы видели в фильме, и при этом оставаться гражданином мира? Я думаю о том, как ему удалось стать таким выдающимся коллекционером и столько сделать для России, умея не пройти ни мимо оригинальной вещи, ни мимо её хорошей копии. И почему уже столько лет он

бьётся за идею создания Национальной портретной галереи в России – состоящей если не из подлинных портретов, то хотя бы из их копий!? Я не знаю, как ответить на эти вопросы. У меня нет на них ответов. Я думаю, может быть, я что-то увижу в этой книге. Может, нет. Ну, вот это *наш, наш соотечественник, наш современник* – крупнейший мистификатор нашего времени князь Никита. Спасибо Вам. Прошу любить и жаловать».

По словам автора «Удавшегося побега» Сергея Галани, появление книги добавляет новый штрих к личности Никиты Лобанова-Ростовского, потому что он теперь уже и литературный герой.

А когда князь Лобанов-Ростовский предложил ответить на вопросы и стоял лицом к лицу к аудитории в зале, оказалось, вопросов к нему было немало. С его характерной сердечностью и улыбкой он откровенно отвечал на них. Элегантный и с чувством юмора, князь Лобанов-Ростовский не утаил ни одной подробности своей жизни, к которой присутствующие на вечере проявили интерес.

«– Деньги во всех странах печатаются абсолютно безответственно, – ответил он на вопрос, что думает о сегодняшней мировой экономике. – Придёт время, когда долг США будет столь очевидным, что все в мире поймут: Соединённые Штаты не имеют шансов выполнить свои финансовые обязательства.

– Национализм во многих странах мира занимает своё место, правительства пытаются таким образом утвердиться во власти. Это в конечном итоге приведёт к неизбежным конфликтам. Непонятно почему, но Польша и Венгрия пытаются установить диктатуру демократическим образом, чтобы повторить то, что произошло в Германии в прошлом веке, когда немецкий народ проголосовал за Гитлера. Как могло случиться, что в США избрали предыдущим президентом – сумасшедшего, а в Великобритании премьер-министром – клоуна? В мире абсолютно сумасшедшие правительства. Это позор и позор, это трагедия, которая не принесёт ничего хорошего».

Это было частью его откровенных ответов на поступившие из зала вопросы. Затем князь с большим воодушевлением раздавал автографы всем, кто приобрёл книгу, посвящённую его жизни.

О литературном конкурсе на сайте СБЖ (Союз болгарских журналистов) и о том, что его подвигло написать книгу о человеке мира – князе Лобанове-Ростовском, – рассказал автор «Удавшегося побега» Сергей Галани. Известный публицист, историк и писатель с греческими корнями, он является победителем русско-болгарского литературного конкурса прозы в 2017 году. То, что Сергей Галани имеет греческие корни, предопределило и его творчество в области развития исторических сюжетов, связанных с Балканами. Эта тема является доминирующей в исторических книгах Галани, в его статьях, очерках и публицистике.

Сергей Галани рассказал о создании книги:

«...В свой роман я добавил небольшие исторические фрагменты, для того, чтобы молодые люди смогли понять, о чём идёт речь».

– Трудно ли написать книгу о князе Никите Лобанове-Ростовском, г-н Галани?

– Конечно, трудно. Я не буду скромничать, но сюжет был настолько увлекательным, что с самого начала я как бы почувствовал себя в его коже, в мыслях персонажа, в его окружении. Я познакомился с историческими документами, в том числе с документами из архива Болгарской государственной безопасности. И именно тогда я начал понимать эту эпоху, которая сложна, противоречива и очень трагична. Болгария из скромной сельскохозяйственной страны стремительными темпами шла по пути индустриализации. Начинают меняться отношения между людьми, и при всём том болгарам удаётся сохранить свою любовь к жизни, несмотря на то что их начинают ломать и внушать им этот искусственный социализм, потому что они, как и все русские, – хозяева. И это в хорошем смысле слова, поскольку они думают о своём труде, для своего достатка, для своего участка земли, о том, как прокормить свою семью. Хозяин всегда был надёжным человеком. А при новых условиях начинают уничтожать всё, что может помешать реализации новых идей. В этой книге я описываю некоторых социалистических лидеров, таких, как Вылко Червенков. В свой роман я также включил две очень известные исторические личности – Сталина и Черчилля. И именно тот эпизод, когда в октябре 1944 года они обсуждали будущее Болгарии и когда происходил тот знаменитый торг, где Черчилль обменял Грецию на Болгарию, которая поэтому подпадала под советскую оккупацию.

– Да, он написал на салфетке список стран, часть из которых должна была отойти к Советскому Союзу, а часть – Западу.

– Верно, и эту салфетку я включил в эту книгу. Но почему я написал об этом? Потому что мы прекрасно понимаем, что сегодняшнее молодое поколение – это поколение с клиповым сознанием, поколение тик-тока, и ему трудно читать большие тексты. Ему трудно было бы вне Википедии читать и осмысливать такие темы. Поэтому в свой роман я включил небольшие исторические фрагменты, которые в том числе и молодым людям могут дать какие-то ориентиры, векторы, чтобы они могли понять, о чём идёт речь. И в этом смысле книга дидактична. Это литературно-исторический роман.

– Сколько времени вам понадобилось, чтобы написать её?

– Я писал её долгое время – четыре года. Не всё получалось быстро, несмотря на то что основная идея практически сформировалась в моей голове сразу. Я писал её в России, я писал её здесь, в Софии. Я специально отправился в Рильский монастырь, чтобы прочувствовать события лучше, потому что мой герой в результате ряда приключений оказывается в этом монастыре. Я хотел почувствовать Болгарию. А благодаря Платону Чумаченко мне удалось выяснить, как думали и ощущали себя болгары, которые родились в 30-е годы и жили в этих переломных 40–50-х годах. Это было замечательное поколение.

– Два года назад болгарский писатель Никола Филиппов, живущий в Лондоне, написал также книгу о князе «Разведчик ли Вы, князь Никита Лобанов-Ростовский?». Вы знакомы с этой книгой?

– Да, конечно. Я знаком с автором, но у нас были разные задачи. Его книга была, прежде всего, публицистическим трудом, и я, как историк и публицист, тоже писал в подобном жанре. Но на этот раз я поставил себе гораздо более сложную задачу – написать художественную книгу. Может быть, когда-то кто-то из болгарских продюсеров заинтересуется ею и сможет снять художественный фильм.

– Я хочу спросить вас, поскольку, если задать тот же вопрос князю Лобанову-Ростовскому, я подозреваю, каков будет ответ. Но мне интересно, как вы ответите. Можете ли вы сказать, какую коллекцию он хранит в своей душе?

– В его памяти разрыв с его родиной Болгарией был очень трагическим, потому что это был разрыв с его друзьями, с его родным болгарским языком, с его первой любовью. Не случайно на обложке есть фотография именно с этой его первой большой любовью. Я хотел запечатлеть этот трогательный момент, потому что для каждого человека первая любовь – это самое сильное и самое запоминающееся чувство, и он хранит его, пока его волосы не поседеют. Так и у Никиты Дмитриевича. Для меня это было очень важно, потому что он показал себя как человек, который может дружить и любить – и сохранять эту верность и любовь к своим друзьям. И это говорит о многом.

– А есть ли что-нибудь, что вы не написали в своей книге о князе?

– То, что я хотел, я сказал и написал. Кстати, это моя вторая книга о Болгарии. Первая была про графа Николая Павловича Игнатъева. Может быть, я снова вернусь к болгарской теме или теме Балкан, потому что она мне очень близка, так как у меня есть греческие корни.

Литературная редакция – проф. МГУ Екатерина Фёдорова

Интервью Лидии Довыденко с Сергеем Галани о книге «Удавшийся побег»

– Сергей Александрович, что вдохновило на создание книги? Понятно, что личность князя, но что такое возникло при встрече, при беседах?

– Мотив побега и странствий – один из самых классических в мировой литературе и кинематографе. Замечу, что в этом есть нечто глубинное от свойств русского характера, русской души, не терпящей внешних оков и ограничений. Сильнее других народов мы запечатлели в душе эту потребность к свободе, эту страсть к освобождению. Отсюда знаменитая русская вольница, выра-

жившаяся в бегстве податных людей на Дон, откуда, как известно, «выдачи нет», на Урал, в Сибирь – подалее от неволи, гнёта, от рабства, отсюда прославление в народном творчестве и фольклоре беглецов с каторги или «зоны»: «Старый товарищ бежать пособил – Ожил я, волю почуя». Тема бесконечная и безумно интересная. Поэтому, когда я в самых общих чертах узнал детали биографии Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, то в моей голове практически сразу зародилась идея сделать из этого литературный сюжет, сделать книгу столь же занимательной и увлекательной, какой является классический западный роман путешествий или приключенческо-авантюрный роман, как, например, «Граф Монте-Кристо».

Непосредственным стимулом к написанию романа стали мои многочисленные поездки в Болгарию, знакомство с друзьями детства князя, его однокашниками, изучение документальных источников – подросткового дневника Никиты и документов болгарского Министерства госбезопасности (Державной Сигурности). Они раскрывают не только обстоятельства позорной слежки за его семьёй, но и весь трагизм ситуации, в которой оказались тысячи ни в чём не повинных людей после 1944 года, когда Болгария попала в зону политического и идеологического влияния Советского Союза.

В «народно-демократической» Болгарии Лобановы, эмигранты из России, в соответствии с новыми реалиями, стали «классовыми врагами», участь которых определялась сотрудниками спецчастей Красной армии (т.н. «Смершем») и их усердными помощниками – коллегами из болгарских органов госбезопасности. В недрах болгарских спецслужб даже был создан специальный отдел «белогвардейцы» для работы с «белогвардейским меньшинством» и проведения против них репрессивных мер. Шпиономания граничила с абсурдом. Как свидетельствует болгарская исследовательница Цветана Кеосева, болгарские службы безопасности взяли ретиво расследовать связи 85 престарелых эмигрантов-«белогвардейцев» из Дома инвалидов в деревне Шипка (к этому моменту, кстати, все они имели советское гражданство) «с Америкой и с другими капиталистическими странами». Поводом для этого стали получаемые ими посылки из-за границы. В феврале 1953 года, как отрапортовали спецслужбы, «враг» был «успешно» раскрыт. Под каток репрессий попала и семья князей Лобановых-Ростовских. Отец Никиты вначале имел некие иллюзии по поводу своего будущего и даже зондировал почву по поводу получения советского гражданства, но ему отказали. Тогда семья решила бежать через Грецию к своим родным во Францию, но попала в заранее подготовленную чекистскую ловушку. Финал был трагичным: отца Никиты похитили сотрудники госбезопасности (он потом будет расстрелян), мать и сын оказались в тюрьме...

Конечно, меня не мог не восхитить сюжет с обменом Никиты Дмитриевича и его матери на импортные электровозы для Народной Болгарии. Все это ловко провернул французский дипломат и писатель Ромен Гари – вот уж поистине подарок для любого писателя или сценариста! Все эти факты легли во внешнюю событийную канву романа.

– Как вы оцениваете, что получилось, что хотели сказать?

– Насколько удалась эта книга, судить вам, читателям, но для меня как для автора было важно проникнуть во внутренний мир своих героев, суметь стилистически восстановить с возможной точностью атмосферу того времени в Болгарии. Вторая – не менее важная – задача, которая стояла передо мной, – сделать книгу максимально интересной читателю. Мотив «движения», «бегства»

*Лили Дулгерова и Никита Лобанов.
София, 1953 г.*

организует не только философский смысл произведения, но и является романским сюжетом. Мне были нужны эффектные ходы и рискованные коллизии, в которые попадает герой книги, способные сразу увлечь читателя, подготавливая его к неожиданному финалу. По этому поводу мы с Никитой Дмитриевичем спорили в начале работы над книгой: он настаивал на более камерной версии, ближе к документальной прозе. Я же настаивал и убеждал его на принципе смещения, когда выдумка, выдаваемая за правду, была органично переплетена с реальными жизненными событиями из его вполне драматической юности. В итоге мы пришли к обоюдному знаменателю, решив, пусть читатели гадают, что же здесь правда, а что – художественный вымысел. В конце концов, я, как автор, имею право на неограниченный полёт фантазии, а Никита Дмитриевич лишь слегка сдерживал мои порывы. Хотел бы отметить и ещё одну важную конструктивную особенность романа – он выстроен по принципу обратной хронологии сюжета, которая достраивает биографию главного героя от юности до детства и обратно. Вслед за персонажами книги читатель движется по временной шкале, меняются характеры, герой взрослеет, мужает, проходя через череду испытаний. Более того, каждый эпизод, каждый «малый сюжет» романа документально подтверждён, хотя документальность часто носит условный характер.

– **Вы писали книгу в Болгарии? Жили в монастыре? Как это было? Что вы ощущали?**

– Прежде всего это книга о человеке и его выборе перед лицом трудных жизненных обстоятельств, поиске ответа на экзистенциальные вопросы жизни и смерти, любви, дружбы и веры. Так, мой главный герой Никита на краю отчаяния попадает в центр болгарского православия, болгарской духовной жизни – Рильский монастырь. В лице архимандрита Климента Рильского, эмигранта из России, а также другого русского монаха – иконописца о. Николая (Рязанова) – он находит искренних людей, которые помогают ему пережить духовный кризис, не ожесточиться и наконец обрести веру в себя. А вера в чудо в конечном итоге помогает моему герою в достижении долгожданной свободы.

Подчеркну, что русские монахи в обители – не моя выдумка: они действительно жили в описываемое мною время в монастыре. К примеру, отец Климент обитал в келии номер 91, на втором этаже в западном, самом солнечном крыле монастыря. Отсюда, кстати говоря, лучше всего виден восход. Я сам ощутил это, когда остановился в Рильском монастыре, чтобы визуально прочувствовать и представить обстановку, в которой будут развёртываться события книги. Как удалось выяснить, отец Климент любил совершать пешие прогулки и каждый день выходил из Самоковских ворот, затем шёл до местности под названием «Бачкова чешма», примерно два километра от монастыря. Там-то монах и найдёт потерявшего сознание Никиту, героя моего романа...

Главы про Рильский монастырь – это только часть проблем, с которыми я, как автор, столкнулся при написании романа. Творческий замысел требовал глубокого погружения в национальную специфику Болгарии, тем более Болгарии 70-летней давности, чтобы книга не напоминала художественный путеводитель о стране, написанный иностранцем. Для этого были необходимы многочисленные справки по истории Болгарии, быту болгар. Например, почему в феврале болгары празднуют день Трифона Зарезана, он же Трифон-пьяница, когда жители болгарских сёл обрезают виноградную лозу, и так далее. Без помощи Платона Васильевича Чумаченко, близкого друга и однокашника Никиты Дмитриевича, я бы не справился с этой весьма сложной задачей. Он внимательно и доброжелательно консультировал меня вплоть до своей кончины. Последние правки и его замечания я получил от него за несколько часов до его ухода из жизни... Вот почему я посвятил книгу его памяти. Он же является одним из центральных героев романа. Прообразом ещё одного героя «Удавшегося побега» также стал друг Никиты – известный болгарский поэт и литературный деятель Любомир Левчев, к сожалению, также не доживший до выхода книги. Знакомство с ним оставило след в моей душе. Левчев благожелательно отнёсся к моей идее вывести его в качестве персонажа романа и разрешил процитировать его стихотворение.

Приведённые мною примеры – это всего лишь технические моменты, авторские методы работы над книгой. Главное и определяющее состоит в другом: любой писатель пишет для читателей, не для себя. Ему очень важно, помимо оценки критики, знать, как воспринимают его книгу те, для кого он старался. Первые отзывы, которые я получил, меня пока обнадеживают. В любом случае я желаю всем потенциальным читателям приятного погружения в книгу и увлекательного чтения.

Благодарю, Сергей Александрович!

Берега мира

Берега Колумбии и Китая

Вадим Терёхин

Поэтический проект «Мир без стен»

(World Poetry Movement
“World Without Walls”)

Уникальный международный проект поэтической России и Колумбии. Издание сборников стихов «Зов Вселенной Слова» (Колумбия) и «Далёкие Песни» (Россия)! Как это случилось в 2021 году, на вопросы главного редактора журнала «Берега» Лидии Довыденко отвечает Вадим Терёхин, сопредседатель Союза писателей России, поэт, ветеран космодрома Байконур.

– Вадим Фёдорович, как случилось, что возникла такая замечательная идея с публикацией двух сборников, что ей предшествовало?

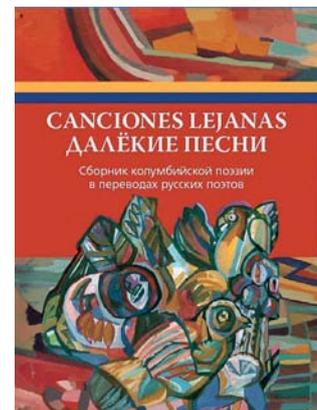
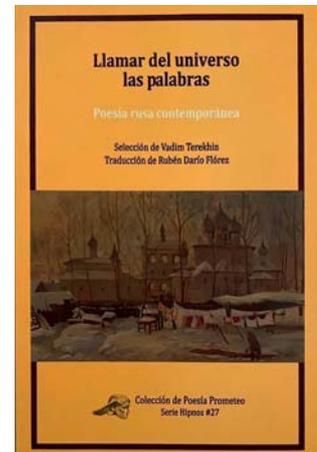
– Существует такое мировое поэтическое движение «Мир без стен» (World Poetry Movement “World Without Walls”, далее WPM), учреждённое в 2011 году на поэтическом фестивале в Медельине (Колумбия) основателями и руководителями самых крупных литературных международных фестивалей. Движение активно развивается, и в настоящее время в нём принимают участие почти все страны.

В 2019 году по приглашению основателя фестиваля и генерально-го координатора WPM поэта Фернандо Рендона я приехал в Колумбию и принял участие в этом грандиозном литературном Форуме – самом крупном в Латинской Америке. Мы сильно подружились с колумбийскими поэтами и стали думать, каким способом закрепить взаимный интерес и хорошие отношения. Итогом этих размышлений и стало издание зеркального проекта: Россия перевела и издала 20 современных колумбийских поэтов, Колумбия – 20 российских! Составителями и авторами идеи являются: в Колумбии – Фернандо Рендон, в России – Вадим Терёхин и Дмитрий Мизгулин.

Вышло два замечательных поэтических сборника – «Далёкие Песни» (Россия) и «Зов Вселенной Слова» (под редакцией Корпорации Прометей и печатью Нурнос de Medellín, Медельин, Колумбия). Как говорят специалисты – такого проекта в современной мировой литературе не было. Он уникален!

– Как шла работа над сборниками русских и колумбийских поэтов?

– Я столкнулся с большой проблемой. В России фактически нет переводчиков-поэтов с испанского языка. Прозу активно переводят, а вот стихи – нет. Поэтому пошёл по другому пути и предложил такую работу своим друзьям-поэтам, которую они довольно быстро сделали с подстрочников. Можно сказать, что это эксперимент! В нём много тонкостей. Нужно понять менталитет и особенности колумбийской поэзии, узнать историю страны, также, в отличие от большинства наших поэтов, пишущих в основном в традиционной манере (в рифму), испаноговорящие поэты пишут свободным стихом.

Русских поэтов в Колумбии переводил бывший министр-советник Посольства Колумбии в России, директор института культуры имени Льва Толстого в Боготе, поэт Рубен Флорез – человек, который долго жил в России, влюблён в русскую литературу и хорошо владеет русским языком. Он сделал переводы, максимально приближённые к оригиналам.

– **Как прошла презентация в Колумбии и как планируется у нас?**

– В Колумбии уже состоялась презентация сборника «Зов Вселенной Слова» в Посольстве России, а также в Боготе состоялось грандиозное оперное шоу с чтением стихов, организованное институтом имени Льва Толстого, университетом Серхио Арбалета и его школой музыки и искусств.

У нас есть договорённость – провести творческий вечер в ибероамериканском культурном центре в Москве. У них есть для этого всё необходимое, в том числе возможность онлайн-общения и привлечения заинтересованной публики. Так как почти вся Латинская Америка говорит на испанском языке, интерес к изданию проявляют и другие страны. Например, Куба просит у нас разрешение – представить сборники на своём международном поэтическом фестивале в мае 2022 года. То есть издание имеет значение не только для Колумбии, но и для всего литературного мира.

– **Какие впечатления в Колумбии и у наших поэтов от сборников?**

– Поэты-переводчики благодарили меня за предоставленную возможность открыть для себя совершенно новый мир, прикоснуться к чему-то новому и ранее неизведанному. Особенность российского сборника ещё состоит в том, что в нём опубликованы поэты не только Садового Кольца, но и представители регионов. В сборник входят следующие поэты: Владимир Костров, Дмитрий Мизгулин, Вадим Терёхин, Магомед Ахметов, Сергей Дмитриев, Валентина Ерофеева, Геннадий Иванов, Юрий Щербаков, Олеся Николаева, Марина Кудимова, Александр Кердан, Александр Орлов, Галина Климова, Ольга Сафронова, Лидия Довыденко, Елена Пиетиляйнен, Василий Дворцов, Светлана Макарова-Гриценко, Марина Саввиных, Андрей Фролов.

– **Уважаемый Вадим Фёдорович, как нам стало известно, вас признали Поэтом года по версии Китайской Народной Республики и Международного поэтического фестиваля Боао, организованного в рамках Международного азиатского экономического форума Боао (Китайский Давос). Мы от всей души поздравляем вас с этим достижением. Расскажите коротко об этом фестивале...**

– Международный поэтический фестиваль Боао проводится в целях содействия развитию мировой поэзии и интернационализации китайской литературы. Сам фестиваль проходит на острове Хайнань. В связи с пандемией я принял участие в онлайн-чтениях.

Работы рассматривались в следующих номинациях: премия «Поэт года», премия «За выдающиеся достижения», премия «Сборник стихов года», премия «Молодой талант года».

Отборочная деятельность жюри 4-й Международной поэтической премии Боао, спонсируемой Международным фестивалем поэзии Боао, Мировым поэтическим движением (WPM) и Фондом развития поэзии Хуан Ячжоу, началась 21 марта и завершилась 28 ноября 2021 года.

Оргкомитет провёл предварительный обзор более 200 рекомендованных и выдвинутых различными мировыми организациями произведений в номинации «Поэт года», 50 поэтических сборников в номинации «Поэтический сборник года» и 60 работ в номинации «Молодой талант года».

Победители в номинации «За выдающиеся достижения» назначаются членами жюри.

В шорт-лист вошли 36 китайских и зарубежных поэтов, 16 сборников китайской и зарубежной поэзии и 22 китайских и зарубежных молодых поэта.

– **Какие у вас планы на будущее?**

– Активно продолжать международную литературную деятельность, координировать работу мирового поэтического движения «Мир без стен» в РФ, в Европе и Азии (WPM), в котором мы занимаемся интеграцией литератур в единое мировое культурное пространство. Планируем учредить международную награду в области поэзии.

Собираюсь читать работы соискателей на многочисленные литературные премии, в жюри которых я вхожу. Принимать активное участие в деятельности Союза писателей России – это множество мероприятий, каждое из которых достойно отдельной статьи. И конечно, собственное творчество, которое уже требует полиграфического исполнения.

Берега мира

Берега Колумбии и Китая

Рубен Дарио Флорез Арчила

Рубен Флорез – поэт, романист и переводчик с русского на испанский. Родился в 1961 году. Профессор Национального Университета Колумбии в области семиотики, лингвистики и теории коммуникации. Автор перевода стихов 20 поэтов России, поэтических сборников и романа «Византийская монета». Автор трёх сборников поэзии. Автор множества научных статей о переводе, о семиотике культуры, о поэзии. Публикации в Колумбии, Северной Македонии, Мексике, Аргентине, Испании и в России. Известнейший поэт в Латинской Америке и в Колумбии. Дом Поэзии им. Хосе Асунсион Сильва опубликовал его книгу «Александр Пушкин – обитатель осени». Как поэт участвовал в литературных фестивалях в Боготе, Киото, Москве, Охриде, Медельине и в Огайо (США).

БЕСКОНЕЧНАЯ ФРИДА

Для балета Infinita Frida
Фрида в своём пламени
В полёте к месту назначения,
Какая безмятежная любовь,
Как розовый цвет
Даёт цветку душу.

Сладкая голубка Фрида,
Прощай навсегда,
Твоя дикая душа во мне кричит.

Куда летишь, Фрида?
Ты на какой луне?
Потеряна, потеряна?
И без Фриды, как на луне,
Одиночество такое же.

Татуировка души,
Бесконечная Фрида...
Татуировка и рана;
Твоя загадка спасает меня,
Дикая надежда;
Твоя загадка спасает меня.

ЛЮБОВЬ

Если ты уйдёшь, то дней не будет,
Если ты попрощаешься, я потеряюсь.
Я бы удалил мелодию в полдень.
И как вылечить ностальгию по твоему телу?
Буду **некромантом**, придумаю
Твой голос, твои руки, твои цветы,
Я соберу из воспоминаний неотразимое сияние,
Я выпью своего одиночества,
Чтобы забыть тебя, любовь моя.

P A N D E M I A

I

В другом городе живёт мой отец,
Утром смотрит в зеркало,
Каждое утро начинается письмом:
«Дорогой сын, скучаю по тебе
В этом городе иностранцев...»
Затем разрезает на куски
И сидит, смотрит футбол.

II

Это письмо может иметь цвет луны,
Каждая фраза оставляет кратер в моём сердце,
Каждая фраза убивает нас навсегда,
Я просто стараюсь никогда не ставить точку.

Абдуллох Абдумоминов

Абдуллох Абдумоминов – 13 лет, ученик 7-го класса школы № 102 города Ташкента, Республика Узбекистан.

Похитители времени

Рассказ

Абдуллох, который живёт по соседству, и я – очень близкие друзья. Мы не только соседи, мы и учимся вместе. Однажды вечером мы не знали, чем заняться, и начали что-то мастерить из большого куска дерева. Отец мой проснулся от внезапного шума и, сидя с ещё полуоткрытыми глазами, сказал:

– Да вы похитители времени! Вы зря теряете время.

Я не понял значения слов «похитители времени». Когда я хотел спросить отца, он уже опять уснул.

– Мы, должно быть, воры, – дрожа от страха, сказал мой друг Абдуллох и пошёл к себе домой.

Я не мог заснуть от волнения.

Когда взошло солнце, я вспомнил, что надо торопиться в школу, быстро вымыл лицо и руки, поспешно выпил чай. Я боялся опоздать в школу, но оказалось, что урок ещё не начался.

Как только я сел на место, вошла учительница.

– Дорогие ученики! Я рада вас видеть. Моя радость безгранична.

Когда наша учительница уже объясняла нам новую тему урока, вошёл мой одноклассник:

– Учитель, мне очень жаль, что я сегодня опоздал.

– Данияр, не опаздывай. На этот раз я прощаю тебя, но в следующий раз накажу. Уважаемые ученики, вы должны построить новый Узбекистан и в то же время оправдать доверие своих родителей, которые готовы пожертвовать своей жизнью ради вас. Если кто-то из вас станет знаменитым, я с гордостью скажу, что учила этого ученика, – сказала наша учительница.

Эти слова произвели на меня особое впечатление и повысили мою уверенность в себе.

В какой-то момент в классе начались всевозможные перешёптывания: «Ты придёшь завтра на мой день рождения?»

Было очевидно, что наша учительница услышала эти слова.

– Похитители времени, – сказала учительница. Острый взгляд её на учеников был полон сожаления.

«Похитители времени»... Я услышал вчера эти слова от отца, когда играл с другом. Вот почему я не так сильно удивился, снова услышав их. Зато мои одноклассники были ошеломлены. Данияр дрожал от страха, как и мой друг Абдуллох.

– Данияр, почему ты дрожишь? – спросила в тот момент учительница.

– Вы назвали нас ворами, не так ли? Разве за воровство виновников не наказывают?

– Вы причиняете вред себе. Время накажет воров.

– Учитель, я не понимаю всего смысла этого предложения, но расскажите нам о краже времени.

– Обычно тех, кто ворует, наказывают. Воры времени – исключение. Правда, похититель времени не понесёт наказания. Он даже не несёт ответственности перед законом. Но тратить время сейчас равносильно краже вашего времени, вашего будущего. Если вы будете проводить всё своё время в учёбе, вы сэкономите время и станете лучше в будущем.

Слова Учителя воодушевили Данияра. В этот момент он понял, что такое «похититель времени». Он даже к нам в дом очень спешил:

– Анвар, ты здесь? Отныне я понимаю цену времени, правда?!

– Да, Данияр и Абдуллох, вы понимаете, что мы не зря теряем время, мы просто учимся.

В будущем мы будем такими, какими учит быть нас учитель.

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великороссъ»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б. В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», учредители – С. Савицкая, А. Бухаров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», гл. ред. Сергей Бережной, Белгород

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счёт: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru

Дорогие друзья!

Вышла новая книга Лидии Довыденко, писателя, журналиста, философа, главного редактора литературного журнала «Берега»
«Русская мысль и человечество»

В продолжение сборника статей «Жертвенное сияние современной русской мысли» (2019) в новую книгу вошли очерки и статьи, интервью с современными прозаиками, поэтами, публицистами, деятелями культуры, которым, на взгляд автора данной книги, удалось сказать нечто существенное о времени, Православии, славянской цивилизации, современной литературе, искусстве и человечестве. Эти мысли – часть духовной жизни современной России на фоне планетарного кризиса.